

IV-17

На правахъ рукописи.

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

проф. А. Н. Ясинскаго.

Изданіе студентовъ.

Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана.
1907.

Ent. A-13173

№ 542.

На правах рукописи.

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

проф. А. Н. Ясинскаго.

Издание студентовъ.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
28328

Юрьевъ.

Типографія Эд. Бергмана.

1907.

its npanax» b3konnca.

MEKININ

no

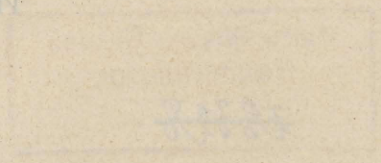
ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

15022

глатичкутс тискели

Юрская

Типография Э. Берманн

1907

Исторія средних вѣков.

Вступленіе.

II. семестр
1903 года.

Лекція I.

Прежде чѣм приступить к изложенію исторіи средних вѣков, необходимо сказать, что такое исторія. Первым и самым азбучным опредѣленіем ея будет то, что она наука. Хотя я и назвал это опредѣленіе азбучным, но оно часто, как прежде, так и теперь оспаривается многими: исторію наукой не признают. Но что такое наука? Наука есть знаніе систематическое и методологическое, т. е. знаніе, изложенное в извѣстной системѣ и обработанное по извѣстному методу. Отвѣчает-ли исторія этим данным науки? Да, отвѣчает. Она есть знаніе строго систематическое; система ея заключается в раскрытіи фактов и явленій жизни человѣческой, в изложеніи постепеннаго развитія жизни человѣческой. В то же время исторія есть знаніе и методологическое, потому что выбирает факты не случайно, не механически, а пользуясь различными приемами. Всѣ приемы, как-то: синтез, анализ и др. при исторических работах имѣют самое широкое примѣненіе. Исторія, как и всякая другая наука, имѣет и свою критику. Историческая критика — это есть умѣніе отличать истину от лжи; правила ея основаны на здравом смыслѣ. Поэтому неудивительно, что в древности были великіе историки, пользовавшіеся для изложенія фактов исторической критикой. Для человѣка же со средними способностями при изложеніи исторіи и изученіи ея необходимо знать правила исторической критики, которыя, вслѣдствіе их множества, здѣсь перечислять и излагать не представляется возможным. Таким образом, из всего этого мы видим, что исторія имѣет право на названіе ея наукой.

Но в ряду наук нѣсколько категорій, смотря по их цѣли и способам. Можно всѣ науки разложить на три категоріи. К первой категоріи принадлежат тѣ науки, которыя изучают вещи в том видѣ, как онѣ существуют, как созданы, с точки зрѣнія их бытія. Науки второй категоріи изучают то, как объекты произошли; онѣ стремятся установить развитіе вещей. Науки третьей категоріи изучают объекты во взаимном отношеніи их в мірозданіи. Таким

образом, три категоріи наук: науки естественныя, историческія и философскія. Исторія познает объекты в их происхожденіи и развитіи, слѣдовательно, принадлежит ко второй категоріи наук. Но исторически можно разсматривать всѣ предметы, существующіе в мірѣ; должно-ли все это входить в предмет исторіи? Нѣтъ; предмет исторіи — только человѣкъ. Но человѣкъ опять-таки животное, он обладает многоразличнымъ качествами и свойствами, которыя произошли постепенно и часто измѣняются. Но и это не входит в предмет исторіи; это служитъ матеріаломъ для физиологіи и другихъ наук. Не касается исторія также и особой человѣческой расы, какъ в отдѣльныхъ семействахъ, такъ и в цѣлыхъ человѣческихъ расахъ: это входит в предметъ антропологіи.

Но если все это не входит в предмет исторіи, то в какихъ же своихъ качествахъ человѣкъ является объектомъ для исторіи? Онъ является объектомъ для исторіи какъ существо чувствующее, разумное, мыслящее, сознательно дѣйствующее. Но при этомъ для историка не служатъ предметомъ изученія явленія семейной, повседневной жизни разныхъ лицъ, поскольку эти явленія нисколько не вліяли на развитіе жизни человѣческой вообще. Предметомъ исторіи эти явленія могутъ быть в томъ лишь случаѣ, когда онѣ оказали громадное вліяніе на созданіе, развитіе и существованіе высшихъ благъ человѣческой жизни. Напримѣръ, жизнь и дѣятельность великихъ лицъ, какъ-то: правителей, политиковъ, вождей, основателей религій, ученыхъ и т. д., поскольку она вліяла на развитіе народной массы и на упроченіе ея блага, можетъ представлять интересъ для исторіи. Впрочемъ, матеріалъ исторіи в этомъ отношеніи зависитъ отъ постановки предмета. Именно, для историка имѣетъ значеніе и интересъ также жизнь и дѣятельность и безыменной массы людей. Разница тутъ только в количественномъ и временномъ отношеніи. Для историка неинтересно, напримѣръ, что дѣлалъ или дѣлаетъ теперь одинъ какой-либо безыменный человѣкъ, что онъ ѣст, пьетъ; но если ему скажутъ, что дѣлалъ этотъ безыменный человѣкъ, да еще не одинъ, в XV или XVI столѣтіи, что онъ тогда ѣлъ, пилъ, — тогда историкъ живо этимъ заинтересуется и постарается изъ этихъ данныхъ вывести общее заключеніе о бытѣ извѣстной эпохи. Такимъ образомъ, для него неинтересны единичныя явленія, но важны типическія, общія явленія. Это объясняется тѣмъ, что такого рода явленія даютъ ему возможность установить правильный взглядъ на культурное состояніе извѣстной группы людей в извѣстное время. Заслуживаютъ вниманія исторіи также дѣйствія людей-массы, в коллективной формѣ, потому что такія дѣйствія также входят в предметъ разсмотрѣнія историка. Кромѣ того, эти дѣйствія и общеизвѣстны, это: войны, революціи, образованіе разныхъ обществъ и корпорацій и т. п.

Таким образом, выводом из всего сказанного будет слѣдующее опредѣленіе исторіи: исторія есть наука, которая в причинной связи изслѣдует и излагает факты развитія челоуѣчества, как соціальнаго организма, поскольку это развитіе проявилось в различных, одѣльных группах людей. Но исторія — не мертвое собраніе фактов; она собирает факты, чтобы узнать, чѣм жило челоуѣчество в данную пору, какими оно руководилось идеалами и достигло-ли их. Предмет исторіи освѣщается и оживляется идеей развитія. В область исторіи равно входят и ближайшія, и отдаленныя событія. Всѣ онѣ составляют одну цѣпь развитія челоуѣчества. Как отдаленныя событія составляют начальныя звенья в этой цѣпи, так и настоящія событія входят в ту же цѣпь и начинают собою новый ряд. Послѣднюю стадію развитія мы познаем из предшествующей, равно как и предшествующую чрез познаніе послѣдних стадій развитія. Прошлое и настоящее находятся в самой тѣсной связи. Этим объясняется непрерывный процесс развитія исторической науки: настоящее дает ключ к пониманію прошлаго. Хорошим сравненіем прошлаго и настоящаго может здѣсь служить слѣдующее: как в каждом растеніи сѣмя познается по его плоду, так, наоборот, и плод познается по его сѣмени. Отсюда видно что было бы односторонне опредѣленіе исторіи, как науки, дающей понятіе о настоящем на основаніи прошлаго. Конечно, ближайшія событія болѣе интересны и болѣе привлекают наше сочувствіе. Но однако было бы роковой ошибкой смѣшивать личный интерес с научным. В данном случаѣ историк поступил бы как математик, отыскивающій не абсолютную истину, а изучающій лишь тѣ формулы, которыя находят себѣ примѣненіе в современной техникѣ.

Чтобы не быть мертвой, холодной наукой, исторія должна оказывать вліяніе на современную жизнь; для этого она сама должна быть свободна от увлеченія современными вопросами и вѣяніями, которыя помѣщали бы ей смотрѣть правильно и безпристрастно на вещи. Ранке справедливо сказал: „мы, т. е. историки, можем только тогда оказывать вліяніе на современность, когда будем совершенно независимы от нея, поднимаемся на высоту безпристраснаго міровоззрѣнія“. Впрочем, бывають историки, иначе смотрящіе на задачу исторіи. Фримман говорил: „исторія — наука о челоуѣкѣ в его политической дѣятельности“, а Лоренц утверждал, что предмет изученія исторіи — событія, которыя относятся к государственнo-общественным дѣлам. Эти опредѣленія чрезвычайно односторонни. Во-первых, задолго до государственных форм жизни были формы коллективныя, из которых первыя развились и которыя в данном случаѣ должны остаться совершенно неизслѣдован-

ными, неизвѣстными. Самое изученіе одних государственных форм и политической дѣятельности будет неполно без изученія коллективных форм. Во-вторых, цѣлый ряд явленій, которыя не имѣют ничего общаго с политикой, как-то: христіанство и вообще религія, искусство, наука и т. д., но которыя имѣют право войти в содержаніе исторіи, — останется неизслѣдованным. Придется совершенно исключить из исторіи эти явленія, как не имѣющія почти никакой связи с государственными формами и политической жизнью и дѣятельностью разных народов.

Монархія Карла Великаго.

Лекція II.

Монархія Карла Великаго охватила собою всѣ земли, входившія в состав прежней западно-римской имперіи, за исключеніем англо-саксонских земель. Масса изданных Карлом Великим институтов и учреждений относительно правовых и социальных особенностей разных государств наложила рѣзкую печать, своего рода штемпель на всѣ эти государства, так сильно отличавшіяся одно от другого в послѣдствіи. Эти учрежденія были перенесены даже в Англо-Саксонію. Сам Карл, создавшій такую систему, вполне справедливо называется Великим.

Источники.

Для обзорнѣя политической и социальной жизни Франкской имперіи необходимы спеціальныя источники. Эти источники состоятъ, главным образом, из лѣтописей и других памятников юридическаго и статистическаго характера. Для исторіи эпохи как Карла Великаго, так и его ближайших преемников на первом мѣстѣ по своей важности стоят так называемыя „капитуляріи“. Капитуляріями называются источники права королевскаго по преимуществу. Этим капитуляріи отличаются от „варварскихъ правд“ предшествующихъ временъ. Варварское право-это просто запись обычнаго германскаго права, как оно создавалось у отдѣльных народов. Названіе „капитулярій“ произошло от латинскаго слова „capitularia“. В первый раз капитуляріи встрѣчаются в Франкской имперіи в концѣ VIII в., именно в 779 году. Но такой вид законодательнаго источника встрѣчается и ранѣе, именно в законодательствѣ Лангобардскаго государства в 750 году. Внѣшній вид, в который облекались эти памятники и который послужил отчасти причиной названія их капитуляріями, состоялъ в том, что они составлялись из отдѣльных глав и параграфов (capitulum — глава). Капитуляріи возникают, именно, в срединѣ VIII в., а не ранѣе, вслѣдствіе того, что представитель государственной власти (король) постепенно только приобрѣлъ право законодательной власти. Первоначально

право законодательства не принадлежало представителям государства, составляя привилегию того же народа; и это написанное народное право было именно „обычное право“, зеркало правосознания и юридического мышления народа, упроченное его же санкцией. На самых же первых ступенях развития государственности власть берет на себя только задачу установить норму обычного права. Отсюда является запись как древних, так и новых норм права. Так возникли „варварскія правды“. Капитуляріи же представляют собою памятники королевскаго законодательства и потому возникают в ту пору, когда королевская власть, значительно усилившись, приобрѣла законодательную власть. В франкском государствѣ такой высоты власти достигли Каролинги.

Каролингскіе капитуляріи дѣлились на церковные (ecclesiastica) и свѣтскіе (mundana). Впрочем, это раздѣленіе не вездѣ проводится строго. Встрѣчаются капитуляріи, в которых эти части перемѣшаны. Но тѣм не менѣе в большинствѣ их преобладает одна какой либо характер, что дает возможность и основаніе оправдывать это раздѣленіе капитуляріев на двѣ вышеуказанныя категории. Что касается свѣтских (mundana) капитуляріев, то их, в свою очередь, можно дѣлить также на нѣсколько категорий. Такое дѣленіе установилось еще в началѣ IX вѣка. Тогда дѣлили их на три категории: капитуляріи „legibus addenda“, явившіеся как дополненіе к варварским законам; затѣм, капитуляріи „per se scribenda“ и, в третьих, „capitula missorum“. (Missi — это уполномоченные королевскаго двора, объѣзжавшіе государство для ревизіи и составлявшіе о своих поѣздках отчеты.)

Первая категория капитуляріев не имѣла территориальнаго примѣненія; они служили вообще дополненіем к „leges“, которые не имѣли такого примѣненія. Capitula legibus addenda были необходимы. Напримѣр, суды в каждом государствѣ производились не по территориальному праву, а по племенному; если судился сакс, то судился по саксонскому обычаю. Такой же характер, как leges, имѣли и capitula legibus addenda, имѣя такое же территориальное примѣненіе. Но не всѣ были такими. Среди них были и такіе, которые впоследствии получали значеніе территориальнаго права, имѣли приложеніе ко всѣм государствам без племенного различія. При изданіи эти capitula legibus addenda подвергались строгой формальности. Хотя они были уже и королевскими, но еще за ними удержались старинныя традиции, по которым они при изданіи должны были получить санкцію чрез согласіе народа. Кромѣ того, они издавались и с соблюденіем многих других внѣшних формальностей. При Карлѣ Великом послѣдовало распоряже-

ніе, что при изданіи должны присутствовать народные представители для подписи и обсуждения разных проектов и законов. Для чего же, спрашивается, эти *capitula legibus addenda*? Если существовали *leges*, для чего же дополненія к ним? Притом же, эти дополненія вполне могли быть замѣнены капитуляріями *per se scribenda*. Изданіе дополненій обусловливалось измѣненіем, развитіем жизни. Варварское право, подвергнутое записи, стало устарѣвать, как и всегда бывает, потому что жизнь обогоняет всегда первоначально установленныя нормы права и выдвигает новыя задачи. Закон не в состояніи бывает часто отвѣтить требованіям жизни. С другой стороны, обычное право, будучи раз навсегда записано, как-то затвердѣвает, получает характер мертвого, часто неисполнимаго предписанія. Незаписанное же всегда варьирует, постоянно мѣняется с развитіем жизни. Когда судьи руководились этими записанными обычными правами, то они часто оказывались в больших затрудненіях. Бывали случаи такого рода. Повѣстка (*citatio*) обвиняемому для явленія на суд должна была быть вручаема, согласно обычному праву (*leges*), лично, и притом не там, гдѣ найдут этого обвиняемаго, но непременно в его собственном домѣ (салическое право). Но вдруг оказывается, что жилище обвиняемаго сгорѣло в тот самый момент, когда его нужно было звать в суд. Как быть? Оказывается, обвиняемому нельзя вручать повѣстки; никакого разъясненія в *leges* не было. Вот в 864 г. и сдѣлано было Карлом Лысым дополненіе к этому пункту, именно, что при вышеозначенном случаѣ повѣстку должно вручить на том мѣстѣ, гдѣ был дом. Таких казусов могло встрѣчаться и встрѣчалось очень много. Отсюда являлась необходимость в дополненіях к *leges* (салическому праву).

Вторая категорія *capitula per se scribenda* были в собственном смыслѣ королевским законодательством, правом. В них в первый раз проявляется право законодательной власти государя. В этом заключается рѣзкое различіе этих капитуляріев от предшествующих. Притом же и примѣненіе этих *capitula* уже не этнографическое, не племенное, а территоріальное. Они являются первым территоріальным законодательством новых государств. Для изданія их уже не требовалось таких церемоній, как для изданія *capitula legibus addenda*. Они получали свою силу (санкцію) по распоряженію короля, или его чиновников. Всякая защита их уже устанавливалась могущественным королевским словом. В этих *capitula per se scribenda* содержались и разъяснялись многіе вопросы административнаго характера, относительно управленія государством; опредѣлялись права и объемъ власти государственных чиновников; установ-

лялись отношенія между подданными и государем; устанавлилась норма земскаго міра; опредѣлялись мѣры протяженности, вѣса, стоимость и качество монеты и т. д. С теченіем времени и с усиленіем власти короля усилился и авторитет этих *capitula per se scribenda*.

Третья категория — *capitula missorum* — близко подходит ко второй категоріи; эти *capitula* являются уже актами, санкціонуемыми волею короля. Хотя их немного, но они большіе и притом очень своеобразнаго характера. Это есть ничто иное, как инструкціи особым чиновникам, посылаемым для ревизіи и надзора за областным управленіем. Иногда они излагаются в формѣ простого теоретическаго приказанія, но большею частью состоятъ из вопросов, на которые эти чиновники собирали у населенія отвѣты и записывали их.

Теперь всѣ почти капитуляріи розысканы и изданы. Лучшее изданіе их заключается в коллекціи, извѣстной под названіем „*Monumenta Germaniae Historica*“. В коллекціи этой заключается нѣсколько отдѣлов. Капитуляріи находятся в отдѣлѣ, который озаглавляется „*Leges*“. Капитуляріи изданы трудами Бореціуса и Краузе. В 1883 г. былъ издан I том и в 1890—93 гг. том II.

Но этого источника недостаточно для изученія монархіи Карла Великаго. Дѣло в том, что, хотя *capitula* тотчас по составленіи немедленно разсылались по областям во Франкскомъ государствѣ, именно, в разныя подвѣдомственныя мѣста, но там они рѣдко сохранялись, а в большинствѣ случаевъ затеривались. Это происходило, конечно, не по злонамѣреннымъ дѣламъ лицъ административныхъ, а просто по ихъ небрежности. Хорошо зная содержаніе капитуляріевъ, они не пользовались ими, и тѣ естественно затеривались. Такое небрежное отношеніе к административнымъ документамъ было даже в высоко-культурныхъ государствахъ, напр., в Византіи. Там и до сих пор многія конституціи императоровъ, предшественниковъ Юстиніана, с трудомъ были находимы; иногда онѣ были отыскиваемы гдѣ нибудь в самыхъ глухихъ провинціяхъ. В Англіи и теперь это наблюдается. Обыкновенно пользовались для справокъ сборниками капитуляріевъ, но не оффиціальными, а частными. Такіе частные сборники капитуляріевъ извѣстны были и при Каролингахъ.

Первый такой сборникъ составленъ аббатомъ Фонтанелы Ангезисомъ и былъ оконченъ, какъ видно изъ помѣщенной въ сборникѣ даты, в 827 году. Весь сборникъ раздѣленъ на четыре книги, распредѣленныя по систематическому плану. В первой книгѣ помѣщены *capitula ecclesiastica*, составленныя при Карлѣ Великомъ. Во второй книгѣ такія же *capitula*, составленныя при преемникахъ его Людо-

викъ Благочестивом и Лотарѣ. В третьей книгѣ собраніе капитуляріевъ свѣтскихъ, изданныхъ при Карлѣ Великомъ. В четвертой-свѣтскіе же капитуляріи, изданные при Людовикѣ и Лотарѣ. Всѣ капитуляріи расположены в строгом хронологическом порядкѣ. К этому сборнику присоединены еще и нѣкоторые другіе капитуляріи, которые не вошли в состав четырехъ книгъ. Находились в нем и capitula missorum. Но нельзя сказать, что этот сборникъ обширен. В нем всего 29 капитуляріевъ с 787 по 827 годъ, значит, за періодъ времени 40 лѣтъ. Эта цифра собранныхъ капитуляріевъ в сравненіи с общимъ числомъ ихъ ничтожна. В настоящее время издатели капитуляріевъ собрали ихъ значительно больше. Если сравнить сборникъ аббата Ангезиса со сборникомъ Бореціуса и Краузе, то увидимъ, что в послѣднемъ за тот же сорокалѣтній періодъ находится 124 капитуляріи. Кромѣ того, что сборникъ аббата неполон, он небезукоризнен и в другихъ отношеніяхъ. Напр., в первой книгѣ находится капитулярій, приписанный Карлу Великому, а между тѣмъ онъ изданъ при сынѣ его Людовикѣ Благочестивомъ. Такимъ образомъ, встрѣчаются ошибки в хронологіи. Но все таки из того, что сборникъ сохранился во многихъ спискахъ видно, что онъ вполне удовлетворялъ практическимъ потребностямъ людей того времени. Онъ находилъ себѣ даже признаніе в средѣ правительственной, что можно документально засвидѣтельствовать. Такъ, в 829 г. этимъ сборникомъ пользовался Людовикъ Благочестивый, потому что в одномъ изъ его актовъ цитируется законодательный источникъ по сборнику аббата Ангезиса.

Наряду с этимъ сборникомъ в западной части Франкскаго государства существовалъ другой: сборникъ Бенедикта Левита или Лже-Бенедикта. Онъ составленъ около половины IX в. и сильно отличается отъ перваго сборника. В первомъ сборникѣ находятся дѣйствительные, подлинныя акты; во второй же вошли фальсифицированныя, поддѣльныя капитуляріи. Это доказывается тѣмъ на примѣр, что составитель сборника утверждаетъ, что будто бы онъ занялся составленіемъ сборника по приказанію Майнцаго епископа Одгара, который велѣлъ ему собрать всѣ капитуляріи, не вошедшіе в состав перваго сборника. Но между тѣмъ оказывается, что преемникъ Одгара епископъ Рабанъ никогда даже и не слышалъ про этотъ сборникъ; трудно предположить, чтобы Рабану, преемнику Одгара, ничего не было извѣстно про такое важное дѣло, какъ составленіе сборника. Кромѣ того, Бенедиктъ помѣщаетъ церковныя капитуляріи, в которыхъ проводилась мысль, что хорепископы не имѣютъ права ни священнодѣйствовать, ни посвящать во священника. (Хорепископы — сельскіе епископы, существо-

вавшіе наряду с городскими, но не имѣвшіе опредѣленных каедр и дѣйствовавшіе, гдѣ придется.) Если Бенедикт придавал значеніе таким капитуляріям, то видно, что его сборник возник в той мѣстности, гдѣ находились хорепископы. В Майнцской церкви никогда хорепископов не было. Происхождение этого сборника не в Майнцской епархіи усматривается еще и из того, что в приложеніи к сборнику находится упоминаніе о царствованіи Людовика Нѣмецкаго, одного из сыновей Карла Великаго, и о том, что его владѣнія находятся „по сию сторону Рейна“, т. е. гдѣ находился г. Майнц и сам составитель. Между тѣм Майнц находится на лѣвом берегу Рейна, а владѣнія Людовика Нѣмецкаго находились на правом берегу. Очевидно, сборник составлен совсѣм не в Майнцѣ и не по приказанію Майнцскаго епископа. Таким же подложным, фальсифицированным, признается он и исторической критикой. Кромѣ того, в сборникѣ сказывается сильная тенденція. Бенедикт обращает вниманіе главным образом на церковные капитуляріи и в этих капитуляріях проводит идею независимости церковных властей от властей свѣтских в узко-клерикальном пониманіи власти. Вообще, сборник сильно напоминает собою знаменитыя Лже-Исидоровы декретали, которыя распространялись в то же время и так же в западной части Франкскаго государства. Тѣм не менѣе, этот сборник, хотя и фальсифицированный, получил нѣкоторое оффиціальное признаніе. Так, Карл Лысый в одном из указов цитирует капитуляріи из этого сборника и ссылается на них, как на закон, дѣйствовавшій при его предшественниках.

Другим источником для изученія эпохи Каролингов во Франкской имперіи являются так называемыя Каролинскія грамоты или акты. Онѣ были изданы нѣсколько раз. Первое изданіе было предпринято нѣмецким ученым Бёмером под названіем „*Regesta chronologico-diplomatica Karolinorum*“. Названо это изданіе „*Regesta*“, потому что грамоты изданы тут не цѣликом, а в извлеченіи — с указаніем хронологической даты, имени составителя, и т. д. Это изданіе предпринято было в 1833 году. Но теперь оно устарѣло. Составителю многія грамоты были совсѣм неизвѣстны, а многія помѣщены в испорченном видѣ. В недавнее время за изданіе Каролинских грамот взялся знаток дипломатики нѣмецкій ученый Θεодор Зиккель. Он издал как теоретическое обозрѣніе грамот, так и самыя „*Acta regum et imperatorum Karolinorum digesta et enarrata*“. В первой части излагаются теоретическія особенности грамот, во второй же изданы самыя грамоты или извлеченія из них. Но и это изданіе, заключая только Каро-

лингскія грамоты, являлось недостаточным, а потому была снова сдѣлана переработка изданія Бёмера Мюльбахером и издана под названіем „*Regesta imperii*“. Том первый называется „*Karolinger*“. Таковы изданія грамот каролингской эпохи.

Грамоты представляют из себя памятники историческаго и юридическаго содержанія, могущіе быть хорошими источниками при изученіи эпохи. Свое происхожденіе онѣ получили в римскую императорскую эпоху. Составлялись онѣ обыкновенно чиновниками императорской канцеляріи. В меровингское и каролингское время такими чиновниками были преимущественно лица духовныя, что объясняется просто. Во Франкском государствѣ в то время грамотность была распространена почти единственно между лицами духовными, которыя и поступали на службу в королевскую канцелярію. Но и между ними грамотность была очень невелика; она состояла только в умѣнн читать и писать; составлять же и излагать в послѣдовательном порядкѣ разные юридическіе акты они совсѣм не могли. Для пособія им при составленіи грамот служили особаго рода сборники, вродѣ наших письменников, в которых находились формулы для разных актовъ бумаг. В этих сборниках помѣщалась только схема какого-угодно акта, без обозначенія даты и имени. Это-важный историческій матеріал. В этих сборниках находятся иногда очень типичныя грамоты. Древнѣйшими формулами до нас дошли „Формулы анжерскія“ и „Формулы Маркульфа“; оба сборника составлены в VII в. Пользуясь такого рода формулами, чиновники составляли какія-угодно грамоты.

Грамоты этого времени двоякаго характера. Однѣ из них государственныя, публичныя, другія же частныя. Первые отличались от вторых тѣм, что подлинность их удостовѣрялась приложеніемъ королевской печати и скрѣпленіем рукою государственнаго канцлера, тогда как в частных грамотах подлинность удостовѣрялась подписями свидѣтелей. К числу государственных грамот относились „*Praecepta*“, „*Diplomata*“ и „*Placita*“. Под послѣдними разумѣлись грамоты судебного характера; на них находилась только печать без подписи канцлера. Частныя грамоты также различались по содержанію. Однѣ из них удостовѣряли какой-либо юридическій факт, это „*Notitia*“; в других находились записи каких либо сдѣлок юридических — „*Carta*“, „*Testamenta*“, „*Epistola*“. Наконец, они носили также названіе „*Cessio*“, по характеру сдѣлки, „*Ingenuitas*“ (грамота на отпуск раба) и „*Concambium*“ (мѣновая грамота). На всѣх этих грамотах находился перечень свидѣтелей. Если свидѣтели не были названы, то это давало повод оспаривать грамоту. Свидѣтелей часто упрашивали, чтобы

они помнили о том, что они свидѣтельствовали и могли бы на судѣ подтвердить это; отсюда их название „testes rogati“. Иногда при совершеніи актов, особенно по земельным дѣлам, свидѣтелями избирали малолѣтних в тѣх видах, что они дольше проживут и могут когда-нибудь в послѣдствіи засвидѣтельствовать, гдѣ, напр., проходили межи и. т. п. Чтобы они лучше помнили фактъ сдѣлки, на них часто оставляли особую памятку. Так, по Баварскому праву их драли за уши, отчего они назывались „testes per aures tracti“. Иногда их, при размежеваніи, сѣкли на межах.

Каролингскія грамоты дают матеріал для изученія государственной жизни, но недостаточны для изученія бытового и экономического строя. Для изученія этих сторон жизни во Франкском государствѣ могут служить источниками описи королевских и церковныхъ владѣній. Составлялись онѣ по показаніямъ зависимыхъ людей, живших в королевскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Показанія составлялись под клятвенной присягой. Отсюда возникло много источниковъ статистического характера, которые назывались „Полиптиками“ или „Урбаріями“, т. е. описями обработанныхъ земель. Извѣстенъ „Полиптикъ“ аббата Ирминона, изданный в 1844 г. французскимъ ученымъ Гераромъ. Это изданіе остается доселѣ на высотѣ требованій науки. Самое достоинство этого труда вызвало второе его переизданіе французскимъ ученымъ Лоньономъ (Longnon, т. 1—1895 + 2 (texte) 1886—1895). В немъ много дополненій и измѣненій, особенно во введеніи. Весь трудъ заключается в двухъ томахъ. Сначала былъ напечатанъ текстъ „Полиптика“ в 1886—95 гг. и помѣченъ вторымъ томомъ; первый же томъ, гдѣ находится введеніе, вышелъ изъ печати позднѣе 1895 года.

К этимъ источникамъ близко подходят источники и другого рода. Дѣло в томъ, что иногда монастырь или епископская каѳедра не успѣвали, или по другимъ причинамъ, не могли сдѣлать описи владѣній. Тогда они составляли „Traditiones“, т. е. сборники жалованныхъ грамотъ, по которымъ монастырю или епископской каѳедрѣ отдавалось то или другое владѣніе. Эти „Traditiones“ отчасти замѣняютъ собою „Урбаріи“; в нихъ также заключается опись жертвованнаго имущества. Особенно важны из нихъ два: „Indiculus Arnonis“ и „Breves notitiae Salzburgenses“.

Таковы важнѣйшіе источники для изученія исторіи Франкскаго государства в эпоху Каролинговъ. Всѣ эти источники служатъ прекраснымъ пособіемъ для изученія внутренняго состоянія Франкской имперіи в эпоху Каролинговъ. Этотъ внутренній бытъ излагается по этимъ источникамъ очень подробно в двухъ сочиненіяхъ, которыя и до сихъ поръ считаются классическими. Это, во-первыхъ, сочиненіе

нѣмца Георга Вайца, под названіем „Исторія государственных учреждений Германіи“, особенно III и IV томы этого сочиненія. (G. Waitz. Verfassungsgeschichte, Bd. III, IV.) Затѣм, сочиненіе француза Фюстель де-Куланжа „Исторія политических учреждений Франціи“, изданная учеником его Жульеном. (Histoire des institutions politiques de France.) Особенно важен II т. „Исторіи“, озаглавленный „Transformation de la Royauté pendant l'epoque Carolingienne“ и описывающій перемѣны в организаціи Франкской имперіи в продолженіе Каролингской эпохи.

Кромѣ этих сочиненій, извѣстны еще два сочиненія по исторіи экономической и соціальной жизни Франкской имперіи. Первое сочиненіе Штернегга „Исторія хозяйства сельскаго“ или „Экономическая исторія Германіи“. (Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. I, Lpz. 1879.) Впрочем, первый том этого изданія теперь устарѣл. Важны II и III томы, напечатанные в недавнее время и обнимающіе собою період послѣ Каролингов. Другое сочиненіе Лампрехта „Исторія нѣмецкой соціальной и экономической жизни,“ изданное в срединѣ 80-х годов. (Lambrecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I—IV Bd. Lpz. 1886.) Между прочим, в III томѣ этого труда заключается изданіе документов, относящихся к Каролингской эпохѣ, а в IV-м — разбор источников. Всѣхъ этих источниковъ вполне достаточно для изученія внутренней жизни Франкской имперіи в эпоху Каролингов.

Указав на источники и важнѣйшія пособія, можно приступать к самому изученію эпохи.

Каролингская королевская власть носила на себѣ отпечаток церковнаго характера, совершенно чуждаго королевской власти Меровингскаго періода. В зависимости от церковнаго характера нужно видѣть и усиленіе римскаго вліянія на королевскую власть, которое, между прочим, сказалось и на титулѣ государя. Полный титул короля читался так: „Serenissimus augustus, a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator, romanum gubernans imperium, qui et per misericordiam Dei rex Francorum atque Langobardorum“, т. е., свѣтлѣйшій, августѣйшій, Богом коронованный, великій миролюбец императоръ, управляющій Римской имперіи, он же, по милости Божіей, король Франков и Лангобардов“. Этот титул установлен был в замѣн прежних. Меровингскіе короли писались „Vir illuster“, каковой титул при Карлѣ Великом уже выходит из употребленія. Он встрѣчается на грамотах Карла только в первые годы его царствованія, пока папа Адріан не дал ему титул „Patricius“, С этого времени прежній титул совсѣм исчезает. Но титул „Patricius“ выходит из употребленія с того времени, когда Карл Великій был

Характер
коро-
левской
власти.

коронован императорскою короною. Послѣ его коронаванія употребляется уже вышеозначенный титул. Людовик Благочестивый и сын его писались „Imperator augustus divina ordinatione providentia“, в чем как бы подчеркивается освященіе королевской власти со стороны церкви. Впрочем, хотя всѣ короли носили императорскій титул, но и старья, наименованія продолжают встрѣчаться, что видно из таких слов: „Regnum“, „Regalis potestas“, которыя встрѣчаются наряду с „Potestas imperatoris“. На связь с церковью указывают также наименованія власти и территории, подчиненной Каролингам: „imperium Sacratissimum“, или „imperium christianum“. Карл Великій употреблял еще прибавленіе к своему титулу: „magnus“, „gloriosissimus“. Людовик Благочестивый, помимо этого, присоединял еще: „Serenissimus“, „piissimus“. Указаніе на титулы королевей важно потому, что в них отразилось двойное вліяніе на Каролингскую королевскую власть, отчасти Римское, потому что титулы заимствовались из Рима и отчасти Византійское. С другой стороны, частое повтореніе при титулѣ выраженія „divina providentia“ указывает, что королевская власть носила на себѣ отпечаток церковнаго характера, чего в предыдущую эпоху не было.

Такія же вліянія отразились и на других сторонах королевской власти. Так, королевскій церемоніал был заимствован по большей части из церемоніалов Византійскаго двора, гдѣ они были заведены Константином и Діоклетіаном. Он состоял в том, что всѣ придворные при свиданіи с императором должны были падать ниц и цѣловать колѣно или ногу императора. Тѣ же вліянія замѣчаются и в одѣянніи. Впрочем, нужно замѣтить, что при Карлѣ Великом это вліяніе на одежду сказалось еще не особенно ясно. Он сам был по воспитанію и по симпатіям природный германец и чуждался римскаго одѣянія. Извѣстно, что он не любил длинной туники, хламиды и сандалій, и во всю свою жизнь одѣвался в них только два раза, именно, первый раз по просьбѣ папы Адриана I, в момент доставленія Карлу титула патриція, и во второй раз по просьбѣ папы Льва III, когда на него была возложена императорская корона. Обыкновенно же Карл Великій носил простое франкское платьє, именно: полотняную рубашку и такіе же исподніе, сверху надѣвал панталоны и тунику, обшитую шелковой бахрамой. Ноги он обертывал полотняными лентами и сверху надѣвал башмаки. Зимой он носил шубу из шкуры выдры или соболя и сверх всего всегда зеленоватый плащ. Это было его обычное одѣяніе. В торжественных же случаях он проявлял нѣкоторую пышность, именно, он носил такую же одежду, но протканную золотом. Обувь надѣвал хотя и кожаную, но обложенную драгоценными камнями.

На зеленоватом плащѣ имѣл застежку из золота и драгоценных камней. Такую же одежду носили и сыновья Карла, и Людовик Благочестивый. Но уже третье поколѣніе начинает обнаруживать пристрастіе к римско-византійскому одѣянію. Так, Карл Лысый никогда не одѣвался иначе, как только по римско-византійскому образцу.

Государям Каролингской эпохи присвоены были и внѣшніе знаки, свидѣтельствующіе о полнотѣ и совершенствѣ их власти, которые назывались „insignia“. В эпоху Карла Великаго такими знаками были корона и скипетр. Кромѣ того, в обыденную пору государь употреблял еще посох (*baculus, virga*). Всѣ эти отличія были знаками высшей судебной власти. Знаком же высшей военной власти был меч. Карл Великій и его преемники по образцу римлян и византійцев ввели в употребленіе еще трон, который назывался „*solium*“, или „*thronus*“, на который государь садился в особо торжественных случаях, как-то: при принятіи иностранных посольств и при отдачѣ особенно важных распоряженій.

Так как в эпоху Каролингов государственная власть еще не вполне сформировалась, то и столицы особой не было, гдѣ сосредоточивалась бы эта власть, и гдѣ была бы резиденція государя. Каролингскіе короли, как и Меровинскіе, проживали обыкновенно в своих сельских дворцах, которые назывались „*palatia*“ (*Pfalz*). Сам Карл Великій любил пребывать преимущественно в Ахенѣ, на основаніи чего дѣлают невѣрное предположеніе, что Ахен был столицею Франкской имперіи. Ахен извѣстен был своими банями и цѣлебными источниками, а Карл Великій любил купаться и не только лѣтом, но и зимою. Этим и объясняется его расположеніе к Ахену. Впрочем в нѣкоторых источниках Ахен и называется „*Sedes regni*“ или „*Sedes prima*“ и даже „*Sedes prima Franciae*“; но это также не доказывает, что Ахен был столицей. Не считался никогда столицей и Рим, хотя коронованіе Франкских государей и происходило в Римѣ, и хотя имперія Карла Великаго и называлась „священной Римской имперіей“.

В виду характера и значенія принятія императорскаго титула, большое значеніе было придаваемо самому акту коронованія. Но и тут видно усиленіе церковнаго вліянія. Меровинги не прибѣгали к коронованію. Оно вошло в обычай только с Пипина Короткаго, отца Карла Великаго. Сам Карл был коронован в Римѣ рукою папы, хотя не ожидал этого и высказал по этому поводу даже неудовольствіе. Он имѣл и основаніе быть недовольным, потому что хотѣл сам возложить на себя корону, а папа, чрез возложеніе короны, как бы присвоил себѣ нѣкоторую власть над ним. Сына

своего Людовика Благочестиваго Карл короновал сам, но в 816 г. Людовик вторично был коронован папою Стефаном IV-м, который короновал и его супругу Ирмингарду в церкви св. Ремигия в Реймсѣ. Когда Людовик Благочестивый сдѣлал своим соправителем сына своего Лотаря в 817 г., то он его не короновал, и только в 823 г. Лотарь был коронован, с одобрения Людовика, папою Пасхалисом I-м. Таким образом, постепенно выработалось убѣжденіе, что императорскій титул можно получить только из рук папы. Потом это убѣжденіе развилось еще болѣе, именно, что акт коронаванія и помазанія на царство должен быть совершен не только рукою папы, но даже непременно в Римѣ. Отсюда становятся понятными походы германских и западно-франкских королей на Рим, чтобы быть там коронованными.

Государственная территория и имущество разсматривались, как частная собственность. Идея государственности тогда только еще нарождалась. На государство существовало воззрѣніе чисто вотчиннаго характера. На него смотрѣли как на частное имущество, которое могло подлежать и раздѣлу на части. Раздѣлы, дѣйствительно, происходили как у Карла Великаго, так и у его преемников. Так, Карл в 806 г., еще задолго до кончины, составил проэкт раздѣла государства между сыновьями. Но такое раздѣленіе не должно было нарушать принципа единства государства. Потому короли, дѣлая раздѣлы государства, в тоже время старались примирить раздѣл с принципом единства тѣм, что удѣлы младших сыновей считались в подчиненіи у старших сыновей, а самый старшій из них носил императорскій титул. Но эта фикція, долженствующая примирить воззрѣніе на государство, как на частную собственность, с принципом единства, на самом дѣлѣ не примиряла их. Это видно из того, что между сыновьями Карла Великаго на этой почвѣ постоянно происходили междоусобныя войны, которыя и привели Франкское государство к совершенному разстройству и раздробленію.

Наслѣдниками королевскаго имущества считались всѣ дѣти мужскаго пола, рожденныя в законном бракѣ. В этом также можно видѣть усиленіе церковнаго вліянія в эту эпоху. В Меровингскую эпоху не обращалось никакого вниманія на незаконнорожденность. Карл Мартел был незаконнорожденным, а всетаки занял мѣсто своего отца. Но хотя при Каролингах и вводится принцип рожденія от законнаго брака, освященнаго церковью, но на практикѣ он не всегда соблюдался. Так, Людовик Благочестивый постановил, что если король умрет, не оставив законнаго сына, то наслѣдником должен быть старшій брат его. Но, между тѣм, Бернгард,

незаконный сын Пипина, был признан правителем Италии и управлял ею в качестве короля. Побочный сын Карломана Арнульф был также признан законным государем и даже императором. Чтобы наследник мог вступить в обладание властью, и в ту пору требовалось достижение совершеннолетия. Правда, несовершеннолетие не считалось препятствием к признанию наследника королем, как в Меровингскую эпоху. При Меровингах несовершеннолетний наследник не признавался королем, или, если признавался, то только номинально; полного же проявления власти он не мог обнаружить. Признавалась необходимость опеки или регентства. Так, и Карл Великий назначил своих сыновей Карла, Пипина и Людовика королями разных частей государства, но заботу и управление их областями поручил особым доверенным лицам. Людовик Благочестивый, сдѣлавши раздѣл имуществ между сыновьями Пипином, Людовиком и малолѣтним Карлом, впоследствии прозванным Лысым, установил, что забота о малолѣтнем братѣ лежит на старших братьях. Теперь является вопрос: когда же опека оканчивалась, когда наследник становился полноправным государем, не нуждаясь в регентствѣ? По Рипуарскому праву, совершеннолѣтними считались достигшіе 14 лѣт. По достиженіи этого возраста наследник мог управлять государством.

Изложение короля в принципѣ не признавалось. На практикѣ же оно существовало и теоретически признавалось возможным. Но оно могло произойти в том лишь случаѣ, когда ему предшествовали извѣстные акты, напр., увѣщаніе духовенства. Если увѣщанія не дѣйствовали, тогда допускалась возможность изложения. Людовик Благочестивый испытал на себя эту возможность. И в послѣдующее время признавалась необходимость увѣщанія короля, который, с точки зрѣнія подданных, не исполнял надлежащим образом своих обязанностей. Карл Лысый в одной грамотѣ от 859 г. категорически признал это право за духовенством. Он говорил: „я не должен быть устранен из этой высоты полномочій суверенной власти по отношенію к государству никѣм, особенно без совѣта епископской власти, но я готов слѣдовать отеческим убѣжденіям и увѣщаніям епископов“. Однако, хотя это право епископской власти и вмѣшательство ея в королевскую жизнь признавалось, но оно не одобрялось свѣтскими лицами. Вельможи не хотѣли признавать притязаній высшаго духовенства.

Другая новая особенность, свидѣтельствующая о церковном характерѣ Каролингской королевской власти, усматривается во введеніи присяги. При Меровингах присяги не было. Есть основаніе утверждать, что присяга введена в первый раз только Ка-

ролингами. Так, в 786 г. Карл Великій потребовал, чтобы приведены были к присягѣ всѣ, кому исполнилось 12 лѣтъ. Во второй раз, в 792 г., он потребовал присяги от всѣх подданных послѣ своего коронованія. Наконец, в третій раз он потребовал присяги от подданных в 806 г., когда составлен был проэкт раздѣла государства между его сыновьями. Преемники Карла также прибѣгали к присягѣ. Но против присяги сильно возставало духовенство, думая, что клятвенныя обѣщанія запрещаются Богом. За нарушение подданными присяги полагались особыя взысканія. За невѣрность государю полагалась конфискація имущества. За нарушение присяги с преступленіем против самой особы государя, кромѣ конфискаціи имущества, полагалась еще смертная казнь. Но эта система наказаній не всегда выдерживалась. Иногда даже за простое уклоненіе от военной службы полагалась смертная казнь. Так, баварскій герцог Тассилон, за неприбытіе на помощь к Карлу Великому, в 787 г. был осужден на смертную казнь. Вмѣстѣ с этими наказаніями короли имѣли право за нарушение присяги, соединенное с преступленіем против общества или государства, брать особыя штрафы или банны, отчего и самое наказаніе это называлось „bannitio“. Карл Великій в одном из своих капитуляріев опредѣляет случаи, когда должен взиматься королевскій штраф или банн. Он перечисляет восемь случаев: „dishonoratio sanctae ecclesiae“, т. е. за святотатство; за обиды, наносимыя вдовам и сиротам, как таким лицам, которыя находятся под личным покровительством государя; за преступленія по отношенію к бѣдным и нищим; за похищеніе дѣвушки или свободной женщины, без различія, — сдѣлано-ли это с ея согласія, или нѣтъ; за поджог; за грабеж, совершенный со взломом и с поврежденіем того мѣста, гдѣ произведен; за уклоненіе от воинской повинности. Затѣм капитулярій продолжает: „вот таковы банны в пользу короля, и при этом в каждом случаѣ слѣдует требовать уплаты 60 солидов“, что равняется трем фунтам серебра. Но банн взимался не только в этих случаях, но и в других. Иногда же и за перечисленныя преступленія взимали не по 60 солидов, но вдвойнѣ и втройнѣ. Это стояло в прямой зависимости от характера преступленія. Цѣль банна, как гласит капитулярій, состояла в поддержаніи в государствѣ мира, порядка и тишины. Эти банны доставляли казнѣ значительный доход и улучшали матеріальныя средства Каролингской королевской власти, к разсмотрѣнію которых мы теперь и перейдем.

Источники доходов королевской власти в Каролингскую эпоху были различны. Нужно, однако, предварительно замѣтить, что тогда не было строгаго различія между доходами государя и госу-

Государственные
доходы.

дарственными. Существовал в то время вотчинный взгляд на государство, и потому казна короля и казна государства составляли как бы одно и то же. Сам король не различал своего кошелька от казны, и потому его личные и государственные доходы сливались. В эпоху Каролингов казна находилась в Ахенѣ, под наблюдением особаго камергера и других чиновников. Но, в виду существованія таких взглядов, понятно, что и отчета в расходованіи сумм король никому не давал.

Из источников государственных доходов на первом мѣстѣ стоят доходы от поземельных владѣній, именно, от собственных земель Каролингов. Земли их были различнаго происхожденія. В состав их вошли владѣнія Пиппинидов: Карла Мартела и Пипина Короткаго, т. е. родовыя земли, унаслѣдованныя от майордомов. Онѣ находились въ мѣстностях между Маасом, Мозером и Рейном. Это, так сказать, исконныя владѣнія Каролингов. Когда же они стали королями, то въ руки их перешли и другія земли, находившіяся в разных частях государства, именно, пустоши, т. е., земли, не имѣвшія хозяина, и земли, принадлежавшія Меровингам. Одним словом, у Каролингов было огромное количество владѣній. Статистическія свѣдѣнія о землях в болѣе или менѣе надежных источниках относятся к концу періода Каролингской эпохи, когда земли ихъ значительно уменьшились. Но и тогда уже, по статистическим свѣдѣніям, насчитывалось 176 больших владѣній, расположенных в странах за Рейном, как-то: 83 имѣнія во Франконіи, 50 в Аллеманіи, 21 в Баваріи, 12 в Тюрингіи, 5 в Саксоніи и остальные въ Силезіи. Они присвоились Каролингам по разным обстоятельствам. Как выше замѣчено, в состав их входили, во-первых, пустоши, а во вторых, при уничтоженіи разных герцогских владѣній, как, напр., владѣній герцога Баварскаго, их владѣнія присоединялись к королевским владѣніям. Но кромѣ этого, во владѣнія Каролингов были громадныя королевскіе лѣса, которые считались заповѣдными, и въ них запрещено было заниматься лѣсными промыслами и охотой. Один изслѣдователь (Бергард) насчитываетъ 15 лѣсных областей. Но эту цифру нельзя считать маленькой, если вспомним, что Германія времен Карла Великаго мало отличалась от Германіи времен Тацита и была сплошь усѣяна лѣсами, так что каждая лѣсная область занимала громадное пространство. Источником королевских земельных владѣній можно назвать также секуляризацию, т. е. отнятіе церковных земель, которыми по праву должны были владѣть Каролинги. Но эти земли не поступали в управленіе королевскаго двора, а были раздаваемы отдѣльным лицам и потому казнѣ не приносили никакого дохода.

Что касается организаціи в управленіи земельными владѣніями, то съ ней можно подробно ознакомиться при посредствѣ прекраснаго источника, именно, знаменитаго капитулярія Карла Великаго об имѣніяхъ — „De villis“. Всѣ земли раздѣлялись на большіе ключи или комплексы, которые назывались „palatia“ или „fisci“. Это было соединеніе ряда земель, находящихся под общимъ управленіемъ, это хозяйственная единица. Управляли такими областями или ключами акторы — „actores“. У акторов находились в подчиненіи „judices“. Но это были не судьи в строгомъ смыслѣ слова, а особые служащіе по управленію сельскими хозяйствами, которые имѣли и извѣстную юрисдикцію. Они назывались иногда также и „villici“. Они, в свою очередь, имѣли в своемъ подчиненіи особыхъ лицъ, которыя назывались „juniores“, или „ministeriales“, или „majores“. Хотя они и различались названіями, но въ существѣ были служебными лицами одного ранга; это, такъ сказать, младшіе приказчики. Они были управляющими отдѣльных дворовъ, входящихъ в составъ „palatia“. Ряд младшихъ приказчиковъ иногда соединялся под наблюденіемъ особаго уполномоченнаго лица, которое называлось „decanus“ и имѣло в своемъ распоряженіи 5—10 „juniores“; это была средняя ступень в служебной іерархіи. Деканы подчинялись акторамъ.

Такимъ образомъ, получается картина довольно сложной хозяйственной администраціи. Чтобы разобратъся въ районѣ дѣятельности этихъ лицъ, узнать величину отдѣловъ каждаго изъ нихъ, нужно обратиться за указаніемъ к источникамъ. 26-я глава капитулярія „De villis“ говоритъ, что каждый младшій управляющій можетъ имѣть во владѣніи участокъ не больше того, сколько можетъ в одинъ день объѣздить и осмотрѣть. Очевидно, для каждаго изъ нихъ назначалась территорія, равная нашему среднему имѣнію в 300—400 десятинъ земли. Избирали этихъ управляющихъ изъ людей незнатнаго положенія, или, какъ говоритъ та же глава капитулярія, изъ людей „среднихъ“: „отнюдь не должно выбирать въ приказчики изъ людей, имѣющихъ могущество, но изъ среднихъ, дабы они были вѣрны“. Округъ, подчиненный *judex*’у, назывался „ministerium“; онъ обнималъ собою нѣсколько приказчичьихъ округовъ. Эти чиновники имѣли право суда надъ свободными и зависимыми людьми, которые жили на королевскихъ земляхъ. Они разбирали разные иски, судили за уголовныя преступленія, за которыя налагали наказанія, заботились о содержаніи разныхъ ремесленниковъ, которые были люди несвободные.

Всѣ управляющіе должны были представлять отчеты о состояніи владѣній. Существовала довольно правильная система

счетоводства. 62-я глава капитулярія „De villis“ говорит, что отчеты должны быть представляемы к Рождеству Христову: „всѣ управляющіе должны представить подробный отчет обо всем собранном, сдѣланном, сохраненном к Рождеству Христову за каждый год, дабы мы могли знать, чѣм располагаем по каждой отдѣльной статьѣ и в каком размѣрѣ“. Тут говорится также и о натуральных и сработанных ремесленниками продуктах, и относительно денежных сумм, что эти суммы должны быть доставляемы ежегодно в Великом посту, не позже Вербнаго Воскресенья, т. е., к Пасхѣ. Это распоряженіе основывалось на том соображеніи, что в промежуток времени между Рождеством и Пасхой можно было провѣрить по представленным отчетам собранныя деньги. Чтобы отчеты были правильны, требовалось, чтобы в каждом имѣніи существовало счетоводство. Так как одни продукты могли отдаваться на прокормленіе жителей, другіе отдавались в корм домашним животным, а третьи могли подвергаться переработкѣ, то отсюда возникали довольно сложныя затрудненія для счетоводства. На этот случай 55-я глава капитулярія „De villis“ требует, чтобы в каждом владѣніи были двѣ книги: в одну должно быть записываемо все, что поступает в доход, а в другую — что расходуется, и на что. Вообще, из капитулярія „De villis“ видно, что сельско-хозяйственная организація была в эпоху Каролингов нисколько не хуже, чѣм в настоящее время.

Вторым источником королевских доходов была дань (tributum), которую уплачивали покоренные и подчинившіеся народы. Так, герцог Боневенскій уплачивал ежегодно 7000 солидов, или 350 фунтов серебра. (В пору Карла Великаго 20 солидов составляли один фунт серебра). Егенгард, біограф Карла Великаго, называет данниками его нѣкоторыя славянскія племена, находившіяся по сю и по ту сторону Эльбы; но сколько кто из этих народов платил, остается неизвѣстным. Судить о размѣрѣ дани можно по тому, сколько уплачивали жители Бретаніи. Они при Карлѣ Великом платили по старому обычаю 50 фунтов серебра, т. е. 1000 солидов. При Людовикѣ Благочестивом и его сыновьях платили иногда дань и Норманны, поселявшіеся на Каролингских землях, хотя надо замѣтить, что они не столько платили, сколько получали.

Третій значительный источник доходов казны заключался в дарах, которые назывались „dona“. В древнюю пору Германіи, описанной Тацитом, главный источник государственных доходов заключался в дарах свободных людей; тоже было и при Меровингах. При Каролингах, хотя дары эти не играли той роли, как раньше, но они превратились из добровольных в обязательные. Мо-

ментом, когда дары должны были подноситься королю, было народное собраніе. Во время этого собранія всѣ свободные франки обязаны были подносить королю дары. Такіе же дары должны были подносить королю церкви и монастыри. Один современник Карла Лысаго свидѣтельствуеет, что дары эти состояли из разных предметов: из оружія, коней, денежных сумм и т. д.

Четвертый источник государственных доходов назывался „сепсус“, т. е. платеж поземельный. Он был остатком старой римской финансовой системы. У Римлян было установлено так называемое „сепсус“, т. е. взиманіе поземельной платы со всѣх, сообразно или с количеством земли, или с количеством душ живущих на ней. Оба вида этого платежа при Карлѣ Великом смѣшались и удерживались в нѣкоторых мѣстностях Галліи. 20-я глава капитулярія 805-го года свидѣтельствуеет о существованіи и смѣшеніи этих налогов: „мы желаем, чтобы ценз (платеж поземельный) королевскій в тѣх мѣстах, гдѣ уплачивался по настоящее время, и нынѣ продолжал бы уплачиваться“. В 812 г. были отправлены государевы посланцы (*missi dominici*) для составленія списков таких мѣст. Тогда же корона приняла мѣры, чтобы платеж этот не был уменьшаем. Запрещалось отчуждать такія земли в пользу церквей; гдѣ же онѣ были уже отчуждены, там повелѣно было продолжать взимать с них этот римскій налог.

Пятый источник государственных доходов заключался в судебных пенях, в штрафѣ, поступающем от разсмотрѣнія дѣл суда. Эти судебныя пени в каролингскую эпоху уменьшились, конечно, не потому, что судебных дѣл стало меньше, чѣм в Меровингскую пору, но потому, что был распространен особый институт, иммунитет, по которому многіе владѣльцы получали право судить на своих землях. Штраф, поступающій от этих судов, шел в пользу самих владѣльцев. Но тѣм не менѣе от них была довольно значительная прибыль и казнѣ, потому что банны в каролингскую эпоху широко практиковались. К конфискаціям имуществ Каролинги также часто прибѣгали, что тоже доставляло казнѣ значительные денежные доходы.

Кромѣ указанных источников дохода, казна Каролингов получила еще много от таможенных или подорожных сборов, а также от платежей на ярмарках и торгах. Относительно этих сборов были разныя распоряженія. В капитуляріи 820-го года говорится: „пусть никто не требует таможенного сбора в других мѣстах, кромѣ ярмарочных мѣст, гдѣ обычно товары покупаются и продаются. Избѣгать ярмарочных мѣст никто из продавцев не должен: кто же будет уклоняться от них, чтобы не платить мыта и что

нибудъ пожелаетъ купить или продать внѣ этихъ мѣст, подвергается штрафу“. Къ ярмарочнымъ присоединялись сборы транзитные или подорожные, так, напр., сбор *ripaticus*, береговой, за право приставать къ берегу; сбор *transiturae, translaturae, pontaticus*, и т. д. Но здѣсь не усматривается строгой послѣдовательной системы таможенныхъ сборовъ, чего и требовать было, конечно, нельзя. Нѣчто совершенно подобное этимъ сборамъ представляютъ мыта московскіе в XVII в.

Благодаря сохраненію одного источника, относящаго хотя къ X в., но дающаго разныя свѣдѣнія о порядкѣ вещей, давно существовавшемъ, — можно судить о размѣрѣ сборовъ. В этомъ источникѣ говорится о сборахъ съ кораблей, идущихъ по Дунаю. Дунай представлялъ изъ себя в эпоху Каролинговъ торговую дорогу. Судна, идущія по Дунаю снизу вверхъ, подвергались взыскаціи пошлины в двухъ мѣстахъ: возлѣ поселка Росдорфа и около городка Линца. Обыкновенная плата составляла пол-драхмы. Если судно было нагружено солью, та брали три модія, или мѣры, соли. Если судно шло еще далѣе Линца, тогда сборы увеличивались. За провоз же рабовъ и другихъ товаровъ, провозимыхъ выше Линца, не назначалось платежа. Кто уклонялся отъ этихъ сборовъ, тотъ подвергался конфискаціи его судна вмѣстѣ съ грузомъ. Кто ѣхалъ по притокамъ Дуная, напр. Моравѣ, тотъ долженъ былъ доплачивать съ cadaго судна по одному солиду. В этомъ источникѣ говорится также и о сборѣ съ возовъ съ товарами и солью, слѣдующихъ по притокамъ Дуная. Съ воза соли полагалось взимать одинъ модій соли. В то время купцы, выходцы изъ Руси и Чехіи, торговали особенно сильно двумя предметами: рабами и конями. Относительно этой торговли была установлена довольно своеобразная таксація. С рабы и с жеребца взималось по 4 динарія съ cadaго; с раба и с кобылы по одному динарію. Раба цѣнилась дороже, какъ, вообще, женщина, в большинствѣ случаевъ за свою красоту. Жеребцы цѣнились дороже, такъ какъ употреблялись для воинскихъ упражненій.

Слѣдующимъ источникомъ дохода для казны была монетная регалія, право чеканить монету. Это право доставляло казнѣ весьма значительный доход. В Меровингскую пору монетной единицей считался золотой солидъ. Такъ какъ солидъ этотъ представлялъ в то время рѣдкость, потому что золота мало было в употребленіи то и была в большемъ ходу мелкая монета — динарій. Одинъ золотой солидъ равнялся 40 динаріямъ. При Каролингахъ в финансовой системѣ произведена была реформа. Такъ какъ золото цѣнилось очень высоко (отношеніе золота къ серебру выражалось какъ 1 : 16, или даже 1 : 20), то чеканили только серебряную монету. Был

введен в употребленіе серебряный солид, который равнялся 12 динаріям. Эта финансовая система вошла в употребленіе сначала среди Рипуарских Франков, а потом распространилась и на все государство. Серебряный динарій не был постоянно одного вѣса, да и вообще в средніе вѣка вѣс и количество чистаго металла в монетѣ измѣнялись часто. При Пипинѣ Коротком из одного фунта серебра вычеканивалось 264 динарія, т. е. 22 солида. Карл Великій приказал чеканить монету бѣльшаго вѣса, из бѣльшаго количества металла, и количество монет понизилось. В 780 г. Карл Великій повелѣл из одного фунта серебра чеканить 240 динаріев, и потому один фунт равнялся только уже 20 солидам. Эта финансовая система заслуживает бѣльшого вниманія, ибо динарій Каролингской эпохи послужил монетною единицею для разных стран. К этому динарію можно приравнять всѣ монетныя единицы, которыя употреблялись в теченіе средних вѣков. Так, англійскій фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, как и Каролингскій фунт, а солид или шиллинг из 12 динаріев. Тоже и в древней Руси: в лѣтописях и сказаніях русских упоминается о платежѣ дани по шелегу, который представлял из себя ничто иное, как солид.

Но Карл Великій не вполне достиг своей цѣли. Долгое время в нѣкоторых частях Каролингской монархіи удерживалась другая финансовая система. В Баваріи употреблялась золотая валюта, или золотой солид, составлявшій 30 динаріев; то же и в Италіи. Карл Великій часто прибѣгал даже к строгим мѣрам, чтобы пріучить населеніе к новой финансовой системѣ. Капитулярій 794 г. объявляет, что за пользованіе старыми динаріями полагался штраф в 15 солидов. Если эти старыя монеты оказывались в руках раба, то монеты конфисковались, а он сам подвергался бичеванію плетями в присутствіи народа. Тоже было и при преемниках Карла Великаго. В 825 г. Людовик Благочестивый признал также необходимою новую финансовую систему и приказал отдавать в перечеканку всѣ старыя монеты. Относительно такой же перечеканки было и впоследствии нѣсколько распоряженій, напр., в 864 г. такое распоряженіе сдѣлали Карл Лысый и Людовик Нѣмецкій. Перечеканка давала казнѣ довольно бѣльшой доход, потому что на монетном дворѣ удерживалась извѣстная доля серебра, монеты же выпускались с бѣльшей примѣсью лигатуры, т. е. неблагогородных металлов.

Монеты в Каролингскую эпоху должны были носить на себѣ имя царствующаго короля, или же его монограмму, каковыя (монограммы) в то время, при неграмотности королей, служили условным знаком для подписи документов и разных актов. Это также

нововведение. В Мерovingскую эпоху на монетах никогда не выставлялось имя короля, а выставлялось имя монетчика, который чеканил монету. Чеканка монет производилась до 806 г. при королевском дворе. Но с течением времени были устроены и другие монетные дворы. Карл Лысый назначил восемь мѣст для чеканки монеты: Реймс, Сан, Париж, Орман, Шалон, Нарбонна и др. В восточной части Франкского государства монетные дворы долго существовали на берегу Рейна — в Кельнѣ, Шпейерѣ и Вормсѣ. По другую сторону Рейна монетные дворы появились впоследствии в Регенсбургѣ, Констанцѣ и Вюрцбургѣ. Но чеканка монеты производилась не только в этих мѣстах, а производилась и в нѣкоторых частях Франкского государства, которыя состояли в полувисимом отношеніи к Каролингам. Так, герцог Боневенскій и римскій папа имѣли право сами чеканить монету, но это было позволено с оговоркой, а именно: требовалось, чтобы на них выставлялась монограмма царствующаго Каролинга.

Если монеты доставляли казнѣ значительный доход, то неудивительно, что правительство принимало строгія мѣры против поддѣлки монет. Собственно, под поддѣльными монетами тогда разумѣлось не то, что разумѣется теперь. „Moneta falsa“ — эта была монета, во-первых, не из благороднаго металла, но которому придавался вид благороднаго металла; затѣм, монета, имѣющая малый вѣс; наконец монета, хотя и полновѣсная и из благороднаго металла, но чеканенная не на королевском дворе. За поддѣлку монет примѣнялись строгія наказанія. В Капитуляріи 818 или 819 г., в главѣ 19-ой говорится: „относительно поддѣлки монет мы постановляем: если кто либо будет изобличен в чеканкѣ такой монеты, тому надлежит отсѣчь руку“. Наказывались также и пользующіея поддѣльной монетой. В том же капитуляріи говорится далѣе: „а если кто ее (поддѣльную монету) принимает, если он свободный, то уплачивает 60 солидов, а если несвободный, раб, то должно дать ему 60 плетей“.

Наконец, к числу источников дохода в Каролингскую эпоху можно отнести натуральныя повинности. К числу этих повинностей, отбываемых населеніем, относится содержание короля и его двора. По обычаю того времени, при проѣздах королей всѣ расходы возлагались на населеніе; оно должно было прокармливать короля и всю его свиту. Другой тяжкой повинностью в этом же родѣ была обязанность доставлять корм коням проходящих войск, при передвиженіи военных сил (fodrum).

Вот всѣ главные источники дохода Каролингских монархов. Теперь мы перейдем к разсмотрѣнію организациі королевскаго двора.

При Карлѣ Великом и его преемниках королевскій двор был центром государственнаго управленія, высшим центральным учрежденіем. Об организаціи королевскаго двора имѣется трактат, написанный реймским архіепископом Гинкмаром, жившим при Карлѣ Лысом. Хотя он жил в такую, сравнительно, позднюю эпоху, но тѣм не менѣе его сочиненіе является прекрасным и почти единственным источником для исторіи организаціи королевскаго двора. В основу этого сочиненія положен другой трактат, написанный современником и сотрудником Карла Великаго-Адельгаром Корбейским. Гинкмар говорит: „его книжку о порядках королевскаго двора я читал и переписал“. И дѣйствительно видно, что в трактатѣ Гинкмара заимствовано, и что его собственное. Он и сам не скрывал этого. Свое сочиненіе он, подобно предшественнику, озаглавил: „De ordine palatii“. В этом сочиненіи самому Гинкмару принадлежат первыя 11 глав и заключительная глава. Все остальное принадлежит Адельгару. Тѣ главы, которыя прибавлены Гинкмаром, отличаются сильной тенденціей, именно, в первых 11-ти главах говорится о значеніи духовной іерархіи, защищается принцип принадлежности ей права управленія.

С организаціей придворной среды ознакомиться необходимо потому, что королевскій двор был высшим центральным учрежденіем, и потому еще, что эта организація, сама по себѣ не самобытная, повторялась в организаціи королевских дворов в теченіе всѣх средних вѣков. Во главѣ придворных чинов стояли четыре сановника: спальник, стольник, чашник, конюшенный. Спальник назывался „camerarius“; отсюда и названіе — коморник, камергер. Camerarius назывался еще иногда в латинских актах „praepositus camerae regalis“. Обязанность его состояла в том, чтобы вмѣстѣ с королевой заботиться о сохраненіи королевских регалій, одѣяній, уборов, подарков, подносимых королю народом. В предыдущую Меровингскую пору эта должность хотя и существовала, но не считалась высокой, и назначались на нее люди незначительные. Теперь же эту должность занимают наиболѣе выдающіеся люди, близкіе к королю. Так, напримѣр, эту должность занимал извѣстный Бернгард из Септиманіи, глава правительства при Людовикѣ Благочестивом. Второй сановник-стольник назывался „senescalcus“. Обязанности его также приподняты сравнительно с Меровингской порой. Должность майордома, существовавшая при Меровингах, была в послѣднее время упразднена, потому что Пипин Короткій сам сдѣлался королем. При Каролингах положеніе майордома перешло на стольника. Но хотя иногда в актах его имя и переводится словом „майордом“,

но это уже ошибочно, потому что каролингскій столъник, сенешаль совсѣмъ уже не то, что меровингскій майордом. Сенешаль наблюдал за всѣмъ дворомъ королевскимъ вообще. Поэтому иногда ему давали другія наименованія, напр. „regiae mensae praepositus“; „magister coquoꝝum“; „infertor“; „dapifer“; все это означаетъ преимущественно завѣдываніе столомъ. Сенешаль вмѣстѣ съ чашникомъ имѣлъ наблюденіе за управленіемъ королевскими виллами. Подъ его начальствомъ находились всѣ лица, которыя завѣдывали различными отраслями дворцоваго хозяйства, а также разные служащіе по завѣдыванію и изготовленію кушаній: пирожники, кухари, и т. д. Третій сановникъ носилъ наименованіе „buticularius“, „pꝛinceps“, или „magister pꝛincernarum“, „summus pꝛincerna“. Онъ стоялъ во главѣ управленія королевскими погребами. Но ему подчинены были и разныя имѣнія, особенно тѣ земли, на которыхъ произрастала драгоцѣнная виноградная лоза. Четвертый сановникъ назывался „comes stabuli“, т. е. стоящій во главѣ управленія конюшнями. Отъ этого наименованія образовалось другое — конетабль. Въ Меровингскую эпоху эта должность носила другое наименованіе, „mariscalcus“ — маршалъ. Обязанности конетабля заключались въ наблюденіи надъ исправнымъ содержаніемъ королевскихъ конюшенъ, а также и вообще за коневодствомъ въ странѣ. Это была важная отрасль управленія, такъ какъ кони были необходимы для войнъ, которыя были тогда очень часты, и конница обыкновенно составляла лучшую часть войска.

Таковы четыре важнѣйшія должности при королевскомъ дворѣ. Изъ разсмотрѣнія ихъ мы видимъ, что каждая должность совмѣщала въ себѣ двоякаго рода обязанности. Съ одной стороны, ихъ обязанности носили характеръ личнаго услуженія государю, а съ другой — каждый сановникъ завѣдывалъ какой-либо общей отраслью государственнаго управленія. Но кромѣ этихъ должностей были и другія. Такъ, „mansionarius“ (mansio — постройка, дом), т. е. квартирмейстеръ, на обязанности котораго были заботы объ отводѣ для нихъ квартиръ. Еще была должность начальника привратниковъ, который назывался „summus ostearius“, „magister ostiariorum“, „palatii aedilis“. Послѣднее наименованіе указываетъ отчасти на его полицейскую власть. Онъ наблюдалъ вообще за порядкомъ при королевскомъ дворѣ. Но онъ исполнялъ и обязанности обергофмейстера, т. е. онъ долженъ былъ при выходахъ короля итти впереди и, вмѣстѣ съ помощниками, расчищать толпу. Обыкновенныя его обязанности заключались въ наблюденіи за впускомъ и выпускомъ лицъ, получающихъ аудіенцію у короля. Въ этомъ отношеніи онъ игралъ очень важную роль. Вполнѣ отъ него зависѣло допущеніе къ королю, или нѣтъ. Имѣется свидѣтельство, что даже наиболѣе вліятельныя лица обращались къ

нему с ходатайством о доступѣ к королю. Слѣдующая должность — ловчіе. Их было всего пять: из них четыре высших ловчих „venatores principales“ и один сокольничій. Эти лица имѣли обязанности и государственнаго характера. Их вѣдѣнію подлежали заповѣдныя королевскіе лѣса; в их же вѣдѣніи находилось и все лѣсное хозяйство страны. Им давались также и часто политическія порученія. В актах указано, что venatores часто посылались с инструкціями и даже к иностранным дворам. Под их наблюдением находился огромный персонал подчиненных. Они должны были содержать на свой счет егерей. Еще должности: „sacsecularius“ — казначей, „dispensator“ — нѣчто вродѣ бухгалтера, „sca-roardus“ — хранитель королевскаго убора.

Вторую категорію придворных должностных лиц составляли чины, которые несли не исключительно придворную, но и государственную службу. Таких чинов при Каролингах было три. Во — первых, палатин, „comes palatii“, впоследствии пфальцграф. Он был вродѣ премьера, т. е. перваго министра. Гинкмар говорит: „палатин имѣет заботы обо всѣх свѣтских дѣлах и обо всѣх судебных дѣлах; он глава суда“. Но кромѣ его были палатины и второстепенные. В Италіи, напр., были особые палатины, которые хотя и не играли той роли, как палатины при королевском дворѣ, но тѣм не менѣ имѣли очень обширныя полномочія, как главнокомандующіе, ревизоры или королевскіе посланцы. Второй должностью этого рода была должность канцлера. Он назывался „protonotarius“ или „Sacri palatii summus cancelarius“, т. е. высшій канцлер королевскаго двора. Имя его появляется впервые на грамотах Людовика Благочестиваго. Но из этого не слѣдует, что этой должности ранѣе не существовало. Канцлеры были и при Меровингах и при Карлѣ Великом, но только не носили этого имени, а назывались просто „notarii“. Особенно эта должность развилась послѣ Карла Великаго. Обязанности канцлера состояли главным образом в составленіи грамот. Под его наблюдением работали разные notarii и писцы. Персонал состоял болѣе из духовных лиц, потому что грамотность составляла в то время преимущество почти исключительно духовенства. Третья должность в этом родѣ — высшій капеллан, „capellanus“, „summus capellanus“. У Гинкмара он носит византийское названіе „apocrisiarius“. Капеллан был главою королевской капеллы, в смыслѣ придворнаго духовенства. Согласно указаніям Гинкмара, капеллан играл такую же роль в духовных дѣлах, как палатин в свѣтских; обо всѣх духовных дѣлах, а равно и о служителях церкви он должен имѣть высшее попеченіе. Сам он не был епископ, но разбираал всякіе споры

и между епископами. От него зависѣло-довести или нѣтъ извѣстный спор до государя. В этом смыслѣ он был весьма значительной особой, вѣроятно, значительнѣе нынѣшняго обер-прокурора Св. Синода. Впослѣдствіи в его положеніи произошло измѣненіе, но в смыслѣ увеличенія власти. При сыновьях Людовика Благочестиваго в руках одного лица были соединены должность канцлера и должность капеллана.

Эти три сановника: палатин, канцлер, капеллан — составляли сами по себѣ то, что называется высшим королевским совѣтом. Всѣ они, вмѣстѣ с другими лицами, каковы „*ministri regis*“, „*ministeriales regis*“, были совѣтниками короля, участвовали в его думах и заботах. Но всѣми этими поименованными должностями не исчерпываются лица, входившія в состав королевскаго двора. Было и много других. Кромѣ имени „*ministri*“ лица, находящіяся при королѣ, назывались, „*consilii regis*“, „*consules*“, „*senatores*“. Чтобы быть совѣтником короля, нужно было имѣть его довѣріе, быть, так сказать, его „*Secretis*“, таким лицом, с которым государь мог бы говорить с глазу на глаз. Потому и назначались сюда лица особенных достоинств. Всякое лицо, имѣющее быть совѣтником короля, все равно — свѣтское оно, или духовное, — должно быть богобоязненно, неподкупно, несвоекорыстно. Гинкмар совѣтует изгонять тѣх лиц, находящихся среди свиты короля, которые не имѣют этих качеств. Всѣ лица двора дѣлились на вѣдомства. Кромѣ подчиненных поименованным сановникам, имѣлись еще категоріи лиц, всегда входивших в состав двора. Так, первая категорія — „*expediti milites*“; они должны были всегда быть готовы по первому призыву явиться на службу. Они получали от короля полное содержаніе и составляли лучшую военную силу. Вторая категорія — ученики и подручные чиновников. Гинкмар говорит, что многія лица отдавались на обученіе разным чиновникам (*per Singula ministeria discipuli*). Обученіе тогда велось непосредственным образом. Третья категорія — лица полусвободныя, зависима, подчиненныя разным чиновникам, а также лица, командируемые к чиновникам, составлявшія их свиту (*pueri vel vasalli*).

Таковы всѣ главныя категоріи лиц, входивших в состав королевскаго двора в эпоху Каролингов. Из очерка дѣятельности этих лиц можно видѣть, что королевскій двор был дѣйствительно высшим центральным органом государственнаго управления.

Наряду с королевским двором было и другое высшее учрежденіе — государственныя народныя собранія или сеймы. Они созывались дважды в год. Гинкмар в 29-ой главѣ говорит: „был обычай такой того времени, чтобы не чаще, но во всяком случаѣ

Народныя
собранія,
или
сеймы.

два раза в год созывались собрания: первое в ту пору, когда опредѣлится общее положеніе государства, к сроку истекшаго года (*ad anni vertentis spacium*)“. В 30-ой главѣ он продолжает: „второе собраніе устраивается только наиболѣе знатными и довѣренными совѣтниками; в этом собраніи устанавливается порядок на слѣдующій год“. Общія собранія являются теперь продолженіем народных собраній Меровингской поры и тѣх, которыя происходили в лѣсах великой Германіи. В этом органѣ управленія и при Каролингах переживается еще принцип народовластія. Первое собраніе соствѣтствует Мартовскому полю (*campus Martius*) Меровингской эпохи. Пипин Короткій нашел неудобными мартовскія собранія и счел необходимым перенести их на Май, в том соображеніи, что в Мартѣ на полях трава еще недостаточно созрѣла и потому корм для лошадей сильно затруднит прибытіе разных лиц на собраніе. Они получают имя „*campus Martius*“. Карл Великій пошел еще далѣе. Он обыкновенно созывал собранія в Іюнѣ, Іюль, чаще в Августѣ и даже в Сентябрьѣ. Наряду со старинными наименованіями собранія стали называться еще и по новому, как-то: „*populi conventus*“, „*placitum populi*“, „*conventus generalis*“, „*synodalis conventus*“. Всѣ эти названія употреблялись в разных случаях.

Что касается мѣста народных собраній, то Гинкмар категорически заявляет, что мѣстом народных собраній служили королевскія *palatia*. Имѣнія королевскія, как сказано, дѣлились на ключи, гдѣ и находились дворцы — *palatia*. Но так как *palatia* находились в различных частях государства, то выбор их зависѣлъ от разных обстоятельств. Первым таким обстоятельством было политическое соображеніе, в какой части начало военных дѣйствій, и потому собранія происходили то на югѣ, то на сѣверѣ. Здѣсь нужно добавить, что хотя Гинкмар и говорит, что собранія происходили дважды в год, не чаще (*pop saepius*), но на самом дѣлѣ при Людовикѣ Благочестивом и послѣ него собранія назначались и по нѣсколько раз в год, по усмотрѣнію короля. Но обычным порядком оставался всетаки тот, который указывается у Гинкмара. Второе собраніе было неполное, на нем не присутствовали всѣ, кто присутствовал на первом собраніи, а были только лица знатныя, пользующіяся королевским довѣріем. На этом собраніи занимались составленіем проектов, чтобы представить их на разсмотрѣніе другого, полнаго собранія. Так как это собраніе было только подготовительное и имѣло цѣлью выработку проектов, то для этого именно и было болѣе удобно малое число членов. Право участія на этих собраніях населеніе цѣнило не вы-

соко, и в этой обязанности видѣло не привиллегию, а тяготу, от которой старалось уклоняться. Это легко объясняется тѣм, что приходилось покидать дом и уходить иногда на очень далекое разстояніе, что плохо отзывалось на ходѣ личных дѣл. В силу этого королям приходилось издавать указы, гдѣ приказывалось непременно посѣщать эти собранія. Так, в капитуляріи 828 г. говорится, что епископы, аббаты и графы обязаны посѣщать эти собранія; а в капитуляріи 803 г. относительно епископов, аббатов и графов, которые не явились на собраніе, постановлены разныя наказанія. В одной хроникѣ сообщается, что импратор приказал в 817 г. собраться на сейм со всего государства у Ахена (резиденція короля) епископам, аббатам, знатым и незнатым франкам. За непосѣщеніе собраній полагался штраф, обыкновенно королевскій банн, что указывает, что уклоненіе от собраній приравнивалось к уклоненію от воинской повинности. Свободные (только свободные, но не знатные) обыкновенно не участвовали в обсужденіи дѣл. В хорошую погоду собраніе помѣщалось обыкновенно под открытым небом, а в дурную — в особом помѣщеніи, которое иногда специально на этот случай устраивалось. В обсужденіях же принимали участіе наиболѣе знатныя и близкія к императору лица; кромѣ прелатов, царских сановников, принимали участіе и другія сановныя лица, напр. графы и лица, имѣющія вѣс в глазах короля, по большей части крупныя землевладѣльцы. Засѣдали они или всѣ вмѣстѣ, или раздѣльно — в двух палатах. Если вопросы касались церковных дѣл: дисциплины, споров, притязаній, и т. п., то они рѣшались одними духовными лицами. Если же вопросы имѣли болѣе общій характер, то рѣшались духовными и свѣтскими лицами вмѣстѣ. Король иногда присутствовал на этих собраніях, а иногда уходил, предоставляя членам самим рѣшать поставленные вопросы. Когда в отсутствіе короля лица совѣщающіяся встрѣчали затрудненія, то посылали к королю с просьбою явиться и объяснить затрудненія. Вопросы должны были разсматриваться в извѣстной постепенности. Гинкмар говорит, что рѣшеніе происходило слѣдующим образом. Сначала разсматривались необходимыя по времени вопросы, а потом уже и все остальное. Когда извѣстный вопрос просматривался и рѣшался, то этим дѣло еще не кончалось; рѣшеніе нужно было прочитать народу. Такая система напоминает то, что было на народных собраніях в Спартѣ, гдѣ высшіе рѣшали дѣла, а низшіе выслушивали их рѣшеніе. Но это не было нововведеніем, появившимся в силу усиленія королевской власти, как она сформировалась в Королингскую эпоху.

Тут такой же порядок, какой был и раньше. Спрашивается, что же дѣлал король, когда в рѣшеніи дѣл участвовали его сеньоры? Как выше замѣчено, король иногда оставлял собранія. Но он не предавался в это время отдыху, а обходил собравшихся людей и разспрашивал их то по одному, то по группам о состояніи областей, из которых они явились. Таким образом он мог освѣдомиться о состояніи всѣх частей государства. Что это было не развлеченіе короля, видно из замѣчанія Гинкмара: „а вторая должность короля-разспрашиваніе (interrogatio)“. Источники отмѣчают при этом, что Карл Великій умѣл не только разспрашивать, но и прикрѣпить, привелечь к сбѣ народ. Он обладал феноменальной памятью и, обходя народ, мог нѣкоторых называть по имени. При этом обхожденіи королем почти всѣ подданные подносили дары. Эти дары, как сказано выше, составляли один из источников доходов королевской казны.

Такова система обсужденія дѣл на народных собраніях. Но является еще вопрос относительно обязательности тѣх постановленій, которыя вырабатывались сеньорами и выслушивались народом. Оказывается, обязательность их не всегда была одинакова. При Карлѣ Великом эти постановленія назывались то „consilium“, то „consensus“ и, стало быть, для короля постановленія этих собраній необязательны. Они не болѣе связывали короля, чѣм земскія собранія в Московскій період на Руси связывали государя. Но с теченіем времени это измѣнилось. Замѣтно, что рѣшенія этих собраній приобрѣтают все болѣе и болѣе авторитет. Это объясняется упадком королевской власти и возвышеніем знати. В послѣднее время рѣшенія этой, так сказать, верхней палаты становятся весьма авторитетными, так что Франкское государство имѣет уже не столько монархическій, сколько республиканскій характер. Об этом свидѣтельствуют надписи на капитуляріях. Так, на Ахенском капитуляріи первых годов IX в. (806 г.) сказано: „и король сам подписал на этих капитуляріях с тѣм, чтобы и всѣ прочіе вассалы своими подписями укрѣпили“. Далѣе, в 843 г. при внукѣ Карла Великаго Людовикѣ Нѣмецком капитуляріи были скрѣпляемы подписями как самага государя, так и епископов и других. Капитуляріи, стало быть, разсматриваются уже как акты воли не только государя, но и других. Таким образом, признается народовластіе.

Переходя к разсмотрѣнію областного управленія во Франкском государствѣ при Каролингах, необходимо сказать нѣсколько слов о дѣленіи государства, хотя и не областном, но с которым тогда приходилось считаться. Нужно указать на этнографическое раздѣленіе государства. Монархія Карла Великаго по своему этно-

Областное
управленіе.

графическому составу была пестра разнообразными племенами. Это пестрота населенія усугубляется еще тѣм обстоятельством, что на рубежѣ государства жили племена совершенно не родственныя германским. На сѣверо-западѣ Франкской монархіи жили Бретонцы кельтскаго происхожденія, а на востокѣ в вассальных и подчиненных отношеніях западные славяне. Эти племена были совершенно чужды населенію Франкскаго государства. Если бы они одни руководились своими обычаями, то это было бы вполне естественно; но оказывается, что и каждое германское племя руководилось своим правом. Так, в одном капитуляріи Пипина сказано: „пусть всѣ люди имѣют свои законы“, и Карл Великій постановил: „воля государя такова, чтобы всякій человек имѣл в полной силѣ его племенной закон“. Таким образом, каждая область имѣла свои правовыя и этнографическія особенности. Конечно, с этим связаны были громадныя неудобства. Различныя племена не всегда соединялись в группы и часто в одном и том же мѣстѣ жили представители разных племен. Выходило нѣчто вродѣ коллизіи прав, которыя дали повод одному хроникѣру того времени сказать слѣдующее: „так зачастую случается, что в одном мѣстѣ засѣдаютъ пять человек, и тѣм не менѣе ни один с другим не имѣет общаго закона“, т. е. каждый живет и дѣйствует по своему племенному закону.

Это этнографическое разнообразіе отражалось не только на юридическом, но и на политическом строѣ страны. В раздѣльном актѣ Карла Великаго, в котором он дѣлит имперію между сыновьями, поименованы части государства: Италія, Испанія, Аквитанія, Баскія, Бургунадія, Прованс, Готія, Баварія, Франконія, Аллеманія, Австразія, Нейстрія, Саксонія и Фризія. К ним слѣдует присоединить упомянутыя в раздѣльном актѣ 807 года: Славонію, Чехію, Аварію, Каринтію. Если эти части и не были включены в состав государства, то находились в вассальной зависимости. По акту 849 г. извѣстны: Рипуарія, Эльзас и Реція. Вот какія этнографическія части входили в состав франкскаго государства. Эти части носили и техническія названія, как-то: „regnum“, „ducatus“, но это значило не государство и не герцогство, потому, что всѣ эти части составляли одно „regnum“, а это свидѣтельствуетъ только о прежнем их значеніи; не герцогство, потому что герцогства были уже отличны. Болѣе самостоятельны были Италія и Аквитанія, а потом Баскія и Бретанія. Что касается земель по правую сторону Рейна, то хотя там и употреблялось названіе „ducatus“, но герцогств там уже не было. В источниках употребляется не только названіе „ducatus“, но и „dux“, по отношенію к одному лицу; но и это не значит герцог, потому что их не было, а значит военачальник. Тѣм не

менѣе в отдѣльных пограничных областях необходима была организація на других началах, чѣм та, которая внутри государства. Окраинныя области назывались „marca“, „limes“, т. е. окраины, и управляли ими не маркграфы, а простые графы, только с болѣею территоріей и с правом, в случаѣ опасности, созывать войска. Назывался граф этот „comes prefectus limitis“ — пограничный граф. Было нѣсколько областей при Карлѣ Великом с болѣе или менѣе самостоятельным управленіем: Испанская, Бретонская, Саксонская (между Эльбою или Лабою и Кильской бухтою), Датская, Сорбская (Сербская, между Лабою и Салою или Заалою), Аварская (называется иногда Паннонская), затѣм Фриульская. К сожалѣнію, источники времени Карла Великаго не дают возможности опредѣлить положеніе, объем и время возникновенія этих областей. Таково было раздѣленіе франкской монархіи в этнографическом отношеніи.

Нормальная организація областнаго управленія во франкском государствѣ была установлена по графствам. Графства — явленіе не новое, они были еще при занятіи этих земель германцами. Но „pagus“ (pagus — графство) Тацитовскій не то, что „pagus“ позднѣйшій. Послѣдній приравняется к Тацитовскому „civitas“. Если эти pagus являлись преемниками civitas, то очень понятно, что они существовали и в Меровингскую эпоху, но только тогда они были не повсюду, повсемѣстными стали только при Карлѣ Великом. Но если можно говорить, что графства преемники территоріальности стариннаго племеннаго раздѣленія, то с нѣкоторыми ограниченіями. Так, в Италіи была преимущественно городская жизнь; там под графством разумѣлась территорія того или другого города. В Баваріи под графством разумѣлось почти то же, что и у Тацита, только болѣе обширная территорія. Кромѣ pagus употреблялись и другія названія: „ministerium“, „provincia“, „marca“, „territorium“, все это означало графство. Во главѣ каждаго графства стоял граф, „comes“, который назывался иногда „prefectus“, „praeses“, или даже „rector“, „consul“. На мѣста графов король назначал лиц по своему усмотрѣнію, и на всю жизнь. Но это не исключало возможности смѣщенія таких лиц, которыя оказывались неспособными. Из эдикта Клотаря II от 614 года видно, что королям приходилось считаться с происхожденіем лиц назначаемых в графы. Там говорится: „пусть никто не назначается на административную должность из других земель или округов, потому что если подобный административный чиновник что-нибудь дурное совершит, то чтобы можно было вознаграждать матеріальные ущербы из его собственнаго достоянія“, т. е. на должность надо назначать лицо из той же страны,

куда оно назначается, и с матеріальными достатками. Но это требованіе по отношенію к графу было предъявлено, собственно не по выставленным соображеніям, а обусловливалось желаніем аристократіи захватить в свои руки власть. Но Карл Великій и его преемники не обращали вниманія на это требованіе и назначали в графы лиц чуждаго происхожденія. Не могло быть рѣчи и о наслѣдственности. Хотя король часто назначал в графы сына прежняго графа, но это было не в силу наслѣдственности; король всегда мог поступить и иначе. Так, Карл Великій назначал на должности графов даже лиц незнатнаго происхожденія или из вольноотпущенников, отличающихся талантами, по своему к ним довѣрію. Что касается власти графа, то она была очень обширна. Ему принадлежала такая же власть в графствѣ, как королю в государствѣ. За неисполненіе своего приказанія граф мог налагать банн, причем размѣр этого банна был наравнѣ с королевским: взыскивалось или 60 солидов, или только 15 солидов. Текст, имѣющій отношеніе к Саксоніи, гласит: „мы даем право графу налагать банн в предѣлах его графства: за нарушеніе общественной тишины 60 солидов, а за болѣе мелкіе проступки устанавливаем размѣр банна 15 солидов“. Но в большинствѣ случаев графскій банн равнялся 15 солидам. Граф не получал жалованья, потому что не было обычая давать вознагражденіе из государственной казны. Он должен был пользоваться доходами, которые получались из слѣдующих источников: 1) он пользовался доходами с земель, приписанных к этой должности (*beneficia*); 2) пользовался нѣкоторой частью от монетных регалій; и 3) получал третью часть судебных штрафов.

У графов были свои подчиненные, помогавшіе им в управленіи обширной территоріей, это центенаріи и викаріи. Назначеніе их зависѣло от выбора не графа только, но и населенія. В капитуляріи 809 года читаем: „пусть будут назначаемы центенаріи, скабины по соглашенію между графом и населеніем“. Иначе викаріи назывались „*viccomes*“, „*vicedomines*“ — замѣстители графа. Для дѣл срочных или для развѣдыванія дѣл на мѣстѣ графы посылали особых „*missos*“, которые имѣли власть только такую, какая была указана в полномочіи графа. Кромѣ этих замѣстителей был еще низшій персонал: „*ministri*“, „*juniores*“, „*decani*“. У каждого графа была канцелярія для письменоводства из писцов и нотаріев. О писцах в капитуляріи 805 года сказано: „пусть они не пишут подло (*vitiose*)“. О нотаріях сказано: „пусть каждый епископ и граф имѣют своего нотарія“. Так как граф был намѣстником короля, то он находился под особой охраной законов. За убійство графа полагалась вира втрое болѣе, чѣм за простого человѣка. Так как

вира частный штраф, а граф не частное лицо, но государственное, то к вирѣ присоединялась конфискація имущества виновнаго. (Саксонскій капитулярій).

Промежуточным звеном, посредством котораго центральное и областное управленіе сводились к одной системѣ, был институт государевых посланцев, „missi dominici“. Этот институт не представляет новости ни для времени Карла Великаго, ни для послѣдующих времен. Он был извѣстен и ранѣе. При Пипинѣ Коротком существовали „missi discurrentes“, что тожественно с missi dominici и означает объѣздных посланцев. Окончательную организацію дал этому институту Карл Великій и притом не в первые годы царствованія, а когда уже стал императором. Официальныя названія лиц этого института в источниках слѣдующія: „legatus“, „nuntius“, „missus“, иногда с объяснительными эпитетами — „dominicus“, „regalis“, „palatinus“, „fiscalis“. Вообще, термины для обозначенія этой должности были разнообразны, хотя термин missus преобладал. Характер порученій, которыя давались им, зависѣл от степени довѣрія к этим лицам. Но в общем порученія эти были очень разнообразны. Вѣдѣнію этого института подлежала главным образом постоянная ревизія над областной администраціей. Он сильно походит на современную постоянную сенатскую ревизию. В отношеніи их дѣятельности примѣнялся принцип территориальности. Государство дѣлилось на округа. Округа назывались различно: „missatica“ (образовалось варварским способом от missus) или „legationes“. Но число и объем этих округов остается неизвѣстным. Имѣется одно свидѣтельство, относящееся ко времени Людовика Благочестиваго, которое заставляет думать, что раздѣленіе государства на подобные округа совпадало с церковным раздѣленіем государства. Основаніем для этого мнѣнія служит прямое указаніе в документѣ „Commemoratio missis data“ от 825 года, гдѣ перечисляется нѣсколько missatica: Безансон, Майнц, Трир, Кельн, Реймс, Сан, Руан, Тур, Ліон. Но всѣ эти missatica относятся к западной половинѣ Каролингской монархіи. Относительно же Италіи и Германіи свѣдѣній нѣтъ. Было-ли там такое совпаденіе церковнаго и административнаго раздѣленія — мы не можем сказать. Что касается числа посланцев, то оно не в каждом округѣ было одинаково. Обыкновенно посылали двух лиц, так было в 802 году: одно лицо было духовное и другое свѣтское. Но иногда посылали и троих, как и в упомянутом документѣ 825 года: одного епископа, одного архіепископа и одного графа. Иногда посылали даже четырех. Вообще, количество посланцев зависѣло от разных случайных обстоятельств. К этому надо прибавить, что

Лекція VI.
Missi
dominici.

кромѣ высокопоставленных лиц посылались лица и менѣ знатныя, напр. королевскіе вассалы. Власть посланцев простиралась только на один округ, слѣдовательно, одновременно посылалось столько миссій, сколько было округов. Власть *missi dominici* ограничивалась также и во времени; она простиралась только на один год. Этот срок, как видно из капитулярія Людовика Благочестиваго от 828 года, начинался с Пасхи. В нем говорится: „наши посланцы должны начать свой объѣзд в Пасхальную недѣлю“. Объѣзд округов должен был совершаться четыре раза в год. Обыкновенно его приурочивали к четырем временам года и совершали в Январѣ, Апрѣлѣ, Іюлѣ и Октябрѣ. Объѣзжая таким образом свой округ, они должны были дѣйствовать сообразно данным им инструкціям; в затруднительных же обстоятельствах должны были обращаться к королю за разъясненіем. Дѣятельность и наблюденія посланцев давали огромный матеріал для центрального правительства в интересах законодательной дѣятельности. Объѣзд обыкновенно обнаруживал тѣ или другія слабыя стороны и влек за собою пересмотр постановленій относительно государственной или областной организаціи.

Missi dominici дѣйствовали не единолично, но созывали различныя собранія в своих участках. Интересно ознакомиться с дѣятельностью этих собраній. Извѣстно, что на них должны были являться должностныя лица и крупные землевладѣльцы; только болѣзнь освобождала их от этой обязанности. В капитуляріи 819 года читаем: „пусть всякій епископ, аббат и граф, за исключеніем случаев заболѣванія или нашего спеціальнаго порученія, не имѣет никаких извиненій и пусть является на собранія наших посланцев, или посылает такого уполномоченнаго, который мог бы за него дать соотвѣтственный отчет или разъясненіе“. Кто уклонялся от посѣщенія собраній, имена тѣх заносились в особый список, который был отправляем к государю. Государь налагал на таких лиц банн. Собранія должны были созываться четыре раза в год и каждый раз на четырех отдѣльных мѣстах. слѣдовательно, в предѣлах округа происходило 16 совѣщаній в год. Занятія на собраніях велись по инструкціям, какія давались посланцам. Сначала опубликовывались инструкціи, затѣм узнавали о ходѣ дѣл в округѣ и замѣченныя неисправности по возможности исправлялись; затѣм всѣх приводили к присягѣ. Об этих собраніях до нас сохранился один отрывок, описывающій, как велось на них дѣло. Он относится к области Истріи (на сѣверо-востокѣ Италіи). Было созвано собраніе, на котором присутствовали Фортунат, патріарх Аквилейскій, 5 епископов и вельможи Истріи. Собраніе избрало

из своей среды 172-х человек, живших в разных мѣстах провинціи, которые были приведены к присягѣ, что покажут все по совѣсти. Вопросы предлагались сначала относительно церковных дѣл, затѣм относительно административных и судебных дѣл; потом слѣдовали вопросы, не были-ли причинены обиды народу, вдовам, сиротам, и т. д. Вопросы привели к тому, что был выяснен ряд несправедливостей. Поступили жалобы на патріарха Фортуната, епископов и герцога Іоанна. Когда жалобы были собраны по пунктам, тогда *missi dominici* приняли соотвѣтственные мѣры и потребовали от виновных лиц обязательств, что будут избѣгать обнаруженных проступков. Когда протокол был составлен, присутствующіе всѣ подписались. Благодаря этому отрывку, можно судить о процедурѣ собраний, которыя созывали *missi dominici*. Но кромѣ этих, так сказать, административных собраний были и другія, которыя можно назвать мѣстными, народными. Эти собранія не касались вопросов административных, военных, финансовых а касались только судебных дѣл. — На этих собраніях *missi dominici* являлись замѣстителями нормальной администраціи-графов. При появленіи объѣздных государевых посланцев судебныя полномочія графа прекращались. Об этом свидѣтельствует капитулярій 819 г., гдѣ дается указаніе, „чтобы *missi dominici* не вѣзжали в области графов, которые добросовѣстно вѣдают судебныя дѣла и долго бы не пребывали там и не созывали бы населеніе на свои судебныя собранія; но пусть они там остаются долѣе, гдѣ судебное дѣло ведется недостаточно или небрежно“.

Такова дѣятельность королевских посланцев. Этот институт имѣл свои хорошія и дурныя стороны. Хорошія состояли в том, что правительство всегда могло знать о состояніи областей, могло немедленно исправлять и прекращать дурное, хотя бы путем законодательным. Но были и дурныя стороны. Так как посылка посланцев прерывала нормальный ход отправленія обязанностей мѣстной администраціи, то это уже первая дурная сторона. Затѣм, всегда могло быть и бывало, что посланцы относились с предубѣжденіем к положенію дѣл в извѣстном округѣ и ревизія их имѣла характер сведенія личных счетов. Кромѣ того, участіе административных лиц во многих собраніях отнимало у них время и отвлекало их от исполненія своих обязанностей. Слѣдовательно, этот надзор мог служить причиной разстройства правильных дѣйствій администраціи, т. е. служить цѣли обратной той, какая имѣлась в виду.

Что касается матеріальнаго обезпеченія этого института, то, конечно, при Карлѣ Великом не могло быть и рѣчи о каком-либо

денежном вознагражденіи. Такого вознагражденія тогда не существовало и административныя лица обыкновенно жили одними доходами или получали в качествѣ вознагражденія угодья земель. Но по отношенію к *missi dominici* дѣло стояло иначе. Состав их мѣнялся каждый год, а при такой перемѣнѣ персонала, нельзя было и думать о вознагражденіи их угодьями. Вознагражденіе их было ограничено предоставленіем им права на содержаніе со стороны мѣстнаго населенія. Но, чтобы они, развѣзая со слугами, не обременяли населеніе, был установлен тариф, согласно которому должен получать каждый *missus dominicus*. В капитуляріи 819 г. „*De dispensa missorum nostrarum*“ говорится: „епископ, если был в посольствѣ, и архіепископ получают ежедневно 40 хлѣбов, 3 рыбы, 3 мѣры напитка, одного поросенка, 3 кур, 15 яиц, и лошадям 4 мѣры корму; если это аббат, граф, министеріал, то получает ежедневно 30 хлѣбов, 2 рыбы, 2 мѣры напитка, одного поросенка, 3 кур, 15 яиц и 3 мѣры корму для лошадей; если это вассал, то получает ежедневно 17 хлѣбов, одну рыбу, одного поросенка, одну мѣру напитка, 2 кур, 10 яиц и 2 мѣры корму для лошадей“. Но если принять во вниманіе этот тариф и то, что никто из посланцев съѣсть и выпить всего выдаваемого был не в состояніи, то увидим, что получался избыток, который и шел посланцам как вознагражденіе. Это вознагражденіе вполне можно приравнять к прогонным, которые выдаются нашим чиновникам. — Этим очерком организаціи института государевых посланцев можно закончить обзорѣніе административнаго строя Каролингскаго государства.

Феодализм.

На организацію важнѣйших отраслей государственнаго управленія имѣл вліяніе институт или порядок, который тогда сложился и извѣстен под именем „феодализма“. И на общественную, и на военную, и на финансовую, и на судебную организацію феодализм оказал сильное воздѣйствіе. Феодализм — это сложное общественно-государственное явленіе, сложное потому, что оно есть соединеніе в одну систему трех институтов разнообразнаго содержанія. Эти институты извѣстны под именем бенефициальных отношеній, вассальных отношеній и иммунитета. Соединеніе их и образовало феодальный строй. Что касается отдѣльных элементов, то всѣ они происхожденія не германскаго, а римскаго или кельтскаго. Бенефициальныя отношенія преемственно унаслѣдованы от римлян; „*beneficium*“ — это развитіе римскаго института, извѣстнаго под именем „*precarium*“ института частнаго или гражданскаго права. Вассальныя отношенія происхожденія кельтскаго. Иммунитет происхожденія римскаго, он был извѣстен в западно-римской имперіи в послѣднее время. Но и новаго здѣсь внесено много. Хотя каждый

из этих институтов не может быть приписан творческому гению германского народа, но нужно сказать, что самый феодализм, как система, создан именно новыми германскими народами. Разрозненные элементы были соединены вмѣстѣ. Соединение это произошло в течение VII—VIII вѣков и является свидѣтельством того, что общество этого ранняго средневѣкового періода не было лишено творческой дѣятельности в области социальнo-государственной. Соединение элементов произошло в силу творческих начал, которыя находятся в самой жизни.

Первоначально среди германцев преобладал пѣшій строй, но при Меровингах получает значеніе конница, в которой служили антрустіоны, дружинники короля (*in truste dominica*). Когда церковныя земли были конфискованы Карлом Мартелом и сыновьями его, то было сдѣлано дѣленіе на участки и эти участки были розданы разным лицам, как бенефиціи. Это было сдѣлано в видах усиленія военной силы, так как лица, получившія участки земли, должны были нести конную военную службу, и эти лица готовы были вступить в вассальную зависимость. Таким образом, к бенефиціальным отношеніям присоединилось начало вассальное. С другой стороны, первоначально при королевском дворѣ были лица „*vassi regis*“. Сначала они содержались на средства двора. Но с теченіем времени их удалили от двора и дали им земли на бенефиціальном правѣ. В данном случаѣ к вассальным отношеніям присоединились бенефиціальныя, как в других случаях к бенефиціальным вассальныя. Это соединеніе замѣчается в концѣ VIII и началѣ IX вѣков и достигает завершенія в половинѣ IX в., когда не было вассала, не имѣющаго бенефиціи, и не было бенефицій, не находящихся в руках вассалов. Но соединеніе требовало и извѣстной символизациі. Вассальныя отношенія внѣшним своим выраженіем имѣли „*commendatio*“, когда один человек препоручал себя другому человеку. Коммендація (*commendatio*) совершалась извѣстным образом. В руки того, кто брал к себѣ другое лицо в вассальную зависимость, влагались руки другого, и этот послѣдній приносил присягу. С другой стороны, полученіе бенефицій сопровождалось также символизацией, в силу которой совершался ввод во владѣніе. Этот ввод во владѣніе, вмѣстѣ со знаками, которые при этом употреблялись, напр. держаніе земли и др., был извѣстен под именем „инвеституры“. Когда произошло соединеніе бенефиціальныя и вассальныя отношеній, тогда естественно потребовалось и соединеніе символов того и другого. С одним лицом совершались и акт коммендаціи и акт инвеституры. Это соединеніе и образвало собою ту часть феодальных отношеній, которую можно было

бы назвать частным феодализмом. Но когда к ним присоединился и третій элемент, т. е. иммунитет, тогда образовался государственный феодализм, ибо иммунитет и состоял в том, что в руки землевладѣльцев предоставлялись права административной и судебной власти по отношенію к населенію в их округах. Государь отказывался от значительной доли суверенных прав в пользу землевладѣльцев. — Вот то, что называется феодализмом.

Соціальная
организа-
ція.

Послѣ этой краткой характеристики феодализма, при чем нами были оставлены в сторонѣ вопросы о происхожденіи элементов, кои легли в основу феодализма, ибо об этом уже была рѣчь в курсѣ прошлаго года, мы перейдем к ознакомленію с отдѣльными отраслями управленія, предпослав очерк соціальной организаціи. С этой послѣдней мы ознакомимся, рассмотрѣвъ тѣ соціальные круги, на которые распадалось населеніе Каролингскаго государства. Во главѣ этих кругов стояла аристократія, которая не была родовой или племенной. Послѣдняя исчезла в разное время и преимущественно в Меровингскую эпоху. Въмѣсто нея явилась служебная аристократія, — это лица, которыя выдвинулись по своему высокому положенію на службѣ. Служебное происхожденіе отмѣчалось наименованіями: „*proceres regni*“, „*optimates*“, „*principes*“. Средним классом были „*nobiles*“, хотя и не знатные люди, но вполне свободные во всѣх отношеніях. Термин „*nobilis*“ нельзя переводить словом „аристократ“. Его нужно отличать от „*liber*“, который хотя и был свободен, но не во всѣх отношеніях. Что их нужно различать, это ясно указано в сочиненіи Тегана (о Жизни Людовика) в 44-ой главѣ, гдѣ идет рѣчь об архіепископѣ Еббонѣ Реймском и говорится: „я сдѣлал тебя свободным, но не нобилем (*liberum*, поп *nobilem*), это невозможно“. Еббон был рабскаго происхожденія, и память об этом происхожденіи лежала на нем клеймом, которое помѣшало ему быть нобилем. Неудивительно, что в источниках встрѣчается то и другое наименованіе, а также и такіе термины, которые указывают на различіе, обуславливающееся матеріальным положеніем, именно: „*mediocres*“, „*pauperiores*“. Повидимому, они отличаются от *liberi* и пользуются меньшею мѣрой владѣній. Число свободных (*nobiles*) в Каролингскую эпоху подверглось уменьшенію. Уменьшеніе происходило от разных причин и привело к тому, что большая часть вполне свободнаго населенія переходит постепенно в *liberi*, *mediocres* и т. д. Совершалось *commendatio* себя тому или другому лицу. Причина уменьшенія вполне свободнаго населенія заключалась в тяжелых налогах и экономических соображеніях, вытекающих отсюда. Было удобнѣе отказаться от прав свободнаго человѣка и сдѣлаться за-

висимым, чтобы приобрести взамен того право пользоваться большим участком земли. Другим побуждением было то, что после Карла Великого внутреннее управление страны пришло в расстройство. Лица административныя притѣсняли населеніе, насильно вымогали у него налоги. Результат получился опять тот же, именно, свободные люди считали гораздо удобнѣ селиться на землях крупных землевладѣльцев, которые обезпечивали переселенцам покровительство, ибо пользовались правом иммунитета. Далѣе, к числу причин уменьшенія вполне свободного населенія надо отнести развитіе вассальных и феодальных отношеній. Вслѣдствіе плохого матеріальнаго состоянія многіе коммендировали себя к отдѣльным лицам и получали при этом бенефиціи.

Третью ступень в ряду социальнаго государственнаго строя представляли „libertini,“ вольноотпущенники. Libertini происходили из бывших рабов. Они сидѣли на господских землях и за право пользованія ими платили денежный сбор, census, а равно отбывали в пользу землевладѣльцев барщину, — воспоминаніе прежняго рабскаго происхожденія. Мало от них отличались и тѣ свободные — liberi и nobiles, — которые селились на чужих землях. Вся эта масса населенія (libertini, а также liberi и nobiles) носила в источниках одинаковое названіе — „censuales“, „censarii“, „tributarii“. Таким образом, этот класс представлял собою смѣсь обломков социальнаго раздѣленія, поставленных теперь в однѣ экономическія условія. Состав этого класса пополнялся фискалинами, т. е. казенными крестьянами, еkkлeзіастиками, т. е. церковными крестьянами, а по завоеваніи Лангобардскаго государства — альдіями. Все это были зависимые люди различнаго происхожденія и отчасти положенія. Они составляли промежуточный класс между свободными и рабами. Зависимые люди, проживающіе на казенных землях, назывались фискалинами. Преимущество их, сравнительно с другими зависимыми людьми, состояло в том, что вира за них полагалась в количествѣ 100 солидов. С другой стороны, они пользовались не только большим покровительством, но имѣли и нѣкоторыя другія права. Им принадлежало право продажи и вообще распоряженія участком земли, данным им, хотя только в предѣлах, гдѣ он сам проживает, и если предоставлялась продажа, то таким лицам, которыя принадлежали к тому же имѣнію и были равны с продающими по своему социальному положенію. Близко к ним стояли люди, проживавшіе на землях церковных, ecclesiastici. Это не духовныя лица, которыя назывались клириками, а просто чиншевые люди, которыя жили на церковных землях. Фискалины чувствовали себя болѣе или менѣе сво-

бодными; они иногда получали даже бенефиции. Вмѣстѣ с еkkлeзіастиками они близко подходят к Лангобардским альдіям.

Ниже всѣх по соціальному положенію стояли во Франкском государствѣ „servi“ или „mancipia“ — рабы. Никаких прав свободной личности они не имѣли. На них смотрѣли как на простое имущество. Но вмѣстѣ с тѣм в это время становится замѣтным смягченіе классическаго рабства. Государь вступаетъ за их права и запрещает продавать их за предѣлы государства нехристіанам. Так как servi не имѣли прав свободной личности, то за поступки свои они сами не отвѣчали, а отвѣчали их владѣльцы. Только в уголовных процессах, поскольку дѣло шло о жизни или смерти, отвѣтчиками были тѣ и другіе. Но в положеніи рабов были и заманчивыя стороны, особенно когда страну посѣщал голод. Тогда населеніе вымирало от голода и свободные предпочитали попасть в рабство, чѣм оставаться свободными и помирать с голоду, потому что господа были обязаны кормить своих рабов во время голода. Слѣдовательно, и servi имѣли нѣкоторыя права. Но с теченіем времени, отчасти с Карла Великаго, в положеніи рабов все болѣе замѣтно смягченіе. Они приобрѣтают права личности, права имущества и превращаются в особый слой населенія, хотя и старый по внѣшнему виду, но уже с другим содержаніем: servi начинают походить на вольноотпущенников (libertini).

Военная
органи-
зація.

Из отдѣльных отраслей государственнаго управленія большое вліяніе на внѣшнее и внутреннее положеніе государства имѣла военная организація. Каролинги и в законодательствѣ и в экономическом положеніи преслѣдовали интересы защиты государства, обращали вниманіе на обезпеченіе условій, необходимых для защиты государства, главным образом, от внѣшних врагов. Отсюда выходит обязательность службы для каждаго свободнаго и полусвободнаго человѣка. Каждый должен был являться на службу вооруженным, становиться под начальство графа и при первой надобности выступать в поход. Введеніе иммунитетов территорій произвело измѣненіе в этом отношеніи. Там населеніе становилось под начальство не графа, а под начальство своего землевладѣльца. При Карлѣ Великом военная повинность была общеобязательной. Впрочем, относительно этого вопроса мнѣнія ученых расходятся. Вайц утверждал, что обязанность нести военную службу лежала только на землевладѣльцах. Рот, Бореціус и другіе возражают, что военную службу должны были нести всѣ свободные люди и даже зависимые. Доказательство они видят в том, что короли предписывали приводить к присягѣ все населеніе и даже в предѣлах иммунитетных округов. А так как в формулѣ присяги

упоминается между прочим и о военных обязанностях, то естественно заключить, что всё несли военную службу, даже вольноотпущенники и рабы, хотя послѣдніе только в крайних случаях, напр. при непредвидѣнных вторженіях. Это видно также из капитулярія 847 года, гдѣ говорится, что военную службу обязаны нести извѣстныя лица; в тѣх же случаях, когда вторженіе врагов в государство происходит внезапно, тогда весь народ должен идти для отраженія врагов.

По капитуляріям Карла Великаго видно, что всё являющіеся на военную службу должны были имѣть копье, щит, лук с двумя тетивами и 12-ю стрѣлами, но палицы запрещается брать с собою. „Пусть никто не имѣет палицу, но лук“. Можно заключить отсюда, что палицы были распространены, а лук являлся нѣкоторым нововведеніем. Но это был минимум требованій, предъявлявшихся к несущим военную службу. Достаточные землевладѣльцы, хотя и не состоящіе в числѣ вассалов должны были являться на конѣ, имѣть копье, щит, лук с колчаном и стрѣлами, меч и кинжал. Болѣе богатые должны имѣть и прикрытіе для тѣла-броню. В капитуляріи 805 г. говорится: кто имѣет 12 мансов земли, тот должен являться в бронѣ!*) По старинному обычаю каждый являющійся по требованію правительства должен был захватывать с собою оружія, чтобы его хватило на полгода, и с запасом одежды на полгода. Припасов должно брать на четверть года, считая срок со вступленія на границу извѣстнаго владѣнія или на мѣсто, указанное для сбора войска. Разумѣется, чтобы захватывать с собой эти припасы, ратникам нужно было являться с возом. Вмѣстѣ с тѣм запрещалось во время прохожденія по государственной территоріи заниматься похищеніем и грабежом. Замѣченныя в этом лица подвергались позорному наказанію и денежному взысканію (armiscara). Первое состояло в том, что виновный должен был сойти с коня, навьючить на себя сѣдло и так идти; кромѣ того полагалось еще и денежное взысканіе в тройном размѣрѣ. Но нѣкоторыми вещами дозволялось пользоваться при проходѣ чрез свое государство. Так, позволено было брать огонь, воду, дрова или дерево, сѣно для коня. Выйдя за предѣлы государства, воины имѣли право на добычу в полной мѣрѣ. Неудивительно, что всё тогдашніе походы носят характер опустошительных войн. Походы сопровождались поголовным грабежом всего имущества даже у мирнаго населенія.

*) Манс это наибольшая единица земли, которую с трудом может обработать одна здоровая семья в теченіе года.

Если отбываніе военной службы было всеобщей повинностью, то понятно, что за неявку на эту службу полагался штраф — „heribannus“. Он взимался в размѣрѣ 60 солидов, а при несостоятельности все имущество провинившагося конфисковалось, причем предварительно совершалась опись и накладывалось запрещеніе на имущество до того времени, пока сам король не разсмотрит дѣло. Если виновный умирал до разсмотрѣнія дѣла, то взысканіи за провинность переходило на его наслѣдников. Они могли быть лишены наслѣдства. Если по отношенію к владѣльцам алодов (участков собственной земли) полагалось взысканіе, то болѣе серьезное взысканіе примѣнялось по отношенію к вассалам. За неявку к военной службѣ они лишались своих бенефицій. Кто опоздал явиться в срок, тот подвергался воздержанію от вина и мяса в теченіе времени, какое пропущено. Ни возраст, ни болѣзнь не освобождали бенефициала от обязанности нести военную службу. В крайнем случаѣ он должен был прислать вмѣсто себя замѣстителя. Таким образом, количество воинов всегда оставалось неизмѣнно. Ровным образом, епископы, графы, королевскіе вассалы, если не могли участвовать в походѣ, должны были присылать замѣстителей и чрез них приносить присягу в справедливости отлучки. Но иногда примѣнялось и полное освобожденіе от военной службы напр. для охотников на волков и для клириков. Первые освобождались в виду общественной безопасности, а вторые на основаніи каноническаго права. Волки были обычным явленіем в тѣ времена; естественно, что были необходимы команды для их истребленія. Если во время похода, или вообще со времени выступленія в поход, кто-либо покидал войско (herisliz), то подвергался за эту вину смертной казни; и эта казнь могла быть отмѣнена лишь в единственном случаѣ, именно, когда сам король милостиво прощал осужденнаго. Командующіе графы не могли освобождать ни от явки на службу, ни от штрафов за неявку. Но так как количество свободнаго населенія постепенно уменьшалось, то возникал вопрос, как относиться к зависимым людям в случаѣ их неявки на военную службу. Было установлено, что за их неявку отвѣчает синьор, от котораго они зависят; он уплачивает и штраф. Укланяющихся от военной службы вообще было очень много; потому и учреждена была особая должность „heribannatores“, которые должны были объѣзжать области и взимать штрафныя деньги. Виновные должны были и содержать этих лиц на свой счет. Missi dominici имѣли высшій контроль над исполненіем воинской повинности, они наблюдали и за кассою heribannatores. Часть штрафных денег поступала в пользу графа, именно, треть, а остальные двѣ трети шли в казну.

О походѣ, задуманном на генеральном собраніи, объявлялось во время засѣданій собранія. Но когда поход задумывался экстренно, то к одним отправлялись призывныя письма, к другим посылались глашатаи (*missi, nuntii*): *ad congregantum exercitum nuntii*. Эти глашатаи и оповѣщали населеніе о сборѣ в поход. Как совершались самые сборы, об этом сохранилось свидѣтельство в любопытном письмѣ епископа — Трирскаго к епископу города Туля. Поход был задуман экстренно против Бернгарда Итальянскаго, и были приказано: „кто находится в нашем объѣздном округѣ, всѣ пусть приготовятся так, чтобы, если извѣстіе или призыв к походу придет к вечеру, то утром должны выступить в поход; если же извѣстіе придет утром, то вечером должны выступить, — по направленію Италіи“.

Так как военная служба была важной отраслью государственной дѣятельности и падала всей тяжестью на населеніе, то государство принимало мѣры к охранѣ прав находившихся в походѣ. Всѣ лица, участвовавшія в походѣ, освобождались от обязанности являться по судебным призывам как во время похода, так и в теченіе 40 дней послѣ похода. В теченіе времени похода и 40 дней послѣ него судебная дѣятельность государства до нѣкоторой степени пріостанавливалась. Затѣм, участвовавшія в походѣ лица находились под особым покровительством и в отношеніи их жизни и имущества. Если кто из них был убит соотечественником, то за убійство его полагался штраф в тройном размѣрѣ. Кромѣ того, если кто, в отсутствіе воина нападет на его дом, ограбит его имущество, или оскорбит членов его семьи, того заключали в тюрьму и заковывали в цѣпи. Здѣсь нужно присоединить замѣчаніе относительно низших разрядов зависимаго населенія. Хотя и бенефициалы были зависимыми людьми, но кромѣ их было много и других разрядов. Эти низшіе разряды зависимаго населенія обыкновенно в походах не участвовали, но платили военный налог за освобожденіе от военной службы (*hostilium, hostilicitas, saguaticum*). Так как походы при Каролингах происходили постоянно, то и налоги эти брались постоянно, хотя надо замѣтить, что низшіе зависимые классы населенія не освобождались безусловно от военных повинностей, они освобождались только от участія в наступательных походах; когда же враг вторгался в страну, тогда все населеніе должно было браться за оружіе.

Военная повинность была очень тяжела. Лица, участвовавшія в войнѣ, на долгое время покидали свои дома, хозяйство их приходило в страшный упадок. Особенно сильно тяжесть военной службы отражалась на средних и мелких землевладѣльцах. Не

обладая средствами и отсутствуя часто в горячее рабочее время, этот класс свободных людей шел к прямому раззоренію, особенно, если еще к этому присоединялись притѣсненія со стороны представителей администраціи. Потому-то многіе изъ свободныхъ людей и старались попасть в разрядъ зависимаго населенія, перейти на земли крупныхъ землевладѣльцевъ или поселиться на церковныхъ земляхъ. Однимъ словомъ, тяжесть военной службы усиливала процессъ растаиванія класса свободныхъ людей. Свобода теряла цѣну, если шла в разрѣзъ с экономическимъ теченіемъ. Потому Карл Великій и принялъ мѣры, чтобы уменьшить и ослабить тяжесть военныхъ повинностей. Эти мѣры сохранились в разныхъ капитуляріяхъ. По поводу этихъ распоряженій в наукѣ не существуетъ однообразныхъ воззрѣній. Вайц и Рот, несогласные во многомъ, в данномъ случаѣ были согласны. Они в распоряженіяхъ Карла Великаго усматриваютъ реформы. Но Бореціусъ, издатель капитуляріевъ, указалъ неосновательность ихъ мнѣнія. Онъ смотритъ на распоряженія Карла Великаго не какъ на реформы, но какъ на мѣры временныя, которыя появлялись в виду особыхъ обстоятельствъ и потомъ исчезали.

Одно облегченіе, относящееся къ 805 г., касается установленія размѣра штрафныхъ денегъ за неявку къ военной службѣ. Ранѣе штрафъ равнялся 60 солидамъ, теперь стало приниматься во вниманіе имущественное положеніе лицъ, подвергавшихся штрафу. Полный герибанн полагался только с владѣльца движимаго имущества, оцѣненнаго в 6 фунтовъ серебра, или с владѣльца недвижимаго собственности такой же стоимости. Но в оцѣнку имущества не поступали одежды женщинъ и дѣтей. Кто имѣлъ имущества на 3 фунта серебра, тотъ уплачивалъ половину банна — 30 солидовъ; кто имѣлъ на 2 фунта, платилъ шестую часть банна — 10 солидовъ, а кто имѣлъ имущества всего на 1 фунтъ серебра, уплачивалъ $\frac{1}{12}$ банна — 5 солидовъ. Такимъ образомъ, эта мѣра разлагаетъ прежній полный банн на рядъ штрафовъ от 60 до 5 солидовъ. Это является значительнымъ облегченіемъ для лицъ, обязанныхъ нести военную службу. Но эта мѣра, какъ говоритъ Бореціусъ, не была постоянной. *Missi* получили указаніе, что эта мѣра „*hoc appo*“, только на 805-й годъ, в виду того обстоятельства, что тогда в нѣкоторыхъ областяхъ франкскаго государства былъ недородъ и вслѣдствіе этого огромный голодъ. Подъ вліяніемъ также голода в 807 г. были предприняты и другія мѣры, при чемъ капитулярій 807 г. касался не всего государства, а распространялся на территорію между рѣками Сеною и Луарою. Согласно этому капитулярію, установленъ былъ нормальный участокъ земли, с котораго требовался одинъ снаряженный или вооруженный воинъ, именно, 3 манса или гуфа земли. Кто имѣлъ земли меньше,

тѣ соединялись вмѣстѣ для снаряженія одного воина. В этом распоряженіи заслуживаетъ вниманія то, что к такой складчинѣ привлекались и владѣльцы половины гуфа или манса земли. Кромѣ того, принималось во вниманіе не только недвижимое, но и движимое имущество. Гдѣ говорится, сколько лицъ должно слагаться из владѣльцевъ полгуфа земли, там же говорится, что привлекаются к службѣ и владѣльцы только одного движимаго имущества цѣною в 100 солидовъ. Кто имѣлъ движимаго имущества на 100 солидовъ, тотъ приравнивался к владѣльцу половины гуфа земли, т. е. 6 такихъ владѣльцевъ ставили одного воина. Такъ какъ и эта мѣра имѣетъ отношеніе только к одной территоріи, то Бореціусъ справедливо замѣчаетъ, что и здѣсь нѣтъ реформы, и мѣра эта была временной. Болѣе общій характеръ имѣетъ другой капитулярій Карла Великаго. В немъ нѣтъ „*hos appo*“, и нѣтъ упоминанія о территоріи. В немъ нормальной единицей, с которой требуется одинъ ратникъ, считаются 4 гуфа земли; о владѣльцахъ половины гуфа умалчивается. Но зато по отношенію к лицамъ, не выставляющимъ ратниковъ, примѣняется требованіе — „*adjutorium*“, именно, владѣлецъ половины гуфа земли не участвуетъ в походѣ, но уплачиваетъ денежный платежъ въ количествѣ 5 солидовъ. Далѣе, в 807 г. Карлъ Великій издалъ новый капитулярій, не имѣющій общаго характера, а касающійся только Саксоніи, которую незадолго до того начали присоединять къ франкскому государству. Изъ этого капитулярія усматривается, что отправленіе военной повинности находится не только въ зависимости отъ имущественнаго обезпеченія человѣка, но и въ зависимости отъ разстоянія между мѣстомъ его жительства и тѣмъ мѣстомъ, куда задуманъ походъ. Такимъ образомъ, вводится новый принципъ для облегченія военной службы. В капитуляріи говорится, что если на Саксонію нападутъ Сербы Лужицкіе, то на защиту обязаны подниматься всѣ жители Саксоніи. Если же дѣло идетъ о походѣ въ Чехію, то должно выступатьъ одному изъ трехъ. Если дѣло идетъ о походѣ въ особенно отдаленныя области, напр. въ Испанію или въ земли Аваровъ, тогда должно выступатьъ въ походъ одному изъ шести. Таковы облегченія въ военной службѣ, которыя въ разное время дѣлалъ Карлъ Великій по соображеніямъ разнаго рода.

Говоря объ организаціи военнаго дѣла, мы указывали, что алодъ и бенефицій какъ бы приравнивались, но надо замѣтить, что они и отличались въ томъ отношеніи, что королевскій бенефициалъ никогда не былъ освобожденъ отъ военныхъ повинностей. Иначе дѣло стояло по отношенію къ вассаламъ другихъ лицъ. Синьоръ могъ нѣкоторую часть своихъ вассаловъ не выводить въ поле. Всякій графъ, имѣющій вассаловъ, могъ двоихъ изъ нихъ оставлять для охраны супруги, семьи

и дома, а других двоих для охраны ввѣреннаго ему округа. Если у него было в подчиненіи нѣсколько ministeria, то он имѣл право оставлять по два вассала в каждом из них. Епископ и аббат могли оставлять также по два вассала. В капитуляріи 811 г. Карл Великій установил, что вассалы всѣх свѣтских и церковных лиц, присутствующих при дворѣ, должны выступать под начальством мѣстнаго графа.

По мѣрѣ развитія феодальных отношеній измѣнялся и строй войска, а именно: бенефициалы должны были нести конную службу; подвассалы также должны были являться на службу на конѣ. Слѣдовательно, с теченіем времени должно было измѣняться постепенно и качество войска. Прежде военный строй, особенно в Меровингскую эпоху, был пѣшій. Конницы было мало: она состояла из отряда антрусціонов. Теперь количество конных ратников увеличивалось и уменьшалось количество пѣших. Как быстро шло развитіе военного строя в этом направленіи, видно из любопытнаго факта конца IX вѣка, засвидѣтельствованнаго Фульдским анналистом: однажды в битвѣ с норманнами франки должны были спѣшиться и идти на штурм пѣшими, но подобное построеніе для них, привычных к конному строю, было необычно. Если, таким образом, в началѣ IX вѣка только треть или половина войска состояла из конницы, то в концѣ того же вѣка все войско состояло из одной конницы.

Чтобы покончить с обзорѣм военной организаціи, необходимо сказать об организаціи морских сил. Как доказываются новѣйшими изслѣдованіями, тогда был флот, так как франки были учениками византійцев, а послѣдніе в этом отношеніи достигли значительных успѣхов. Искусство строить корабли было заимствовано из Византіи и самые термины остались византійскіе, хотя и в испорченном видѣ. Завести морскія силы и содержать их в порядкѣ было необходимо, потому что еще при Карлѣ Великом случались нападенія норманских пиратов на сѣверный берег франкскаго государства. Карл Великій принял соотвѣтственныя мѣры, завел корабли, флот, и не только отдавал приказанія относительно его содержанія, но и устраивал флоту смотры. Так, в 811 г. он осматривал сѣверный флот; но можно думать, что у Карла Великаго был и западный флот. Он распорядился также, чтобы при устьях рѣкъ построены были сторожевыя башни. Но при преемниках его, когда государственнй механизм стал приходить в разстройство под вліяніем феодализма, мѣры по охранѣ флота и береговой полосы пришли в забвеніе, что неблагопріятно отразилось на политических судьбах западной части Каролингской монархіи IX—X в. в.

Если военныя силы были необходимы для охраны государства извнѣ, то судебная организація имѣла не менѣе важное значеніе, поскольку дѣятельность судов есть гарантія личной безопасности каждаго. Судебная организація во франкском государствѣ при Каролингах, как и военная, потерпѣла значительныя измѣненія в связи с развитіем феодализма. Прежде собранія судебныя созывались по сотням. Предсѣдательство в собраніи было правом каждаго являющагося на собраніе и отличало свободнаго от несвободнаго. При Каролингах наблюдается другое. Участіе в судебном собраніи разсматривается как тяжкое бремя, от котораго каждый стремится уклониться под разными предлогами. Это обуславливалось притѣсненіями мѣстной администраціи и желаніем сберечь время для управленія собственным хозяйством. Послѣднее было необходимо еще и потому, что времени у населенія вообще было мало. Оно отнималось военными походами. Неудивительно, что многіе, из желанія уклониться от государственнаго бремени, искали зависимости. Карл Великій старался помочь этому горю и установил в началѣ своего царствованія, что свободные обяваны посѣщать в теченіе года только два собранія. В капитуляріи 769 г. есть указаніе, когда могли созываться обычные судебныя сборы: „никто не долженъ уклоняться от явки на судебныя собранія — одно во время лѣта, другое осенью“. Исключеніе полагалось только по чрезвычайным обстоятельствам, именно, „если помѣшаетъ necessitas“, т. е. не домашнія обстоятельства, а напр. болѣзнь, разлитіе рѣкъ, нашествіе непріятелей и т. под. Позднѣе, к концу царствованія Карла Великаго, было установлено, что необходимы три судебных собранія в теченіе года. Двух собраній было мало для разсмотрѣнія всѣх судебных дѣл. Эти собранія были нормальными, обычными и назывались „mallus legitimus“ или „placitum legitimum“. Собранія созывались под предсѣдательством графа. Однако, правительство не ограничилось установленіем числа судебных собраній, а установило и то, что не всегда можно созывать собранія во время постов (отличіе от распоряженій Чехов и Поляков, у которых судебныя собранія происходили в посты, в сухіе дни), в теченіе 8 дней послѣ Пасхи, в недѣлю Троицы, в недѣлю перед и послѣ Рождества Христова, в дни rogationes (дни перед Вознесеніем) и во всѣ воскресные дни. Эти запрещенія указывают, что тут преслѣдовались религіозныя цѣли. Что касается мѣста для судебных собраній, то относительно этого существуют очень неопредѣленныя указанія. Собранія созывались под открытым небом, на полях, в лѣсах, но предпочитались холмы. Но так как засѣданія под открытым небом затрудняли лиц, обязанных на них при-

существовать, то Карл Великий и распорядился об устройствѣ особых зданій или закрытых построек для собраний. В капитуляріи 809 г. сказано: „в мѣстах, гдѣ обыкновенно созываются судебныя собранія, кровля пусть будет устроена так, чтобы пользоваться ею как зимою, так и лѣтом.“

Кромѣ этих собраний созывались и другія судебныя собранія. Они созывались в предѣлах отдѣльной сотни и назывались „*placita minor*“. О них упоминается в капитуляріи 818—819 года: „они должны созываться по усмотрѣнію графа и под его предсѣдательством или его замѣстителя“. Замѣстителем был *missus*, или викарій, центенарій. Но компетенція замѣстителей была ограничена. Им не подлежали дѣла об убійствах, потерѣ свободы, возвращеніи похищенных вещей и рабов. Слѣдовательно, для них оставались дѣла только маловажныя (*leviores causae*). В Вормском капитуляріи 829 г. говорится, что как графы, так и их замѣстители по жадности созывали собранія чаще, чѣм нужно. О жадности упоминается здѣсь потому, что часть штрафа за неявку в собраніе шла в пользу предсѣдателя, и чѣм чаще были собранія, тѣм больше, конечно, было штрафов. Потому правительство приняло соотвѣтственныя мѣры и установило, что никто не обязан являться на собранія болѣе трех раз в год, что на *placita minor* могли являться только лица заинтересованныя в извѣстном дѣлѣ: истцы, отвѣтчики, судьи, свидѣтели. Остальное населеніе не было обязано являться на собраніе. В виду таких обстоятельств понадобились преобразованія в судебной организаціи. Возник вопрос, кто должен быть судьей на *placita minor*, если на них являлись только лица заинтересованныя. Было сдѣлано преобразование и учрежден скабинат. Скабины — это присяжные судьи; они избирались из числа свободных людей. Они должны были избираться из людей особенно нравственных качеств: „*boni, et veraces, et mansueti*“ и т. д.; должны быть избираемы „*cum comite et populo*“. *Missi dominici* должны наблюдать за дѣятельностью скабинов и их списки представлять государю. Если это были люди дурной нравственности или не заслуживающіе уваженія, то они удалялись и замѣнялись новыми. Правительство наблюдало, чтобы скабины смотрѣли на свои обязанности, как на священный долг. Они были приводимы к присягѣ, в формулѣ которой упоминалось, что запрещается всякое лицепріятіе и взиманіе взяток.

Округ дѣятельности скабинов опредѣлялся предѣлами графства, в которых они должны были сопровождать графа. Но они являлись на судебныя собранія также и тогда, когда на них предсѣдательствовали *missi dominici*, находясь при графѣ. Каждый граф

являлся с 12-ю скабинами, потому что *missi dominici* обыкновенно рассматривали множество дѣл. Но для полноты судебной коллегіи необходимо было присутствіе только семи скабинов, как указано в капитуляріи 803 года. Скабины, являясь судебной коллегіей на *placita minora*, такое же положеніе занимали и на *tres malli legitimi*. Таким образом, с теченіем времени послѣдовало ограниченіе прав на участіе в судѣ со стороны свободнаго населенія. Приговор могли дѣлать только скабины. В этом различіи с судопроизводством Меровингской эпохи. Было и другое измѣненіе, а именно: прежде при произношеніи приговора всѣ свободные люди руководились обычным правом; теперь-же было повелѣно, чтобы скабины судили по писанному праву. Так как скабины играли такую важную роль, то понятно, что правительство принимало мѣры, чтобы эта коллегія всегда пополнялась. На убылое мѣсто немедленно назначалось новое лицо. Были особые списки с именами скабинов, которые хранились у графов. А *missi dominici* составляли общіе списки скабинов в извѣстных мѣстностях и отсылали их на просмотр государя. Таким образом, с уменьшеніем количества свободных лиц уменьшалось и вліяніе их на судах, а вмѣсто того усиливалась судебная централизація. Скабины были введены в областях всѣх германских племен, кромѣ фризов. Развитіе феодализма сильно повліяло на судебную организацію. С теченіем времени крупные землевладѣльцы получили право рассматривать дѣла на своих территориях, это патримоніальные суды. Слѣдовательно, суды государственные должны были придти в упадок, когда большинство населенія попало в зависимость. На судах рассматривались только дѣла по жалобам обиженных. Ничего похожего на прокуратуру в то время не было. Дѣло возникало и прекращалось в зависимости от инициативы лиц заинтересованных. Судебный процесс был личным дѣлом. Адвокатов также не было, даже в нѣкоторых капитуляріях участіе их совсѣм запрещалось, в тѣх видах, что адвокаты умѣют извращать истину. Однако, в источниках того времени упоминается о правѣ королевских вассалов присылать иногда вмѣсто себя замѣстителей. Замѣстители эти и назывались „*advocati*“, но не в нашем смыслѣ слова.

Лекція VIII.

Кромѣ обычных или графских судов, существовали еще суды чрезвычайные. К ним надо отнести суд государевых посланцев, так как с появленіем их прекращалось дѣйствіе нормальной юрисдикціи. Но хотя суды их и были чрезвычайными, однако в дѣятельности их было много и обычнаго. Эти суды были апелляціонными инстанціями, для вторичнаго рассмотрѣнія дѣл, в случаѣ не-

довольства одной из сторон рѣшеніем графскаго суда. Кромѣ этих судов, были еще суды, учрежденные для разбора дѣл такого рода, гдѣ стороны жили в предѣлах разных графств, и для преслѣдованія грабителей и разбойников. В капитуляріи 812 г. читаем: „графы нѣскольких графств должны собираться между собою на общее собраніе и разбирать *communia placita* и другія подобныя дѣла; эти дѣла по разбою и грабежам“. Тогда разбойников было много и графств много, и разбойники легко скрывались из одного графства в другое, вслѣдствіе чего соединенное судебное засѣданіе нѣскольких графов было часто необходимо. Здѣсь нужно замѣтить, что, по установленіям Каролингов, нѣкоторые элементы населенія были выдѣлены и поставлены в привилегированное положеніе, это церковники, вдовы, сироты. Дѣла этих лиц разбирались в особых комиссіях. В капитуляріи 808 г. говорится: „графы должны дѣла этих лиц разсматривать прежде всего, и отнюдь в тот день не отправляться на охоту или пир“. Это очень любопытное замѣчаніе бытового характера.

В ряду судебных доказательств на первом мѣстѣ была присяга. Но так как многіе злоупотребляли очистительной присягой, то представители церкви этим возмущались и не одобряли этой практики. Карл Великій впрочем, считал наилучшим судебным доказательством свидѣтельскія показанія. Но и в этом отношеніи были неудобства. Свидѣтелей часто подкупали, а потому и принимались мѣры, чтобы к числу свидѣтелей были призываемы *boni homines*. Кто эти люди, видно из слѣдующаго распоряженія. В капитуляріи 811—813 г. говорится: „в свидѣтели пусть выбираются только тѣ, которые являются лучшими или даже наилучшими людьми в данной области, и отнюдь не должны быть допускаемы в качествѣ свидѣтелей люди, сдѣлавшіе из свидѣтельства своего рода спеціальность, которые подкупаются“ и т. д. Людовик Благочестивый разрѣшил этот вопрос болѣе объективно. Причисленіе того или другаго человѣка к разряду *boni* или *optimi homines* давало мѣсто к проявленію личных взглядов и пристрастій со стороны членов судебных коллегій. Поэтому Людовик Благочестивый усматривал необходимость допускать к свидѣтельским показаніям только лиц, имѣющих собственность. В Вормском капитуляріи 829 г. говорится: „тѣ лица, которыя не имѣют собственной земли, но сидят на землѣ крупных землевладѣльцев, или на частной землѣ, не могут быть допускаемы в свидѣтели по гражданским дѣлам других лиц“. Но они допускались в свидѣтели, когда кромѣ земли зависимой, имѣли и собственную землю. В том же капитуляріи сдѣлано и еще ограниченіе: „когда разбираются дѣла

фискальныя (в которых заинтересована казна), то в свидѣтели берутся тѣ лица, которыя являются не только землевладѣльцами, но извѣстны за людей особенно хороших и правдивых“. Та же привилегія пользованія свидѣтельскими показаніями только подобнаго рода лиц распространялась и на дѣла, в которых одной из сторон являлись представители церковнаго землевладѣнія. Так образовался особый класс лиц, которыя, не будучи скабинами и не будучи выдѣлены из населеній, образовали коллегію „jurati“, присяжных людей. Так как число свободных людей сильно уменьшилось, то и число имѣющих право на свидѣтельство было мало.

Судебными доказательствами еще были доказательства, носившія общій термин „judicium Dei“, или техническое наименованіе „ордаліи“. Этот способ доказательств глубоко вкоренился в судебные обычаи того времени. В Ахенском капитуляріи 809 г. сказано: „пусть всѣ полагаются на суд Божій, без всякаго возраженія и колебанія“. Формы суда Божія были разнообразны. Так, производились испытанія посредством холодной воды. В Вормском капитуляріи 829 г. читаем: „пусть испытаніе посредством холодной воды, доселѣ практикуемое, всѣм будет запрещено государевыми посланцами“. Едва-ли это запрещеніе проведено было в жизнь. Вторая форма суда Божія-судебный поединок, судебная борьба. Лица, которыя должны были разрѣшать спорный вопрос, должны выступать на поединок, но ни меча, ни копья, ни другого оружія не позволялось употреблять, а только щит и палицу. Здѣсь виден архаизм. Третья форма — „examen ferri calidi“, испытаніе раскаленным желѣзом. Обыкновенно раскаливали металлическую полосу и заставляли брать в руки или дѣлали прижиганія обвиняемому. Если обожженные мѣста заживали, то он был оправдан судом Божиим. Иногда, примѣняя эту форму ордаліи, прибѣгали к металлическим крестам.

Необходимо упомянуть о средствах к возбужденію судебных дѣл. Тогда государственная власть была развита слабо и потому не было института, который призван был бы по своему усмотрѣнію начинать уголовные и другіе процессы. Эти процессы возникали только путем частной инициативы. Исключеніе представляли дѣла по преслѣдованію разбойников и грабителей, возбуждаемыя по инициативѣ администраціи.

Во главѣ всѣх судебных установленій стоял королевскій суд, являясь до нѣкоторой степени высшей судебной палатой государства. Королевскій суд — это суд под предсѣдательством (хотя в идеѣ) короля, а на самом дѣлѣ палатина (comes palatii.) Так как вѣдѣнію этого суда подлежало много дѣл, то неудивительно, что принимались мѣры к ограниченію числа этих дѣл. Это было

необходимо, потому что в противном случаѣ королевскій суд был не в состояніи справиться со всей массой дѣл. Эти мѣры указывают хорошо и на компетенцію этого суда. Первое ограниченіе состояло в том, что не всѣ классы населенія могли обращаться к суду короля. Это составляло привилегію главным образом аристократіи свѣтской и духовной; „*minor persona*“ не могла обращаться к королевскому суду. Относительно знатных лиц допускалось также ограниченіе. Один капитулярій Пипина гласит: „если пожелает обратиться к королевскому суду знатная особа, то это допускается по разрѣшенію короля. Второе ограниченіе состояло в том, что в королевскій суд поступали дѣла лишь в том случаѣ, если они уже рассмотрѣны низшими инстанціями: графским судом и судом государевых посланцев, и только послѣ этого уже могли поступать в королевскій суд. А по отношенію к Италіи это ограниченіе было еще больше, именно, оттуда дѣла могли поступать в королевскій суд, если они уже три раза проходили чрез низшія инстанціи. Неудивительно, что число дѣл чрез эти мѣры сильно уменьшалось. Но были такія дѣла, которыя почти исключительно подлежали вѣдѣнію королевскаго суда. Таковы дѣла о государственной измѣнѣ, о дезертирствѣ, всѣ дѣла архіепископов, епископов, аббатов и графов, потому что это были не только аристократы, но и высшія должностныя государственныя лица. Предсѣдателем на королевском судѣ был пфальц-граф (*comes palatii*). Но когда присутствовал король, то он был и предсѣдателем суда, а палатины и другіе вельможи были ассессорами или засѣдателями. Но когда на рассмотрѣніи королевскаго суда были дѣла духовных лиц, тогда предсѣдателем был апокрисиарій или *sacer-lanus*. Каролинги, впрочем, не уклонялись от самоличнаго предсѣдательства на судѣ. Они думали, что это существенная прерогатива королевской власти, и потому Карл Великій, Людовик Благочестивый и Лотарь, когда не было войны, посвящали значительную часть времени на рассмотрѣніе дѣл королевскаго суда.

Что касается системы наказаній в Каролингскую эпоху, то нельзя сказать, что она отличалась особенной мягкостью, хотя и замѣчается в это время желаніе представителей королевской власти ввести в ней нѣкоторыя измѣненія, внести авторитет государственной власти. У древних германцев в системѣ наказаній преобладали денежные штрафы (*compositio*). Эти штрафы сохранились и теперь, но уже с ограниченіем. На первом мѣстѣ стоит смертная казнь чрез обезглавленіе и повѣшеніе. Она полагалась за особенно тяжкіе проступки: за измѣну государству, за дезертирство, повторный грабеж и убійство в церкви. Смертная казнь всегда

соединялась с конфискаціей имущества. Иногда она замѣнялась ослѣпленіем, напр. за бунт, за составленіе заговора на жизнь, здоровье и честь государя. Полагались и другія членовредительства, напр. отрѣченіе руки за ложную присягу, за поддѣлку монет; потеря одного глаза за грабеж. Если кто попадался в грабежѣ второй раз (рецидивист,) тому отрѣзали нос. Если бы он попался еще раз в том же преступленіи, тогда ему грозила смертная казнь. Всѣ членовредительства совершались с такой жестокостью, что часто влекли за собою смерть. Потому и нельзя их разсматривать как особое смягченіе смертной казни. Дѣйствительным смягченіем ея было изгнаніе, по политическим дѣлам, за уклоненіе от исполненія обязанностей, или за злоумышленія против государственной власти. Иногда изгнаніе сопровождалось предварительным заключеніем в монастырь или в тюрьму. Но не всегда за ним слѣдовала конфискація имущества. Изгнаніе было обычным наказаніем и за уголовныя преступленія частнаго характера, за убійство родителей или родственников, за кровосмѣшеніе. Назначеніе наказаній, кромѣ денежных, было привилегіей преимущественно высших судов. Графы долго не имѣли этого права. Они, как и *vicarii*, и *centenarii*, только с теченіем времени получили его. Смертная казнь совершалась тогда преимущественно чрез повѣшеніе. Каждый викарій и центенарій должен был имѣть висѣлицу (*patibulum*), а граф — тюрьму. Когда разсматривались частныя дѣла землевладѣльцев (иммунитетистов), то граф не всегда имѣл право налагать наказаніе. С теченіем времени и по отношенію к владѣльцам иммунитетов графы приобрѣли право присужденія смертной казни. В иммунитетных грамотах обозначалось: „*cum patibula*“ или „*sine patibulo*,“ — это было особаго рода привилегія. Еще любопытно слѣдующее. Людовик Благочестивый находил невозможным и достойным полнаго осужденія, что виновные в убійствѣ, особенно родственников, или без смягчающих вину обстоятельств, подлежали обязательству уплатить виру или композицію. Он установил, чтобы виновный не только платил композицію родственникам убитаго, но и подвергался изгнанію, при чем зависѣло от усмотрѣнія суда назначить продолжительность времени изгнанія. Однако, конфискаціи имущества таких лиц не было установлено.

Распаденіе Франкской имперіи по смерти Карла Великаго.

Разсматривая исторію франкскаго государства, мы касались его организаціи, какова она была при Карлѣ Великом и его бли-

жайших преемниках. Это потому, что время и организация франкского государства при преемниках Карла Великого есть прямое и неразрывное продолжение того, что было в его эпоху. Притом же каждый элемент, каждая этнографическая группа, входившая в состав франкского государства и потом отдѣлившаяся от него, сохранила все то, что было вынесено ею от пребыванія в составѣ франкского государства в эпоху Карла Великого. Исторія Италіи, Германіи и Франціи есть ничто иное, как продолженіе эпохи Карла Великого. Система государственной организациі, установленная Карлом Великим, есть камень, на котором утвердилось организационное единство всѣх государств, входивших в состав франкского государства. Эта система только видоизмѣнялась в связи с условіями географическими, этнографическими и историческими, под вліяніем которых она находилась в разных странах. Нужно далѣе изучать исторію этих государств, выходя из тѣх положеній государственной организациі, какія установил Карл Великій. Но выдѣленіе из монархіи Карла Великого этнографических единиц совершилось не легко, не без борьбы со сторонниками его системы, желающими сохранить единство монархіи и удержать в своих руках власть. Со смерти Карла Великого в 814 г. и до самаго конца IX вѣка совершается этот процесс выдѣленія этнографических групп. Таким образом, в это время наблюдается два теченія: универсальное и территориальное. Сторонники перваго стараются поддержать единство франкского государства; другіе же стремятся разложить эту крупную монархическую единицу на ея составные элементы. Не трудно понять, какое из этих теченій должно было восторжествовать, если принять во вниманіе, что время Карла Великого есть время сформированія феодализма. Карл Великій положил в основу своей организациі феодальный принцип; но взявъ в основу организациі эту идею, он привел франкское государство к двояким послѣдствіям. Он укрѣпил государство временно, дав ему при помощи феодализма законченную организацию, и вмѣстѣ послужил обратным цѣлям, чѣм тѣ, которыя преслѣдовал. Государственный механизм был поставлен на шаткій фундамент. Призвавъ на помощь феодализм, Карл подготовилъ распаденіе франкской монархіи. Организованный им феодализм не дал возможности образоваться государствам на основѣ этнографической. Так, Германія легко распадалась на массу мелких дробных частей. Потому Карл Великій — отец феодализма и вмѣстѣ отец раздробленія Европы на части. Если это так, то были ли Каролинги талантливыми или средними людьми, они одинаково не могли остановить этого распаденія. Потому упреки преемникам Карла Великого, будто-бы они были виновни-

ками распадёнія франкской монархіи, совершенно неосновательны. Они виновны только в том отношеіи, что ускорили распадеіе. Тём не менё этот період распадеіа с исторической точки зрёнія имёт большой интерес.

Прежде всего мы остановимся на характеристикѣ царствованія Людовика Благочестиваго. Для его времени имѣются, кромѣ вышеуказанных источников, еще другіе лѣтописнаго характера. Из них на первом планѣ стоит сочинёіе біографа императора Людовика Тегана „Vita HLudovici imperatoris“. Теган говорит в одном мѣстѣ: „теперь 22-ой год со смерти Карла Великаго“, из чего слѣдует, что он писал свой труд в 835 году. Свои свѣдѣнія он почерпнул отчасти от Валафрида Страбона, аббата Рейхенаускаго монастыря, своего современника. Сам он был хорепископом Трилльской церкви. Хорепископ обыкновенно не имѣл опредѣленной каеодры. Для характеристики сочинёія Тегана можно сказать слѣдующее: Теган вообще хвалит Людовика. Он не одобряет его только за выбор совѣтников, и то не по объективным соображеіиям, а потому, что они низкаго происхождеіа. Особенно же он порицает Людовика за то, что он приблизил к себѣ Еббона, Реймскаго архіепископа, человѣка рабскаго происхождеіа. Пристрастіе Тегана выражается и в том, что он старается оправдать Людовика за ослѣпленіе Бернгарда Итальянскаго и очернить всѣх его врагов. О тестѣ Лотаря здѣсь находится очень злостный отзыв. Лотарь будто бы дѣйствовал по наущёію лживаго тестя. Людовик Благочестивый из сыновей своих выдѣлил и наиболѣе был расположен к Людовику Нѣмецкому; но в этом он был оправдан и самой дѣйствительностью, потому что только этот сын и приходил к отцу своему на помощь.

Второй источник сочинёіе Астронома, которое озаглавляется: „Vita sancti HLudovici imperatoris“. О жизни Астронома можно почернуть свѣдѣнія из его книги. Он получил довольно обширное образованіе, знал очень много и, между прочим, исторію как древнюю, так и недавнюю; вообще, был очень начитан. Имѣл он познанія и в медицинѣ, что видно из нѣкоторых его замѣчаній. Из его изложёія видно, что он был духовным лицом; так, о законах церковных он говорит: „мои законы“. Названіе его Астрономом объясняется тём, что он имѣл понятія о движеіи небесных свѣтил. Один раз он наблюдал за состояніем неба и отмѣчал любопытныя небесныя явленія вмѣстѣ с императором Людовиком Благочестивым. Сочинёіе его дѣлится на три части. В первой части излагаются событія до смерти Карла Великаго, во второй — до Кампёнскаго съѣзда в 829 г. и в третьей — до 841 года. Что

Людовик
Благоче-
стивый
(814—840).
А. Источ-
ники.

касается его тенденции, то он, как и Теган, обнаруживает пристрастие к личности Людовика Благочестиваго. Правда, есть ему и упреки, напр., за недостаток уваженія к духовенству. Но на самом дѣлѣ это удивительный упрек, не имѣющій основаній. Астроном упрекает также Людовика за желаніе отнять у средняго сына Пипина область Аквитанію.

Третій источник имѣет меньше значенія. Это стихотворенія Ермольда Чернаго: „*Ermoldi Nigelli carmina*“. Они составлялись по разным историческим поводам. В них сохранились довольно любопытныя свѣдѣнія. Ермольд был происхожденія Аквитанскаго; он был монах одного монастыря в Аквитаніи. Он участвовал в походѣ 824 г., картину котораго изображает в одном стихотвореніи. За пристрастіе к Пипину Аквитанскому он подвергся карѣ, был сослан в Стратбург, гдѣ был довольно долго. Но позднѣе, когда император был низложен, и он был освобожден из ссылки. К этому времени относятся двѣ его элегіи; в них много интереснаго для характеристики тогдашней культурной и бытовой жизни.

Четвертый источник — сочиненія Агобарда. Они не имѣют отдѣльнаго спеціальнаго наименованія, а озаглавливаются просто: „*Agobardi opera et epistolae*“. Агобард был Лионским хорепископом, а впослѣдствіи и епископом Лионской церкви. Как епископ, он обнаружил довольно просвѣщенный взгляд на вещи, что свидѣтельствуется о его образованіи. Так, в одном сочиненіи он высказывается против суевѣрій. Кромѣ того, он знаком также с еретическими ученіями и говорит против них. Однако, и у него есть взгляды несовмѣстные с представленіем образованнаго челоуѣка и свидѣтельствующіе, что он был образован в церковном смыслѣ. Напр. он и сам не чужд суевѣрій, когда говорит, что гром и молнія происходят оттого, что дьявол посылает маленьких челоуѣчков, которые и производят их. В другом мѣстѣ он говорит, что всякая болѣзнь, особенно же повальная (*pestis*), происходит потому, что злые люди отравляют колодцы и источники, всыпая в них особыя порошки. Нужно прибавить еще что Агобард был враждебно настроен против ордалей в судѣ, находя их дикими. Таким образом, в его сочиненіи смѣсь здравых и странных понятій. Он не чужд и тенденціи; только его тенденція совершенно противоположна взглядам вышеозначенных трех писателей. Он оправдывает сыновей Людовика Благочестиваго, а его самого упрекает за раздѣльный акт 817 года и, сопоставляя этот акт с раздѣлом 829 года, находит Людовика пристрастным в пользу младшаго сына Карла Лысаго. Упрекает он во всѣх смутах также его вторую супругу Юдифь.

Наиболѣе важный источник — сочиненіе Нитарда: „*Nitardi*

historiarum libri quatuor“. Нитард был сын Ангильберта и Берты, дочери Карла Великаго, прижитый внѣ брака. По этому происхожденію он находился в ближайшем родствѣ с Каролингами. Но из среды их всѣх он был особенно близок к Карлу Лысому. С ним его соединяли узы дружбы и полное взаимное довѣріе. Карл Лысый посылал его для переговоров с Людовиком Благочестивым. В первой книгѣ Нитард описывает событія до возстанія сыновей в 829 году; во второй излагается самое междоусобіе, в третьей и четвертой находится изложеніе событій вплоть до весны 843-го года, до Верденскаго договора. Он стоит болѣе на сторонѣ сыновей Людовика, хотя и не всегда их защищает. Иногда он рѣзко выражает неодобреніе их дѣятельности. Но важнѣе то, что Нитард не вездѣ вѣрно излагает факты. Так, он говорит, что Бернгард Итальянскій, племянник Людовика Благочестиваго, ослѣплен в 817 г., а потом уже совершен раздѣл, хотя было наоборот. И это потому, что он излагал по чужим словам. Равным образом, он не всегда откровенен. Так, он отказывается объяснить причины возстанія Пипина. Вѣроятно, были особыя обстоятельства, которыя касались Юдифи, и которыя он скрывает. С другой стороны, неодинаково его отношеніе к Людовику Нѣмецкому и это находилось в прямой зависимости от того, как шла его политика. Если Людовик Нѣмецкій относился дружественно к Карлу Лысому, то заслуживал одобреніе Нитарда, и наоборот. Таким образом, его исторія не всегда безпристрастна. Но тѣм не менѣе только у него сохранились наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія о той эпохѣ. Благодаря ему, мы имѣем два образца Страстбургской клятвы — один на нѣмецком, другой на норманском языкѣ. Это почти единственный образчик тогдашних нарѣчій.

Что касается литературы, касающейся этой эпохи, то здѣсь нужно упомянуть о сочиненіи Симсона: „Хроника исторіи франкскаго государства при Людовикѣ Благочестивом“ (Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen). Оно состоит из двух томов, издано в Лейпцигѣ в 1874 и 1876 гг. Здѣсь историческій матеріал расположен в хронологическом порядкѣ. Это сочиненіе составляет часть большой коллекціи, которая называется: „Jahrbücher der deutschen Geschichte“. Эта коллекція издается в Мюнхенѣ исторической комиссіей при Мюнхенской Академіи. Каждому царствованію посвящена специальная монографія, в которой находятя как историческіе тексты, так и литературныя мнѣнія. Продолженіем труда Симсона является труд историка Эрнста Дюмлера: „Исторія восточно-франкскаго государства“ (Geschichte des Ostfränkischen Reichs). План в этом сочиненіи такой, как у Симсона. Главный

Лекція IX.
в) Литература.

предмет сочиненія — восточно-франкское государство, Германія. Но так как событія в Германіи переплетаются с событіями в Италіи и Франціи, то этот труд можно назвать исторіей вообще Франкской монархіи при послѣдующих Каролингах. Первое изданіе в двух томах вышло в 1862 и 1865 гг.; второе изданіе в трех томах в 1886 и 1887 гг.

Царство-
ваніе
Людовика
Благо-
честиваго.

Теперь мы можем перейти к изложенію судьбы франкскаго государства по смерти Карла Великаго. Когда вѣсть о кончинѣ Карла Великаго пришла на юг Аквитаніи, гдѣ правителем был единственный сын Карла Людовик Благочестивый, то он послѣшил во Францію. Спѣшил он потому, что в придворной средѣ было много лиц, которыя несочувственно относились к его кандидатурѣ и дѣйствовали в пользу его племянника Бернгарда, который был правителем Италіи. По прибытіи в Ахен, он тотчас был признан государем, потому что Карл Великій короновал его еще при своей жизни. Первым дѣлом новаго государя было водвореніе при дворѣ болѣе строгих нравов. Сам он воспитывался под монашеским вліяніем. Его воспитывал Бенедикт Аньянскій. Потому его поражала распущенность, царившая при дворѣ. Развитію этой распущенности способствовало скопленіе при дворѣ дочерей Карла Великаго и других женщин, ведущих легкомысленный образ жизни. Ко дворцу нельзя было примѣнить даже слабой оцѣнки в смыслѣ порядочности жизни. Потому-то Людовик и отправил дочерей Карла Великаго в монастыри, а равно и близких им женщин подверг разнаго рода изгнаніям, — кого в монастырь, кого в другія мѣста.

Во внутреннем управленіи он первоначально проявлял большую энергію и поддерживал традиціи Карла Великаго, так что сначала и не было замѣтно разницы в перемѣнѣ правителя. Ко двору Людовика пришли посольства от даннических и свободных народов; состоялся блестящій съѣзд. С другой стороны, так как в послѣдніе годы царствованія Карла Великаго административное управленіе пришло в разстройство, то Людовик Благочестивый и отправил во всѣ области посланцев для возстановленія порядка. вмѣстѣ с этим он собирал сеймы. Но наряду с этим уже в первые годы его царствованія сказалась перемѣна к худшему в отношеніи церковном. Людовик Благочестивый был склонен к снисхожденію по отношенію к представителям церковной іерархіи. Это сказалось в его отношеніях к папскому престолу. Папа Лев III умер. Населеніе Рима избрало новаго папу Стефана IV, который послѣшил совершить свою интронизацію и потом увѣдомил об этом Людовика Благочестиваго, который против этого не протестовал. Посвященіе же не могло быть совершено без испрошенія предварительнаго согласія государя.

Но такая политика продолжалась недолго. Случилось одно обстоятельство, которое изменило ход дѣл. Однажды во время Страстной недѣли, когда император возвращался со своим двором из церкви в дворец, подломился помост, соединявшій церковь с дворцом. Император не пострадал, как многіе другіе, но он задумался. Он боялся, что возникнут смуты по вопросу о замѣщеніи престола, в случаѣ его смерти. Потому на Ахенском соборѣ был рѣшен вопрос относительно будущаго, был совершен раздѣльный акт в 817 году. В этом актѣ видна попытка примирить двѣ непримиримыя идеи: старались удержать государственное единство и вмѣстѣ осуществляли взгляд на государственную территорію, как на частную собственность, принадлежащую царствующему дому. По условіям акта, каждый из трех сыновей Людовика получил долю в государствѣ, Лотарь получил Италію, Пипин — Аквитанію и меньшій Людовик — Баварію с юго-восточными славянскими землями. Что касается отношеній между братьями, то в установленіи этих отношеній проявилось стремленіе к сохраненію государственнаго единства. Меньшіе братья должны были повиноваться и находиться в послушаніи у старшаго Лотаря. Без его согласія они не могли даже вступать в брак. Старшему Лотарю был дан титул императора. Кромѣ того, он являлся наслѣдником каждаго из братьев, в случаѣ его кончины. Было установлено также, что лица, окружавшія каждаго из братьев, имѣли право на *beneficium* в любой из частей государства. Таким образом примирялись два принципа.

Раздѣльный акт 817 г. вызвал нѣкоторое неудовольствіе как среди старинных совѣтников Карла Великаго, так и среди тѣх, которые сочувствовали Бернгарду Итальянскому. Положеніе послѣдняго было на самом дѣлѣ критическое; он этим актом как бы подчинялся Лотарю. Под вліяніем наговоров и по собственным побужденіям Бернгард рѣшил сопротивляться акту, и поднял возстаніе. Возстаніе это смутило Людовика Благочестиваго. Едва дошли до него первые слухи о возстаніи, он тотчас же, принимает энергичныя мѣры. Во всѣ области были посланы гонцы, призывающіе графов и населеніе к вооруженію. Приказаніе было написано энергично и содержаніе его указывало на тревогу, в которой находился император. В приказѣ было сообщено, что если приказ придет ночью, то в поход должно выступать утром, а если придет утром, то должно выступать вечером того же дня. Бернгард, узнав о таких мѣрах, в свою очередь был смущен. Он едва успѣлъ занять проходы (Клязуры), соединявшіе Италію и Францію, и колебался, не зная, что предпринять. В это время приходят гонцы

от императрицы Ирменгарды, увѣщавшіе его от ея имени смириться; она же обѣщает за него хлопотать. Неудивительно, что он поспѣшил на свиданіе с дядей, неся повинную голову. Но он был арестован и приговорен к смертной казни. Потом наказаніе было смягчено, он подвергся ослѣпленію. Но самое ослѣпленіе было совершено так жестоко, что за ним послѣдовала и смерть Бернгарда в том же 817 году. Эта жестокость и вмѣстѣ кончина супруги Ирменгарды приводят Людовика Благочестиваго к мысли удалиться в монастырь. Его намѣреніе было остановлено и он оставил за собою власть. Но теперь Людовик совершенно подпадает под вліяніе духовенства. Он был еще молод, чтобы отречься от брака, и вмѣстѣ несклонен к вольному образу жизни своего отца, и потому склонился к необходимости искать себѣ невѣсту. Ко двору были свезены наилучшія дѣвушки государства. Выбор государя пал на Юдифь, дочь Вельфа, графа Баварскаго. Этот брак заслуживает вниманія, потому что Юдифь имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла. Она была женщина образованная, красивая и властолюбивая, другими словами, имѣла всѣ данныя для вліянія на супруга. Вмѣстѣ с этим браком измѣнилось и положеніе сыновей императора, бывших ранѣе в положеніи почти самостоятельных правителей. Через четыре года послѣ брака у Людовика Благочестиваго родился сын Карл, прозванный впоследствии Лысым. Рожденіе его было большой радостью для родителей и вмѣстѣ причиной забот. Нужно было устроить судьбу новорожденнаго. Были приняты мѣры, чтобы обезпечить с первых моментов жизни его положеніе. Для совершенія таинства крещенія был приглашен Реймскій архіепископ Еббон, миссіонер христіанства среди Датчан. Воспріемником был приглашен Лотарь, за которым сильно ухаживали, чтобы он был покровителем маленькаго Карла. С этого времени положеніе Лотаря сильно улучшается. Даже государственныя грамоты стали выходить за подписью Людовика Благочестиваго и Лотаря.

Но такое положеніе вещей продолжалось недолго. Со времени рожденія Карла стало извѣстно, что Людовик Благочестивый намѣревается сдѣлать измѣненія в раздѣльном актѣ 817 года. С другой стороны, появляется и растет недовольство императором вслѣдствіе его политики в клерикальном духѣ. Оказывается, что на государственных саймах серьезно толкуется, что процвѣтаніе и благосостояніе государства находится в зависимости от процвѣтанія школ и от дѣятельности франкскаго духовенства. Принимаются мѣры против симоніи, против раздачи церковных мѣст за плату. Принимаются мѣры для упроченія института брака. Относительно

разводных и семейных дѣл устанавливается, что они подлежат юрисдикціи церковной. Было рѣшено возвратить церквам их имущества, которыя при Карлѣ Великом и до него были секуляризованы. На провинціальных сеймах дѣла ведутся в том же духѣ и главными представителями их является клир. Клерикальный характер этого царствованія можно видѣть из того, что при извѣстїи о вторженїи в государство Норманнов и диких Славян Людовик Благочестивый не собирает войско, а объявляет трехдневный пост. Все это было причиной недовольства правительством. Этим недовольством воспользовались лица, окружавшія сыновей императора, особенно Лотаря. Ругон Турскій и друг его Манфрид указывали Лотарю на то, что в дѣлах государственных имѣют вліяніе лица дурного поведенія, напр. Бернард, Барселонскій граф. Он был очень приближен ко двору и, можно сказать, был вторым лицом послѣ государя. На этого графа была взведена клевета в сожительствѣ его с императрицей Юдифью. Неудовольствіе сыновей повело к разрыву их с отцом. Когда Лотарь выразил свое неудовольствіе по поводу вліянія Бернарда Барселонскаго, то Людовик Благочестивый отослал его в Италію и перестал на грамотах упоминать его имя. Этим удаленіем воспользовался тесть Лотаря Ругон Турскій и подговорил его к возстанію. Притом же и сам Ругон в это время подвергся опалѣ, так как ему было приказано идти на помощь к Бернарду Барселонскому, но он замедлил с помощью, вслѣдствіе чего Бернард был разбит, а Ругон Турскій и его друг Манфрид обвинены и сосланы. Бернард Барселонскій назначил во время Великаго Поста сбор военных сил для похода против Бретонцев, хотя весеннее и притом же совпадающее с Великим Постом время было неудобно для похода. Призвали к походу Лотаря и Пипина. Но они обратили оружіе против отца. Бернард бѣжал. Юдифь с сыном Карлом была заточена в монастырь. Другіе сторонники императора и Юдифи были наказаны ссылкой в разныя мѣста. Сейм в Кампъенѣ (830) под предсѣдательством Лотаря побудил Людовика Благочестиваго отправиться в тюрьму и отказаться от власти. Таким образом, в 830 г. послѣдовало первое низложеніе императора. Низложеніе его было побѣдою Лотаря над отцом.

Но торжество Лотаря продолжалось недолго. Он держал себя слишком высокомерно и вызвал реакцію со стороны братьев. Не сочувствовали низложенію императора также Саксонцы и Германцы. Потому Людовик Баварскій и Пипин рѣшились вступить за отца. В Нимвегенѣ 6 Ноября 830 г. был созван второй сейм. Лотарь смирился и выдал своих приверженцев. Бернгард и Юдифь были

освобождены. Бернгард вызвал своих обвинителей в сожительствѣ с Юдифью на поединок; он даже прибѣг к очистительной присягѣ для доказательства своей невиновности по отношенію к Юдифи. Но его вліяніе уже болѣе не возвращалось. Самого же императора это первое низложеніе не исправило к лучшему. Теперь он окончательно задумал обезпечить Карла Лысаго. Он рѣшил вторично сойтись с Лотарем и с его помощью выдѣлить область Карлу Лысому. Послѣдовало возстаніе Пипина и Людовика Баварскаго. Но теперь император дѣйствует болѣе энергично, так как Лотарь не присоединился к братьям. Возстаніе было подавлено, Пипин сослан на заточеніе в Трир и Аквитанія отдана Карлу Лысому. Но Пипин бѣжал и снова поднял возстаніе. Вторичный поход против него успѣха не имѣл. Император был задержан дурной погодой. Но так как Людовик Благочестивый нарушил акт 817 года, то это обстоятельство сильно беспокоило и других его сыновей. Послѣ взаимных переговоров братья рѣшили помочь Пипину, и в 833 г. сошлись на Ротфельдѣ около города Кольмара. Папа Григорій IV стоял на сторонѣ Лотаря. Войска сошлись в день Св. Іоанна. Император не рѣшался начать военных дѣйствій. Открылись переговоры. Но получился неожиданный результат. Лица окружавшія императора, стали постепенно переходить в стан врагов. Император увидѣл, что его окружают очень немногіе, но и эти послѣдніе готовы уйти от него. Впослѣдствіи Ротфельд был переименован в Люгенфельд (Lügenfeld), т. е. мѣсто измѣны. На этот раз с императором было поступлено суровѣе. Император торжественно и вмѣстѣ унижительно совершил акт покаянія в одном Суассонском монастырѣ; актом руководил Еббон. Это низложеніе его не могло не поразить воображенія современников. Сочувственно отнеслись к императору жители зарейнских областей: саксонцы и баварцы. Но реакція была возможна также и потому, что меньшіе братья были опять недовольны Лотарем, который стремился ограничить их права. В Февралѣ 835 г. послѣдовало вторичное возстановленіе Людовика Благочестиваго при содѣйствіи Людовика Баварскаго. Людовик Благочестивый в Мецѣ снова принял корону. Но и на этот раз император не исправился. Он задумал новый раздѣл в 837 г., именно, рѣшил отдать Карлу земли между Мозелем, Сеною и Іоною. У Людовика он задумал отнять все, кромѣ Аквитаніи, и отдать это Лотарю, с которым он вступил в соглашеніе и по этому соглашенію доля Карла Лысаго увеличивалась Провансом и Бургундіей. Эти раздѣлы повлекли возстаніе прежде всего аквитанцев, которые любили Пипина и не хотѣли давать его в обиду. Пипин в это время умирает, оставляя двух малолѣтних

сыновей, но Людовик Благочестивый, помимо законных наследников, отдает Аквитанию Карлу Лысому и задумывает поход против Людовика Баварского. Но во время похода на одном островѣ Рейна, куда был перенесен, он захворал и умер 20 июня 840 года.

Раздѣленіе
Франкской
монархіи.

По смерти Людовика Благочестиваго остались три его сына. Лотарь, признанный императором, стремился к восстановленію единства, намѣреваясь вооружиться и ограничить права братьев. Эта его политика соединила меньших братьев и вызвала их возстаніе. Лотарь с войском не рѣшился на сраженіе с Людовиком Нѣмецким при Франкфуртѣ и с Карлом Лысым при Орлеанѣ, и они соединились около Шалона на Марнѣ, а битва произошла при Фонтенуа, вблизи Оксерра (25 июня 841 года). Эта битва разсматривалась современниками, как суд Божій. В ней никто не щадил друг друга. Лучшій цвѣтъ франкской силы погиб. Побѣдители — Людовик и Карл — сжалились и приказали прекратить сраженіе. Но Лотарь не был обезкуражен, он рѣшился продолжать борьбу. Потому союзники рѣшили сойтись 14 Февраля 842 г. на свиданіе в Страссбургѣ. На этом свиданіи они условились дѣйствовать единодушно и дали взаимную клятву — Людовик на романском языкѣ, а Карл на нѣмецком. Это знаменитая присяга. Она была тогда же записана и запись эта является древнѣйшим образцом французскаго и нѣмецкаго языков. Узнавъ о соединеніи и скрѣпленіи союза между братьями, Лотарь вступил с ними в переговоры, которые велись в Мецѣ, Кобленцѣ и Верденѣ. В Верденѣ был, наконец, заключен договор, по которому был положен раздѣлъ государства на новых началах. Лотарь, с титулом императора, получил Италію, Швейцарію и промежуточныя земли, которыя отдѣляли запад от востока, вплоть до берегов Нѣмецкаго моря. Другіе братья получили земли на запад и на восток от Лотаря, Людовик — на восток, а Карл — на запад. Получились, не без потрясеній, три королевства, которыя впоследствии легли в основу трех государств: Франціи, Германіи и Италіи.

Спустя 27 лѣтъ по смерти Карла Великаго и произошел этот раздѣлъ. Временно всѣ эти земли были соединены в руках Карла Толстаго, но спустя 4 года послѣ его низложенія бывшая франкская монархія распадалась уже на семь частей. Этому способствовали раздѣлы Каролингов. Так, напр., когда умер Лотарь, то его часть была раздѣлена между тремя его сыновьями. Старшій сын, Людовик II получил императорскій титул и собственно Италію, другой сын Лотарь II получил земли между Мозелем и Рейном до Шельды — это Лотарингія, и меньшій Карл получил Бургундію. Вообще, чѣм дальше, тѣм раздробленіе франкской мо-

нархіи совершается быстрѣ. К концу X в. распаденіе выражается так: во Франціи к началу X в. находится 29 независимых частей, а в концѣ X в. болѣе 60-ти. Причины всё тѣ же. Прежде всего, несмотря на раздѣл по Верденскому договору, идея о монархическом единствѣ не исчезает. Были попытки найти форму для восстановленія разрушавшагося единства. Оно выражалось в слѣдующем. По Верденскому договору, всѣм сыновьям Людовика Благочестиваго достались земли, которыя населены франками, виновниками созданія государственнаго единства. Каждому досталась часть франкской территоріи; Людовику Франконія по Майнцу, значительная часть Карлу Лысому. Всѣ эти братья именовали себя по традиціи королями франков. Но этот раздѣл лишал франкское племя возможности играть в будущем доминирующую роль. Были и другія связи между долями. Братья условились сѣзжаться для обсужденія общих дѣл. Собранія происходили в разных частях, чаще же на территоріи Лотаря. Братья условились поддерживать единую политику, не принимать перебѣжчиков. Сѣздом в Мерценѣ 847 года было установлено, что братья обезпечат своих дѣтей наслѣдников, и обязались выдавать бѣжавших преступников. С этой поры каждая часть жила уже своей особенной жизнью. К этому присоединялись и другія обстоятельства. Так, в долях Людовика Нѣмецкаго, гдѣ еще не успѣлъ проявиться принцип феодализма, масса народа была свободна; это благоприятное обстоятельство. В то же время в худшем положеніи находились доли Карла и Лотаря. У Лотаря были земли череполосныя; онѣ были населены разнохарактерными племенами. Эта разнохарактерность лишала короля возможности сформировать всѣ эти племена в одно цѣлое. Папы преслѣдовали собственные интересы и только препятствовали свободѣ дѣйствій итальянских государей. У Карла Лысаго положеніе было не лучше, чѣм у Лотаря. В его части, гдѣ наиболѣе развился и укрѣпился феодализм, имѣла большую силу феодальная аристократія, ограничивавшая власть короля. Бенефициалы стремились укрѣпить за своими *beneficia* права наслѣдственных владѣній. Так, в Кьерсійском капитуляріи 877 г. принцип наслѣдственности бенефициальных земель получил почти полное признаніе. Таким образом, из этого обозрѣнія видно, что благоприятныя условія для будущаго слагались преимущественно на востокѣ, у Людовика Нѣмецкаго.

Теперь нам необходимо прослѣдить судьбу доли Лотаря. Он скончался в 855 г. и оставил трех сыновей, между которыми, как было уже сказано, и раздѣлил свое государство. Когда раньше других сыновей скончался сын Лотаря Карл Бургундскій,

то власть непосредственнаго Каролинга не была признана, а на его мѣсто был провозглашен нѣкто Бозон. Людовик II не мог настоять на присоединеніи Бургундіи и Прованса к своей долѣ. Он в то время боролся с арабами и ему было не до того. Что касается Лотаря II, то он был лишен возможности проявить энергичную политическую дѣятельность. Он был женат на знатной женщинѣ Тейбергѣ. Но она была ему не по сердцу, и дѣтей у них не было. Он старался расторгнуть свой брак и соединиться с Вальдрадой, с которой близко сошелся. Возник процесс. Хотя правда и была на сторонѣ Тейберги, но законники были всѣ подкуплены и стояли за короля. Вмѣшался папа Николай I. Он говорил, что лишит Лотаря доли. Дяди его также заинтересовались процессом и также не хотѣли признавать желанія Лотаря, ибо у него был незаконный наслѣдник от связи с Вальдрадой. Оба дяди мечтали о присоединеніи доли Лотаря II к своим владѣніям. Лотарю II не удалось достигнуть своего, он скончался 8 Августа 869 г. Карла Лысаго стал поощрять Реймскій архіепископ Гинкмар, и вскорѣ в Мецѣ было совершено коронованіе Карла, как короля Лотарингіи. Но этим коронованіем были обойдены интересы другого брата. Людовик Нѣмецкій требовал отдачи себѣ законной доли и подошел с войском. Братья без употребленія оружія пришли к соглашенію в Мерценѣ на сѣздѣ в Августѣ 870 г., чтобы раздѣлить долю Лотаря пополам. Но они не приняли во вниманіе этнографическаго состава населенія этой полосы, а руководились только соображеніями финансовыми. Из 65 графств 30 достались Карлу Лысому и 31 Людовику Нѣмецкому, а 4 остальные графства они раздѣлили пополам. Таким образом, границы Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго сошлись. Этими раздѣлами — Верденским и Мерценским — опредѣлились основы трех территоріальных групп — германской, французской и итальянской.

Параллельно разложенію франкской монархіи, шло и вырожденіе династіи Каролингов. Начиная с семидесятых годов IX столѣтія, Каролинги быстро вымирают. Людовик II умер 12 Августа 875 года. На корону его явились претендентами два его дяди братья Карл Лысый и Людовик Нѣмецкій. Карл с помощью папы Іоанна VIII был коронован в Римѣ, но в Октябрѣ 877 года скончался. Еще ранѣе, именно в Августѣ 876 г. скончался Людовик Нѣмецкій. У него остались три сына: Людовик Молодой, Карломан и Карл Толстый. Людовик получил Саксонію и Франконію и умер 20 Января 882 г. В 880 г. умер Карломан. Германія досталась Карлу Толстому. Что касается Карла Лысаго, то его преемником был Людовик Косноязычный, но он умер в 879 г. и оста-

вил трех сыновей: Людовика III, Карломана и Карла. Людовик III умер в 882 г. Карломан умер в 884 г. Остался Карл пятилѣтним ребенком. Французская аристократія не признала его королем и провозгласила Карла Толстаго. Таким образом, Карл Толстый вторично соединил государства во едино. Но это продолжалось недолго. Событія 887 года все это измѣнили. Карл Толстый обнаружил трусость, не рѣшившись бороться с Норманнами, что побудило Германію провозгласить его низложенным. Королем провозглашен Арнульф, незаконнорожденный сын Карломана. Карл Толстый низложен был и в других частях. Во Франціи на его мѣсто избрали Одона или Евда, сына Роберта Сильнаго, вторично обойдя Карла Простоватаго, внука Карла Лысаго. Арнульф, хотя был и ненастоящий Каролинг, но был человекъ умный и управлял Германію прекрасно. Послѣ его смерти его мѣсто занял Людовик Дитя, сын его, который был послѣдним Каролингом в Германіи. Во Франціи по смерти Одона был избран Карл Простоватый, но династія Каролингов там господствовала недолго. Они боролись до конца X вѣка с потомками Роберта Сильнаго и в концѣ концов в 987 г. один из потомков Роберта Гуго Капет окончательно закрѣпил престол Франціи за своими потомками.

I семестр
1904 года.

Исторія Франціи в средніе вѣка.

Лекція I.

Мы указывали, что земли, входившія в состав монархіи Карла Великаго, с середины IX вѣка стали обособляться в отдѣльные государства. Это обстоятельство дает основаніе обозрѣвать послѣдующую исторію средних вѣков, сообразно измѣнившимся условіям, по отдѣльным странам. В ряду их первое мѣсто занимает западная часть франкскаго государства, которая сначала называлась Нейстрией, а впослѣдствіи Франціей. Если мы взглянем на судьбы важнѣйших государств, выдѣлившихся из состава единой монархіи Карла Великаго, то увидим, что в исторіи их есть одна общая черта — развитіе феодализма; мы наблюдаем его в Германіи, Италіи, Испаніи и даже Англии. Однако, характер феодализма в разных средневѣковых государствах был своеобразен, в разных странах феодализм имѣл свои оттѣнки. В значительной зависимости от этого, историческій процесс приводил к созданію в трех важнѣйших государствах Западной Европы различных форм государственности. Так, в Англии мы сначала видим развитіе монархической власти, которая потом входит в союз с народовластіем; в Германіи наблюдается постепенный упадок монархической власти и возвышеніе власти князей; во Франціи же, наоборот, слабая монархическая власть

постепенно усиливается путем медленного собиранія независимых территорій, и этот процесс единой державы приводит к торжеству монархіи. Это три типа историческаго развитія: парламентаризм в Англии, княжевластіе в Германіи и монархическій режим во Франціи.

Переходя к исторіи Франціи, мы предложим библиографическія указанія. Для справок необходимо пользоваться: 1) изданіем Моно: „Bibliographie de l'histoire de France“; издано в 1888 г. (устарѣло, втораго изданія нѣтъ). 2) Петрова (профессора Харьковскаго Университета) — „Національная историографія во Франціи, Германіи и Англии“, изд. в 1861 г. (полезный очерк историографіи, хотя, к сожалѣнію, теперь должен быть признан устарѣвшим). Общія сочиненія по исторіи Франціи имѣются слѣдующія: 1) Simonde de-Sismondi: „Histoire des Français“ (1821—1824). 2) Michelet: „Histoire de France“ 17 томов (1845—1867). 3) Henri Martin: „Histoire de France“, 19 томов (1856 г. и слѣд.). 4) Dareste de la Chavanne: „Histoire de France“, 8 томов (1868—1873). 5) Guizot: „Исторія Франціи“ (1870—1875). 6) Rambaud: „Histoire de la civilisation Française“, 2 тома 1888 г. 7) Lavis Ernest: „Histoire de France depuis les origines jusqu'a la révolution“. (Стало выходить в свѣтъ с 1901 г., вышло около 10 томов, самое лучшее пособіе.) 8) Историческій атлас Longnon'a, 1888 г. Важнѣйшіе источники нашли мѣсто в коллекціи Буке (Bouquet: „Recueil des historiens des Gaules et de la France“, 1738—1833, 1840 до настоящаго времени, т. I—XIX, XX—XXVI).

Останавливаясь на исторіи Франціи, должно прежде всего рѣшить вопрос, когда же начинается исторія Франціи. Обыкновенно ее начинают от времени кельтских передвиженій, но с общей исторической точки зрѣнія это была не Франція а Галлія кельтская и романизованная, на смѣну которой выступила Франкская монархія собственно же исторія Франціи начинается тогда, когда процесс сліянія побѣдителей германцев с галло-римским населеніем завершился. Этот процесс начался с перваго момента появленія франков на Галльской территоріи, но как процесс медленный, не был отмѣчен с достаточной опредѣленностью современными историками. Еще при Карлѣ Великом и его внуках дѣло всегда идет о франкском государствѣ. Сам Карл и его сын Людовик были природные германцы. Но с половины IX вѣка начали сказываться успѣхи романизации. Внѣшним образом это обнаружилось уже в верденском договорѣ 843 г., когда западныя земли Франкской монархіи достались Карлу Лысому. К этому же времени относится свидѣтельство о романизации: в 842 г. происходило в Страссбургѣ сви-

Литера-
тура.

Дѣленіе
исторіи.

даніе союзников-братьев Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго, при чем была произнесена так называемая страстбургская клятва, на германском и романском языках. Это свидѣтельствуеет о том, что военная сила братьев могла понимать каждая только свой язык. Запись этой клятвенной формулы, сдѣланная современником (Нитард), является древнѣйшим памятником германскаго или нѣмецкаго и романскаго или французскаго языков. Въ эту же пору, когда романизация ясно сказала, проявляется другой момент: западная часть становится феодальной. Признаки этого сказались в слѣдующем. Во-первых, при Карлѣ Лысом начинается постройка замков для защиты представителей феодальной аристократіи; во-вторых, при внукѣ Карла Лысаго — Карлѣ Простоватом мы наблюдаем созданіе ряда почти независимых герцогств и графств в западной части. Таким образом, в течение IX вѣка, когда процесс романизации завершился, мы наблюдаем постепенную замѣну монархическаго режима феодальным. Вот исходный пункт, откуда можно начать исторію Франціи — с X вѣка а IX вѣк можно разсматривать как введеніе в эту исторію. С этой точки зрѣнія мы можем указать три періода средневѣковой исторіи Франціи: первый характеризуется преобладаніем феодальных начал; второй — когда общество и государство постепенно преобразуются под вліяніем феодальнаго режима, в нѣдрах котораго зарождается монархическая власть, устанавливается как бы равновѣсіе между двумя режимами; третій — когда между ними устанавливаются отношенія противоположныя: феодализм клонится к упадку, монархія же торжествует. Хронологическія грани между этими періодами указать трудно, но в видах нѣкоторой систематики можно установить слѣдующія приблизительныя даты. Первый період обнимает правленіе послѣдних Каролингов и первых Робертингов, от 887 по 1180 г., (около 300 лѣтъ); характерная черта періода — слабость королевской власти. Второй період — от смерти Людовика VII (1180 г.) и до конца так называемых прямых Капетингов, до 1328 г.; в этот період устанавливается нѣкоторое равновѣсіе между феодализмом и монархіей, торжествует принцип наслѣдованія престола по прямой линіи. Третій період заканчивается регентством Анны Боже в 1484 г. при Карлѣ VIII; равновѣсіе нарушается в пользу королевской власти; учрежденія средневѣковыя или падают или измѣняются под вліяніем новой идеи государственности.

Переходн.
період. Карл
Лысый. У-
падок коро-
левской
власти и
возвышеніе
аристократ.

Опредѣлив таким образом начальный момент французской исторіи, остановимся на ознакомленіи с переходным періодом, являющимся своего рода введеніем в собственную французскую исторію. Карл Лысый, которому по Верденскому договору достались земли

на западъ от Рейна, постоянно боролся с ви́шними врагами: кромѣ борьбы с аквитанцами и бретонцами приходилось считаться со страшными опустошеніями норманнов, которые грабили Францію; и это тѣм болѣе имѣло значеніе, что вниманіе Карла Лысаго не было сосредоточено на внутренних дѣлах, а отвлекалось на ви́шнія предпріятія. Карл Лысый, стремясь к императорской коронѣ, предпринимал походы в Италію. Это честолюбіе Карла способствовало упадку власти, потому что общество понимало неспособность короля успокоить страну. Этот упадок не трудно прослѣдить по официальным актам времени Карла Лысаго. Получается возможность прослѣдить год за годом различныя уступки короля в пользу феодальной аристократіи и церкви, уступки, в которых можно видѣть доказательство упадка королевскаго авторитета. Так, в Ноябрьѣ 843 г. на государственном сеймѣ в Куленѣ, около Манса, Карл дает представителям знати неопредѣленныя обѣщанія: 1) церквам и монастырям он обѣщал оставить все то, что они получили раньше, и сдѣлать к этому нѣкоторыя прибавки; 2) он заявил, что от всѣх ожидает такого почета, на какой имѣет право в качествѣ короля; 3) он говорил, что не лишит ни одного из своих подданных должностей и пріобрѣтенных ими почетных отличій; 4) он никому не позволит представить льгот, которыя были бы во вред другим. Он всѣм поручал слѣдить за тѣм, чтобы кто нибудь не вовлек его в нарушеніе требованій справедливости. Он даже говорил, что если бы это произошло, то его вассалы должны обратить на это его вниманіе, соблюдая при этом должное уваженіе к королевскому сану. Однако, послушникам своей воли он угрожает епископским авторитетом (*episcopalis auctoritas*) и единодушіем всѣх вассалов (*fidelium unanimitas*). Отсюда видно, что королевская власть как-бы колеблется и начинает утрачивать довѣріе к самой себѣ, аристократія же начинает чувствовать свое значеніе и силу, при чем наряду с ней на первый план выдвигалась церковь,

На собраніи в Вернѣ в декабрѣ 844 г. епископы требуют освобожденія от военной повинности, ссылаясь на то, что у церкви отнимаются имѣнія, а церковныя имущества подвергаются грабежу. На соборах в Мо и Парижѣ в 846 г. к этим жалобам и желаніям присоединилось требованіе о возвратѣ церковных имуществ, конфискованных в прежнее время. Во избѣжаніе же того, что король будет доведен до крайности, если всѣ имѣнія церковныя будут подлежать возврату, предполагалось послать в каждое графство два уполномоченных (одного из мірян, другого из духовнаго званія) с порученіем разслѣдовать, какія имѣнія были розданы со

времени царствованія дѣда короля, т. е. со времени Карла Великаго; эти имѣнія должны были быть возвращены, а отобранныя ранѣе — оставлены за короною. Таким способом король получил бы возможность покрывать расходы на содержаніе своего семейства и своих приближенных. Это было похоже на публичное признание, что королю грозит полное раззореніе, что он впал в нищету. Такое требованіе духовенства вызвало раздраженіе свѣтских лиц, потому что и аристократія владѣла этими землями. Поэтому мы и видим столкновеніе между ними в іюнѣ 846 г. на собраніи в Эпернэ. Свѣтскія лица потребовали, чтобы прелаты были удалены из зала засѣданія, и отмѣнили постановленія соборов в Мо и Парижѣ. В февралѣ 847 г. Карл издает Мерсенскій капитулярій, которым предписывалось, чтобы каждый свободный чело-вѣкъ избрал себѣ патрона; этим предписывалось, чтобы все общество феодализировалось. Вмѣстѣ с тѣм было запрещено покидать патрона и приказано слѣдовать вмѣстѣ с ним на войну. Но еще Карл Великій запрещал вассалу покидать своего сеньора; новым же здѣсь является то, что Карл Лысый уравнивает права короля над своими вассалами с правами этих вассалов над их людьми-подвассалами. По отношенію к ним обязанности относительно государства признаются только на случай необходимости „защищать отечество“, а не государство. В апрѣлѣ 853 г. на суассонском соборѣ король согласился на желаніе духовенства, чтобы нѣкоторыя преступленія, напр. прелюбодѣйство, подлежали вѣдомству духовнаго суда. В ноябрѣ 853 г. Карл видѣлся в Валансьенѣ с Лотарем. Из его посланія (adnuntiatio) видно, как в то время была тяжела жизнь короля. Он говорил, что посоветуется со своими вассалами о том, как ему сдѣлать, чтобы жить, подобно своим предшественникам, в приличной и безбѣдной обстановкѣ. В том же мѣсяцѣ на народном собраніи в Сервэ (в Ланском округѣ) он утвердил постановленія, составленныя по соглашенію с Лотарем, и передал их для обнародованія через *missi dominici*. В этом документѣ мы находим многочисленныя доказательства бѣдственнаго положенія королевства. Здѣсь идет рѣчь о молодых дѣвушках, подвергшихся насилію, о подвергшихся угнетеніям вдовах, о священниках, которые были высѣчены и выгнаны из церквей без разрѣшенія епископов, о нарушенных льготах, об отказѣ уплачивать повинности в пользу церквей. Затѣм устанавливается фактъ, что в государствѣ совершается много разбоев, и указываются мѣры для борьбы с ними. Интересно то, что во 2-ой статьѣ Карл Лысый приказывает посланцам раздавать по одному экземпляру капитуляріев своего отца и дѣда. Этим он старается

вызвать воспоминанія о старых традиціях, установить связь между своею правительственною дѣятельностью и дѣятельностью своих славных предшественников. К экземплярам капитуляріев приложены двѣ формулы клятвы для жителей графств: населеніе и должностныя лица должны клятвенно завѣрить, что не будут заниматься разбоем и укрывательством разбойников. Капитулярій 857 г. всецѣло посвящен разбоям. Король сознается в своем безсиліи. Его матеріальныя силы дошли до такого истощенія, что он считаетъ только на силу нравственную. Он приказывает епископам, графам и государевым посланцам устраивать в их округах мѣстныя собранія и приглашать к участию в них всѣх без исключенія. Там епископ должен читать запрещенія разбоя, изложенныя в Евангеліи, в посланіях отцов церкви и пророков; он должен выяснить своим слушателям, что совершеніе разбоев очень великій грѣх, который не останется без строгаго наказанія. Графы же и *missi dominici* должны читать законы против разбоев. Виновные в нарушеніи их подвергаются суду епископов, отлученію от церкви и проклятію, им угрожают законы и мщеніе со стороны вѣрноподданных. Если они откажутся от повиновенія, то король их призовет к своему собственному суду; если же они не явятся на этот суд, то будут исключены из лона святой церкви и на землѣ и на небесах. Они будут объявлены врагами церкви и опустошителями королевства, их будут преслѣдовать, пока не выгонят из королевства. В 8-ой же статьѣ говорится о том, как должно поступать с графом, который будет заниматься разбоем.

Таким образом, мы видим в государствѣ полную анархію, упадок и безсиліе королевской власти. Но с 60-х годов дѣла поправляются. Роберт Сильный одержал побѣду над Норманнами, и это благопріятно отразилось на положеніи дѣл. В 864 г. был обнародован Пистскій эдикт. Король радуется, что собралось много вассалов, что если не всѣ подданные, то большая часть из них исполняютъ приказаніе не нарушать внутренняго спокойствія. Это он приписываетъ побѣдѣ, одержанной над Норманнами. Повидимому все шло хорошо, и королевская власть начинала сознавать свою силу. Снова дѣлаются такія распоряженія, которыя давно уже не возобновлялись: король приказал графам составлять списки свободных людей, обязанных нести военную службу; запрещалось обязанным платить ценз королю поступать в личную зависимость от церкви или кого-либо другого, чтобы государство не терпѣло убытков. До той поры интересы государства были совершенно позабыты, а теперь они снова принимаются в соображеніе. Но из содержанія того же капитулярія видно, что разложеніе государства

продолжалось. Принимаются мѣры для оказанія помощи тѣм жителям, которые убѣжали из мѣстностей, опустошенных Норманнами. Карл просит частных лиц принять в устройствѣ их судьбы участие и оказать поддержку. Тут же Карл предписывает разоруженіе феодальных крѣпостей и замков. Всѣ эти мѣры 864 года показывают, что Карл Лысый не позабыл, как управляли государством его отец и дѣд, но что анархія произошла оттого, что у него не было сил и средств поддержать традиціи предшественников. Поворот в положеніи дѣл обусловливался тѣм, что в лицѣ Роберта Сильнаго и Пуатьескаго графа Райнульфа он нашел двух энергичных помощников, которые отразили нападеніе бретонцев и норманнов и заставили поднявших голову феодалов, благодаря этому, подчиниться королевской власти. Карл мог отнять ленныя владѣнія у графа Адемара, неповиновавшагося королевской власти, мог предать суду и казнить, как измѣнника, Вильгельма, сына графа Орлеанскаго.

Но эти успѣхи королевской власти были непродолжительны. В 866 г. Роберт и Райнульф погибли в битвѣ с норманнами и дѣло возвращается к прежнему состоянію. Король теряет и тот слабый авторитет, который имѣл. Из капитулярія 866 г. уже видим, что между феодалами происходят войны. Еще болѣе замѣчателен капитулярій Кьерсійскій (Іюль 877 г.) Буржуа в 1885 г. в своем изслѣдованіи доказывал, что его можно разсматривать как увѣнчаніе всѣх притязаній феодалов. Карл в это время готовился к походу на Италію. Он созвал своих приверженцев и сдѣлал распоряженія на все время своего отсутствія. Он потребовал от них множество различных обѣщаній. Любопытна форма этого капитулярія. Он состоит из вопросов и отвѣтов знатных, — при чем на нѣкоторые вопросы отвѣтов нѣтъ. Вопрос первый: „Как могу я быть увѣрен в моем сынѣ и вас, на все время моего отсутствія? Как вы можете быть увѣрены в сынѣ моем, а сын в вас?“ Отвѣт: „Вы можете быть увѣрены в сынѣ, потому что вы родили и воспитали его; вы можете быть увѣрены в нас, потому что мы принесли вам присягу на вѣрность, а вы нам дали прекрасный дар земли на ленных правах“. Затѣм слѣдуют знаменитыя постановленія, свидѣтельствовавшія о наследственности государственных должностей. Если умрет какой-нибудь граф, а сын его находится в походѣ при королѣ, то учреждается опека родственников: управленіе графством поручается родственникам умершаго графа до того времени, когда король, узнав о том, что случилось, передает сыну почетную должность его отца. Также слѣдует поступать, если послѣ умершаго графа остался малолѣтній сын. Если же послѣ

умершаго графа не осталось сыновей, то управление поручается сосѣднему графу или епископу. То же самое правило распространяется и на подвассалов. Карл предписывает вассалам дать их подвассалам то, что он сам дал вассалам. Далѣ Карл совѣтует не вѣрить слухам о его смерти, если таковыя появятся, а если он помрет, то указывает, как распределить милостыню и его библиотеку. Вслѣд за тѣм он дѣлает разнородныя распоряженія: приказывает силою прекращать феодальныя войны, лишь только онѣ вспыхнут; запрещает занимать помѣщенія в его виллах и в виллах его жены; запрещает в своих лѣсах охотиться даже своему сыну, и другія постановленія. Послѣ составленія этого капитулярія Карл Лысый совершенно спокойный относительно своего сына, жены, дочерей и своих лѣсных диких животных, отправился в поход, возвратиться из котораго ему не было суждено.

Таким образом, можно сказать, что государство начало распадаться на части, синьоріи (большія и малыя), между которыми часто ведутся войны. Все населеніе попадает в зависимость от владѣльцев синьорій и должно было подчиняться их судебной власти, королевская же юрисдикція теряет прежнее свое значеніе. Церковь, имѣвшая обширныя помѣстья, огражденныя иммунитетами от вмѣшательства представителей королевской власти, опирается на эти владѣнія, как на независимые округа. Графы, прежде назначаемые королем, являются уже не представителями королевской власти, а самостоятельными владѣтелями, имѣющими право передавать должности по наслѣдству. Таким образом, графства являются крупными территориальными единицами, почти независимыми. Существуют *missi dominici*, но и они теряют свое прежнее значеніе: являются в роли проповѣдников, должны прибѣгать к убѣжденію. Король не имѣл той верховной власти, которая ему принадлежала по наслѣдству и на основаніи его помазанія: он был только первым синьором между другими синьорами, *primus inter pares*. Отношенія его к вассалам, как равным, опредѣляются договорами. Он разорен, нуждается для содержанія двора в помощи вассалов. Королевская власть падает, аристократія же постепенно возвышается. Параллельно зому идет и то, что фамилія Каролинговъ к концу IX вѣка вымирает: 28 августа 876 года умирает Людовик Нѣмецкій; через год 11 Октября 877 г. умирает император Карл Лысый. Наслѣдником его является сын Людовик Косноязычный. Он вступил на престол благодаря поддержкѣ, оказанной ему архіепископом Реймским Гинкмаром, который и короновал его 8 декабря 877 г. Весною 879 г. Людовик умирает, оставляя послѣ себя двух молодых сыновей — Людовика III

и Карломана и жену, которая вскорѣ разрѣшилась от бремени рожденіемъ еще сына Карла Простоватаго, сдѣлавшагося впослѣдствіи королемъ Франціи. Два старшіе сына не долго царствовали; они прибѣгли к раздѣлу: Людовик III получил Нейстрію, Карломан — Бургундію и Аквитанію. Несмотря на раздѣл, они дѣйствовали единодушно, находясь в союзѣ с дядей Карлом Толстым в борьбѣ с претендентами на самостоятельность (reguli) Бозономъ и Гугоном. Людовик и Карломан обнаружили мужество, разбив норманнов. Но Людовик умер 20 января 882 г., а Карломан 6 декабря 884 г. Остались на лицо из Каролингов только Карл Толстый и Карл Простоватый, при чем послѣдній был еще в дѣтском возрастѣ. Был еще Арнульф, незаконнорожденный сын Карломана Баварскаго. Естественно, что Карл Толстый, сын Людовика Нѣмецкаго, был признан королемъ также и во Франціи и таким образом соединил под своею властью всю монархію Карла Великаго. Но он оказался не на своемъ мѣстѣ и еще болѣе расшатал колебавшійся авторитет королевской власти.

Лекція II.

Карл Толстый, избранный королемъ Франціи на соборѣ в Понтіонѣ, соединил в своихъ рукахъ всѣ части монархіи Карла Великаго, но он был не в состояніи защитить государство от норманнов. В 886 г. был осажденъ Париж; защищать его пришлось графу Одону, сыну Роберта Сильнаго; Карл же не оказал никакой помощи. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что и в Германіи Карломъ были недовольны; и там в ноябрѣ 887 г. произошло возстаніе, кончившееся тѣмъ, что Карл был свержен и на его мѣсто избранъ королемъ Германіи Арнульф, сын Карломана. Это повело к тому, что и во Франціи низложили Карла Толстаго, и престолъ сталъ вакантнымъ. Колебаній не было, и Одон, или, как его называютъ, графъ Евдъ был избранъ на престолъ (888 г.). Это былъ первый король изъ новой династіи Робертинговъ (называлась такъ по имени отца Одона — Роберта), которая впослѣдствіи стала называться Капетингской. В исторіи Франціи с этого времени начинается борьба двухъ фамилій — Робертинговъ и Каролинговъ; она продолжалась болѣе 100 лѣтъ и ознаменовалась еще бѣльшимъ разстройствомъ Франціи, усиленіемъ феодализма и полнымъ паденіемъ авторитета королевской власти.

Происхожденіе фамиліи Робертинговъ.

По вопросу о происхожденіи фамиліи Робертинговъ в науку существуютъ два направленія: нѣмецкое и французское. По мнѣнію однихъ ученыхъ, Робертъ Сильный, сынъ Витихина, былъ по происхожденію саксонецъ, а другіе утверждаютъ, что онъ является представителемъ мѣстной Тюреньской знати. Нѣмецкіе ученые (Ранке, Калькштейнъ) в защиту своей теоріи ссылаются на Рихера, который отмѣчаетъ саксонское происхожденіе Роберта Сильнаго и на хро-

нику монастыря Флери, который находился в близких отношениях к Капетингам и пользовался их благосклонностью. Представители другого направления (Бартеlemi, Мабилль и отчасти Моно), защищающие нейстрийское происхождение Роберта Сильного, ссылаются на свидѣтельство Аббона, писателя X вѣка, описавшаго осаду Парижа норманнами, который говорит: „Французы радовались подвигом Одона, потому что он был нейстриец“. Затѣм, они указывают на повторяемость в семьѣ Робертингов имен: Гюго, Роберт, Одон, и на то, что эти же имена встрѣчаются в наименованіях старинной нейстрийской знати. Оба эти аргумента являются, конечно, слабыми, потому что наименование Одона нейстрийцем означает только то, что Одон родился в Нейстрии, а что касается повторения имен, то и здѣсь нѣтъ ничего убѣдительнаго: раз потомки Роберта Сильного попали в число нейстрийской знати, то естественно они усвоили себѣ имена и быт ея. Поэтому болѣе правдоподобной является теорія саксонскаго происхожденія. Попытку примирить эти два направления сдѣлал Люшер. Он говорит, что в концѣ IX в. Роберт Сильный получил земли между Сеной и Луарой, господствуя на пространствѣ от Парижа до Анжера, самой плодородной и богатой части Франціи. Слившись с туземцами, потомки Роберта Сильнаго забыли о своем саксонском происхожденіи, и вопрос об их происхожденіи не имѣет особеннаго значенія.

Источники
и литера-
тура.

В исторіи Робертингскаго дома можно различать два періода. Первый період можно назвать періодом героическаго роста этого дома, что особенно выразилось в дѣятельности Роберта Сильнаго и двух его сыновей: Одона и Роберта I. Второй період роста этого дома-политическаго, представителями какового являются: Гуго Великій и Гуго Капет. Для исторіи этого періода, обнимающаго конец IX в. и весь X в., пособиями являются слѣдующія сочиненія: 1) Kalckstein, „Geschichte des französischen Königthums unter den ersten Capetingern. 1. Der Kampf der Robertiner und Karolingen“. Lpz. 1877, in — 8; 2) Ferdinand Lot, „Les derniers Carolingiens, Lothaere, Louis V, Charles le Lorraine“. Что же касается источников, то эта эпоха не может похвалиться обиліем исторических матеріалов, хотя и нельзя сказать, чтобы их было безусловно мало. Прежде всего мы можем назвать сочиненіе Аббона, монаха Сенжерменскаго монастыря: „Abbonis de bellis Parisiacaе urbis libri tres“, изданное в коллекціи Перца („Monumenta historica Germaniae“, отдѣл „Scriptores“, т. 2-ой, 756—805 стр.). Отдѣльное изданіе 1871 г. Главным предметом является рассказ о нашествіи норманнов, осадѣ Парижа и нѣкоторых дальнѣйших событіях (885—896 гг.), при чем здѣсь на первый план выдвигается личность Одона. Далѣе,

сочиненіе Регинона, аббата Прюмскаго монастыря в Лотарингіи. Его „Хроника“, от воплощенія Христа до 906 г., является одною из первых попыток написать всеобщую исторію. Другія его сочиненія относительно церковных дѣл не имѣют значенія для исторіи Франціи. „Хроника“ издана Перцем (Mop. Germ., Scriptorum, t. I, 536—612 стр.). Далѣе, важными источниками IX—X вв. являются тѣ, которые составлялись в Реймсѣ, гдѣ была кафедра примаса французскаго, имѣлся капитул и поддерживались исторіографическія традиціи, унаслѣдованныя от Гинкмара. Продолжателем этой традиціи является Флодоард (в концѣ IX в. и первой половинѣ X в.), занимавшій должность архиваріуса Реймской церкви. Ему принадлежит исторія Реймской церкви: „Historia Remensis ecclesia“, доведенная до 948 г., самостоятельная в послѣдних частях. Эта хроника напечатана не цѣликом в сборникѣ Буке, t. VIII, p. 154—175, а цѣликом в „Monumenta Germaniae historica“, t. XIII, p. 405—599 (ed. Heller et Waitz). Другим произведеніем Флодоарда являются анналы, представляющіе из себя как бы продолженіе исторіи реймской церкви: они охватывают время от 919 по 966 г. Изданы анналы в Monumenta Germaniae historica, Scriptorum, t. III, pp. 363—408. Флодоард не скоро дождался продолжателя. Таковым был Рихер, ученик по Реймской школѣ Герберта, впоследствии папы Сильвестра II. Сочиненіе его „Richeri historiarum libri quattuor“ является одним из лучших исторіографических произведеній того времени. Хроника эта долгое время считалась утерянной, пока наконец случайно не нашел ее в 1833 г. Перц, пересматривая рукописи в Бамбергской библиотекѣ. Сочиненіе Рихера напечатано Перцем в Mopum. Germaniae historica, Scriptorum, t. III, p. 561—657. Большія надежды, возлагавшіяся сначала на хронику Рихера, впоследствии, при болѣе близком знакомствѣ с нею, не вполне оправдались: убѣдились в недостатках ея, состоявших, главным образом, в отсутствіи точных дат. Хроника эта становится самостоятельной с 966 года и доведена до 995 года.

Несмотря на перечисленные источники, изслѣдователи этого періода жалуются на недостаток источников для исторіи X вѣка. Нап., Моно в „Revue historique“ (1885 г., Suilet-Aûot) пишет слѣдующее: „Послѣ Флодоарда, остановившагося в своих анналах на 966 году, полезный обычай — отмѣчать из года в год важнѣйшія политическія событія — вполне исчезает. Хотя при нѣкоторых церквях и монастырях и продолжают вести краткіе анналы, но они носят чисто мѣстный характер, а не представляют почти никакого интереса для общей исторіи“. Понятно, что под вліяніем скудости свѣдѣній историка должны с особенным вниманіем обра-

тяться к изученію писем Герберта. Это была замѣчательная личность; он был преподавателем в Реймской школѣ, был близок к Гуго Капету, занимал Реймскую кафедру, был осужден папой, но потом, по протекціи Оттона III, сам сдѣлался папой. Он посѣщал Пиринейскія школы и знал арабскій язык. В виду всего этого, его письма давно привлекали вниманіе и изданіе их начинается чуть не с XVII в. Укажем позднѣйшія: 1) в коллекціи Буке, t. IX, p. 272—292; t. X, p. 387—428. 2) Migne „Patrologia latina“, t. 139, p. 201—264; t. 137, p. 505—518 (перепечатка). 3) лучшее изданіе принадлежит Аве (Avet, „Lettres de Gerbert“, Paris 1889). Трудность пользованія этими письмами вытекает из того, что письма не датированы, в них не проставлены адреса, часто не названы полностью собственныя имена, а только надписаны инициалы, вслѣдствіе чего теряется их цѣнность: каждый изслѣдователь может приурочить письма эти к той или другой личности, к той или другой порѣ; и таким образомъ открывается широкое поле догадкам. Всѣ попытки установить хронологію писем ни к чему не приводили, хотя рѣшеніем этого вопроса занимались многіе (Оллерис, Вильманс, Горовой). Разрѣшить вопрос удалось французскому ученому Аве, издателю этих писем, и русскому проф. Бубнову, посвятившему Герберту и его письмам обширную монографію: „Герберт и его время“, 3 тома. Бубнов объѣхал многіе города Европы, ознакомился с массою рукописей и пришел к нѣкоторым любопытным выводам. Просматривая рукописи писем Герберта, он установил, что в них письма помѣщаются в ряд цѣлыми серіями, хотя встрѣчаются варианты: в нѣкоторыя включены такія, которыя не имѣются в других. Если исключить их, то получается ряд компактных серій. Установив это, Бубнов пришел к правильному выводу, что существовал один первоначальный порядок, отражающійся в серіях, в расположеніи писем. Он задается вопросом: каким же образом возник этот основной порядок? Отвергнув прежнія предположенія, Бубнов, основываясь на том, что Герберт имѣлъ возможность послать корреспонденту вторично письмо, пришел к заключенію, что Герберт сохранял черновики. А если так, то несомнѣнно, что у него была тетрадь, куда он и заносил свои письма, и эта черновая тетрадь является тѣм основным фондом или порядком, который отражается в рукописях в видѣ указанных серій. Послѣ этого Бубнов пришел к заключенію, что Лейденская рукопись есть наиболѣе близкое, лучшее отраженіе этой черновой тетради и нѣтъ нужды перетасовывать письма Герберта, вопреки рукописной традиціи. Это открытіе дало возможность пользоваться письмами Герберта и приурочивать их содержаніе к тому или другому моменту, в порядкѣ расположенія писем.

Роберт
Сильный.

Роберт Сильный, сын саксонца Витихина, был один из значительных лиц Нейстрии. В 852 г. он был свѣтским аббатом монастыря Мармутье и герцогом Тюренским. В 853 г., по порученію Карла Лысаго, исполнял обязанности государева посланца (*missus dominicus*) в Мэнѣ, Анжу, Тюрени. С 857 г. он занимает одно из первых мѣст в Нейстрии. Это объясняется тѣм, что, будучи человѣком сильного характера, он отличился в столкновеніи с норманнами; в награду за это в 865 г. он от Карла Лысаго получил графство Отенское, Неверское и Оксеррское. В слѣдующем году в битвѣ при Бриссартѣ (866 г.) он погиб. Эта погибель отразилась и на положеніи Карла Лысаго, так как король сдѣлал новыя уступки феодальной знати и обязался платить норманнам дань. По смерти Роберта Сильнаго долгое время не было взрослого представителя фамиліи его дома. Он оставил двух сыновей — Одона или Евда и Роберта — еще малолѣтними и потому они не могли проявить себя в политической дѣятельности того времени, вслѣдствіе чего на 20 лѣт исчезают упоминанія об этом домѣ. Только через 20 лѣт в 886 г. Одон достиг возмужалости и был утвержден во владѣннн тѣми землями, которыя находились во владѣннн его отца (Анжу, Тюрень и аббатства Мармутье и св. Мартина Турскаго). Кромѣ того, ему даны нѣкоторыя земли в Шампани и Пуату. Таким образом, он является могущественным вассалом Нейстріи. Осада Парижа 886 г. выдвинула его еще болѣе, а низложеніе Карла открыло дорогу к трону. Архіепископ Санскій Вальтер выставил его кандидатуру, и она была принята знатью благосклонно. Тщетны были попытки реймскаго архіепископа Фулькана противодѣйствовать ему в цѣлях доставить корону Гвидо Сполетскому. Сдѣлавшись королем, Одон часть своих владѣннн передает брату Роберту.

Одон или
Евд.

Первым дѣйствіем короля была забота об упроченіи своей власти. Легитимисты того времени старались возстановить Каролингов, но только событія в Германіи способствовали Евду. Германскими королем был Арнульф, который также не чувствовал себя прочно (он был незаконнорожденный сын Карломана Баварскаго) и склонен был поддержать Одона. Произошло в Вормсѣ свиданіе их, гдѣ они рѣшили поддерживать друг друга, тѣм болѣе, что Одон признал нѣкоторую зависимость от Арнульфа. Одон правил около 10 лѣт, боролся против аристократіи и успѣшно отражал нападенія норманнов. Но, не смотря на свои мужество и дѣятельность, он понимал невозможность передать престол брату, тѣм болѣе, что в ту пору обнаружилась каролингская реакція в Шампани и Фландріи. Одон счел за лучшее пойти ей навстрѣчу

и признал наследником своим представителя каролингской линии Карла Простоватого (сына Людовика III), который родился по смерти отца и в качестве малолетнего уже дважды был обойден при замещении вакантного престола. Когда 1 января 898 г. Одон скончался, королем сдѣлался Карл Простоватый.

Возстановление Каролингов не могло повредить могуществу Роберта. Он получил всѣ владѣнія Одона, титул маркграфа Нейстрии и занимал первое мѣсто послѣ короля в государствѣ. Благодарный за поддержку Одона, Карл расширяет владѣнія Роберта, жалует ему аббатства Сен-Дени, Сен-Жермен, Мариенваль, а также, может быть, графство Нантское, и др. В одной грамотѣ он называется „trimarchio“, т. е. владѣтелем, графом трех пограничных областей. В 914 г. Роберт получает от короля обѣщаніе, что его сын будет признан наследником всѣх его земель. Роберт также хорошо устроил своих дочерей: одну выдал за графа Вермандуа, а другую — за Рудольфа (Рауля), герцога Бургундскаго. Насколько его положеніе было выдающимся, видно из грамоты 918 г., гдѣ он титулуется: „Robertus venerabilis marchio, nostri quidem regni et consilium et iuvamen“ — „уважаемый маркграф нашего королевства, совѣтник и опора“. Могущественный вассал не мог быть не опасным королю, тѣм болѣе, что аристократія была недовольна послѣдним за то, что он окружал себя людьми низкаго происхожденія (особенно он слѣдовал совѣтам Гаганона, челоуѣка из низкаго сословія). Это дало толчок возстанію аристократіи под предводительством Роберта. Опираясь на своих зятьев, он приобрѣл симпатіи и привлек на свою сторону архіепископа Реймскаго. Он овладѣл городом Ланом (город королевства), и король бѣжал в Лотарингію. Роберт был провозглашен королем и коронован в Санѣ архіепископом Вальтером 22 іюня 922 года. Но Роберт не долго царствовал. Каролингская партія не падала духом: во Фландріи и Лотарингіи образовались отряды, которые с оружіем в руках рѣшили защищать законнаго короля; на его же сторонѣ был герцог Нормандіи Роллон, выходец из Скандинавіи. В стычкѣ при Суассонѣ 15 іюля 923 г. Роберт пал в сраженіи. На престолѣ был возстановлен законный государь Карл, но не надолго.

Значеніе Робертингов всетаки не пало, так как они опирались на всю среднюю Францію, а популярность их была упрочена еще воспоминаніем об Одонѣ. Поэтому приверженцы Робертингов не смутились и стали искать замѣстителя. Так как сын Роберта Гуго был малолѣтній, то кандидатом был выдвинут зять Роберта Рудольф Бургундскій. В пользу его кандидатуры служило и то обстоятельство, что по женской линіи он был в родствѣ

Борьба Каролингов с Робертингами и усиленіе послѣдних.

с Каролингами. Он и был избран королем Франціи. Зато Гуго, сын Роберта, опираясь на него, имѣлъ возможность начать борьбу с герцогом Вермандуа и увеличить свои владѣнія (земли около Реймса и Дуэ). Царствованіе Рудольфа продолжалось около 12 лѣт. Когда 14 января 936 года он скончался, то Гуго не пожелал выставить свою кандидатуру, а озаботился призвать сына Карла Простого-Людовика, выросшаго при англосаксонском дворѣ (куда бѣжала его мать Огива), вслѣдствіе того извѣстнаго под именем Заморскаго. 20 іюня 936 г. он и был коронован архіепископом Реймским Артольдом. Гуго извлек выгоды из этого. Так, он получил титул герцога (*dux Francorum*). Этот титул свидѣтельствовал о предоставленной носителю его военной власти в архіепископствѣ Реймском и Турском. Таким образом, власть Гуго распространялась на всю сѣверо-восточную Францію. Он напоминает во всем майордомов, будучи истинным правителем государства. В числѣ его вассалов были даже графы Вермандуа, Шампани, Блуа, Санскіе, Анжуйскіе и др. Вскорѣ послѣ провозглашенія Людовика королем, власть Гуго распространилась и на Бургундію. Когда герцог ея Рудольф умер, то Гуго добился признанія герцогом своего младшаго брата Оттона, а потом сына Генриха. Мало того, Гуго имѣлъ сильныя династическія связи: он был женат на Гербергѣ, дочери Германскаго короля Генриха I, сестрѣ Оттона I. Впрочем, это родство не могло ему много содѣйствовать, потому что и Людовик был женат на другой сестрѣ Оттона. Положеніе Людовика было незавидно, сравнительно с положеніем Гуго. В руках Людовика фактически находился только г. Лан, но и тут Гуго тѣснилъ его и домогался власти. Вражда не дошла до низложенія короля благодаря вмѣшательству Оттона. Однако, помощь эта обошлась Людовику дорого, ибо он должен был отказаться от Лотарингіи в пользу Германіи. Когда в 954 г. умер Людовик, то только благодаря Оттону и осторожной политикѣ Гуго на престол вступил Лотарь IV, сын Людовика. Высшая власть была оставлена за Гуго и даже ему была предоставлена власть над Аквитаніей. В сопровожденіи молодого короля, Гуго в 955 г. отправился походом в Пуатьё для осуществленія своей фактической власти в Аквитаніи, но этот поход не имѣлъ успѣха.

Когда в 956 г. Гуго скончался, то сын его Гуго Капет (прозваніе свое „Капет“ он получил оттого, что, как свѣтскій аббат Мармутье и Св. Мартина, носил „сарра“) наслѣдовал его обширныя владѣнія, его честолюбивые замыслы и его политическіе таланты. Он слѣдовал по проторенной дорожкѣ своего отца и терпѣливо ожидал благопріятнаго случая. Гуго Капет был человѣкъ

вдумчивый, хладнокровный, осторожный, хитрый и предприимчивый, и по своему характеру болѣе, чѣм отец, расположен был пользоваться хитростью и обманом для достиженія своей цѣли. Нужны были только благопріятныя обстоятельства для достиженія давно намѣченной цѣли — престола. Гуго Капет не слѣшил и умѣл ожидать терпѣливо. Разыгрывая роль преданнаго вассала, он ловко разрушал всѣ планы короля и привлекал всѣх его врагов на свою сторону. Весь ход борьбы Гуго Капета с Лотарем и его сыном Людовиком V лучше всего изложен в сочиненіи „Marius Sépet“ (Gerbert в журналѣ „Revue des questions historiques“, t. VII). Его изложеніе надо предпочесть Калькштейновскому, потому что Sépet воспользовался письмами Герберта. Так как успѣх политики Гуго Капета основывался на тѣх матеріальных силах, которыми он располагал, то необходимо прежде всего остановиться на ознакомленіи с ними.

Гуго Капету досталась вся территорія между Сеной и Луарой (Нейстрія), а Бургундія находилась в руках брата его Оттона. Хотя в Аквитаніи его власть мало признавалась, но нѣкоторые из владѣтелей ея по враждѣ к Аквитанскому герцогу склонялись на его сторону. Подобно отцу имѣя титул герцога (dux Francorum), пожалованный ему Лотарем, Гуго Капет не забывал своих прав на Аквитанію. Желая упрочить свое там вліяніе, он предпринимал походы в 959 и 961 гг. на Аквитанію. Хотя эти походы особеннаго успѣха не имѣли, но поддержали авторитет Капетингскаго имени, тѣм болѣе, что Гуго женился на Аделаидѣ, дочери графа Пуату. Располагая такими средствами, Гуго был могущественнѣе Лотаря, который владѣл только Ланом и его окрестностями.

Власть и положеніе Капета представлялись столь велики, что в 984 г. Герберт в одном из своих писем писал: „Лотарь был королем Франціи только по имени, а в дѣйствительности королем был Гуго“. Однако, нельзя сказать, чтобы положеніе Гуго Капета было легкое: ему приходилось считаться с разными затрудненіями. Прежде всего, Лотарь был король энергичный и предприимчивый; он пытался избавиться от гнета могущественнаго вассала, опираясь на союз с Германіей, а, с другой стороны, Капет не всегда мог положиться на вѣрность своих вассалов, особенно на графов Анжуйскаго и Блуасскаго, которые явно стремились к независимости от Гуго путем установленія непосредственных вассальных отношеній к королю. Кромѣ того, возможность достигнуть короны отдалялась тѣм шагом, который был предпринят Лотарем; он прибѣгнул к той мѣрѣ, которая впослѣдствіи является обычной, именно: он задумал короновать своего сына Людовика еще при своей жизни. Это и совершилось в 979 г.

Лекція III.

Пользуясь смутами в Аквитаніи, Лотарь кромѣ того хотѣлъ достигнуть там признанія власти коронованнаго сына. Однако, это ему не удалось, потому что этому противился Гуго Капет, и сами аквитанцы несклонны были к признанію посторонней власти. Значительному успѣху Гуго Капета в борьбѣ против Лотаря содѣйствовала ошибка послѣдняго. Главная опора Лотаря заключалась в поддержкѣ Германскаго двора, но отношенія его к Германіи испортились вслѣдствіе того обстоятельства, что он вступил на ложный путь политики: вмѣсто того, чтобы дружить с германским двором, он задумал овладѣть Лотарингіей, которая была издавна предметом спора между Франціей и Германіей. Такими притязательными стремленіями Лотарь навлек на себя вражду Оттона II и лишил себя той поддержки, которой он пользовался. Наконец, в 977 г. Лотарь разсорился не только с императором, но и с реймским архіепископом Адальбероном. Послѣдній пользовался большим вліяніем среди духовенства, особенно во время избранія короля, и находился в связи с германским двором. Разрыв с Адальбероном повел к тому, что духовенство в 984 г. стало ясно обращать взоры на Гуго Капета больше, чѣм на сына Лотаря. Эта перемѣна выразилась в том, что Герберт, секретарь Адальберона, переѣзжает от Лотаря ко двору Гуга Капета, гдѣ и воспитывает его сына.

Когда в 986 г. скончался Лотарь, то почва для возвышенія Капета была уже подготовлена. Дальнѣйшіе успѣхи Гуга Капета облегчались тѣм, что преемник Лотаря Людовик V прожил недолго: он умер спустя год и нѣсколько мѣсяцев, свалившись с коня и разбив грудь (21 мая 987 г.). Таким образом, и это препятствіе в лицѣ представителя Каролингов исчезло. Вообще, положеніе Каролингской династіи в 987 г. было весьма печально: вдова Лотаря королева Эмма обвинялась общественным мнѣніем в связи с Адальбероном, епископом Ланским, и находилась в открытой враждѣ с Карлом, герцогом Лотарингским, вторым сыном Людовика Заморскаго. Этот Карл, который один мог быть наслѣдником племянника, в свою очередь не пользовался симпатіями французов, потому что был вассалом германскаго императора. Мало того, по своему характеру и нраву он был на худом счету у современников. Затѣм, у Каролингов в эту пору почти не было никаких средств: их домены ограничивались нѣсколькими виллами лежавшими в бассейнѣ рѣк Уазы и Эни; даже Лан был не в их власти. Далѣе, германскій император не имѣлъ нужды поддерживать их, потому что в политикѣ Лотаря обнаружились опасныя для Германіи тенденціи: послѣдней выгодиѣе было поддержать

Капета, за котораго ходатайствовал реймскій архіепископ Адальберон и Герберт, воспитатель Оттона III. Наконец, и духовенство французское не видѣло никакой пользы от Каролингов: при своей слабости они не могли ни поддерживать и защищать церковь от сильных феодалов, ни раздавать земель епископствам и монастырям. Представители феодальной знати также в этом отношеніи сходились с духовенством. То было время, когда и за незначительную услугу требовалось вознагражденіе, а Каролинги по своей бѣдности не могли раздавать земель.

Совершенно в ином положеніи находился Гуго. Прежде всего, ему удалось привлечь на свою сторону вдову Лоторя Эмму, а также Арнульфа, побочнаго сына Лотаря (который был единственным энергичным человѣком в семьѣ Каролингов), обѣщаніем содѣйствовать его карьерѣ, т. е. предоставить ему реймскую архіепископію на случай смерти Адальберона, который тогда уже находился в преклонных годах. Могущественные вассалы находились в близких родственных отношеніях с Капетом: Герцог Аквитанскій и Нормандскій были свояками, а Бургундскій — его брат Генрих; с домом Вермандуа его также связывали родственныя чувства. Мало того, на сторонѣ Гуго Капета стоял вліятельный человѣк Арнульф, епископ Орлеанскій, с которым он был связан узами дружбы. Адальберон и Герберт дѣйствовали в его пользу на востокѣ Франціи. Наконец, средства Гуга Капета были весьма значительны: в руках его были сосредоточены владѣнія всей центральной Франціи. Если и могли быть возраженія против притязаній Капета на престол, то только то, что он не имѣл в прошлом традиціи, т. е. длиннаго ряда коронованных предков, но и в этом отношеніи Гуго Капет мог опереться до нѣкоторой степени на прошлое: его дѣд Роберт и брат послѣдняго Одон носили с достоинством корону Франціи. Особенно было блестяще царствованіе Одона, с именем котораго связана геройская защита Парижа от норманнов. Таким образом, в блескѣ наслѣдственности и у Гуга Капета не было недостатка. Если теперь сопоставить всѣ данныя, то можно сказать, что положеніе Каролингов быто чрезвычайно шаткое. Карл Лотарингскій, разумѣется, не покидал надежды занять трон. Были и у него сторонники, но мало. Для него весьма важно было привлечь на свою сторону хотя бы Адальберона, потому что голос примаса на избирательном сеймѣ играл большую роль. Из хроники Рихера знаем, что Карл сдѣлал эту попытку, обратясь к Адальберону с письмом. Тот, по свидѣтельству Рихера, отвѣчал: „да развѣ я один могу избрать короля Франков? Это дѣло общественное, а не частное“. Здѣсь под благовиднымъ предлогом дан

был полный отказ, потому что Адальберон не сочувствовал кандидатурѣ Карла, как видно, из его слов на избирательном сеймѣ: „мы знаем, что Карл Лотарингскій имѣет приверженцев, которые утверждают, что престол принадлежит ему по праву наслѣдства, но, если вопрос ставят таким образом, то мы скажем, что королевская власть не пріобрѣтается по праву наслѣдственному, и что должно избрать того, кто отличается не только знатностью рожденія, но и мудростію, кто находит свою опору естественную в законности, а свою силу в величіи души“. Этим показывалось, что королем мог и должен быть Гуго Капет. Он и был избран единогласно на соборѣ в Нойонѣ, а 3 іюля 987 г. Адальберон короновал его в Реймсѣ. Так произошел переворот, давно подготовлявшійся, довольно мирно и без всяких кровопролитій.

Перемѣна
династїи.
Воцареніе
Капетин-
гов.

Для объясненія этого переворота высказывались в литературѣ разныя теорїи. Из них заслуживает вниманія теорія Августина Тьерри. Он проводит ту мысль, что перемѣна произошла потому, что населеніе Франціи к этому времени сложилось уже в расу, в лицѣ же Каролингов эта новая нація видѣла представителей германских начал, а в Капетингах — французских. Но это преувеличеніе. На послѣдних Каролингов нельзя смотрѣть, как на представителей германских тенденцій, хотя бы по одному тому, что они происходили от Людовика Заморскаго, который воспитывался в Англии; далѣе, Лотарь, как извѣстно, старался вырвать из рук Германіи Лотарингію. С другой стороны, Гуго, хотя и не говорил по-нѣмецки и по-латыни, а только по-французски, но это не дѣлает его представителем французских начал; у него были дружественныя отношенія с германским двором, и самый переворот произошел не без вліянія Германцев.

Первые четыре Капетинга не выдавались особенно видною дѣятельностью. Они незамѣтно работали над возвышеніем королевскаго авторитета, который стал явно подниматься с начала XII в., с 1108 г., когда королем сдѣлался Людовик VI. Эти 4 первые Капетинга, преемственно от отца к сыну, занимали престол в таком порядкѣ: Гуго Капет (987—996), Роберт Благочестивый (996—1031), Генрих I (1031—1060) и Филипп (1060—1108). Если бросить бѣглый взгляд на весь этот період, обнимающій болѣе ста лѣтъ, то можно замѣтить черты сходства в характерѣ политики двух первых Капетингов и двух послѣдующих. При Гуго и Робертѣ Благочестивом мы замѣчаем тѣсную связь с церковью; оба они опираются на поддержку церковных сфер. Это время тѣснаго союза с церковью. Другіе же два (Генрих и Филипп) не обнаруживают такой приверженности к церкви по причинам отчасти личнаго ха-

рактера. Этот разрыв с церковью отразился и на их положении. Время их правления, захватывающее 79 лѣт, самое тяжелое время в исторіи Франціи. Феодализм дѣлает замѣчательные успѣхи, сопровождающіеся анархіей, которая влечет за собою упадок нравственности и разложеніе семейной жизни. Пройдя сквозь эти бѣдствія, Франція почувствовала необходимость упроченія общественнаго порядка и необходимость искать поддержку, опору в королевской власти. Наблюдается реакція, которая привела к возвышенію монархических начал со времени Людовика VI.

Эпоха первых 4-х Капетингов отличается скудостью источников. Это явленіе довольно обычное: блестящія эпохи имѣют и блестящих представителей исторіографіи, тогда как бѣдныя эпохи не могут этим похвалиться. Первые Капетинги занимали невысокое положеніе: они не были государями большого государства, а только выдающимися синьорами среди французской знати; домены их по размѣру были средніе, так что нѣкоторые феодалы были богаче их количеством владѣній. Представители тогдашней исторіографіи — духовенство и монашество — продолжали жить под влияніем универсальных идей, унаслѣдованных от Рима. Они мало интересовались Капетингами, так как не видѣли в них представителей такого рода идей. Их болѣе привлекала Германія, гдѣ был представитель Римскаго универсализма в лицѣ императора Священной Римской Имперіи. Если и были представители исторіографіи, как Рихер, Флодоард, которые излагали французскія событія, то их дѣятельность находилась в связи и под влияніем Реймскаго архіепископа. Реймскіе архіепископы в концѣ X и началѣ XI в. и играли политическую роль в Германіи и Франціи одновременно. Особенно бросается в глаза эта скудость источников, если сопоставить ее с тогдашней германской исторіографіей, которая в XI в. могла похвалиться такими произведениями, как Видукинд, Титмар Мерзебургскій, анналы Гильдесгеймскіе, анналы Кведлинбургскіе, Герман Рейхенау. Указав общія причины, почему французская исторіографія XI в. не могла отличиться обиліем, мы должны сдѣлать нѣсколько общих замѣчаній. Если сравнить теперешнюю исторіографію, гдѣ стремленіе отыскать истину и требованіе безпристрастія является общепризнанным и однако, несмотря на это, в трудах историков сказывается тенденціозность, то еще сильнѣе сказывалась эта черта в средневѣковых исторических трудах: одни писали для назиданія, другіе для устрашенія противной партіи, третьи же для удовольствія и прославленія тѣх лиц, которыя принимали участіе в событіях, для оправданія дѣйствій партіи и т. п. Такова в общих чертах вся средневѣковая исторіографія. Когда

Исторіо-
графія.

источников много, то критика достигает извѣстной истины путем сравненія, но когда таких произведеній мало, то научная критика должна признать свое безсиліе и свое незнаніе извѣстнаго историческаго періода. В таком же положеніи находится историческая критика при разборѣ событій во Франціи конца X и всего XI в. Мы можем отмѣтить только главнѣйшіе факты и рассмотретьъ их по возможности с различных точек зрѣнія, так как только в таком случаѣ можно извлечь из скуднаго матеріала необходимые для историка выводы.

В данную пору не было общаго и крупнаго центра исторіографіи. Соотвѣтственно тому, что наблюдалось в тогдашнем политическом быту, утратившем единство в пользу мѣстных владѣтелей, исторіографія тогдашняя становится также мѣстной или локальной, выразительницей ничтожных по большей части мѣстных интересов. Таким образом, архіепископскія и епископскія каѳедры, монастыри и дворы мѣстных владѣтельных фамилій становятся центрами исторіографической мѣстной дѣятельности. Напр., таким пунктом был город Сан, лежащій на границѣ Шампани, Бургундіи и Иль-де-Франса. В этом городѣ историко-литературная дѣятельность возникла с IX в. Здѣсь составлялись небольшія, но важныя произведенія, частью при архіепископской каѳедрѣ, частью при монастырях Сент-Колонб и Сент-Пьер Ле-ви. Эта анналистика, начинаясь с IX в., продолжается до XIII в. Представители этой исторіографіи в общем неблагопріятно относились к перевороту 987 г. — Противоположным направлением отличалась исторіографія Орлеанская. Орлеан — „*urbs regia*“, славившійся еще в X в. ученостью монастырей и духовенства. Ученость эта процвѣтала и в XI в. Епископ Арнульф, находившійся в дружественных отношеніях с Капетом и Гербертом, был очень образованным человеком. Как при каѳедрѣ, так и в монастырях составлялись историческіе труды. Такими центрами их были монастыри Флерійскій и св. Бенедикта. Оба эти монастыря находились в непосредственной зависимости от Капетингов, пользовались их расположеніем, выразившемся в различных пожалованіях землями, угодьями и доходами. Особенно был щедр король Роберт, котораго поэтому орлеанскіе источники и представляют в благопріятном свѣтѣ. К этой же группѣ историков принадлежал Аймоин или Эмуан, уроженец орлеанской мѣстности, один из авторов сочиненія: „*Miracula sancti Benedicti*“. Его перу принадлежат 2-я и 3-я книги. Хотя по характеру это сочиненіе агіографическое, но тѣм не менѣе в этих книгах изложено немало и исторических фактов. Так, в 3-й книгѣ мы находим рассказ о воцѣствованіи на престол Гуго

Капета и факты, относящиеся к истории Аквитании и виконтства Лиможского. Такова была епископская и монастырская историография. Но она не отличается ни обилием произведений, ни талантливостью их. Это были произведения шаблонныя.

Болѣе богата была мѣстная историография, излагавшая историю отдѣльных частей Франціи. Для юга Франціи главным источником является хроника Адемара (Ademarus Cabannensis). Адемар был человеком весьма разносторонним: он был и проповѣдник, и переписчик, и собиратель рукописей, и историк. Перу его принадлежит нѣсколько произведений, напр., „Исторія аббатов монастыря Сент-Мартіаля в Лиможѣ“. Но главным его трудом является хроника — „Chronicon Aquitanicum et Francicum“ (до 1029 г.) Здѣсь он — продолжатель традицій старинной историографіи, так как пользуется „Gesta regum Francorum“, продолжателя так называемаго Фредегара и пользуется государственными анналами Лоршскими и Эйнгарда, сокращая и иногда искажая заимствованное; пользуется он также и мѣстными хрониками, часть которых сохранилась и до нас. Для всего X и отчасти XI в. хроника Адемара (Monumenta Germaniae historica, Scriptores, t. IV) является главным источником для истории южной Франціи. Историк многого бы не знал, если бы не сохранился этот памятник. Издатель хроники (Вайц) отмѣчает, что она отличается точностью, гдѣ Адемар пишет, как очевидец; иногда он вставляет и документы, передавая их всегда согласно с оригиналами.

Другим историографическим центром в XI в. была Нормандія. История Нормандіи может похвалиться тремя выдающимися писателями. Событія X-го вѣка Нормандіи извѣстны из сочиненія Дудона Сент-Кентенского (Dudo, „Historia Normannorum“, 860—1002, см. Migne, Patrologia latina, t. 141). Его хроника, состоящая из 4-х книг, посвящена изложенію дѣятельности Гастингса, Роллона, Вильгельма по прозванію Длинный Меч, и Ричарда I. 4-ая книга обнимает событія за время 933—996 г. Автор не имѣл под рукою письменных источников, но, благодаря близости ко двору нормандских герцогов, он пользовался устными разсказами лиц, принадлежавших к ближайшему поколѣнію времени основанія Нормандіи. Особенно много он слышал разсказов Рауля Иври. При изложеніи же событій второй половины X вѣка Дудон пишет как очевидец. В его сочиненіи мѣстами вставлены стихи, встрѣчаются риторическія прикрасы-синонимы, эпитеты и другія фигуры, слог искусственный, но содержаніе просто и безыскусственно. Дудон излагает событія в благопріятном для Норманнов смыслѣ, особенно когда ему приходится говорить о дѣятельности Ричарда I. — Про-

должателем Дудона является Вильгельм Жумьеж (Guillelmus Geme-ticensis). Прозвание свое он получил от имени монастыря, в кото-ром он жил монахом. Уроженец Нормандіи, он был достаточно образован и интересовался исторіей своей родины. В основу своего сочиненія он положил труд Дудона. Сочиненіе Вильгельма Жумьежа сохранилось в 8 книгах. („De gestis ducum Normannicorum“, ап. 851—1137, см. Migne, *Patrologia latina*, t. 149.). Существует основаніе полагать, что 8-ая книга была написана не Вильгельмом, а нѣкоторыя главы 7-ой и 6-ой книг являются позднѣйшими вставками. В первых 4-х книгах он излагает исторію Дудона, только сокращая ее. Самостоятельный труд начинается с 5-ой книги, гдѣ рассказывается о дѣлах Ричарда II; 6-ая книга-исторія его сыновей (Ричарда III и Роберта I), а 7-ая книга — исторія Вильгельма Завоевателя. Сочиненіе Жумьежа пользовалось между современниками большою славою. Ордрик Vitalis говорит о нем: „bre- viter et diserte res progalavit“. Писал Вильгельм свое сочиненіе в 1070—1086 гг. — Продолжателем Жумьежа является Вильгельм Пуатьёскій (Guillelmus Pictaviensis). Это прозвище он получил от того, что получил свое образование в Пуатьё. Он был близок к Вильгельму Завоевателю. Его сочиненіе, как видно из заглавія („Gesta Guillelmi ducis“, см. Migne, „*Patrologia latina*“, t. 150), посвящено изложенію исторіи Вильгельма Завоевателя, духовником котораго он был, а потому вполне располагал возможностью добы-вать достовѣрныя свѣдѣнія. Жаль только, что он изложил событія до 1070 г., и, слѣдовательно, в его изложеніи недостает 17—18 лѣт царствованія Вильгельма.

Для областей юго-восточной Франціи историографическим центром был монастырь Ключни. Из историков этой группы заслужи-вает особеннаго вниманія Рауль Глябер. Его *Historia* (Bouquet, t. VIII и X; *Monimenta Germaniae historica, Scriptores*, t. VIII), составленная около 1048 года, обнимает період времени от 987 до 1044 года. Сочиненіе Глябера является достойным произведеніем своего вѣка: оно отражает его, как зеркало, — это собраніе анекдотов, легенд и т. п., мѣстами вставлены житія святых, рассказы из исторіи монастырей. Рауль сообщает кое-что и о событіях, имѣв-ших мѣсто внѣ Франціи. Но что для нас особенно важно, это то, что мы находим в его сочиненіи много данных для характе-ристики культуры и нравственности общества. Картина в общем получается неблагоприятная для Франціи, замѣчается крайній упа-док нравственности, распространеніе ересей и т. п. Рауль, таким образом, сообщает драгоцѣнный матеріал, так как эти стороны жизни никто из современных историков не излагает с такой под-

робностью, как Рауль Глябер. Если к этому прибавим сочинение Гельго (Geldaldus) „Vita Roberti regis“ (Migne, Patrologia latina, t. 142), то мы исчерпаем почти все, чѣм мы можем располагать при изученіи исторіи Франці XI вѣка.

Принимая во вниманіе как характер французской исторіографіи XI вѣка, так и политическій бытъ тогдашней Франці, отличавшійся преобладаніем феодальных стремленій и ослабленіем государственнаго единства, необходимо прежде, чѣм приступить к изложенію исторіи первых Капетингов, ознакомиться с областной исторіей Франці X—XI вв.

Лекція IV.
Нормандія.

Нормандія — сѣверная часть Франці, лежит вдоль Ламанша, при впаденіи Сены в море. Название свое она получила от имени Норманнов. Они давно уже беспокоили Францію и искали случая прочно осѣсть на берегу. Однако, это долго им не удавалось. В концѣ IX в. предводителем их был Грольф, болѣе извѣстный под именем Роллона. В 886 г. он появляется на сѣверѣ Франці. Первые попытки его утвердиться не имѣли успѣха, встрѣчая противодействие со стороны короля Одона. При Карлѣ Простоватом Грольф приводил большія банды, которыя опустошали берега и страну. Для предотвращенія подобнаго рода грабежей Карл вступил в переговоры с Норманнами; и соглашеніе короля с Роллоном состоялось под условіем уступки норманнам цѣлой области от Эпта до моря. Договор был заключен в 911 г. в Сент-Клерѣ на Эптѣ. Поселившись на сѣверѣ Франці, Роллон заводит строгій режим. Давно уже среди Скандинавов наблюдалась склонность к аристократическому режиму; послѣдній и получает свое развитіе на новом мѣстѣ их жительства. Роллон не был главным начальником, а только первым среди равных (*primus inter pares*). Его окружают вожди-ярлы, которые представляют собою правительственный класс (*nobilitas*). Приобрѣтенныя земли были раздѣлены по скандинавскому обычаю веревкой. К завоевателям постепенно присоединялись и простые выходцы, которые сохранили *jura patrum*. Характерно, что эти разбойники, занимавшіеся постоянно морским грабежом и презиравшіе чужую собственность, у себя в Нормандіи обнаружили необыкновенное уваженіе к ней. По этому поводу у Дудона приводятся разные рассказы. Он говорит, что при Роллонѣ положившій драгоцѣнность на дорогѣ мог быть увѣрен, что и найдет ее там. Основатель государства норманнов умер в 931 г. Режим Роллона продолжается и при герцогѣ Ричардѣ (малолѣтнем). Поселенцы первое время находились в живом общеніи со своею родиною, что особенно сказывалось в минуты опасности, которой иногда подвергалась новая колонія. Когда

Людовикъ Заморскій (936—954), пользуясь малолѣтством Ричарда, хотѣлъ захватить его владѣнія, то на помощь явился Гарольдъ, по прозванію Синій Зуб, смѣлый датскій король, и отстоял Нормандію. Дудон, рассказывая об этом, говорит, что Гарольд дѣйствовал как кровный родственник и близкій Ричарду. Результат этого был тот, что Людовикъ был разбит и даже попался в плѣн. Другой разъ помощь была оказана в 966 г., когда Ричардъ вел борьбу против Тибо Шартрскаго. С другой стороны, и Норманны оказывали помощь Скандинавам. Когда в Англо-Саксоніи 13 ноября 1002 г. при Этельредѣ были вѣроломно избиты датчане, то норманны с датчанами заключили договор о взаимной поддержкѣ. Такія отношенія продолжались в теченіе всего X столѣтія, но в XI в. замѣчается перерыв сношеній норманнов с Скандинавским міром; и онъ произошел не без основанія. Впродолженіи ста лѣтъ жившіе на сѣверѣ Франціи норманны успѣли сродниться не только со странюю, но и с мѣстным населеніем романскаго происхожденія. Произошла вторичная романизация: норманны заговорили романским (французским) языком, усвоили нравы и обычаи французов, но в то же время сохранили и свои особенности. Послѣднія выражались в чрезвычайном развитіи аристократических институтов. Это объясняется тѣм, что побѣдители, раздѣлившіе земли, не считали себя ниже герцога, который был только *primus inter pares*. Неудивительно поэтому, что между герцогом и аристократіей происходила сильная борьба. С другой стороны, сельское населеніе попало в крайне угнетенное положеніе и нигдѣ не жило ему так тяжело, как здѣсь. Поэтому неудивительно, что в Нормандіи время от времени вспыхивали возстанія сельскаго населенія, из числа которых особенной силой отличалось возстаніе 996 года. — Это Норманское герцогство в слѣдующем столѣтіи явилось распространителем французских нравов, обычаев и языка по другую сторону Ламанша, когда была завоевана Англо-Саксонія.

Бретань.

Сосѣдней с Нормандіей странюю была Бретань. Она занимает сѣверо-западный угол Франціи и названіе свое получила оттого, что была заселена Кельтами, выходцами из Британіи. Основателем могущества Бретонскаго герцогства считается граф Алан Великій. Первоначально онъ был графом г. Вана, но благодаря энергіи сумѣлъ подчинить себѣ и другія части Бретонской территоріи. В теченіе 15 лѣтъ онъ умѣлъ поддерживать мир в странѣ и охранять ее от Нормандских нападений. В 907 г. Алан Великій умирает. С этих пор судьбы Бретани измѣняются, тѣм болѣе, что по договору 911 г. норманны должны были направлять свои удары на Бретань. Это тѣм болѣе было опасно для Бретани, что

там со смертью Алана произошли несогласія. Норманны, пожалуй, могли направлять свои удары на сосѣдную с другой стороны Фландрію, но это была болотистая страна и в смыслѣ добычи представляла в ту пору мало выгоды. Под вліяніем нормандских вторженій происходит в Бретани обратное колонизаціонное теченіе — бретонцы бѣгут за море в Уэльс и Корнваллис. В числѣ таких бѣглецов были и потомки Алана Великаго. Господство норманнов продолжалось недолго (около 25 лѣтъ); малолѣтство Ричарда, несогласія и раздоры, царившіе между нормандскими аристократами, помогли бретонцам освободиться от ига сосѣдей. Виновником этого освобожденія был внук Алана Великаго — Алан, по прозванію Стриженная Борода; впоследствии ему было присвоено прозвище „Освободитель“. Алану удалось до нѣкоторой степени возстановить единство и равновѣсіе в странѣ и удерживать напор Норманнов. Но потомки его не сумѣли сохранить этого единства; и Бретань со смерти Алана Освободителя в 952 г. распалась на отдѣльныя части: графства Реннское (Rennes), Нантское, Ваннское (Vannes).

По сосѣдству с Нормандіей находилась Фландрія, расположенная на берегах р. Шельды. В IX в. эту страну опустошали норманны. Подобнаго рода нападенія вызвали, с одной стороны, организацію среди населенія, выразившуюся в городском самоуправленіи, в постройкѣ стѣн, в образованіи милиціи, которая стремилась поддержать спокойствіе; а, с другой стороны, эти нападенія вызвали основаніе герцогства. Одним из первых герцогов был Балдуин, по прозванію Желѣзная Рука, современник Карла Лысаго (во 2-ой половинѣ IX в.). Прозваніе свое получил за то, что сумѣл соединить под своей рукой всѣ земли Фландріи. Успѣху Балудина содѣйствовало его родство с королем Карлом Лысым, на дочери котораго он был женат (Юдита). Послѣ смерти Балдуина в странѣ наступают безпорядки, начинается мрачная эпоха, которая ознаменовалась постоянным вмѣшательством Германских королевей, стремившихся присоединить эту область к своим владѣніям, графа Вермандуа, герцогов Нормандских и Лотарингских князей. В концѣ IX и началѣ X в. Фландрія подверглась также нападенію Мадьяр. О положеніи страны можно судить по одному тому, что в теченіе одного вѣка графство Артуа 30 раз было опустошаемо различными врагами. Всѣ эти бѣдствія повлекли за собою новую концентрацію сил. Виновником этого был Балдуин Лысый, принявшій такое прозвище для того, чтобы отмѣтить свое родство с Карлом Лысым, от котораго он происходил по женской линіи. Балдуин Лысый успѣл возстановить порядок в странѣ и

Фландрія

играл роль в борьбѣ Капетингов с Каролингами, переходя то на ту, то на другую сторону. Со смертью Балдуина Лысаго в 918 г. опять наступает упадок Фландріи, несмотря на то, что сын его Арнульф был человѣком энергичным. Это паденіе было вызвано тѣм обстоятельством, что Фландрія была поставлена в силу своего географическаго положенія на рубежѣ между Германіей и Франціей, а кромѣ того ей приходилось считаться с натиском герцога Нормандскаго и графа Вермандуа. Неудивительно поэтому, что и крѣпкая власть не смогла удержать единство Фландріи, так как противоборствующія силы расчленили ее. И Фландрія дѣйствительно распалась на части: графства Камбрэ, Сент-Поль, Булонское и др.

Лотарингія. Приблизительно такой же процесс расчлененія происходил и в Лотарингіи. Названіе свое она получила оттого, что при раздѣлах Каролингской монархіи досталась на долю Лотаря, сына Людовика Благочестиваго, и внука его Лотаря II. По составу населенія Лотарингія была страна двуязычная: одни говорили на романском, другіе на германском нарѣчій. В предѣлах Лотарингіи проходила раздѣльная черта между Германіей и Франціей. Нигдѣ в средней Европѣ так часто не измѣнялись границы и не являлись столь спорными, как в этой странѣ. Уже в IX в. из-за нея происходила борьба между Западом и Востоком. В 887 г. ею правил с титулом короля Свентибольд, сын короля Арнульфа. Но когда он погиб, то постепенно возвысился граф Регинар, имѣвшій владѣнія к сѣверу от гор Арденских; ему удалось получить титул герцога и маркграфа Лотарингскаго и признаніе этого титула как со стороны Франціи, так и Германіи. В 916 г. Регинару наслѣдовал сын Гизельберт, человѣкъ с большими талантами, но безпкойный по натурѣ: не было ни одной интриги как при французском дворѣ, так и при германском, в которой бы он не принимал участія. В его правленіе Лотарингія подверглась нападенію мадьяр. Достаточно сказать, что крупныя опустошенія мадьяр с 897 по 936 г. повторялись шесть раз; во время таких опустошеній жители уничтожались безпощадно. Гизельберт кончил жизнь печально. Он принял участіе в заговорѣ против Оттона I, дѣйствуя в союзѣ с франконским герцогом Эбергардом и братом Оттона Генрихом, но был разбит на Рейнѣ, бѣжал и во время переправы через Рейн утонул (939 г.). Послѣ его смерти Оттон не пожелал возстановить герцогства, а назначил правителем Лотарингіи брата Брунона, бывшаго Кельским архіепископом. Брунон и дал Лотарингіи ту организацію, которая удержалась и в послѣдующее время. Желая ослабить Лотарингію, Брунон раздѣлил ее на два герцогства: на

Верхнюю Лотарингію, расположенную по течению р. Мозеля, и Нижнюю Лотарингію, расположенную по Маасу (Брабантская Лотарингія). Мало того, Брунон принял мѣры и к дальнѣйшему разложенію страны. Нигдѣ не было столько духовных владѣній, как в Лотарингіи, почему Рейн и назывался папской дорожкой; Брунон и принял мѣры к возможно большому усиленію политической власти духовных владѣтелей. Туль, Верден и Мец получили полную независимость от герцога Верхней Лотарингіи, а в Нижней в такое же положеніе стали епископства Утрехтское и Лютихское, графства Люксембургское, Гепнегау, Клев, Юль и Голландія. Епископам Лотарингским было предоставлено графское достоинство с надлежащими правами. Всѣ эти части и владѣнія зависѣли в феодальном отношеніи или от Германскаго императора, или от Французскаго короля, смотря по тому, кто большее могущество приобрѣтал в извѣстное время. Герцоги Нижней и Верхней Лотарингіи пользовались только номинальною властью, не имѣя возможности подчинить себѣ мелких владѣтелей, пользовавшихся как борьбою Германіи и Франціи, так и соперничеством собственных герцогов.

Такое же положеніе приняла и Шампань (расположенная на запад от Лотарингіи и на юг от Фландріи). В ней наиболѣе крупною единицею были владѣнія, принадлежавшія Реймскому архіепископу. Можно было думать, что он объединит владѣнія, но этого не случилось, потому что архіепископы принимали участіе в борьбѣ Капетингов и Каролингов. Нуждаясь в военной силѣ, они раздавали земли; и в результатѣ получилось то, что Шампань распалась на множество мелких частей, между которыми происходила постоянная война. „Здѣсь все полно насилія, — говорил о Шампани один из архіепископов, — всѣ руководятся только честолюбіем, а сильный притѣсняет слабого: люди напоминают рыб, которыя проглатывают друг друга“. В 60-х годах IX в. из среды владѣтелей выдѣлились епископы Шалонскій и епископ города Труа, получившіе права графской власти.

Шампань.

Бургундія расположена была на запад от Соны, по верховьям Іонны (притока Сены). Эту Бургундію нужно строго отличать от королевства Бургундіи, сдѣлавшагося впоследствии частью Германской имперіи. Основателем единства в 877 г. был граф Отэнскій Рихард Справедливый, названный так не только за то, что мог поддерживать порядок, но и за то, что обнаруживал энергію в постоянной борьбѣ с общим врагом государств-норманнами. У Рихарда были большія связи: он был родным братом Бозона, который при внукѣ Людовика Благочестиваго основал самостоятельное королевство в

Бургундія.

Провансѣ; приходился также двоюродным братом Рудольфу I, королю Заюранской Бургундіи (теперь Швейцарія). Преемником Рихарда был сын его Рудольф или Рауль, который одно время послѣ Карла Простоватаго был даже королем Франціи. Ни Рихард, ни Рауль, ни его преемники не имѣют прочно утвердившагося за ними горцогскаго титула, они получали его лично; здѣсь имѣло мѣсто назначеніе (nominatio) со стороны французскаго короля. С прекращеніем этой династіи Бургундія досталась Капетингам, которые сажали здѣсь своих младших братьев.

Аквитанія.

Приблизительно такого же рода порядок вещей, как в Фландріи, Лотарингіи и Шампани, существовал и в Аквитаніи, Лангедокѣ и в долинѣ р. Роны. Всѣ эти области представляли множество мелких синьорій. Нѣкогда Аквитанія, представляя собою обособленную область, образовывала почти независимое королевство. Каролингам стоило больших трудов подчинить себѣ эту страну. Одно время Аквитаніей правили, как королевством, Людовик Благочестивый, а потом его сын Пипин. С 877 г. в Аквитаніи не было назначаемо самостоятельнаго правителя; и политическое единство Аквитаніи было утрачено, хотя время от времени титул герцога предоставлялся одному из мѣстных графов. Так король Одон дал этот титул графу Оверньскому, а потом этот титул перешел к графу Пуатье, котораго смѣнил, по назначенію короля Рудольфа или Рауля, граф Тулузскій. Титул герцога не приносил его носителям никакой дѣйствительной власти в странѣ. Если герцог располагал землями для раздачи, то он и пользовался извѣстным вѣсом, а в противном случаѣ значеніе его было ничтожно. В 951 году король Людовик Заморскій назначил герцогом Вильгельма, графа Пуатье, сдѣлавшагося основателем герцогской Аквитанской династіи, которой удалось присоединить к своим владѣніям графства Оверньское и Лимузенское, а потом распространить свою власть во всей странѣ, расположенной к югу от Луары, между Луарой и Дордоньей. Послѣдним отпрыском этой фамиліи является Элеонора, бывшая сначала замужем за Людовиком VII, а потом за Генрихом II, королем Англіи.

Лангедок.

Лангедок в древности назывался Сентиманіей. Он представлял из себя массу независимых владѣній, среди которых нѣсколько возвышалось графство Тулузское. В началѣ X в. владѣтелю его Одону удалось, благодаря бракам и договорам, присоединить графства Нимское и Альби, а потом маркграфство Готію, т. е. страну на юг от Гаронны. Таким образом, положено было начало объединенія южной Франціи. Однако, осуществленію его много препятствій оказывали графы Барселонскіе, так что только в

началъ XII в. Тулузским графам удалось довершить это дѣло.

Такова картина французскихъ земель, которые постепенно входили в сферу объединительной политики Капетингов. Эту картину должно дополнить указаніем на земли, расположенныя в долину Роны. Подобно Лотарингіи и Фландріи эти страны еще в IX в. подвергались нападенію Мадьяр, которые вторглись сюда не чрез Рейн, а чрез сѣверную Италію. Характерной особенностью этой мѣстности является колонизація арабов, которые сюда проникали из Сардиніи и Корсики, завоеванных ими. По Верденскому договору вмѣстѣ с другими землями эти страны достались на долю Лотаря, а потом его сына Карла. В политическом отношеніи эти страны по Ронѣ составляли территорію королевства Бургундіи, рано вошедшаго в сферу политики сосѣдней Германской Имперіи. Эта Ронская Бургундія в IX вѣкѣ раздѣлялась на Верхнюю Бургундію (*Transjurana* — Швейцарія) и на Нижнюю Бургундію (*Cisjurana*), которая была расположена по нижнему теченію Роны. Исторія судеб этих двух Бургундій была неодинакова. Верхняя Бургундія (*Transjurana*) представляла нѣкоторое единство, будучи отдана Вельфу, тестю Людовика Благочестиваго, который был женат на дочери его Юдифи. В Провансѣ (*cisjurana Burgundia*) утвердился Бозон, провозглашенный королем. Ему наследовал его сын Людовик Слѣпой, а потом это королевство досталось двоюродному брату Людовика Слѣпого, Каролингу по женской линіи — Гуго Сполетскому. В 933 г. этот послѣдній, стремясь к господству в Италіи и достиженію императорской короны, по договору уступил свой Прованс или Нижнюю Бургундію Рудольфу II, королю Верхней Бургундіи, который обязался не вмѣшиваться в дѣла Италіи; и таким образом в силу этого договора образовалось королевство обѣих Бургундій или Арелатское королевство. Оно распадалось на массу графств, почти совершенно независимых, таковы: Франшконте, Савойя, Ліонское, Виварэ, Дофине, Прованс, и др. В X и XI в. в здѣсь царствовали потомки Рудольфа II. Послѣдними королями были Конрад Миротлюбивый и Рудольф III Слабый. Рудольф приходился племянником императору Генриху II, которому он и завѣщал свое королевство; но так как Генрих II умер раньше Рудольфа III, скончавшагося в 1032 году, то обѣ Бургундіи наследовал преемник Генриха II, император Конрад II. Так как территорія Бургундскаго королевства слагалась из множества самостоятельных синьорій, то сообразно с своими видами и выгодами многіе владѣтели таких синьорій иногда тянутъ больше к Западу, чѣм к Востоку. Что же касается

Бургундское королевство.

церковных владѣтельных князей (архіепископов, епископов), то они также больше сочувствовали политикѣ Капетингов, чѣм Германских императоров, которые с XI вѣка находились в непрерывной почти борьбѣ с папами.

Познакомиться с положеніем отдѣльных областей, на которыя распадалась Франція в концѣ X в., было необходимо, потому что только в связи с этою раздробленностью можно объяснить процесс „собиранія“ французской территоріи Капетингами.

Гуго Капет.

В 987 году Гуго Капет был провозглашен королем. Со времени вступленія его на престол в западной части Франкской монархіи укрѣпляется новая династія. Однако, старинныя традиціи Каролингской монархіи продолжают сохранять свою силу: в отношеніи как внутренней политикѣ, так и внѣшней при Гуго Капетѣ представляется та же картина, что и при послѣдних Каролингах. Если Капетинги и превосходили могуществом послѣдних Каролингов, то всетаки они были не настолько могущественны, чтобы легко осуществить объединеніе Франціи. Первым Капетингам приходилось считаться со множеством различных затрудненій для достиженія единой державы в феодальной Франціи. Матеріальныя силы их, когда окончательно утвердилась за ними корона, были не в том уже положеніи, как раньше: Гуго Капет имѣл уже меньше средств сравнительно с Гуго Великим. Нам извѣстно, что когда послѣдній, содѣйствуя возведенію на престол Людовика Заморскаго, сопровождал его при объѣздѣ областей, то мог провести его свободно по всѣм городам Нейстрии. Такіе города, как Париж, Орлеан, Тур, Блуа и др., открывали свои ворота, потому что принадлежали ему, Гуго Великому. В 987 году дѣло обстоит иначе: Блуа не принадлежит непосредственно Гуго Капету. Графы Блуаскій и Анжуйскій находятся с ним в открытой борьбѣ. Эти вассалы Капетингов почувствовали себя настолько сильными, что мечтали о полной независимости. Хотя таким образом и усматривается умаленіе матеріальных сил, но в то же время наблюдается признаніе авторитета Гуго Капета даже на далеком югѣ Франціи. В области Руссильона (в Лангедокѣ) датировались грамоты по годам царствованія Гуго Капета, тогда как при преемниках его (Филиппѣ и Генрихѣ) там не склонны уже были признавать ни фактической, ни номинальной власти Капетингов, как видно из того, что в XI в. грамоты датировались на югѣ Франціи по мѣстному исчисленію или же по годам от Р. Х. Авторитет Гуго Капета признавался не только на югѣ Франціи, но и за Пиринеями. Граф Барселонскій Борель соглашался принести ленную присягу Гуго Капету, признавать его власть и выставять по его требованію войска, но только

под условіем оказанія помощи против Арабов. Авторитет Гуго Капета признавался нѣкоторымъ образомъ и в Аквитаніи: когда в борьбѣ с герцогом Вильгельмомъ обращались за помощью к нему духовные владѣтели, Гуго и предпринялъ туда походы. В отношеніи же Бургундіи Гуго Капетомъ принимались мѣры к удержанію этой области в своихъ рукахъ, что достигалось какъ дѣятельными сношеніями с аббатомъ Ключійскимъ, такъ и тѣмъ, что Гуго Капет сумѣлъ провести на Бургундскій престолъ брата своего Оттона, а послѣ его смерти сына Генриха.

Всѣ остальные событія царствованія Гуго включительно до 996 г. были направлены на рѣшеніе реймскаго вопроса. Своею короною Гуго былъ обязанъ главнымъ образомъ покровительству Адельберона, реймскаго архіепископа. Когда послѣдній умеръ, то возникъ вопросъ о замѣщеніи этой каѳедры. Осторожное рѣшеніе этого вопроса представлялось тѣмъ болѣе важнымъ, что реймскій архіепископъ, какъ примасъ, пользовался громаднымъ вліяніемъ. В этомъ отношеніи Гуго Капет сдѣлалъ большую ошибку. Когда пришла вѣсть о кончинѣ Адельберона, Гуго поспѣшилъ в Реймс, чтобы лично повліять на выборъ. Кандидатами являлись, с одной стороны, Гербертъ, секретарь Адельберона, а, с другой стороны, Арнульфъ, побочный сынъ послѣдняго короля Лотаря. Арнульфъ такимъ образомъ былъ отпрыскомъ Каролингскаго дома. Гуго содѣйствуетъ проведенію на каѳедру Арнульфа, имѣя в виду его обѣщаніе быть вѣрнымъ союзникомъ. Благодаря поддержкѣ этой Арнульфъ былъ избранъ преемникомъ Адельберона. Но едва онъ достигъ архіепископства, какъ тотчасъ же измѣнилъ направленіе своей политики. Онъ вступаетъ в сношенія с Карломъ Лотарингскимъ, призываетъ его в Реймскую область и передаетъ ему города Реймс и Лан. Подобный поворотъ дѣлъ былъ не в интересахъ Гуго Капета. Началась борьба, продолжавшаяся отъ 988 до 992 г.; она ожесточилась вслѣдствіе того, что Карлъ находилъ поддержку при Германскомъ дворѣ, и кончилась благополучно для Гуго Капета только тогда, когда королю удалось захватить в плѣнъ Карла и Арнульфа. Первый былъ заключенъ в Орлеанскій замокъ, гдѣ и умеръ. Что же касается Арнульфа, то Гуго не имѣлъ права держать его в плѣну. 17 іюня 991 г. былъ созванъ Сенбальскій соборъ, который и объявилъ Арнульфа низложеннымъ с архіепископской каѳедры, а на его мѣсто избралъ Герберта. Возникъ вопросъ: правильно-ли былъ избранъ Гербертъ? Вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ при жизни Гуго, а лишь в слѣдующее царствованіе, — не рѣшенъ потому, что противъ правильности избранія Герберта высказалась папская курія и правительница Германіи вдова императора Оттона II Теофано, мать Оттона III, которая

дѣйствовала в пользу Арнульфа. Только благодаря смутам, наступившим в Германіи со смертію Теофано, Герберту удалось на время удержаться на каѳедрѣ.

Лекція V.
Роберт II
Благочестивый
(996—1031).

Король Роберт, сын и преемник Гуго, по характеру не был похож на отца. Воспитанник Герберта, он был образован в духъ времени: составлял гимны и разсуждал с епископами о догматах и вопросах церковной дисциплины. Относительно этого короля прежде существовало воззрѣніе, которое изображает его игрушкой в руках любимцев и жен его. Жены короля и разводы яко бы опредѣляли политику. Указывали, что развод Роберта с первой женой Розалой имѣл плачевные результаты для Франціи. Розала была дочь графа Фландрскаго, который послѣ этого стал во враждебныя отношенія к Капетингам. Вторая супруга Роберта Берта, как полагают, рѣшила будто бы реймскій вопрос не в пользу Герберта; послѣдній даже послѣ смерти Арнульфа не был признан законным архіепископом. Еще больше приписывали вліянія третьей супруги Констанціи Арльскаго, которая дѣлала все что хотѣла: она якобы внесла раздоры и значительно ослабила авторитет Капетингов. Но всѣ эти ошибки не исключают и наличности заслуг Роберта.

Выясненіе истинной дѣятельности Роберта принадлежит французскому ученому Пфистеру, написавшему в 1885 г. монографію, которая является лучшей работой для первой трети XI в.: „Etudes sur le règne de Robert le Pieux“. Из этого труда видно, что Роберт был далеко не бездѣтельным челоѣком: он сумѣл поддержать авторитет свой на югѣ Франціи, предпринимал поход против графа Буржскаго и Санскаго, расширил свои владѣнія, присоединив к своей территоріи графства Санское, Отэнское, Дижон, Монтрейль и Дрэ. Мало того, в 1024 г. итальянскіе вассалы предлагали ему корону Италиі, желая выставить его соперником Конраду II, котораго в Италиі не хотѣли. И дѣйствительно Роберта II из числа Капетингов нельзя считать самым слабым и ничтожным правителем, как думают нѣкоторые. Правда, нельзя отрицать, что он был ниже отца. Прежде всего, по складу своего характера это был челоѣкъ мирный, религіозный, болѣе интересовавшійся церковными дѣлами. Это и дало повод назвать его Благочестивым. Но авторитет Капетингов не уменьшился при нем, благодаря союзу с Норманнами; благодаря их помощи, ему удалось удержать владѣнія Французской Бургундіей, которая иначе отошла бы к Германіи. Но Норманны не могли помочь ему в борьбѣ с графом Блуа, потому что Блуаскій граф находился в дружественных и родственных отношеніях с нормандским герцогским домом, вслѣдствіе чего граф Блуаскій даже усилился, присоединив к своим владѣніям Шампань.

С другой стороны, при Робертѣ расширились сношенія с французским югом. Это выражается в рядѣ фактов, которые показывают, что и там авторитет Капетингов признавался. Приведем важнѣйшія указанія подобнаго рода.

Послѣ разрыва с Бертой (второй женой) Роберт женился на Констанціи, дочери графа Арльскаго. Брак был несчастлив, но имѣл то значеніе, что при дворѣ Капетингов замѣчается смягченіе нравов под вліяніем южнофранцузской образованности. С Вильгельмом V, герцогом Аквитанским, у Роберта были постоянныя дружественныя отношенія. Так, извѣстно, что Вильгельм в 1010 г. пригласил короля и Констанцію на религиозное торжество (открытіе главы Іоанна Крестителя), при чем он встрѣтился с государями таких стран, которыя прежде тянули к Парижу (король Наваррскій и его вассал Санхо Гастонскій). Дружественныя отношенія короля Роберта и герцога Аквитанскаго поддерживались вліяніем Фульберта, епископа Шартрскаго. Разрыв произошел только тогда, когда возник вопрос о коронѣ Италіи. Одним из кандидатов на эту корону был Вильгельм V, но подобное усиленіе могущественнаго вассала не входило в виды и планы короля Роберта. Отношенія еще болѣе обострились из-за вопроса о замѣщеніи Буржской архіепископской каѳедры и епископской в Лиможѣ. Не смотря на противодѣйствіе Вильгельма V королю удалось провести на эти каѳедры своих кандидатов. Наконец, о признаніи авторитета Капетингов на югѣ Франціи свидѣтельствует тот факт, что южныя французскіе вассалы датируют грамоты по годам царствованія Роберта (в Лангедокѣ, Оверни и Испанской маркѣ). Жизненным вопросом для Капетингов был вопрос о Бургундском наслѣдствѣ. По смерти Генриха возник вопрос, останется-ли герцогство в руках Капетингов, или достанется Оттону-Вильгельму, который был больше нѣмец, чѣм француз. Кандидатуру Оттона-Вильгельма поддерживал Брунон, епископ Латра. С помощью Гуга, епископа Отэнскаго, и аббата Ключійскаго и графа Шалонскаго Роберт достиг своей цѣли послѣ 10-лѣтней борьбы: герцогом Бургундским сдѣлался второй сын короля Генрих. Зато Роберту не удалось ничего достигнуть относительно королевства обѣих Бургундій: оно было присоединено к Германіи. Рудольф III, племянник императора Генриха II, в Страссбургѣ отдался под покровительство Германіи.

Преемником Роберта был сын его Генрих. Царствованіе его ознаменовалось рѣшеніем вопроса об отношеніях к Нормандіи, папам и германскому императору. В началѣ царствованія вслѣдствіе требованія Констанціи раздѣла владѣній в пользу брата Роберта произошли раздоры, ослабившіе Капетингов. Пользуясь

Генрих I.
(1031—1060).

этим, граф Блуаскій захватил область Сенонэ. Но Норманны помогли Генриху, и Констанци не удалось достигнуть цѣли.

По характеру своему Генрих был человекъ воинственный, солдат на тронѣ, проведеншій всю жизнь в походах и осадах. Особенно опасны были для него сосѣди: граф Блуаскій и герцог Нормандскій. В борьбѣ с ними Генрих опирался на графов Анжуйскаго и Фландрскаго, из которых послѣдній был родственником Капетингов. Союз этот основывался на политических соображеніях: для Фландріи было нежелательно возвышеніе и усиленіе Нормандіи, а для Анжуйскаго графа — усиленіе Блуа. В борьбѣ с графом Блуаским Генрих имѣлъ успѣхи: ему удалось отобрать Тюрень, которую он отдал Жофруа Мартелю, гр. Анжуйскому. Воспользовавшись смертью Рейнара, гр. Блуаскаго, Генрих отнял Сенонэ и помѣшал преемникам Рейнара — Одону и Евду II овладѣть королевством Бургундіей, гдѣ у Блуаскаго графа была сильная партія. В этом случаѣ Генрих дѣйствовал в интересах династических, но не национальных: он опасался усиленія своего вассала. Результат был тот, что король Германскій окончательно овладѣлъ королевством Бургундію. Гораздо труднѣе была борьба с Нормандским герцогом. Нормандія, сплоченная и населенная людьми сильными и энергичными, представляла большую политическую силу и до Генриха была правою рукою Капетингов. С Генриха начинается соперничество, наблюдается перелом отношеній. Виновником этого был Генрих; он пользуется волненіями феодальной знати, с цѣлью ослабить власть герцога Нормандскаго и самому усилиться на его счет. Измѣненіе политики произошло не сразу. Сначала, когда в малолѣтство Вильгельма началось возстаніе нормандских баронов, король Генрих вмѣшался в дѣла и помог Вильгельму одержать побѣду над мятежниками при Вальэсдюнѣ в 1047 г. Но послѣ этого политика Генриха рѣзко измѣняется: он старается поддерживать недовольных принимает их у себя и оказывает им вниманіе, имѣя в виду завладѣть долиной р. Арвы, гдѣ находилась крѣпость Тильер. Начались войны, при чем в них принимали иногда участіе нормандскіе бароны в качествѣ союзников Генриха. Так, Генрих поддерживал Турстана Гоза, провозгласившаго себя независимым и укрѣпившагося в замкѣ Фалезѣ. В другой раз, в 1048—1053 г. г. Генрих в союзѣ с графом Анжуйским поддерживал недовольных, возставших под предводительством Вильгельма Бюса. Но это окончилось неудачей: и Бюс, и Генрих были разбиты. Бюс нашел пріют у Генриха, который, заботясь об его судьбѣ, женил его на наслѣдницѣ Суассонской области, чтобы имѣть в нем союзника. В 1053 г. Генрих открыто принимает сто-

рону возставшаго Вильгельма, графа Аральскаго, и образует коалицію из сил всей средней Франці: Гасконь, Бургундія, Оверн, Шампань, Аквитанія. Однако, в 1054 г. Вильгельм разбил союзников при Мортмери и принудил Генриха отказаться от притязаній на долину р. Арвы и даже обѣщать не мѣшать завоеванію Англо-Саксоніи. Мир 1054 года был неискренній; через 3 года Генрих, в союзѣ с графом Анжуйским Жофруа Мартелем, вторгся в Нормандію и опустошил окрестности г. Кайена, но был разбит при Варавиллѣ и заключил мир, по которому крѣпость Тильер окончательно осталась за Норманнами. Таким образом, борьба с Норманнами была далеко не успѣшна. Оправданіем этой борьбы может служить лишь то соображеніе, что она не давала возможности Норманнам приступить к наступательному движенію на Францію: может быть, под вліяніем этого натиска со стороны короля Франці и явился план о завоеваніи Англии. Не взирая на неудачи в борьбѣ с Нормандіей, Генриху удалось сохранить признаніе своего авторитета в отдѣльных областях Франці: с Бургундіей связь удерживалась благодаря родству; были сношенія с Лангедоком, с графом Тулузским; герцог Аквитанскій является ко двору Генриха и принимает даже участіе в походах короля.

Извнѣ наиболѣе опасна для Франціи была сосѣдняя Германія. Воспользовавшись смутами 1031—1039 гг., в первые годы Генриха, король Конрад II захватывает королевство Бургундію. Желая упрочить это королевство за собою, Конрад II еще при жизни передает корону Бургундіи своему сыну Генриху III. Но не смотря на это Генрих I имѣл в предѣлах королевства Бургундіи своих сторонников и значительную долю вліянія: ему удалось провести на Лионскую кафедру Галинарда, который болѣе дружественно относился к Франціи, чѣм к Германіи. Генрих III был опасным сосѣдом тѣм болѣе, что по воспитанію своему он был болѣе француз, чѣм германец; кромѣ того, он женат был на Агнессѣ, которая происходила из Бургундскаго дома, была в родствѣ с союзниками короля Франціи, герцогом Аквитанским и графом Анжуйским. Эти дружественныя и родственныя отношенія привели к свиданію Генриха I и Генриха III в г. Ивуа (1056 г.). Однако, это свиданіе не привело к установленію союза между Франціей и Германіей. Когда Генрих III отправился в Италію короноваться, именно в Милан, то Генрих I хотѣл овладѣть Лотарингіей, и если это намѣреніе не осуществилось, то только благодаря епископу г. Лютиха Вазону, который был другом и Генриха I и Генриха III и отговорил перваго от исполненія его намѣренія, указывая на трудность удержать Лотарингію.

Остается еще сказать о религиозной политикѣ Генриха I. По отношенію к папской куріи Генрих старался держаться самостоятельно и защищал религиозные національные интересы французскаго духовенства. В этом отношеніи он может считаться основателем так называемаго „галликанства“. Эта политика была вполне естественна: папы того времени были послушными орудіями в руках нѣмецкой политики, ставленниками Конрада II и Генриха III. Недружелюбное отношеніе Генриха I к папской куріи выразилось в таких фактах. Когда папа Лев IX пожелал предсѣдательствовать на соборѣ французскаго духовенства в Реймсѣ (1049 г.), то Генрих рѣшил воспрепятствовать этому и открыто заявил, что духовенство не может явиться на собор, потому что этому мѣшает поход. Отношенія короля к папской куріи оставались натянутыми и холодными и при преемниках папы Льва IX — Викторѣ II и Николаѣ II (1054—1059), пока курія не послала двух легатов на коронаваніе Филиппа, старшаго сына Генриха. Установившіяся отношенія к папской куріи скоро пришли в полное разстройство в теченіе слѣдующаго царствованія.

Филипп I.
(1060—1108).

Преемником Генриха I был сын его Филипп. Отзывы о нем современников очень строги, но едва ли справедливы. В нем видят развратнаго человѣка, лѣниваго и бездѣтельнаго волокиту за женщинами и чуть ли не разбойника на больших дорогах. Эти сужденія о Филиппѣ объясняются главным образом неудовольствіем на продолжительное сопротивленіе его папской власти и дурное отношеніе короля к духовенству. Церковники той и другой партіи, как представители галликанства, так и реформисты, имѣли основанія быть недовольными королем. Однако, можно сказать, что пороки короля не превышали мѣру нравственности крупных феодалов того времени; что же касается его лѣности и бездѣтельности и даже сонливости, то онѣ проявились только в послѣдніе годы его царствованія, и были результатом чрезвычайной тучности, унаслѣдованной и его сыном Людовиком VI. Безпристрастные историки иначе представляют первые 37 лѣтъ его царствованія. Король Филипп является перед нами дѣятельным политиком и полководцем. Можно указать на цѣлый ряд его походов: во Фландрію против Роберта Фризона (1071), на Корби (1074), в Пуату (1076), войну в Бретани, войны с Вильгельмом Завоевателем, Стефаном Блуаским, Гюго Пюисе, Симоном Валуа и др. Правда, успѣха было достигнуто мало в этих походах, но они были необходимы по династическим соображеніям.

Филиппу I обыкновенно ставят в вину то, что он не участвовал в первом крестовом походѣ (1095 г.). Но еще вопрос: от-

вѣчал ли этот поход интересам королевской власти во Франціи? Кромѣ того, необходимо указать на то, что в это время Филипп был отлучен от церкви за брак с Бертрадой Анжуйской, женой графа Фулько. Из фактов его царствованія особеннаго вниманія заслуживает его борьба с папством, для возникновенія которой было не мало побудительных причин. Кромѣ скандалов в частной, семейной жизни, неблагопріятнаго отношенія к духовенству, причиной борьбы было явное противодѣйствіе церковным реформам предшественников папы Григорія VII и его самага. Так, прежде всего король имѣл не мало выгоды от симоніи, т. е. получал доходы от замѣщенія кафедр, а, во — вторых, он опасался, чтобы власть курии не упрочилась во Франціи, и торжество ея идей не повлекло к паденію королевской власти, как это дѣйствительно и случилось в Германіи. Папы для поддержанія своего авторитета старались проводить на французскія кафедры своих кліентов, но это рѣдко им удавалось. Особенно любопытна попытка папской курии возстановить супремачію Ліонской церкви, епископ которой в древности считался примасом Галліи. Несмотря на всѣ усилія пап, большая часть духовенства капетингскаго домена стояла всегда за короля, понимая, что он защищает галликанскую независимость и французское духовенство. Для сужденія о положеніи церкви во Франціи и характерѣ отношеній короля к папам достаточно указать на то, что Филипп провел 13 лѣтъ под интердиктом и всетаки нашел среди французских епископов таких, которые рѣшились его короновать, тогда как германскіе императоры не выдерживали в подобных случаях и 3—4-х лѣтъ. Упорство короля объясняется тѣм, что дѣло шло в данном спорѣ о том, будет ли признаваться свѣтская власть короля в церковных землях, или нѣтъ. Папы старались вырвать церковныя земли из сферы вліянія короля, а для Капетингов это был жизненный вопрос, потому что духовенство было одной из опор их монархических стремленій и содѣйствовало расширенію их территоріальной власти.

Борьба с папствомъ и в частности с Григоріем VII была тѣм болѣе необходима, что этот послѣдній с особенным покровительством относился к нормандскому герцогу Вильгельму Завоевателю. Еще в малолѣтство короля Филиппа, когда регентом государства был Фландрскій граф Бальдуин V, папа благословил герцога Вильгельма на завоеваніе Англосаксоніи, независимым положеніем духовенства которой папа был недоволен. Впослѣдствіи папа покрывал жестокости Вильгельма в Англіи, им завоеванной, а также явно всегда принимал сторону Вильгельма в борьбѣ послѣдняго с королемъ Филиппом. Несомнѣнно, было большой политической

ошибкой допустить завоеваніе Англи, но в этой ошибкѣ Филипп, которому было тогда 14 лѣтъ, невиновен, а регент государства, граф Бальдуин, был родственником герцога Вильгельма и поэтому не препятствовал замыслам нормандскаго герцога. Сдѣлавшись самостоятельным правителем, Филипп старался по возможности поправить дѣло и создавал затрудненія своему коронованному вассалу, опираясь на графа Фландрскаго Роберта Фризона. Филипп помѣшал Вильгельму завоевать сосѣднюю Британію. В 1087 г., когда Вильгельм окончательно усмиривъ недовольныхъ англосаксовъ, то задумалъ вытребовать отъ Филиппа область Вексенъ с городами Понтуаэ, Шомономъ и Мантомъ. Филипп отказалъ ему в этомъ, насмѣхаясь надъ его тучностью. Тогда Вильгельмъ принялся опустощать Вексенскую область. Это было послѣднее предпріятіе Вильгельма Завоевателя: при разграбленіи Манта онъ былъ пораженъ камнемъ в голову и скончался. Его сын и преемникъ Вильгельмъ Рыжій, вступивъ на престолъ, продолжалъ политику отца съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что ему удалось заключить союзъ съ графомъ Аквитанскимъ. Враги Филиппа мечтали уже о захватѣ всѣхъ капетингскихъ владѣній и низложеніи Филиппа, но послѣдній сумѣлъ отвратить ударъ: онъ посѣялъ семейную вражду, возбуждивъ противъ Вильгельма Рыжаго его брата Роберта, герцога Нормандскаго, и такимъ образомъ спасъ цѣлость своихъ владѣній.

Мало того, королю Филиппу удалось даже способствовать увеличенію Капетингскаго домена и усиленію матеріальныхъ силъ. Онъ первый обратилъ вниманіе на недостаточность королевскихъ средствъ и началъ политику присоединенія, которую продолжали съ большимъ успѣхомъ Людовикъ Толстый и Филиппъ Августъ. Онъ не допустилъ присоединенія г. Корби къ Фландріи и сумѣлъ удержать его во владѣніи своего дома. По смерти Рауля, графа Вермандуа, онъ захватилъ часть этого графства и отдалъ брату Гуго Великому (участнику перваго крестоваго похода). Отъ этого Гуга пошла та линія Капетинговъ, владѣтелей Вермандуа, которая была надежною опорой Франціи в теченіе XII в. Когда Симонъ Валуа, графъ Вексена, пошелъ в монастырь, то Филиппъ захватилъ и эту область. Присоединеніе это было очень важно, потому что прикрывало Иль-де-Франсъ и отъ Фландріи и отъ Нормандіи. Присоединеніе Шато-Ландона и нижняго Гапинэ повело къ тому, что владѣнія Капетинговъ были значительно округлены. Даже и на югѣ отъ Луары Филиппъ сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія: в 1101 г. онъ купилъ земли у Виконта Буржскаго — г. Буржъ и Дюн-ле-Руа.

Несмотря на все это, королевская власть при Филиппѣ не походила на надлежащую высотъ. В самыхъ владѣніяхъ Капетинговъ

были синьоріи, владѣльцы которых не признавали королевской власти. Королевскіе феодалы, должностныя лица также враждовали с королем и ему приходилось воевать с ними. Король должен был примириться и с тѣм, что у самых ворот Парижа и Орлеана стояли башни феодалов, препятствовавшія сношеніям. Особенно много огорченій причинил королю Гюго Пюизе, с которым ему неоднократно приходилось вести войну. Кромѣ того, королю долго не удавалось захватить башню у ворот Парижа-Монтлери, и только в силу брачнаго контракта он приобрѣлъ ее. Но будучи довольно слабым в предѣлах собственнаго домена, король тѣм не менѣ пользовался нѣкоторым авторитетом в отдаленных частях Франціи. В 1059 г. присутствовали на его коронаціи не только синьоры сѣвера, но различные владѣтели южной Франціи: графы Пуатье, Оверни, Де-ла-Марша, Анжулема; виконт Лиможскій; много епископов, герцог Бургундскій и духовенство Бургундіи. Затѣм, южно-французскіе владѣтели грамоты свои датировали по годам царствованія Филиппа. Авторитет королевскій признавался даже в таких мѣстах, гдѣ в XII в. пришло в забвеніе воспоминаніе о каких-либо отношеніях к Капетингам (напр. в Пуату). Здѣсь вліяніе сказывалось не только в сношеніях, но запечатлѣлось фактами, свидѣтельствовавшими о сочувствіи Капетингской политикѣ когда в 1079 и 1100 гг. папскіе легаты явились в область Пуатье, которая непосредственно не принадлежала Капетингам, чтобы здѣсь предсѣдательствовать на соборѣ в цѣлях проведенія реформы и отлученія Филиппа, то послѣдній под угрозой оскорбленія сюзеренной власти запретил Аквитанскому герцогу Вильгельму VIII впускать их в столицу. Это распоряженіе имѣло силу: герцог не допустил легатов и им ничего болѣе не оставалось как возвратиться в Италію. На втором соборѣ в 1100 г., во время обсужденія вопроса о реформѣ и отлученія короля, легаты были покинуты епископами, аббатами и баронами, не желавшими принимать участія в дѣлѣ оскорбленія короны; оставшееся же меньшинство подверглось опасности со стороны населенія, которое грозило побить их камнями, как врагов государя и государства. Вообще, Филиппу, несмотря на кажущуюся его слабость, удалось отстоять королевскій авторитет, благодаря сочувствію общественнаго мнѣнія во Франціи и симпатіям к Капетингам французскаго населенія; народныя массы стали сознавать, что улучшение их положенія может послѣдовать только в силу усиленія королевской власти.

Переходя теперь къ исторіи Людовика VI и Людовика VII (1108—1180), мы должны указать источники. Исторіографія этого времени может быть признана богатой по сравненію с исторіо-

Людовик VI
и Людо-
вик VII
(1108—1180).

графіей XI в. Тогда как исторіографія XI в. недостаточна, здѣсь мы имѣем основательные историческіе источники. На первом мѣстѣ должно поставить соч. аббата монастыря Сен-Дени Сугерія, который был близок ко двору, был совѣтником Людовика VII и даже регентом государства. Поэтому Сугерій мог знать хорошо, исторію своего времени. С другой стороны он был человѣкъ образованный, с большими средствами, как аббат богатаго монастыря. Его перу принадлежат: 1) „Vita Ludovici Sexti Grossi sive crassi regis Philippi primi filii“. (Напечатано у Дюшеня; повторено у Дат. Буке в. XII томѣ и в коллекціи Миня, т. 186. Новое изданіе 1867 года принадлежит Ламаршу, а лучшее изданіе Августа Молинье 1887 г.) 2) „Fragmentum de Ludovico Septimo“ (Lair, Bibl. d l'École des Chartes, t. XXXIV). 3) Перу Сугерія принадлежит много писем к королю, папам и т. д. „Epistolae Sugerii“ у Дюшеня и у Буке в 15 т. Другими источниками для исторіи XII в. являются, кромѣ того, слѣдующія произведенія: 4) Неизвѣстнаго автора „Historia Ludovici VII regis, filii Ludovici Grossi“ (1137—1165), напечатана въ сборникѣ Буке, т. XII и Melinier, Paris 1887. 5) Walterus „Vita Caroli Boni comitis Flandriae (Mon. Germ. SS. XII и в сборникѣ Буке t. XIII). 6) Ордерика Виталиса „Historiae ecclesiasticae libri duodecim“. 7) Гвиберта Ножанскаго „De vita sua“.

Лекція 6.

Для исторіи Людовика VI можно указать пособіе: Luchaire, Louis VI le Gros, Annales de la vie et de son règne, 1890.

В теченіе всего царствованія 1108—1137 вниманіе Людовика VI было сосредоточено на его собственном доменѣ. Это было необходимо, потому что уже приспѣло время для борьбы с мѣстным феодализмом, который в предѣлах владѣній Капетингов к началу XII в. достигает высшаго своего расцвѣта. Это усиленіе феодализма усматривается из слѣдующих фактов: 1) наслѣдственность ленов из обычая сдѣлалась уже законом. 2) Большія синьоріи, хотя и стояли в связи с короною, но эта связь была формальная и выражалась лишь в принесеніи ленной присяги, а по отношенію к внутренним дѣлам таких синьорій какого-нибудь вмѣшательства со стороны короля быть не могло. Но прежде чѣм бороться с крупными феодалами, королевская власть должна была сломить сопротивленіе мелких феодалов, гнѣздившихся иногда вокруг королевских больших городов (напр. Парижа, Орлеана). Этим объясняется многое в политической дѣятельности короля Людовика VI. Пребываніе его внѣ предѣлов собственнаго домена в сущности ограничивалось коронованіем в Реймсѣ, и дальше г. Лана он не ходил. Бургундскими и Аквитанскими дѣлами он также вовсе не интересовался. Если на сѣверо-восток по направленію к Сенто-

меро, Аррасу и другим Фландрским городам он предпринимал экспедиции, то онѣ носили характер дѣйствій как бы по отношенію к независимому сосѣду. На юго-востокѣ Людовик не проникалъ дальше г. Сана, а на югѣ далѣе Клермона. По отношенію к Нормандскому герцогству все ограничивалось посѣщеніем графства Евре. Присутствіе Людовика на территоріи крупных владѣтелей: Бургундскаго, Аквитанскаго, Анжуйскаго, Пуатье и др. не отмѣчено в мѣстных хрониках; не могло быть и рѣчи тѣм болѣе о посѣщеніи Бретани и Лангдока. С другой стороны, и крупные владѣтели рѣдко являлись при дворѣ Людовика. Оказывается что в первое десятилѣтіе XII в. во Франціи каждый живет своими собственными интересами; замкнутость является общим правилом. Если и возникали отношенія между королем и крупными феодалами, то онѣ вызывались войной. Король воевал с герцогом Нормандским, с графами Блуасским, Овернским и др. Отношенія с Аквитаніей были очень натянуты, а иногда прямо враждебны. Названныя синьоріи близко примыкали к домену Капетингов. Между Людовиком и Тулузским графом отношеній не существовало. Кромѣ этих владѣній ближайшим сосѣдом домена Людовика является еще графство Анжу. По отношенію к нему мы не можем отмѣтить военных столкновеній, потому что у обоих былъ общій враг в лицѣ англо-нормандскаго сосѣда. Людовик VI, повидимому, мало заинтересован в судьбѣ больших синьорій. Это, между прочим, видно из того, что в 1113 г. он заключил с англійским королем договор, в силу котораго он отказывается в пользу Нормандіи от сюзеренныхъ прав на синьорію Беллем, на графство Манс и графство Бретань. Таким образом, в политикѣ по отношенію и к крупным феодалам замѣчается ослабленіе энергіи. Но за то весь запас ея всецѣло обращается на борьбу с феодальной силой в предѣлахъ собственнаго домена. С 1097 г., когда Филипп передал свою власть Людовику и до 1133 г., т. е. в теченіи 36 лѣтъ, Людовик VI ведет непрерывную борьбу с мелкими феодалами домена. Этот высокій и толстый человекъ (как говорит о нем Ордерик), который едва мог ходить, почти всю свою жизнь провел на конѣ; жизнь его — эпопея битвъ, схваток, мелких осад. Все это было направлено на упроченіе королевскаго авторитета в ближайшихъ областях. Для упроченія его в областях Парижа и Этамса Людовик VI должен был бороться с вассалами: Рошфором, Болижом, Креси, Монморанси и графом Манта. Епископскую территорію г. Лана и Амьена король должен был освободить от тиранніи гр. Куси и поддерживать реймскаго архіепископа в борьбѣ с представителями графскаго дома Руси. Тоже

происходило в Орлеанской и Шартской областях. Здѣсь Людовик должен был бороться с синьорами Пюизе и с этой цѣлью предпринимал походы в 1111, 1112, 1118 гг., которые привели к взятію крѣпкаго замка Пюизе и постройкѣ королевской крѣпости Жанвилль. К концу царствованія Людовика цѣль, поставленная им вначалѣ, была достигнута: 1) мелкіе феодалы были приведены к послушанію, и 2) увеличился королевскій домен. Дѣло в том, что Людовик по отношенію к непокорным феодалам практиковал довольно любопытный политическій приѣм: прежде употребленія силы он призывал феодала к суду; тот, конечно, не являлся; происходило, таким образом, заочное рѣшеніе, по которому имущество феодала подвергалось конфискаціи. Только послѣ того король брался за оружіе, чтобы силою привести приговор в исполненіе. Таким образом неудивительно, что замки Корбейль, Пюизе, Монлери, Шатофор и др. были покорены и вошли в состав домена, и, благодаря этому, было обезпечено спокойствіе в Орлеанской и Этампской областях. Иногда Людовик увеличивал свои владѣнія путем купли: так, Гатинэ было куплено у виконта Фулька. Для противодѣйствія феодальной силѣ и упроченія своей власти король сооружал также замки; им были выстроены: Моншовэ, Грэ, Морэ, Шарльван, Шателлье, Жанвилль. В 1137 г. не задолго до кончины короля произошло временное присоединеніе Аквитаніи. Послѣдній Аквитанскій герцог Вильгельм не имѣл наслѣдника мужского пола, а только дочь Элеонору. Во время путешествія к мощам св. Іакова Компостельскаго (в Испаніи) Вильгельм умер. Главнѣйшіе вассалы пожелали выдать Элеонору за Людовика Молодого, старшаго сына Людовика VI. Брак состоялся, и жена в качествѣ приданого принесла с собою Аквитанію. Благодаря этому, владѣнія Капетингов удвоились против прежняго — онѣ достигали Пиренейских гор. Но присоединеніе Аквитаніи не было так важно в дѣйствительности, как это можно было подумать с перваго взгляда: мѣстная аристократія была болѣе мятежна, чѣм аристократія наслѣдственных земель Капетингов. Кромѣ того, должно имѣть в виду еще то обстоятельство, что Аквитанскія земли от наслѣдственных Капетингских были отдалены и отдѣлены цѣпью независимых владѣній: графств Тюрени, Анжу, Берри, Пуату и Деля-марш. Впослѣдствіи увидим, что и удержать Аквитанію Капетингам удалось не надолго.

С этою внутреннею политикою Людовика VI находится в тѣсной связи его внѣшняя политика, а особенно церковная, так как в борьбѣ с феодализмом король мог опираться на поддержку епископов и аббатов. Эта церковная политика была очень оригинальна, и мѣры, которыя употреблялъ Людовик, свидѣтельствуют

о полном его согласіи с представителями французской церкви и сознаниіи взаимных выгод. Ничего подобнаго не наблюдалось в сосѣдней Германіи. Людовик полновластно распоряжался замѣщеніемъ епископскихъ и аббатскихъ мѣстъ в предѣлахъ своего домена; власть его в этомъ отношеніи простиралась на Турскую, Санскую и Реймскую митрополіи. Но иногда обстоятельства складывались такъ, что Людовик считалъ необходимымъ вмѣшиваться в церковно-политическія дѣла за предѣлами перечисленныхъ митрополій. Такъ, онъ вступался за Клермонскаго епископа, котораго тѣснилъ гр. Овернскій. Неудивительно, что король ревниво оберегалъ границы и положеніе подвластныхъ ему митрополій, заботился об охранѣ установившихся ихъ границъ: в этомъ отношеніи Людовикъ обнаружилъ сильное противодѣйствіе политикѣ папъ Пасхалиса II и Калликста II. Когда в 1121 г. возникъ вопросъ о подчиненіи Санскаго архіепископа примасу Лионскому, то король рѣзко возражалъ папѣ Калликсту II, а архіеп. Санскаго упрекалъ в томъ, что онъ не дѣйствовалъ такъ, какъ требовало достоинство и древнее право церкви. Далѣе, когда папа задумалъ от Нойонской церкви отдѣлить г. Турнэ, чтобы образовать изъ него самостоятельную кафедру, то намѣреніе папы разбилось вслѣдствіе сопротивленія короля. Тоже случилось, когда папа задумалъ соединить епископство Аррасское съ Камбрѣйскимъ под тѣмъ предлогомъ, что были недостаточны доходы. Король не согласился на такое соединеніе, потому что Аррасъ находился в сферѣ его вліянія, тогда какъ Камбрэ былъ расположенъ на имперской территоріи. При рѣшеніи этого вопроса могло сказываться опасеніе усиленія могущества сосѣдей обширной имперіи, но часто Людовикъ противодѣйствовалъ политикѣ папъ по другого рода соображеніямъ. Дѣло в томъ, что Людовикъ относился враждебно къ задуманной папами церковной реформѣ; онъ хотѣлъ сохранить за собою право безконтрольнаго распоряженія кафедрами, вслѣдствіе чего былъ рѣзокъ, когда рѣчь заходила о реформѣ церкви, даже со своими друзьями. Ива, епископа Шартрскаго, и Гильдеберта, архіеп. Турскаго, онъ упрекалъ за то, что они раздавали пребенды и церковныя должности не спросивъ его. Когда на кафедру аббата монастыря Сен-Дени былъ избранъ аббатъ Сугерій безъ предварительнаго согласія Людовика, то хотя это избраніе и было каноническимъ, тѣмъ не менѣе послѣдовалъ рядъ репрессалій — конфискація имущества, арестъ пословъ. Однако, скоро дѣло это уладилось, и дружба короля съ аббатомъ Сугеріемъ осталась нерушимой. Особенно интересна борьба Людовика съ Стефаномъ Санлисскимъ, еп. Парижа. Стефанъ, по настоянію Бернарда, аббата Клервосскаго, хотѣлъ преобразовать капитулъ Парижской церкви. Епископъ настаивалъ на этомъ

дѣлѣ, но двор сопротивлялся. Не смотря на это, реформа, однако, была введена; тогда король лишил Стефана владѣній, а этот послѣдній, в свою очередь, наложил на епархію интердикт. Разгнѣванный король приказал изгнать ограбленнаго епископа, который должен был бѣжать под защиту монахов Ультеріанскаго Ордена и обратился с апелляціей к папѣ. Впрочем, он был склонен даже к компромиссу и высказывался о желаніи передать все это дѣло на третейскій суд, составленный из друзей как короля, так и его, но всѣ эти предложенія были отвергнуты. Апелляція также имѣла мало значенія. Папа Гонорій II, при всем своем сочувствіи реформѣ, однакоже приказал снять интердикт с парижской епархіи, и таким образом епископ должен был совершенно уступить. Из письма св. Бернарда видно, что преслѣдованію со стороны Людовика за сочувствіе реформѣ подвергался и архіепископ Генрих Санскій. Стремленіе Людовика VI противодѣйствовать реформѣ понятно, потому что в случаѣ ея полного осуществленія она привела бы к водворенію в Европѣ теократіи. Что же касается Франціи, то она подорвала бы здѣсь источники матеріальных сил Капетингов и уменьшила бы власть короля. Дѣло в том, что замѣщеніе епископских и аббатских мѣст совершалось далеко не безвозмездно: ставленники при назначеніи должны были уплачивать значительныя суммы в казну. Кромѣ того, король, безконтрольно распоряжаясь замѣщеніем вакантных кафедр, мог разсматривать церковныя земли, как свои, мог назначать на них людей надежных и сочувствующих ему. Та позиція, которую Людовик VI занял по отношенію к папам, облегчалась политикой Германскаго императора. Папы в это время ожесточенно боролись с императорами; они чувствовали необходимость не вооружать против себя Франціи; мало того, они ищут даже поддержки у французскаго короля. Но в общем должно сказать, что внѣшняя политика сравнительно с внутренней меньше привлекала вниманіе Людовика VI. При нем в сущности была прервана всякая связь с имперіей, не было даже свиданій государей, которыя имѣли мѣсто прежде. Такое положеніе дѣл продолжалось до 1124 г. По существу эта политика являлась враждебным нейтралитетом, так как Филипп I и Людовик VI высказывали неоднократно свои явныя симпатіи папѣ Пасхалису II. В 1112 г. на соборѣ, в Вьеннѣ германскій император Генрих V был отлучен, но этот собор был созван не только по совѣту, но и под защитою Людовика VI. Далѣе, когда императорское правительство выгнало папу из Рима, то послѣдній нашел убѣжище во Франціи; здѣсь произошел ряд соборов: в Бовэ, Реймсѣ, Шалони на Марнѣ, под предсѣдательством кардинала Конона; и всѣ они были направлены

против Германской политики, причем возобновлено было отлученіе императора Генриха V.

В 1118 г. папа Геласій II был принят самым любезным образом при дворѣ Людовика. Мало того, послѣ его смерти, на папскій престол был избран даже родственник королевскаго дома Калликст II. Таким образом, вражда между Людовиком и императором была скрытая, но она перешла в открытую во время столкновенія с англійским королем. Положеніе Людовика по отношенію к Англїи было чрезвычайно критическое. Это объясняется тѣм, что Англїя была соединена с Нормандіей, а Тибо VI, граф Блуа и Шампани, был союзником и племянником Генриха I англійскаго. Этот союз был чрезвычайно нежелателен для Людовика, так как он проявил свое дѣйствіе уже во время борьбы послѣдняго с мелкими феодалами: граф Тибо помогал им. Понятно, что Людовик VI не мог оставаться безучастным зрителем такого поведенія союзников. Возгорѣвшаяся борьба с Англїей и Норманами тянулась почти через все его царствованіе. Счастье, однако, ему мало благопрїятствовало, особенно в первый період борьбы (1110—1113 г.), который окончился позорным миром в Жизорѣ, в силу котораго Нормандія сдѣлалась почти независимой. Людовик едва-ли бы устоял в борьбѣ, потому что должен был считаться с графом Блуа, герцогом Нормандским и феодалами Иль-де-франса, если бы не выручили его внутренніе раздоры, происшедшіе в семьѣ англійскаго короля. За смертью Роберта, брата Генриха, одни из нормандских баронов уговорились провозгласить герцогом Вильгельма Эделинга, старшаго из сыновей короля Генриха I, а другая же часть баронов благопрїятствовала Вильгельму Клитону, сыну Роберта. Из этих двоих претендентов на герцогскій престол Людовик был склонен поддерживать Клитона, но в 1119 г. при Бремулѣ он потерпѣл поражение и, кромѣ того, лишился поддержки со стороны Фландрїи, которая обычно при столкновенїи с Нормандіей была на сторонѣ Франціи: Фландрскій герцог Карл Добрый рѣшил быть нейтральным. Не надѣясь на свои силы, Людовик VI обращается за помощью к папѣ и отправляется лично на собор в Реймс, чтобы добиться осужденія своего соперника короля Генриха I; здѣсь духовенство было видимо настроено в благопрїятном для короля смыслѣ: оно запретило архіеп. Руанскому защищать Генриха I. Папа Калликст II рѣшил, однако, воздержаться от вмѣшательства и общал только при личном свиданїи с Генрихом и Тибо уладить недоразумѣнія. Тогда в 1120 г. Людовик принужден был заключить мир и обязан был принять ленную присягу на Нормандію от Вильгельма Эделинга. Надежды Людовика возродились, когда всѣ сыновья Генриха по-

гибли во время переѣзда из Нормандіи в Англію. У Людовика явилась надежда провести на престол Англіи Вильгельма Клитона. Он нашел даже союзника в лицѣ графа Анжуйскаго. Тогда Генрих Англійскій в противовѣс этому, заключил наступательный и оборонительный союз с Генрихом V Германским, со своим зятем (послѣдній был женат на его дочери Матильдѣ). Рѣшено было одним ударом погубить Капетингскую монархію. План был слѣдующій: англійская армія вмѣстѣ с Норманами должна была наступать с сѣвера на юг, а нѣмецкая армія под предводительством Генриха V должна была двинуться с востока на запад чрез Реймскую область и проникнуть внутрь Франціи. Предстоял, быть может, полный разгром Капетингской монархіи, но он был предотвращен подъемом народнаго патриотизма. Населеніе единодушно поднялось под руководством духовных пастырей. Под знаменами монастыря Сен-Дени собралась вся Франція. Это народное движеніе и спасло Францію. Испуганный им Генрих V не рѣшился итти дальше Меца и принужден был отступить. Таким образом, замысел союзников не удался, но тѣм не менѣе Генрих I задумал обезпечить будущность своей династіи: именно, он пришел к мысли выдать вдову-дочь Матильду (послѣ смерти Генриха V) за графа Анжуйскаго Жофруа, чтобы превратить его в естественнаго союзника. Брак состоялся и подготовил возможность вступленія на Англійскій престол потомков анжуйскаго графа (династіи Плантагенетов). Людовик отвѣтил на это соотвѣтствующею мѣрою: за Вильгельма Клитона, кандидата на престол Англіи, он выдал свою свояченицу и дал в лен графство Вексен. Воспользовавшись тѣм, что Фландрскій граф был убит, Людовик постарался доставить престол Вильгельму. Послѣдній, однако, не долго удержался во Фландріи и скоро послѣ того умер. Когда в 1135 г. Генрих I скончался, то Людовик рѣшил поддерживать другую кандидатуру — Евстафія, сына Болонскаго графа Стефана, бывшаго претендента на Англійскій престол по женской линіи вслѣдствіе родства его с династіей Вильгельма Завоевателя. В 1137 г. Евстафій даже принес Людовику ленную присягу за Нормандію. Но ожиданія короля однако не оправдались — Евстафію не удалось укрѣпиться в Англіи, в ней восторжествовала другая партія, во главѣ которой стояла вдова Маргарита: она и доставила престол своему сыну, Генриху II Плантагенету. Не смотря на это, однако, упроченіе внутренней силы и королевскаго авторитета, достигнутое политикою Людовика VI, помогло его преемникам Людовику VII и Филиппу Августу выдержать неравную борьбу с Плантагенетами.

Лучшей монографіей для изученія этого царствованія является соч. Люшера: „Etudes sur les actes de Louis VII“, 1885 г. Другой работою, болѣе слабой, является труд Гирша: „Studien zur Geschichte König Ludwigs VII von Frankreich“ (1119—1160) 1892 г.

Один лѣтописецъ характеризуетъ Людовика VII так; „Vir satis sensatus, pius tamen et mollis, unde Ludovicus Juvenis et Pius nominatus est“. Эта характеристика до нѣкоторой степени оправдывается фактами. Онъ больше всего походилъ на своего прапрадѣда Роберта II. Извѣстно, что онъ былъ благочестивъ, строго соблюдалъ предписанія церкви, постился не только въ положенные дни, но и по субботамъ; его вялость, нерѣшительность возрастаютъ съ теченіемъ лѣтъ послѣ возвращенія изъ Іерусалима. В первую же половину онъ обнаруживаетъ стремленіе продолжать политику отца (борьбу съ феодалами), но къ концу царствованія онъ охладѣлъ въ достиженіи этой цѣли ослабленія феодальной силы, что привело къ усиленію ея. Графъ Руси, притѣснитель монастырей, говоритъ монахамъ аббатства Воклеръ: „пусть придетъ вашъ король и вырветъ васъ изъ моихъ рукъ, если у него есть достаточно силы!“ Кромѣ того, Людовикъ VII слишкомъ подчинился вліянію папскаго двора и св. Бернарда Клервосскаго. Можно сказать, что успѣхи королевской власти, помимо того, были задержаны еще двумя важными событіями: участіемъ короля въ крестовомъ походѣ и образованіемъ огромнаго государства Плантагенетовъ. Крестовый походъ не отвѣчалъ интересамъ Франціи; во время отсутствія короля въ странѣ образовалась сильная реакція феодальная, имѣвшая во главѣ Роберта (брата Людовика VII). Регенты, которымъ была ввѣрена Франція, бездѣйствовали, за исключеніемъ одного изъ нихъ, аббата Сугерія, который являлся истиннымъ правителемъ государства. Во многихъ мѣстахъ государства появились банды разбойниковъ, которыя особенно давали себя чувствовать въ западной части государства. Только твердость и предусмотрительность Сугерія умѣряли бѣдствія населенія. Кромѣ того, походъ окончился неудачно, а, слѣдовательно, не принесъ ничего, чтобы могло увеличить силу Капетинговъ и ихъ авторитетъ.

Другимъ событіемъ, ослабившимъ Людовика VII, былъ разводъ его съ Элеонорой Аквитанской. В 1152 г. на соборѣ въ Божанси состоялся этотъ разводъ, и вслѣдствіе этого Аквитанскія владѣнія надолго были потеряны для Капетинговъ, потому что Элеонора вступила въ бракъ съ англійскимъ королемъ Генрихомъ II, вслѣдствіе чего образовалось огромное государство Плантагенетовъ, состоявшее изъ Англіи, Нормандіи, Бретани, Анжу, Мэна, Септонжа, Пуату, Аквитаніи и Гіэни. Образовался государственный организм, который кольцомъ охватывалъ владѣнія Капетинговъ. Приобрѣтенія Генриха II были

очень опасны для них, потому что Генрих, новый супруг Эленоры, был человеком энергичным, умѣвшим пользоваться обстоятельствами, затруднительными для других. Он добился принесенія ленной присяги со стороны гр. Тулузскаго, пытался завладѣть Оверном, для чего заключил союз с графом Савойским. Истинною причиною развода был разврат Эленоры; это был какой-то стихійный разврат, приводившій в ужас даже современников, хотя послѣдніе, как извѣстно, не отличались строгостью жизни и нравов. Официальным же поводом к разводу на соборѣ было выставлено не развратное поведеніе Эленоры, а родство супругов. Эту причину выставил св. Бернард, который особенно настаивал на разводѣ, но против послѣдняго особенно вооружался аббат Сугерій, предвидѣвшій невыгоды его; пока Сугерій был жив, развод не мог состояться.

Не смотря, однако, на слабость характера Людовика VII, королевская власть продолжала и при нем усиливаться. Очистка домена от феодалов шла с прежнею настойчивостью; на верховный суд в Парижѣ являлись гордые феодалы, бароны Иль-де-Франса (Монморанси, Клермоны, Бомоны, Даммартены и др.), прежде считавшіе себя равными Капентингам. Серьезное сопротивление Людовик VII встрѣтил только в Шампани со стороны графа Тибо IV, которому принадлежала Блуа и Шампань, стѣснявшіе Иль-де-Франс с обѣих сторон. В 1141—1144 г. Людовик ведет против Тибо войну, но она не имѣла успѣха. Тогда Людовик VII задумал породниться с противником, вступив в третій раз в брак с его дочерью, что и совершилось в 1160 г. Это привело к тому, что Тибо V, преемник Тибо IV, стоял близко ко двору Людовика, а брат его Вильгельм сдѣлался архіепископом Реймским и также поддерживал Людовика VII. Владѣтельный дом Шампани сдѣлался послѣ того такою же опорой Капетингов, как и дом Вермандуа.

Королевская власть при Людовикѣ VII проявляет свой авторитет и в отдаленных областях; сношенія с ними происходят почти постоянно. Потерявъ благодаря разводу владѣнія на западѣ, Людовик VII вознаградил себя отчасти на востокѣ и югѣ со стороны Бургундіи и Лангедока; посадил на Реймскую архіепископскую кафедру брата Генриха, смирил Реймскую знать, постоянно руководил дѣлами Шалонскаго епископства, поддерживая его в борьбѣ с фохтом Гераром. Вліяніе Людовика VII проявляется и на территоріи Фландріи: епископство Камбре уже находилось в нѣкоторой зависимости от него. Даже г. Туль, лежавшій на имперской территоріи, в лицѣ епископа ищет поддержки у Людовика

в борьбѣ с герцогом Лотарингіи. Тоже замѣчается и на юго-востоку Бургундіи; епископства Лангрское, Отенское, аббатство Ключійское зависѣли от короны. Едва вступил Людовик VII на престол, как спѣшит в Лангр, чтобы принять присягу от мѣстнаго епископа. „Это город Ваш“, — писал королю по этому поводу Бернард. В 1166 г. аббат Ключійскій писал: „Ваше государство не состоит только из Франціи, хотя оно так и называется; Вам принадлежит также и Бургундія, и Вы должны о ней заботиться“. Эти воззванія к королю объясняются тѣм, что Бургундское духовенство видѣло в нем защитника от Бургундских феодалов. Феодалов, нарушителей порядка, Людовик VII вызывает к себѣ на суд; если они не являлись или не оправдывались, то суд осуждал их, а если они не подчинялись приговору суда, то король не стѣснялся против них употреблять силу. Так, в 1166 г. Людовик предпринял поход против Шалонскаго графа, обвинявшагося в разграбленіи Ключійскаго аббатства, и лишил его феода.

Вліяніе королевской власти до нѣкоторой степени распро- Лекція VII.
 странилось и на ту территорію, которая называлась королевством Бургундіей и находилась в сферѣ вліянія германской политики. Это вліяніе выразилось, во-первых, в том, что племянник Людовика VII и сын Тулузскаго графа Раймунда V женился на дочери владѣтеля области Вьенны и явился, таким образом, наслѣдником этой области тестя. Этот факт не указывал бы еще на вліяніе, если бы он не был отмѣчен извѣстным актом сочувствія мѣстнаго населенія. Монахи монастыря Гранд-Шартреза обратились к королю с изъявленіем радости по поводу этого событія: „мы вѣрим, что это совершилось не без Божьяго соизволенія, что это графство, эта земля перешла к вашему племяннику“. Подобнаго рода вмѣшательство в дѣла королевства Бургундіи не могло не тревожить императорское правительство. Современник Людовика VII Фридрих Барбарусса выражает свое неудовольствіе, иногда совѣм неосновательно. В 1163 г. он выражает свое недовольство в вопросѣ: на каком основаніи Людовик позволяет себѣ вступать в герцогство Бургундію, которая якобы находится в вассальном отношеніи к Германіи? Но эта была совершенно неосновательная придирка, ибо герцогство Бургундія было французским леном. Столкновение произошло также по вопросу об архіепископствѣ Ліонском. Владѣнія епископства были расположены и на германской и на французской территоріи, на берегах рѣки Соны: лѣвобережная (восточная) часть находилась на территоріи Германской, а правобережная на французской в зависимости от Капетингов. Сам же Ліон был город имперскій, а окрестности его территоріей фран-

цузскаго графства. Спор возник из-за вопроса о замѣщеніи каедръ и в 1157 г. готовилась почти война. Но она была предотвращена дипломатическими переговорами.

Еще болѣе успѣшны были дѣйствія Людовика по расширенію авторитета королевской власти в центрѣ и на югѣ Франціи. Нѣкоторыя части Капетингскаго домена (Орлеане, Берри) соприкасались близко с владѣніями феодалов графов Овернских, Неверских и виконтов Полиньяк. Эти феодалы были довольно сильны и обижали церковных владѣтелей, особенно епископов Нивернэ, Оверни и Бурбонэ. Епископы обращались за помощью к королевской власти, которая была очень внимательна к ним. Так, с графом Невернским король вступает в борьбу и угрожает войной, если он не оставит в покоѣ епископа Оксерскаго и монастыря Везеле. Против Овернских графов, тревоживших епископа Клермонскаго, Людовик VII ходил дважды войною (в 1163 и 1169 г.). Еще болѣе упорную борьбу Людовик вел с виконтами Полиньяк, которые были истинными грабителями. Особенно доставалось от них епископу г. Пуи. Борьба, длившаяся 10 лѣтъ (1163—1173), кончилась побѣдой Людовика, и Полиньяки должны были оставить попытки обижать сосѣдей, хотя у них была надежда на помощь англійскаго короля Генриха II Плантагенет, владѣнія котораго соприкасались с Капетингскими. Мало того, Людовик расширил сферу вліянія на югѣ по отношенію к Тулузскому графству и области Лангдоку. Это было тѣм болѣе важно, что с конца X в. между владѣтелями этих областей и короною не было связи. Тулузскіе графы достигли почти независимости. Они при первых пяти Капетингах не только не выставляли войска и не присутствовали при дворѣ, но даже не являлись ко двору на коронацію. Такое положеніе измѣнилось только во вторую половину царствованія Людовика VII с 1154 г. До 1154 г. все оставалось по старому. Но этот год был поворотным, он ознаменовался тремя событіями: 1) браком Людовика VII на Констанціи Кастильской, а Кастилія находилась в дѣятельных сношеніях с Лангдоком; 2) браком Тулузскаго графа Раймунда V на сестрѣ короля Констанціи (вдова Евстафія Болонскаго) и 3) путешествіем Людовика VII к мощам Якова Кампостельскаго. Путешествія эти были обычны среди южан, но не обычны для жителей сѣверной Франціи. Эти событія, неважныя на первый взгляд, имѣли важныя послѣдствія. Раймунд, женись на сестрѣ короля, хотѣлъ упрочить свое положеніе, которому угрожали феодалы и Генрих II. Отчасти эта цѣль была достигнута. Но он не предвидѣлъ, что его свояк воспользуется этим для упроченія своего авторитета на его территоріи. Оказывается, что Людовик VII заручается расположеніем духовен-

ства Лангедока, которое является ревностным проповѣдником необходимости возстановленія монархическаго принципа. В 1155 г. Людовик выдает церковным учрежденіям Лангедока грамоты и привилегіи в пользу епископовъ церквей Нарбонской, Нимской и др. Эта щедрость ему ничего не стоила. Он отдавал то, что ему не принадлежало. Он распоряжался правами Раймунда V. Однако, эта его щедрость привела к созданію такого рода сношеній, которыя в послѣдствіи привели к территориальному сліянію графства Тулузскаго с Франціей. Интересно, что духовенство обращается к королю с просьбой о выдачѣ рекомендацій о ходатайствѣ перед папой и т. п. Южно-французскіе епископы появляются при дворѣ. Они принимаютъ участіе в государственныхъ дѣлахъ; даже на судебныхъ грамотахъ упоминаются ихъ имена. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что епископъ г. Манда прибыл к королю затѣмъ, чтобы принести ему ленную присягу. Мало того, феодальная аристократія, досаждавшая Раймунду V, обнаруживаетъ склонность отдавать дѣла по столкновеніямъ с графомъ на судъ короля и стать в непосредственную зависимость отъ короля. Для феодала было болѣе лестно зависѣть отъ короля, чѣмъ отъ вассала же, быть королевскимъ вассаломъ, чѣмъ подвассаломъ. Но не только духовенство и феодалы стремятся къ связи с короною. То же стремленіе замѣчается и у горожанъ. Они обращаются къ королю за привилегіями, просятъ содѣйствія его в разрѣшеніи городскихъ дѣлъ. Жители Тулузы были благодарны Людовику за то, что во время пребыванія его в Тулузѣ в 1159 г. онъ защитилъ городъ отъ Генриха II. Интересно, что в письмѣ къ Людовику они называютъ его „защитникомъ, освободителемъ, добрымъ государемъ“. Со своей стороны, король до того довѣрялъ жителямъ Тулузы, что, озабоченный судьбою сестры, бывшей замужемъ за Раймундомъ, особенное охраненіе ея и ея дѣтей поручаетъ имъ. Когда у короля родился сынъ Филиппъ Августъ, то жители Тулузы привѣтствовали короля с этимъ радостнымъ событіемъ. Городъ посылаетъ 4-хъ депутатовъ, которые должны были присутствовать при крещеніи. Всѣ эти факты доказываютъ, что ростъ Капетингскаго могущества и созданіе единодержавія опирались главнымъ образомъ на сочувствіе духовенства и населенія, какъ городского, такъ и сельскаго.

Ознакомившись с исторіей Франціи до 1180 г., мы достигли періода, когда Капетингская монархія создала тотъ фундаментъ, на которомъ можно было создать и прочное зданіе. Зародыши этого монархическаго порядка могутъ быть вскрыты изъ разсмотрѣнія внутренней организаціи Капетингской монархіи. Главными пособіями являются слѣдующія сочиненія Люшера: 1) „Исторія учреж-

деній монархических во Франціи при Капетингах“ (L'histoire des institutions monarchiques de la France). Второе издание 1891 г.; 2) „Руководство по исторіи французских учреждений“ (Manuel des institutions françaises, période des Capétiens directs, 1892). Между этими сочиненіями есть сходство и разница. В первом автор разсматривает и внѣшнюю, и внутреннюю исторію в порядкѣ историческом, придерживаясь хронологіи, а во втором — в том порядкѣ, какой принят у юристов-историков, т. е. выдвигая на первый план описаніе самих учреждений за данный період времени, давая статистику учреждений, а не их динамику. В первом Люшер остается в предѣлах до 1180 г., а во втором разсматривает учреждения за весь средневѣковый період, почти до Столѣтней войны, до прекращенія династіи Капетингов. Люшер-лучшій из учеников французской школы историков 19 в. Сочиненія его являются классической работой. Опираясь на них, мы можем перейти к внутренней исторіи.

Прежде всего, надо обратить вниманіе на организацию, характер королевской власти, так как главный интерес этого періода заключается в-ростѣ объединительной политики и ростѣ монархической власти. Относительно характера Капетингской власти были высказаны разныя мнѣнія. Гизо (нач. 19 в.) в 13 лекціи „Исторіи цивилизациі Франціи“ утверждает, что Гуго Капет и его преемники ничѣм не отличались от крупных феодалов Франціи, и потому не могли недружелюбно смотрѣть на феодальный строй. Как феодалы, они не могли понять монархической идеи и сочувствовали феодализму. Другое мнѣніе принадлежит нѣмецкому ученому Калькштейну. По его мнѣнію, Гуго основал государство, но оно имѣло форму феодального королевства. В этом отношеніи Гуго Капет имѣл ту только выгоду пред Каролингами, что легитимировал феодальные порядки и, опираясь на них, как на фундамент, он и его преемники могли строить свое зданіе. Люшер не соглашается ни с тѣм, ни с другим мнѣніем. Он указывает на данныя, свидѣтельствующія о том, что Гуго и преемники его не были чистокровными феодалами, вотчинниками, никогда не забывали государственнаго права. Они строили свое государство не только на основаніи гражданскаго права, но и на основаніи унаслѣдованных принципов государственнаго права, которые проводил Карл Великій. И монархія Капетингов является продолженіем монархіи Каролингской. Сами Капетинги смотрѣли на себя, как на продолжателей Каролингов. Отсюда ссылки Капетингов в их грамотах на Каролингов: „мы слѣдуем в данном случаѣ обычаям наших предшественников, т. е. франкских императоров и королей“.

В грамотѣ Генриха I читаем: „мы являемся наслѣдниками как обязанностей, так и достоинства королей и императоров“. Стало быть, Капетинги не смотрѣли на себя, как на простых феодалов; так говорить феодал не мог. Мало того, в грамотах они подчеркивают происхождение своей власти. Они думают, что источник королевской власти — милость Божія. Отсюда такія выраженія: *gratia Dei, Deo volente, Dei clementia, opitulante divina gratia* и т. д. Тоже говорят и современники. Аббат Сугерій подчеркивает священную основу власти. Сообразно с этим, Капетинги главную обязанность королей усматривали в водвореніи мира и справедливости. Людовик VI, находясь на смертном ложѣ, говорит наслѣднику: „*jus suum unicuique custodire*“. На первом планѣ стояли заботы о церкви, бѣдных, сиротах. Отсюда вытекает необходимость обуздывать феодалов. *Quia fortissima regum dextera, officii jure votivo, reprimatur tyrannorum audacia quotiens eos queris laces-siri vident infinite* — говорит об обязанностях короля Сугерій. Подобныя выраженія встрѣчаются как у писателей, так и в королевских грамотах. Это дает возможность признать правильным взгляд на власть Капетингов, как власть высшаго порядка, а не феодальную. С другой стороны, Капетинги, несомнѣнно, должны были считаться с идеями времени и проявлять власть, пользуясь не только старыми средствами, но и новыми и при помощи феодальных средств преобразовать феодальный строй в новый. Но монархическая идея никогда не умирала во Франціи, даже в XI в. — в пору самага сильнаго развитія феодализма. Можно сказать, что она обладала бѣльшей стойкостью, чѣм феодализм. Это подтверждается слѣдующим. Во-первых, не вся территорія Франціи была занята землями крупных феодалов, ибо значительная часть ея принадлежала церкви, а представители ея всегда были представителями и защитниками монархической власти. Во вторых, даже первые короли требуют присяги от населенія не только ленной (*hominium*), но и *fidelitas*, присяги характера монархическаго. Всѣ эти данныя свидѣтельствуют о том, что взгляды Гизо и Калькштейна должны быть признаны неудовлетворительными.

Несомнѣнно, сначала Капетинги должны были считаться с разными затрудненіями на пути укрѣпленія своей власти. Это обнаруживается особенно в дѣлѣ установленія наслѣдственнаго принципа при замѣщеніи престола. Здѣсь мы видим борьбу двух принципов — избирательнаго и наслѣдственнаго. Оба они примѣняются, и взаимодействіе их приводит к тому или другому рѣшенію вопроса о престолѣ. Монархія, основанная в 987 г., не имѣла установившейся практики; мы видим избирательное начало,

но видим также, что принимались во внимание и наследственные права. Отсюда, с одной стороны, проистекает борьба, а с другой — необходимость принять мѣры к обезпеченію короны в представителях своего рода, в данном случаѣ, Капетингов. Мѣры эти состоятъ в „прижизненном коронованіи“. Гуго чрез нѣсколько мѣсяцев послѣ избранія коронует сына Роберта; этому коронованію предшествовала элекція в собраніи вельмож Франціи и Бургундіи. Коронованіе происходило в Орлеанѣ. Но этим Гуго не предпринимал чего-либо новаго; подобный прецедент наблюдается при Лотарѣ, короновавшем в 979 г. сына Людовика. Эту коронацію сына Гуго оправдывал борьбою с мусульманами, которые грозили Барселонѣ, и желаніем укрѣпить силы христіанскаго міра. В 1016 г. Роберт примѣняет ту же практику сначала по отношенію к сыну Гуго (10 л.), а потом, когда Гуго скончался в 1025 году, то рѣшил короновать Генриха. Генрих I коронует в 1059 г. семилѣтняго сына Филиппа. Тоже дѣлает Людовик VI, он первоначально коронует старшаго сына Филиппа в Реймсѣ в 1131 г., а когда он умер, то другого сына Людовика VII. Послѣдній, дождавшись рожденія сына, также рѣшил прибѣгнуть к практикѣ предшественников и в 1179 г. коронует Филиппа Августа. По поводу его рожденія любопытна для характеристики настроенія двора одна грамота, гдѣ указывается на опасность того, что долго не было сына, и когда у Адели Шампанской, третьей супруги Людовика VII, родился сын, то это праздновалось всюду. Людовик VII выражается, что у него был *ardor, ut praestaret nobis Deus sobolem melioris sexus, qui territi eramus multitudine filiarum* „чтобы дано было чадо лучшаго пола (*melioris sexus*) нам, которые были утрашены избыткіем дочерей“. Неудивительно, что Филипп Август называется „Богом данный“ (*Dieu donné*) и грамоты с 1166 г. датируются годом рожденія Филиппа Августа. Эта практика способствовала тому, что избирательное начало постепенно забывается, а наследственное все болѣе и болѣе пріобрѣтает вѣс и значеніе. Были еще и другія измѣненія в практикѣ наследственнаго права. В Меровингскую и Каролингскую эпоху государи, имѣя нѣсколько сыновей, дѣлили государство на части и не было идеи о нераздѣльности государственной территоріи. Теперь эта идея проникает в сознаніе. Второму и вообще послѣдним сыновьям короли дают ничтожныя владѣнія или же стараются провести их на архіепископскія и епископскія мѣста. Король, царствующій, отличается от коронованнаго наследника тѣм, что власть находится в его руках, а не в руках послѣдняго. Предназначенный к наследованію власти называется „*rex designatus*“ или „*in regem conseratus*“.

(Designatio — известное нравственное право государя определять право наследования.) Мѣстом коронаціи королей был Реймс, по старой традиціи, основанной на первенствѣ тамошней архіепископской кафедрѣ. Но известно, что короли короновались и в других городах. Одон, Роберт I, Рауль — короновались в Суассонѣ или Компьенѣ, при участіи архіепископа Санскаго. Это объясняется тѣм, что реймскіе архіепископы в то время находились во враждебных отношеніях к названным королям. С теченіем времени установилось, как правило, чтобы коронаціе совершалась в Реймсѣ.

Коронаціе состояло из трех моментов: *electio*, *unctio* и *coronatio*. *Electio* сохранилось как пережиток старых традицій. Самому коронаціи предшествовало служеніе мессы, во время которой послѣ чтенія Апостола происходило *professio*: король читал Символ Вѣры в знак своего правовѣрія. Послѣ обѣдни архіепископ, имѣя в руках жезл, подходил к королю с просьбой утвердить права и преимущества реймской церкви. Король должен был согласиться на это, и архіепископ избирал его в короли (*elegebatur in regem*). Это и есть *electio* — воспоминаніе о реальном избраніи. Всѣ присутствовавшіе подтверждали это избраніе словами: „мы одобряем, мы желаем, чтобы это было так“. Затѣм король должен был подписать грамоту, заранѣе приготовленную, о правах Реймской церкви, а архіепископ скрѣплял ее печатью. Затѣм приступали к миропомазанію и коронаціи. Коронаціе состояло в том, что король постепенно возлагал на себя королевскія инсигніи: корону, меч, скипетр и шпоры, знак рыцарскаго достоинства. Кромѣ этого первичнаго торжественнаго коронаціи, бывали еще так называемыя „повторительныя коронаціи“ (*curiae coronatae*). Они не представляют новости для Капетингскаго двора и заключались в том, что в большіе праздники (Р. Х., Пасха, Троицын день) король во время богослуженія надѣвал корону.

Благодаря непрерывной наследственности и преемственности короны, к 1180-му году вопрос о замѣщеніи престола мог считаться вполне выясненным. Наследственное начало восторжествовало над избирательным. Так как короли вступали на престол не всегда в возрастѣ, пригодном для управленія государством, т. е. были малолѣтні, то неудивительно, что в таком случаѣ учреждалось регентство (*tutela, custodia, mundiburdium*). Обыкновенно права регента представлялись кому-нибудь из близких родственников короля. Так, в малолѣтство Филиппа I регентом был Фландрскій граф Балдуин V *meus patronus, nostrae procurator pueritiae*; он же сам себя называл — *regni procurator et bajulus*. Иногда регенты титуловались

старинным термином *comes palatii*. Судя по тому, что регентство во время Филиппа прекратилось в 1065 г., полагают, что законный возраст (*aetas legitima*) наступал в 14 лѣтъ. Но регентство учреждалось не только в малолѣтство короля, но и на случай его продолжительнаго отсутствія из королевства. Так, когда Людовик VII собирался в крестовый поход, собраніе государственных чинов в г. Этампъ постановило избрать регента, и 16 Февраля 1147 г. избран был Сугерій. Участіе знати в избраніи короля с теченіем времени обращается в простую формальность, которая сохраняется в *electio*. Благодаря настойчивости Капетингов, восторжествовал принцип, что король никогда не умирает, он всегда жив.

Финансовое управление.

Доходы, которые получали Капетинги, были различнаго происхожденія: доменные, феодальные и монархическіе. Доменными доходами являются тѣ, которые получались с королевскаго домена. Другіе доходы характера феодальнаго, заключались в извѣстных полученіях, оправдываемых феодальным правом. Третьи — монархическіе доходы, проистекавшіе из пользованія правами королевской власти. Из них наиболѣе важной и разнообразной была категория доходов доменных. Как велик был королевскій домен, — опредѣлить трудно. Труды ученых: Бартеlemi, Вьютри и др., мало выяснили этот вопрос вслѣдствіе скудости источников. Обыкновенно источником для рѣшенія этого вопроса является „Отчет об общем состояніи королевской казны в 1202“. (*Compte général des revenus du roi en 1202.*) Но он принадлежит к болѣе позднему времени. Основываясь на этом *Compte générale* и других данных Vuitry приходит к заключенію, что при Гуго Капетѣ королевскій домен состоял из 16 превоатальств (*prévôt* от латинскаго *praepositus*), а при Людовикѣ VII из 35. Неудивительно, что количество их увеличилось почти в два раза. Но сомнительно, были ли превоатальства (*praivaux*) при Гуго Капетѣ: они введены только при Робертѣ II.

Домен королевскій слагался из двух групп владѣній: одна была расположена в Ильдефрансѣ и Орлеанѣ, а другая в графствѣ Берри. Доходы с этих доменов можно раздѣлить на двѣ категории: 1, такіе доходы, которые король собирал в качествѣ собственника и хозяина домена и 2, доходы, которыми пользовался в качествѣ сюзерена. Это происходило от того, что однѣ земли находились *in dominio regali*, *in fisco*, *in aladio*, а другія — *in beneficio*, *in feodo*. Что касается доходов первой категории то на 1-м

мѣстѣ стоит *census*, старинный поземельный налог, собиравшійся с населенія в разнообразном количествѣ. Он чрезвычайно был неравномѣрен, напримѣр: с одного участка одинаковой мѣры взималось от 1 до 60 солидов, что конечно зависѣло от плодородія почвы и других причин. *Census* платили не только крестьяне, но и жители королевских городов, но обыкновенно города старались откупиться от ценза одновременно уплатой извѣстной суммы; происходила капитуляція цензовых сборов. Наряду с этим, существовали поборы натурой; населеніе королевских имѣній должно было доставлять извѣстное количество хлѣба или других естественныхъ продуктовъ земледѣлія. Неудивительно, что короли имѣют житницы в разныхъ мѣстах: в Пуасси, Жанвилѣ, Ланѣ, Орлеанѣ, Жонессѣ, Лориссѣ, Крепи и др. Так как во Франціи занимались не только земледѣліем, но и винодѣліем, то платежи производились и вином. Королевскіе винные склады существовали в Этампѣ, Лориссѣ, Парижѣ, особенно в Орлеанѣ. Размѣры платежей и денежных и натуральныхъ были установлены договоромъ с лицами, обрабатывавшими участки, и не подлежали произвольному измѣненію. Король своевольно не могъ повышать ни ценза, ни натуральныхъ повинностей, тѣ и другіе были обезпечены *coûtumes*'ами. В этихъ кутюмахъ былъ перечень повинностей населенія, при чемъ иногда сюда присоединялась и запись юридическихъ обычаевъ мѣстности, которыми руководилось населеніе. Но если король не могъ повышать ценза и натуральныхъ повинностей, то онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ право назначать произвольные сборы, называвшіеся *exactiones* или *talia*, *tailes*, *tolte*. К нимъ часто прибѣгали в 12 в. Размѣры ихъ были не одинаковы и зависѣли всегда отъ нуждъ королевской казны. Такъ, Людовикъ VI установилъ в 1128 г. для г. Лана произвольный сборъ по 4 динарія съ каждаго человѣка. *Talia* взыскивалась не съ дохода, какъ цензъ и натуральные платежи, а съ наличной души. Эти *exactiones* были ненавистны населенію, и оно очень старалось откупиться отъ нихъ. Во всѣхъ освободительныхъ грамотахъ непременно вносится пунктъ относительно этого. Король, получивъ извѣстную сумму, обязывается не налагать болѣе *talia*. Такой пунктъ находится въ грамотѣ г. Лорисса и многочисленныхъ грамотахъ другихъ городов.

Ознакомиться съ доходами, получаемыми съ собственныхъ королевскихъ земель, т. е. съ доменными доходами, интересно и важно не только для характеристики финансовыхъ средствъ короны, но и для характеристики экономическаго положенія крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ тѣ же доходы получали и они.

Talia являлась сборомъ нерегулярнымъ: могла возобновляться

втеченіе года нѣсколько раз, а иногда не взималась нѣсколько лѣтъ. Это был один из дурных видов повинности, и не даром он носил названіе „*mala consuetudo*“. Указав на доходы с доменных земель, мы не должны забывать, что были и такого рода доменные земли, на которых не производилось земледѣльской культуры; таковыми, напр., были земли под городами, торговыми мѣстами и т. п. И вот наряду с доходами с земель культивированных были доходы и от торговли. Из них на первом планѣ надо поставить мыто (*teloneum, tonlieu*) которое получалось при покупкѣ, продажѣ и провозѣ товаров, и собиралось сообразно тому, как доставлялись товары. Если они подвозились по рѣкам, то мыто взискивалось с судна, напр. : 60 солидов полагалось уплатить с барки вина, доставленнаго в Париж. К числу доходов этого рода должно отнести *vedationes*, сборы извѣстнаго процента со всякой купли и продажи, как с торговца, так и с покупателя. На рынках же находились вѣсы, за пользованіе которыми приходилось платить. Эти вѣсовые сборы принадлежали к сборам, извѣстным под общим названіем *banalités*. В эту же рубрику (*banalités*) относят и сборы за обязательное пользованіе печью землевладѣльца для приготовленія хлѣбов, точилом для выжиманія винограднаго сока, господской мельницей. Особенностью их было то обстоятельство, что мѣстный житель не мог пользоваться указанными предметами у других лиц; он мог печь хлѣб и т. д. исключительно у своего господина. Благодаря такому порядку, исключалась всякая конкуренція; и подобные сборы могли быть выше, чѣм в дѣйствительности это требовалось. В общем надо сказать, что доходы от рынков были значительны. Потому понятно, что корона заботилась об устройствѣ большаго количества их. Наиболѣе значительные рынки были в Парижѣ, Орлеанѣ, Этампѣ, Мантѣ, Монлери, Буржѣ и др.

К числу повинностей, имѣющих связь с торговлей и промышленностью, можно отнести и сбор с монеты. Чеканка монеты перестала быть государственной регалией; она в рассматриваемое время становится привилегіей всѣх крупных землевладѣльцев, которые и чеканили свою монету. Никто не мог пользоваться иной монетой, кромѣ мѣстной. Монетная привилегія очень цѣнилась королями и потому, если они уступали ее кому-нибудь, то рѣдко, однако, отказывались от сборов за чеканку. В грамотах, издаваемых по сему поводу, писалось: „за исключеніем право казеннаго“ (*secluso fisci jure*). Оно утилизировалось двояким образом. Государи и землевладѣльцы производили обязательную мѣну монеты. В каждое новое царствованіе обыкновенно производилась перечеканка монеты, а кромѣ того эта перечеканка повторялась периоди-

чески. Такая мѣна монеты была порчею ея: хотя каждому и выдавали то же количество монеты, какое получили от него, но вновь выданная монета была низшаго качества, — с большею примѣсью посторонняго металла, или была маловѣснѣе. С другой стороны, монетная регалія представляла и еще выгоду. В каждом городѣ существовала мѣняльная контора короля или крупнаго землевладѣльца. Приѣзжавшіе из других городов должны были производить размѣн своих денег на мѣстныя и за эту операцію удерживался извѣстный процент. В Парижѣ эта контора находилась на „Grand pont“. Само собой понятно, что жители больших городов старались освободиться от монетной тяготы путем выкупа; они вносили единовременную сумму в казну, чтобы избавиться от перечеки и мѣняльных дворов. Так, в 1177 г. жители г. Этампа выкупились на 3 года под условіем уплатить 100 ливров в казну.

К числу доходов, поступавших от доменов, можно причислить судебные. Вездѣ, гдѣ не замерло сознание государственности, судебная процедура считается привилегіей государственной власти. Не так обстоит дѣло в феодальном мірѣ. Здѣсь наравнѣ с королем и другіе крупные землевладѣльцы имѣют право суда и получают в числѣ доходов доменнаго характера доходы от судопроизводства. Эти доходы сохраняют старинныя названія: *bannum*, *fredum*, но кромѣ их появляются и новыя названія: *vicaria* (по имени судебных членов-викаріев), *justitia*, *placita*, *causae*. Замѣчается уменьшеніе величины штрафов: в Каролингскую эпоху вималось или 60 солидов или 5, теперь же не практикуются такіе большіе штрафы: 60 солидов превращаются в 5, а 5 в 1 солид. Всѣ эти штрафы поступали за различныя правонарушенія, а также в силу запрещенія ростовщичества. В то время деньги были очень дороги и многіе отдавали их в рост за большіе проценты. Ростовщичество преслѣдовалось не столько по сознанию вреда его, сколько потому, что являлась большая зависимость населенія от мелких капиталистов, а это шло во вред землевладѣльцам и побуждало их так или иначе бороться со злом.

Далѣе, к числу доходов относятся тѣ, которые получались от пользованія пустошами. На первом мѣстѣ слѣдует поставить лѣса, которые в 11 и 12 вв. были обширны, а в 13 в. их стали понемногу подвергать постепенной расчисткѣ под пашни. Во всѣх королевских доменах находились большіе лѣса, весьма цѣнные по обилію водившейся в них дичи, высоко цѣнимой вслѣдствіе того, что охота была излюбленным развлеченіем того времени. Кромѣ того, лѣса представляли ресурсы для будущаго расширенія хозяйственной дѣятельности. Из числа королевских лѣсов особенно

замѣчательны: Рамбуйллэ, Орлеанскій, Кюнзкій, Буржскій, Венсенскій, Сен Жерменскій, Фонтенебло и др. Короли принимали мѣры, чтобы лѣса ни в какомъ случаѣ не уменьшались. Отсюда запрещеніе сводить лѣс, брать дрова и проч. Позволеніе пользоваться лѣсами (*ius utendi*) давалось только привилегированнымъ лицамъ и то в качествѣ милости, и в размѣрахъ ограниченныхъ, напр. монастырямъ: разрѣшалось брать валежник, сухолѣсье и только в исключительныхъ случаяхъ строевой лѣс; позволялось пасти скот, но опять в ограниченномъ количествѣ, при чемъ с каждой головы скота взималась извѣстная плата; дозволялось и охотиться для нуждъ монастырскихъ библиотекъ преимущественно на коз (для выдѣлки пергамента). Тѣмъ не менѣ бывали, правда, чрезвычайно рѣдко, случаи отчужденія лѣсной земли подъ обработку. Такое позволеніе было предоставляемо преимущественно жителямъ городов. Жители города Лорисса получили это разрѣшеніе под условіемъ нести барщину и платить извѣстную подать. Какая сумма взималась за право расчищать лѣсные участки? Можно в качествѣ отвѣта привести такой примѣр. В 1179 г. Людовикъ VII разрѣшилъ коммунаѣ Кампъенской произвести расчистку небольшой роши под условіемъ уплатить 260 фунтовъ воска, который тогда очень цѣнился, и извѣстнаго количества птицы. Но это не исключало выплаты ежегоднаго ценза. Если лѣса доставляли казнѣ доходы, то ихъ доставляли и воды. За право ловить в прудахъ и рѣкахъ рыбу должно было платить или денежный цензъ или извѣстное количество продукта — натурою. Право рыбной ловли предоставлялось по преимуществу тѣмъ учрежденіямъ, которыя особенно в этомъ нуждались, а таковыми были учрежденія церковныя. Рыбныя ловли были расположены главнымъ образомъ по Луарѣ, Сенѣ, вдоль большихъ рѣкъ были ловли около г. Санлиса, Нибельскія возлѣ Орлеана.

Доходной статьей для землевладѣльцевъ являлось право на наслѣдство. Землевладѣлецъ былъ распорядителемъ имущества умершаго иностранца; имущество послѣдняго отбиралось в его казну. В равной степени явленіемъ несвойственнымъ нашему времени былъ доход отъ іудеевъ. В каждомъ имѣніи было нѣсколько іудеевъ, которые разсматривались какъ доходная статья. Король в видѣ привилегіи предоставлялъ нѣкоторымъ лицамъ право держать іудеевъ. В 1111 г. Людовикъ VI предоставилъ аббатству Сен-Дени свои права на іудеевъ, т. е. отбирать все, что послѣдніе нажили с христіан по вексямъ. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что в той-же грамотѣ замѣчено, что аббатству Сен-Дени предоставляются права на штрафы за ростовщичество и поддѣлку монеты. Это упоминаніе, вѣроятно,

стоит в тѣсной связи с обычной дѣятельностью тогдашних іудеев.

Кромѣ перечисленных доходов, были еще и натуральные, именно: согвѣе — барщина. Она являлась тяжелым обязательством, лежавшем на населеніи, и состояла в том, что населеніе должно было доставлять землевладѣльцу извѣстное количество телѣг и лошадей для уборки хлѣба с полей. Виды барщины вообще были разнообразны. Населеніе должно было обрабатывать доминикатуру, т. е. барскую запашку, которая производилась крестьянским трудом: они должны были воздѣлать поле, засѣять, собрать хлѣб и свезти его к господину. Затѣм, работы на виноградниках, часть которых обрабатывалась трудом зависимаго населенія. Барщина отвлекала крестьян от своего дѣла и тормозила работы по собственному хозяйству. Неудивительно поэтому, что всякій, кто мог, старался избавиться от нея. Это движеніе сказалось главным образом в городах. В грамотах, выдаваемых им, мы видим указанія, что они выкупались от барщинных повинностей. В грамотѣ г. Лорисса населеніе освобождалось от барщины-дважды в год давать телѣги для перевозки вина в Орлеан. В концѣ 70-х годов Людовик VII отмѣнил барщину для жителей г. Буржа, но под условіем, что главы семейств будут уплачивать $\frac{1}{4}$ мѣры пшеницы в пользу короля.

Весьма был распространен еще один источник доходов, который назывался *hospitium*, *gîte de procuration*. Этот источник не был чужд и предшествующему времени; он был характерен для феодальнаго государства и был очень цѣнным, когда денежных знаков было мало. Недостаток денег побуждал государей прибѣгать к пользованію средствами натуральной повинности. Оказывается, что короли не только, как короли, но и как землевладѣльцы, имѣли обычай кормиться во время своих поѣздок на счет населенія. Современники замѣтили, что Капетинги едва ли бы сводили концы с концами, если бы они не пользовались гостепріимством монастырей и городов. С теченіем времени *hospitium* стала называться *mansionaticum*; в данном названіи вниманіе обращено на другую сторону ея. Прежде всего, король и свита при посѣщеніи нуждались в кровлѣ-помѣщеніи, и так как это было тѣсно связано с пищей, то *hospitium* и стало называться *mansionaticum*. Этим правом пользовались также чиновники и егеря-охотники (*venatores*), которые составляли извѣстный разряд тогдашней бюрократіи.

С правом принудительнаго гостепріимства было связано *le droit de prise* (*saisimentum*) — брать съѣстные припасы, ничего не платя или платя очень мало. Оказывается, что в XII в. термины:

hospitium, mansionaticum, saisimentum постепенно исчезают. Это объясняется тѣм, что население старалось выкупиться от этих повинностей путем уплаты извѣстной суммы и тѣм гарантировать себѣ свободу от поборов. Право saisimentum служило для восполнения казны; по преимуществу брались такіе продукты из данной мѣстности, которыми она была богата. Так, из Этампа два раза в год брали полотно и посуду для королевской кухни; из Санлиса — кастрюли, соль, чеснок. Короли очень дорожили этим правом и рѣдко давали освобожденіе от этого взноса; но в XII и XIII вв. он исчезает, благодаря тому, что население старалось откупиться от него. — Вот всѣ тѣ источники доходов, которые могут быть отнесены к разряду доменных.

На ряду с доменными доходами, были доходы происхожденія феодальнаго и государственнаго. Феодальные по идеѣ могут быть собираемы как в предѣлах домена, так и с земель не доменных — великих феодалов. Относительно второй отрасли этого рода доходов, — собиранія их с Нормандіи, Бургундіи, Аквитаніи и других больших территорій, должно замѣтить, что здѣсь право было признаваемо больше в идеѣ и осуществленіе его много зависѣло от силы и энергіи короля и слабости феодала. Таким образом, феодальные доходы приходилось взыскивать только в предѣлах домена. Они назывались: „Le droit de relief et le droit d'amortissement“; „feodorum relevationes“. Это право заключалось в слѣдующем. За смертью феодала его право в идеѣ признавалось упавшим; его нужно было поднять, и право поднятія лежало на наследникѣ, за что он должен был уплатить relevatio. Количество его зависѣло от размѣра лена. Далѣе, феодалы имѣли право дарить свой феодал или цѣликом или частью. При такой донаціи в пользу сюзереннаго господина поступал извѣстный доход. Феодал мог и продать свои земли с разрѣшенія синьора, но за это позволеніе опять приходилось платить. Бывали случаи, что феодалы жертвовались монастырю или церкви; такой переход назывался *manus mortua*, потому что по каноническому праву все, что доставалось церкви, не подлежало отчужденію в свѣтскія руки. Благодаря этому, имѣнія церковныя являлись как бы умершими для свѣтских лиц. И вот, если в случаѣ даренія феодалом своих земель церковным учрежденіям, наступала амортизація, то за разрѣшеніе на это приходилось платить синьору. Феодальные доходы по количеству были много ниже доменных.

Но еще меньше по размѣрам тѣ доходы, которые имѣли государственное происхожденіе. Они вимались королем не как землевладѣльцем, а как представителем государственной идеи, обще-

ственной власти, общественного мира. Доходы эти, вслѣдствіе упадка государственности, не были разнообразны. На первом мѣстѣ стоят доходы за охраненіе общественного мира. В грамотах XI и XII в. в. встрѣчаем угрозу, что за нарушеніе грамоты виновные должны уплатить штраф, при чем обозначаются и размѣры его: иногда 10 ф. серебра, а иногда 600 ф. золота, которое тогда цѣнилось в 10 раз дороже серебра. Другим источником доходов государственнаго характера были доходы, которые взи-мались за подтвержденія грамот, выданных предшественником короля — *confirmationes*. Существовал обычай при началѣ каждаго новаго царствованія предъявлять грамоты для их переписки и конфирмаціи. Иногда просто дѣлалась помѣтка с подписью канцлера, что грамоту читали, ошибок, подчисток и вообще каких-либо неправильностей не найдено. Эта конфирмація сопровождалась извѣстным налогом. Государственные доходы получались не столько со свѣтских, сколько с церковных учреждений. Послѣднія болѣе склонны были признавать *auctoritas regalis*, видѣть в королевской власти свою опору и защиту. Потому неудивительно, что по отношенію к духовенству сохранилась большая практика взиманія доходов государственнаго происхожденія. Эти сборы назывались *jus regalis* (*le droit de regali*) и заключались в том, что в случаѣ вакантности каѳедры, — аббатской или епископской, — король помимо того, что получал за ставленіе извѣстную плату, но пользовался еще за все время пустованія каѳедры ея доходами. Это и было регальное право. Отсюда, конечно, не в интересах королей было торопиться замѣщеніем каѳедр. Любопытно отмѣтить, что это признавалось не только в доменѣ, но и в таких отдаленных епископіях, гдѣ Капетингская власть была слаба в XII в., напр. на территоріи епископства Шалонскаго на р. Сонѣ.

Вот всѣ разнообразные источники доходов, которыми располагали Капетинги. Не смотря на их разнообразіе и различное происхожденіе, нельзя сказать, что короли не испытывали недостатка в денежных суммах. Это видно из того, что короли прибѣгали к займам, и послѣдніе были совершаемы на ничтожныя суммы. Так, Филипп I занял 30 ливров у каноника, жившаго в г. Санлисѣ; Людовик VII 3000 ливров у Рауля графа Вермандуа, 104 *mares* у епископа г. Лизье. Но как бы ни нуждались короли в средствах, уже с давней поры существовала организація казначейства. Оно было уже при Каролингах и продолжало существовать и при Капетингах. Но об организаціи его за этот період мы имѣем мало свѣдѣній. Завѣдующій казначейством назывался *dispensator*. С теченіем времени сумм стало поступать больше и при Людовикѣ VII

уже упоминаются *pinnerarii*. Пред казначейством должны были рассчитываться управители отдѣльных Капетингских доменных земель — *praepositi, prevôt*. Как велика сумма, которой располагали короли? Хотя и невозможно, исчислить точно, но во всяком случаѣ есть любопытный документ, опубликованный в 1879 г. в „*Monumenta Germaniae historica*“ (т. XXIV). Здѣсь дѣло идет о том, что один *prevôt de Lausanne*, Конон, находился в Парижѣ в момент смерти Филиппа Августа в 1223 г. Здѣсь он слышал от королевскаго чиновника, что Людовик VII имѣл ежегоднаго дохода 19,000 ливров, а его сын располагал уже двойною суммою. При этом надо имѣть в виду, что ливр того времени, если перевести его на современную монету, заключает в себѣ 25 франков, значит, Людовик VII имѣл 475,000 франков; но и это не все; 475,000 франков равняются 19,000 ливров по количеству металла, но не по покупательной силѣ. В настоящее время сравнительно с тогдашним деньги подешевѣли по крайней мѣрѣ в 12 раз. Слѣдовательно, 19,000 ливров = 5,700,000 франков. И этих сумм должно было хватать и на содержаніе двора и на государственныя нужды. Таковы средства Капетингов.

Мы уже ознакомились с правовым порядком королевской власти и с ея матеріальными силами, но это еще не опредѣляет положенія короля, как государя. Для исполненія своей воли он должен был опираться на разных лиц; прежде всего, это были члены семейства, а потом представители придворной и областной администраціи.

Лицом, стоящим весьма близко к королю, был наслѣдник, обыкновенно коронованный еще при жизни короля. Наряду с ним, вліятельное положеніе занимала и королева. Эти три лица: король, наслѣдник и королева образовывали то, что называется „Капетингской троицей“. Они дѣйствовали как одна единица и являлись выразителями государственнаго начала в королевствѣ. Значеніе коронованнаго наслѣдника понятно. Не только грамоты выдавались от имени короля и наслѣдника, но онѣ теперь иногда и датировались по годам коронованія послѣдняго. Кроме того, наслѣдник и сам выдает грамоты от своего имени, но не употребляет множественнаго числа „*nos*“, а единственное — „*ego*“. Значеніе его зависѣло от личных качеств. Сын Роберта II Гуго, умершій ранѣе отца, ни располагал ни военной силой, ни деньгами, вообще представляя ничтожную силу. Напротив, Людовик VI еще при жизни отца является почти фактическим государем благодаря тому, что Филипп I сильно тогда одряхлѣл. Такое же вліятельное положеніе имѣл и Филипп Август, который в 1179 г. и двух тре-

тях 1180 г. управлял государством, как настоящий государь. Не малое значеніе имѣла и королева. Отсюда понятен вопрос о важности брака; брак служил цѣлям политическим. Понятно, что придворная среда с неудовольствіем смотрѣла, когда государь думал жениться по влеченію сердца на такой особѣ, которую можно было назвать безприданницей. Отсюда протест приближенных против попытки Людовика VI жениться на Люсьенѣ Рошфор и потом, в другой раз, когда он задумал жениться на побочной дочери маркиза de Montferrat. Против послѣдняго брачнаго союза вооружились не только свѣтскія, но и духовныя лица. На соборѣ в Санлисѣ особенно возвысил голос против этого Ив Шартрскій, друг короля. Потому то короли женились на женщинах из высшей знати: Гуго Капет на Аделаидѣ Пуатьесской, Роберт II на Констанціи Арльской, Людовик VII на Эленорѣ Аквитанской, а когда развелся с нею, — на Адели Шампанской, Генрих на Аннѣ Ярославнѣ, дочери Ярослава Мудраго. Королева подвергалась коронованію в Реймсѣ, которое не было обязательным; одних королев короновали, других-нѣтъ. Королевы имѣли вліяніе на дѣла. Исключительное вліяніе на дѣла имѣла Констанція Арльская, супруга Роберта II. Всѣ королевы имѣли двор. Король обыкновенно называл супругу: *nobilissima, carissima, dilectissima*. Иногда королева имѣла печать; она была, напр., у Адели Шампанской с надписью: „*sigillum Adele Dei gratia regine Francorum*“. Королевы иногда употреблялись для дипломатических переговоров. Так, когда при Гуго Капетѣ возник конфликт в 987 г., то уладить его поручили Аделаидѣ, которая и вступила в переговоры с Теофаніей, матерью Оттона III. Такую же роль королева играла при внутренних недоразумѣніях. Аделаида (*Maurienne*) *femme de Louis le Gros*, из соображеній національных, озаботилась выдачею сестры за Вильгельма Клитона, претендента на англійскій престол. — Кромѣ королевы — жены часто упоминается королева-мать (*regina, regina mater, genetrix*). Она имѣла также большое вліяніе, иногда большее, чѣм супруга короля. Так, Роберт II чаще упоминает в грамотах свою мать Аделаиду, чѣм жену Берту. Анна Ярославна также упоминается в грамотах, но с 1065 г. упоминаніе прекращается; с того времени, когда закончилось регентство над сыном Филиппом I, она теряет свое вліяніе и выходит замуж за мелкаго феодала Рауля II, графа Крепи и Валуа. Выходы вдов-неисключительное явленіе. Так поступила Аделаида, жена Людовика VI, выйдя замуж за Матвѣя синьора Монмаранси. Это объясняется частыми непріятностями между сыном и матерью королевою. Сын старается ограничить средства и владѣнія матери. Такое отноше-

ніе сына к матери обнаруживается относительно Анны Ярославны и Адели Шампанской. Еще при жизни Людовика VII возник конфликт между матерью и сыном Филиппом Августом, который стал отнимать у матери земли, отданныя ей супругом. Как бы то ни было, королевы оказывали важныя услуги царствующей династіи.

Лекція IX.

К числу членов королевской фамиліи, бывших сотрудниками короля, должно отнести и дочерей короля. Онѣ титулуются — *reginae*. В Капетингской политикѣ онѣ играли нѣкоторую роль, потому что предназначались для выдачи замуж с политической цѣлью. Особенно интересен в этом отношеніи брак Констанціи, сестры Людовика VII, с графом тулузским Раймундом V; благодаря этому браку графство было введено в сферу Капетингской политики, и прикрѣпило южную Францію к сѣверной. Подобную же роль играли и сыновья короля, хотя они не всегда являлись сотрудниками Капетингской политики, а иногда создавали затрудненія. Недѣлимость государственной территоріи еще не установилась, и первые Капетинги устраивали судьбу своих сыновей, надѣляя их феодами или крупным владѣніем. При этом иногда сохранялась цѣлость территоріи Капетингскаго домена, — когда удавалось проводить их на вакантный крупный феодал. Так Роберт II провел на Бургундскій престол сына своего Генриха, а этот сдѣлавшись королем, уступил его брату Роберту. Но иногда этого нельзя было сдѣлать и приходилось выдѣлять им земли из Капетингскаго домена. Так, Людовик VI, кромѣ старшаго Людовика, сдѣлавшагося его преемником, имѣл еще 4 сына: 1) Роберт, 2) Петр, 3) Генрих и 4) Филипп. Роберт получил во владѣніе графство Дре, а Петр синьорію Куртине. Это были своего рода маленькіе удѣлы, отличавшіеся от московских удѣлов своею территоріальною ничтожностью, со всѣми проистекавшими отсюда послѣдствіями. Два же других сына предназначены были в духовное званіе, и один из них (Генрих) проведен был на архіепископскую кафедру Реймса. Еще случай: Гуго Вермандуа, сын Генриха I, за выморочностью дома Вермандуа, получил этот феодал в свое управленіе. Иногда сыновья не получали удѣлов и вплоть до конца XII столѣтія наблюдались вслѣдствіе этого разныя осложненія. Так, при Людовикѣ VII, когда он был в крестовом походѣ поднял возстаніе брат его — Роберт, с цѣлью свергнуть его, но благодаря твердости Сугерія попытка не удалась. Помимо членов королевской фамиліи, административную службу несли придворныя чины; они носят тѣ же названія, что и при Каролингах и при других дворах Европы. В это время, как и прежде, личная служба королю сливалась с управленіем государственным, а

не обособлялась от него; дворцовые чиновники в то же время были и высшими должностными лицами государства.

В истории этих чинов можно различать два периода: первый от восшествия Гуго Капета до последних годов XI вѣка и второй — обнимает конец царствованія Филиппа I (1060—1108), царствованія Людовика VI и Людовика VII. В первый период придворные чины имѣют болѣе феодальный характер, чѣм монархическій, а во второй — замѣчается борьба с этой феодализацией должностей и попытка обратить эти должности в послушное орудіе государственной политики. В источниках мы не находим упоминанія всѣх чинов сразу. Наиболѣе древним документом в этом родѣ является акт Генриха I от 1043 года, в котором упоминается чашник и коннетабль; в 1047 году впервые упоминаются спальник и сенешаль, а в 1048 г. — всѣ чины, кромѣ чашника и, наконец, в год смерти Генриха (1060 г.) упоминаются всѣ чины вмѣстѣ. Но это не упоминаніе того или другого сановника до извѣстнаго времени свидѣтельствует только о том, что не упоминаемый чин в то время имѣл мало значенія. С Филиппа I высшіе чины двора получают общее названіе — *ministri regis* и упоминаются во всѣх грамотах, обыкновенно послѣ епископов, но впереди свѣтских вассалов, а это указывает на то, что они успѣли к тому времени занять вліятельное положеніе в государственном управленіи.

На первом вмѣстѣ стоял *constabularius connetable*. Как показывает названіе, главной функціей его было завѣдываніе королевскими конюшнями. Его обязанность находилась в связи с военной службой, потому что главную силу войска составляла кавалерія. Их подчиненными были маршалы (*mariscalchus*), которые начинают регулярно упоминаться в грамотах с XII вѣка. При Филиппѣ их было 3, что указывает на усложненіе обязанностей коннетабля. Должность послѣдняго занимали лица извѣстных фамилій; при Людовикѣ VI и Людовикѣ VII граф Шомон, Монморанси и Клермон, но не в ряд, а попеременно чередовались в этих должностях, что конечно, зависѣло от опасенія усиленія их; послѣ же смерти Матвѣя I Монморанси, Людовик VII в теченіе 4 лѣтъ не замѣщал этой должности, и она оставалась вакантной, очевидно, в цѣлях ослабить значеніе должности, а управляли дѣлами вѣдомства в это время маршалы.

2. Спальник (*le chambrier, camerarius, magistri regis domus*), как и во время Меровингов, имѣл наблюденіе за королевскими комнатами, гдѣ хранились королевскія сокровища и архив; слѣдил за правильностью взиманія *gîte*, за меблированіем дворца, содержаніем его в порядкѣ. При Филиппѣ I эту должность исполнял

Галеран, который пользовался большим влиянием, затѣм сын его Гюи, а потом Дамартены, Пюи Бомоны — sur — Oise. Вообще в отношеніи этой должности не примѣнялся принцип наследственности; а ослабленію ея особенно содѣйствовало учрежденіе должности *subcamerarius*'а, который мало по малу оттѣснил *camerarius*. У *camerarius*а были помощники, которые назывались *subicularii*, *chamberlani*.

3. Чашник (*le bouteiller*, *buticularius*, *pincerna*, *magister pincernarum*) завѣдывал управленіем виноградниками, находившимися в доменѣ, и доходами с них, а также королевскими погребами. Под его начальством состояли лица, называвшіяся *pincerna* или *pincernarius*. Как видно из современных актов того времени, чашники не пользовались таким значеніем, как первые два чина; влияние же представителей фамиліи Делатур (*de-la-Tour*) из Санлиса объясняется личным довѣріем к членам этой фамиліи Людовика VI и Людовика VII.

4. Среди всѣх этих чинов самое видное мѣсто занимал сенешаль (*sénéchal*, *senescalcus*, *senescallus*, *dapifer*). Иногда он назывался майордомом (*major regiae domus*), прокуратором королевства (*regni Franciae procurator*). Обязанности сенешаля были разнообразны. Ему принадлежало управленіе двором короля и завѣдыванье тою молодежью, которая проживала при дворѣ. (При отсутствіи школ феодалы помѣщали для воспитанія своих дѣтей ко двору короля или важных феодалов). Он играл крупную роль в дѣлѣ судебной юрисдикціи, считаясь замѣстителем короля во время засѣданій в судебных палатах. Он завѣдывал столом короля и в этом отношеніи назывался *infertor*, тоже что *dapifer*, но в терминѣ *infertor* болѣе подчеркивается его функція — завѣдываніе королевской кухней. Принимая во вниманіе всѣ эти функціи сенешаля, можно сказать, что он занимал второе мѣсто в государствѣ, был в положеніи как бы вице-короля, министра — президента. Как главному начальнику королевскаго двора, ему были подчинены *panetarii* — лица, занимавшіяся печеніем хлѣба и других произведеній подобнаго рода, лакеи, повара и другая прислуга; он же наблюдал за тѣми лицами, которые завѣдывали воспитаніем молодежи. Ему же принадлежала функція главнокомандующаго контингента феодальных сил, а потому он назывался *princeps militiae Francorum*. В виду всего этого неудивительно, что с 1071 г. на всѣх дипломах королевских этот чин называется на первом мѣстѣ. Должность эта тогда находилась в руках феодалов наиболѣе спокойных и храбрых, синьоров Рошфор, находившихся в тѣсном родствѣ с домами Креси, Монлери, Пюизе, которые доставляли

много хлопот Людовику VI и Людовику VII. В виду того, что Рошфоры представляли центр феодальной аристократии, забрали в свои руки управление дворцом и предполагали женить принца Людовика VI на Люсьенѣ, дочери могущественнаго сенешала, Людовик VI рѣшилса озаботиться об ослабленіи этой должности. Он противопоставил Рошфорам Гарландов; при нем эта фамилія (незнатнаго происхожденія) состояла из четырех братьев, между которыми и были раздѣлены придворныя должности. Из них особенно замѣчательным был Етиеппе или Стефан (архидіакон Парижа, декан Сан-Женевьевы), исполнявшій многія другія важныя церковныя должности, а потом — канцлером и в 1120 г. сенешалем. На другія должности он провел братьев. Таким образом цѣль, которую преслѣдовал король, была не вполнѣ достигнута, так как главныя должности находились в руках Гарландов. Они даже стали высокоомѣрно относиться к королю, и он рѣшил устранить их, что и совершилось в 1127 г. Это был своего рода переворот — всѣ Гарланды были устранены, и это устраненіе сопровождалось насиліем: Этьен был изгнан из дворца, ограблен, виноградники его уничтожены. Но Гарланды успѣли заpastись союзниками и началась упорная война. Благодаря поддержкѣ Бернгарда, который не одобрил Стефана, королю удалось побѣдить Гарландов, главным союзником которых был Амори Монфор, и они должны были смириться. В 1132 году Стефану Гарланду было возвращено канцлерство (но под условіем отказа от сенешальства), которое он исполнял до смерти Людовика VI. Примирительницей врагов была королева Аделаида, к посредничеству которой обратился Стефан. Через четыре года должность сенешала была передана графу Вермандуа; при Людовикѣ VII — Рауль Вермандуа, женившійся на сестрѣ королевы; послѣ его смерти — эта должность перешла к дому Шампанскому, а потом ее не замѣщали вовсе или оставляли почетныя функціи, а в 1191 г., при Филиппѣ Августѣ, она была вовсе упразднена, так как представляла опасную силу.

Значительное положеніе принадлежало по должности канцлеру. Но ранѣе должно сказать нѣсколько слов о том учрежденіи, с которым канцлерство находилось в тѣсной связи — о королевской канцелярии, которая в свою очередь была связана с королевской капеллой. Еще при Каролингах при дворѣ была капелла; во главѣ ея стоял аббат монастыря de saint Magloire, а если король переѣзжал за Луару, в предѣлы Аквитаніи, то епископ Анжудемскій. Но и в других городах были особыя капелланы: в Буржѣ, Кампъенѣ, Ланѣ, Санлисѣ, Меленѣ, Фонтенебло. Они назывались коро-

левскими не только потому, что служили королю, когда он посѣщал эти города, но и потому, что получали содержаніе от королевскаго двора, которое было опредѣлено обычаем; когда же король или королева пріѣзжали в город, то они получали дополнительный оклад натурою и деньгами. В XI в. наблюдается установленіе архикапеллана. Значеніе его было велико, потому что он был духовником короля и мог вліять на него; к тому же члены капеллы, будучи лично извѣстными королю, были первыми кандидатами на епископскія мѣста; епископы же играли важную роль, а чрез это имѣл значеніе и архикапеллан, как их начальник. Значеніе капеллана и архикапеллана засвидѣтельствовано тѣм, что имена их в грамотах подписывались послѣ имени великих феодалов. Капелла была тѣсно связана с королевскою канцеляріей в том отношеніи, что личный состав капеллы был в тоже время составом и канцеляріи. Различались двѣ канцеляріи: одна дѣйствительная, которая осуществляла и вела дѣла, и другая почетная, которая опредѣленных обязанностей не исполняла; главою послѣдней считался архіепископ Реймскій, иногда архіепископ Парижскій; он назывался *summus cancellarius*. Глава же дѣйствительной канцеляріи не назывался *summus*, а *cancellarius*, иногда *apocrisarius*, *cartigraphus*, *signator*, а *comentariis*. При противоположеніи его архіепископу Реймскому, как почетному канцлеру, он назывался *subcancellarius*, при противоположеніи же своим подчиненным (*notarii*) — *protocancellarius*, *summus cancellarius*.

Под начальством канцлера находились *notarii*, один из них считался старшим и назывался *subcancellarius*, *vicecancellarius*.

Одною из самых важных обязанностей канцлера было храненіе королевской печати и наблюденіе за изготовленіем грамот (дипломов), которыя были тогда единственным видом и средством законодательной дѣятельности и управленія. Кромѣ того, он имѣл судебную власть, которую раздѣлял с сенешалем: послѣдній предсѣдательствовал в засѣданіях придворнаго суда при рѣшеніи свѣтских дѣл, канцлер — при рѣшеніи церковных вопросов.

К составу же администраціи принадлежат вообще придворные. Это был обширный состав лиц, которыя назывались общим именем: *domestici*, *palatini*, *curiales*, *familiares*, *consilarii*, *optimates palatii regni*, *laterales regis*, *regiae majestatis assessores*. Самыя названія эти свидѣтельствуют о их положеніи и значеніи: они составляли при особѣ короля постоянный совѣтъ, в котором обсуждались всѣ важныя дѣла по управленію. Но с конца XI вѣка замѣчается перемѣна в положеніи вещей: со стороны королевской власти обнаруживается стремленіе сузить круг лиц, входящих в

совѣтъ короля, болѣе вліятельными; образуется нѣчто вродѣ *consilium a secretis*.

Во главѣ этой придворной среды стояли люди вліятельные. Такую роль при Гуго Капетѣ играл Бухард, граф Корбейскій, Арнульф, епископ орлеанскій, а при Робертѣ II Гуго Бовэ и архіепископ Санскій Льетри, епископ орлеанскій Тьерри Фульберт епископ Шартрскій, в малолѣтство Филиппа I — Бодуэн V, граф Фландрскій, в концѣ XI в. и первые годы царствованія Людовика VI — Ив Шартрскій, при Людовикѣ VII — Сугерій. Это были главы совѣта, так сказать, предсѣдатели его. — Но кромѣ участія в совѣтах, как широких, так и тайных, придворным давались и другія порученія: они оформивали их, подписывали их не только как свидѣтели, но и как совѣтники. Кромѣ того, их посылали в качествѣ ревизоров, контролирующих администрацію. Они же принимали участіе и при судопроизводствѣ, входя в состав тѣх коллегій, которыя засѣдали при королевском дворѣ. При их помощи короли, особенно Людовик VII, в отдаленных частях домена собирали налоги, созывали провинціальныя собранія. Вообще они не только состояли при дворѣ, но и являлись органами высшаго государственнаго управленія. По этому с возвышеніем королевской власти замѣчается стремленіе короля удалить из дворца феодальные элементы и замѣстить их новыми. В XI вѣкѣ эти феодальные элементы представляют исключительную среду короля, и двор носит характер феодальный; но с конца XI вѣка в состав двора начинают входить новые элементы: при Людовикѣ VI церковники, при Людовикѣ VII. представители городов, а преемники его ввели еще легистов. Неудивительно, что аристократія была недовольна этим; отсюда — нареканія на придворных, клевета на них. Так при Людовикѣ VI про Генриха Лоренскаго говорили, что он рабскаго происхожденія. Эти нареканія иногда (а пожалуй и часто) были справедливы; при дворѣ сказывалась жадность, своекорыстіе, подкупность и т. п.

Областная администрація.

Областная администрація пользовалась двоякаго рода силами 1) феодалами и 2) чинами по назначенію короля. По идеѣ, всѣ феодалы считались как бы наслѣдственными должностными лицами, но пользоваться их услугами Капетинги могли с большим трудом. Если великіе феодалы иногда и помогают им, то это обуславливается или союзными отношеніями, или родственными; сознанія обязанности подчиненія не было, и все зависѣло от силы короля

и слабости феодала. Но если о свѣтских феодалах можно сказать, что они были сомнительными представителями королевской администраціи, то этого нельзя сказать о духовных представителях; они никогда не забывали об источникѣ своей власти и были непосредственными агентами королевской власти. Филипп I дѣлает предписанія аббату Сент-Реми, намѣстнику Реймской церкви, как своему чиновнику; разсматривая переписку епископа Буржскаго Петра с Сугеріем и Людовиком VII, получаешь впечатлѣніе, что они писаны чиновником своему начальству.

Но помимо свѣтских феодалов и духовных лиц, была и своя администрація, особенно в предѣлах домена. Такими чиновниками были *praepositi*, *prévôts*. В первый раз упоминается о них в грамотѣ Генриха I по поводу *prévôt* г. Этампа, но есть основанія думать, что они были и раньше и возникли около половины XI в. Происхожденіе этой должности было частное, вотчинное; у королей были собственныя владѣнія, которыя эксплуатировались ими самими; для управленія ими и были назначаемы *prévôts*, но потом к этим обязанностям присоединились и государственныя обязанности. С теченіем времени среди них замѣчается стремленіе к наслѣдственной передачѣ своей должности, и короли начинают принимать мѣры к ослабленію прево (*prévôts*), чтобы они не превратились в новую знать: назначать по нѣсколько прево в один округ. Округа Парижскій, Санскій, Этампскій, Орлеанскій, Буржскій — имѣли по два или по три чиновника этого имени. В качествѣ помощников к ним назначались *vicarii* (или *viarii*); власть они имѣли в предѣлах городских территорій.

Второстепенными агентами их были *bedelli* (вродѣ педелейчины полицейской службы), *asculatores* (чины суда), *thelonearii* (сборщики пошлины за мѣсто на рынкѣ), *monetarii* (надзиратели монетной регалии), *forestarii* (лѣсные стражники). В качествѣ администраторов употреблялись *bailivi*; они были в роли низшаго персонала и назначались по усмотрѣнію *prévôt*. Кромѣ того, в мелких округах, деревнях, были своего рода приказчики, которые назывались *maiores*, *ministri*, *servientes* (*ministeriales*, *officiales*). Кое гдѣ сохранялись и начальники гарнизонов, укрѣпленных мѣст-кастеляны, но с XII в. они исчезают. Тоже должно сказать и о виконтах: кое-гдѣ они остаются, но с первых годов XI в. исчезают. Словом замѣчается переживаніе традицій Каролингскаго періода и появленіе новых должностей, которыя вырастают на почвѣ частновотчинной. Прево в управленіи были преемниками графов Каролингской эпохи; они исполняли финансовыя обязанности по эксплуатациі королевских доменов и собиранію доходов: они были и

судьями, несли полицейскія обязанности; они должны были ловить воров и разбойников, собирать ополченіе, вершить суд, иногда даже над рыцарями и т. п. Характерною особенностью этой должности является двѣ тенденціи: 1) вступить в борьбу с конгрегаціями церковными в цѣлях расширенія юрисдикціи и своих прав; 2) стремленіе сдѣлать должности свои наслѣдственными. Короли, по видимому, сначала ничего не имѣли против этого, но с теченіем времени было признано, что при наслѣдственности они превратятся в новую феодальную аристократію, вслѣдствіе чего начинается борьба с наслѣдственностью. В этом отношеніи и в грамотах, выдаваемых по случаю назначенія, обыкновенно говорилось, что не может быть и рѣчи о наслѣдственности. А так как в нѣкоторых мѣстах она уже осуществилась, то боролись двойкою: 1) предоставленіем больших прав церковным учрежденіям и 2) предоставленіем привилегій городам Орлеану, Буржу, Этампу и др. (им давалось право управленія чрез выборных, чѣм, конечно, умалались права прево).

Законодательная дѣятельность.

По воззрѣніям современников и самих королей, королю принадлежит законодательная власть. — Так Рихер (IV, 12) говорит о королѣ, как признанном законодателѣ. Эта законодательная дѣятельность короля проявлялась не в созданіи сводов законов, а выражалась опубликованіем грамот, которыя и являются первыми законодательными памятниками; онѣ называются *regale decretum*, *edictum regalis imperii*, *altitudinis* или *auctoritatis nostrae praeeptum*, а с Людовика VII *scriptum*, *pagina*, *carta*. Первоначально онѣ составлялись по тѣм же формам, как и в каролингскую пору, но потом, замѣчается упрощеніе их; при Людовикѣ VII онѣ пишутся по болѣе простым формам. При первых Капетингах эти грамоты имѣют не общій характер, грамот общегосударственнаго характера нѣтъ: первые акты такого рода — ордонансы появились при Филиппѣ Августѣ.

Органом королевской законодательной дѣятельности была *curia regis* (*cour de roi*). По распространенному мнѣнію, двор Капетингов ничѣм не отличался от двора крупных феодалов; при дворѣ присутствовали всѣ тѣ, кто обязан был к этому по феодальному праву (Пардесю). Люшер отвергает это мнѣніе; он говорит, что капетингскія собранія состояли из лиц духовнаго и свѣтскаго чина, которыя давали королю присягу не феодальную, а *juramentum fidelitatis*, которая давалась королю, как государю, а не как феодалу. Отсюда Люшер выводит заключеніе, что двор Капетингов нельзя

отожествлять с двором феодальным, а можно приравнивать ко двору Каролингскому. Обязанности являющихся ко двору короля выражались двумя терминами: *consilium et auxilium*. Гуго Капет писал архіепископу Санскому: „не желая ни в чем злоупотреблять властію, мы передали всѣ дѣла государства нашим вѣрноподданным на разсужденіе и совѣтъ“. Он же говорит о совѣтѣ и помощи от архіепископов, епископов, свѣтских лиц, которыя обязаны были ему подчиненіем, как представителю королевскаго авторитета. В XI вѣкѣ эти собранія созывались довольно часто: не проходило мѣсяца, чтобы не было собранія общаго или провинціального. Поэтому двор был полон великими и малыми феодалами, но с конца XI вѣка происходят в составѣ двора измѣненія: исчезают представители феодальнаго міра; в замѣн их появляются новые элементы, которые и организуют тот совѣтъ, о котором мы говорили. — Но были и государственныя собранія (*curia, consilium, conventus colloquium*). Иногда во вниманіе к тому, что на сеймѣ или государственном собраніи присутствовали лица духовнаго званія, их называли *synodus*: во вниманіе же к занятіям судебными дѣлами — *placitum*. Собранія различались: общія (*les cours générales*) и провинціальныя (*le curs provinciales*), при чем первыя назывались иногда торжественными (*solennelles*), а вторыя-обычными (*ordinaires*). На эти собранія являлись чаще духовныя лица, чѣм свѣтскія, и собирались они обыкновенно на церковной территоріи Реймской или Санской. Нѣкоторые архіепископы выговаривали себѣ право не посѣщать всѣх собраній. Так, архіепископ Руанскій заключил с Филиппом I сдѣлку, в силу которой мог посѣщать собранія только один раз. Из свѣтских лиц на собраніях появлялись вассалы областей Парижа, Вексена, Этампа, де-ля-Бри, Орлеана, Бовэ, Валуа; появлялись и болѣе значительные феодалы: графы Фландріи, Вермандуа, Шампани, Неверскій, Блуа. Заслуживает вниманія, что при первых четырех Капетингах чаще появлялись великіе феодалы; чѣм при послѣдующих (герцоги Нормандскій, Бургундскій, Аквитанскій, графы Бретани, Анжу и Оверна), а при Людовикѣ VI и Людовикѣ VII их не было.

Для созыва собранія употреблялись термины: *convocare, evocare, aducare, coadunare, aggregare, congregare*. Каждый из высших феодалов получал приглашеніе (*submonitius*), которое было извѣстно под именем *commonitorium* или *commonitoriae litterae* (пригласительное увѣдомленіе). В них прежде всего обозначалось мѣсто собранія, а потом срок (*dies, terminus*). Подобныя же пригласительныя письма посылались и к архіепископам, к епископам же не посылались; они получали приглашеніе уже от архіепископа. К посѣщенію госу-

дарственных собраний в это время большого желанія не обнаруживали (как и в предшествующее время), больше интересовались дѣлами мѣстными и отыскивали предлоги законные и незаконные в цѣлях избѣжать посѣщенія их. Законными предлогами считались: 1) нездоровье, 2) опасное положеніе страны, 3) опозданіе письма, 4) обязанность быть на другом собраніи и др. Неявившихся рассматривали как ослушников. Главным мѣстом собраний были территория Реймсская и Санская, а частіе: Париж, Суассон, Орман, Кампъен, Санлис, Лан, Бовэ, Этамп, Бурж, Шартр, в XII же вѣкѣ чаще всего в Парижѣ. Прежде в Каролингскую пору, собранія происходили осенью или весною, теперъ иначе — они приурочиваются к праздничным дням: обычно они созывались на Рождество Христово, Пасху, Троицу, иногда и в другіе сроки. Обыкновенно в год было не меньше трех больших собраний, не считая обыкновенных — малых.

Что касается компетенціи сеймов, то она была чрезвычайно обширна; можно сказать, что вѣдомству их подлежало все: на нем рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, вообще всѣ важныя дѣла внѣшней и внутренней политики, не исключая вопросов о доктринах церковных и дисциплинѣ. О порядкѣ засѣданій мы мало знаем, потому что протоколы засѣданій не сохранились. Есть только свѣдѣнія о собраніи в Этампѣ 1147 г., созванном для рѣшенія вопроса о крестовом походѣ и учрежденіи регентства на время отсутствія короля. Собраніе открылось 16 Февраля в Этампѣ. Первый день был посвящен церковным церемоніям и ознаменовался тѣм, что на засѣданіи присутствовал Св. Бернард, читали письма, присланныя иностранными владѣтелями, и принимали послов. Особенно внимательно выслушали послов Рожера, короля Сицилійскаго. Во 2-ой день разсуждали о маршрутѣ и опредѣлили его, а на 3-ій день послѣ рѣчи Св. Бернарда занялись вопросом о регентствѣ (*de regni custodia*). Сначала собраніе предоставило выбор регентов королю; когда же он отказался, то выбрали Сугерія и графа Неверскаго (*voici nos deux glaives*), за отказом же послѣдняго Рауля Вермандуа, родственника короля. Эти данныя знакомят нас с засѣданіями. В общем засѣданія не были продолжительны; сессіи ограничивались 1—2—3 дневным, рѣдко недѣльным сроком.

Характер собраний выясняется еще тѣм, что для Капетингов Лекція X. невозможно было дѣйствовать одним, не опираясь на поддержку извѣстных слоев общества, но, с другой стороны, они не были учрежденіем обязательным и опасным для королевской власти по разным причинам: 1) король созывал кого хотѣл; 2) собранія не

имѣли инициативы, обсуждая только тѣ вопросы, которые предложены, и 3) на засѣданіях не примѣнялось правильного голосованія, так как присутствовавшіе высказывали только свое согласіе, сентенцію, но окончательное рѣшеніе всегда зависѣло от воли короля. В крайнем случаѣ, когда король мог опасаться не утверженія своих предложеній, он мог обратиться только к так называемому „узкому“ собранію, к своим придворным.

Измѣненія в организациі этих собраній относится к концу XII в., когда онѣ замѣняются совѣщаніями с лицами, входившими в состав двора.

Судебная власть короля.

Судебная власть короля никогда не подвергалась ограниченіям; не только в доменах, но и в областях суд совершался от его имени. С другой стороны, так как король был главою феодальнаго общества, то и суд феодальный подлежал королевской юрисдикціи. Таким образом, как и во всѣх других учрежденіях этого періода, и в королевской юрисдикціи мы видим два источника — государственный и феодальный. Можно сказать, что королевской юрисдикціи подлежали всѣ классы общества, но особенно церковныя дѣла. Жалобы епископов и аббатов на королевских лиц, а равно и послѣдних на первых, являются обычными процессами королевскаго суда. Кромѣ того, королевская власть стремилась и к тому, чтобы вести процессы и великих феодалов, подчинить их споры своему суду. Так в 1152 г. такая попытка была сдѣлана по отношенію к Генриху II Плантагенету: но этот процесс был чисто формальный, потому что вскорѣ же началась война. С XII в., когда власть короля крѣпнет, мы видим болѣе частое вмѣшательство в дѣла территорій великих феодалов. Так как к подобному вмѣшательству сочувственно относилось населеніе, то это привело к тому, что и великіе феодалы начинают подчиняться королевской юрисдикціи. С XII в., когда начинается рост городов, всѣ процессы горожан также разсматриваются в королевских судах. Это стремленіе королевской власти к широкому распространенію своей юрисдикціи встрѣчало противодѣйствіе как со стороны крупных феодалов, так и церковных владѣтелей. Первые указывали на свою неподсудность королю, ссылаясь на то, что они в судебном отношеніи подлежат арбитражу, третейскому суду. Так, Генрих II в 1158 г. указывает (по поводу спора с Тибо Блуасским), что только такой суд примѣним к крупным феодалам. Но это были уже послѣдніе

отголоски феодальных традицій. С другой стороны, оказывалось сопротивление и церковными владѣтелями, которые ссылались на каноническое право, по которому церковныя дѣла подлежат вѣдомству церковному. Так, Ив Шартрскій писал Филиппу, что дѣла должны разбираться *vel in ecclesia, si ecclesiastica sunt negotia; vel in curia, si sunt curialia*. Но не смотря на поддержку таких церковных авторитетов, как Св. Бернад, и церковники должны были уступить. Принимая же еще во вниманіе то обстоятельство, что королевскій суд обращается в апелляціонную инстанцію, можно заключить, что во Франціи в XII в. ничто не ускользало от королевской юрисдикціи.

Персонал суда был тот же, какой дѣйствовал в вѣдомствѣ административном и законодательном. Этот персонал в отношеніи к суду получает названіе *parlamentum placita et audientia*, но с XIII в. преобладает *parlamentum*. Что же касается мѣст пребыванія суда, то суд долго не имѣл опредѣленнаго пункта (как и в Англии, Германіи). Чаще всего он собирался в королевских городах (*dans les vieles á palais*) каковы: Париж, Суассон, Лан, Санлис, Орлеан, Этамп, Мелен, Кампъень, Бурж. Первоначально засѣднія суда приурочивались к большим праздникам, как и в Каролингскую пору — Пасхѣ, Рождеству, Троицѣ.

В составѣ суда с XII в. различаются нѣкоторыя лица, имѣющія особое значеніе. Они называются „*par*“, „*pares*“, „*pairs*“. Такими „пѣрами“ считались крупные феодалы: 6 свѣтских: герцог Нормандскій, Бургундскій, Аквитанскій, графы Тулузскій, Фландрскій и Шампанскій, и 1 церковный — архіепископ Реймскій; но они принимали участіе в засѣданіях только тогда, когда процесс шел против одного из них.

Число судей с точностью опредѣлить нельзя: оно измѣнялось сообразно с обстоятельствами и зависѣло от того, когда, гдѣ и по какому поводу происходил суд. Предсѣдателем его всегда считался король, если же он не мог, или не желал присутствовать, то коронованный сын или королева, за отсутствіем же их сенешаль, канцлер, иногда прево г. Парижа (в маловажных дѣлах). Что касается измѣненій в процессуальном порядкѣ сравнительно с Каролингским періодом, то их трудно с точностью опредѣлить; можно подчеркнуть только нѣкоторыя. Так, большое значеніе приобретает не только формальное право, но и письменные документы, хотя не исключаются и свидѣтели; с другой стороны, устраняются пережитки старой организаціи, исчезает „суд Божій“ и та его разновидность, которую можно назвать дуэлью, судебным поединком в XII в.

Классы населенія.

На первом мѣстѣ по юридическому и социальному положенію стоял феодальный класс. К нему король относился двояким образом: как глава его, сюзерен, а, с другой стороны, он имѣл к нему касательство и как монарх. Это осложнялось еще отношеніями короля к феодальному строю — его борьбою с феодализмом. В сущности усѣхи королевской власти в этой борьбѣ были незначительны: принцип наслѣдственности с теченіем времени получал все болѣе и болѣе значенія. Прежде разсматривали восшествіе на престол Гуго Капета как триумф феодальной системы; король будто бы признал принцип наслѣдственности феодалов. Но в дѣйствительности нѣтъ никаких основаній для этого предположенія; если и было дано Гуго Капетом обязательство, то только по отношенію к народу и церкви, которая в сущности была хранительницей королевскаго могущества и болѣе всѣх способствовала его возвышенію; но это обязательство не касалось феодальных слоев. Гуго Капет передал своим преемникам тѣ остатки власти, которые сам получил; развитіе феодализма продолжалось. Эта эволюція его выразилась в том, что возникает идея, по которой каждый вымороченный лен может перейти только к вассалу, но не к сюзерену. 12 лѣтъ потребовалось королю Роберту, чтобы укрѣпить Бургундію, которою владѣл его дядя, за сыном Генрихом. С теченіем времени короли устранили эту идею, особенно по отношенію к малым ленам, гдѣ король пользовался правом усваивать эти лены. С другой стороны, эволюція феодализма выражается в том, что феодалы стали распоряжаться своими феодами по своему усмотрѣнію; с этим направленіем королю было бороться труднѣе; оспаривалось даже право короля озабочиваться замѣщеніем вакантнаго лена представленіем кандидата. Населеніе Фландріи заявляло Людовику VI: „графство Фландріи не обязано по отношенію к королю Франціи ничѣм, кромѣ принесенія *homage*’а, и король не имѣет права распоряжаться дѣлами управленія по своему усмотрѣнію.

С другой стороны, важна политика Капетингов по отношенію к вассалам. Извѣстно, что королю были подчинены в феодальном отношеніи владѣтели Нормандіи, Аквитаніи, Фландріи и др. и мелкіе феодалы Иль-де-Франса. Но великіе феодалы могли имѣть своих вассалов, которые находились в непосредственной зависимости от этих владѣтелей, но не от короля. Такая медиатизація была не в интересах короля, и королевская власть старается подчинить непосредственно себѣ этих подвассалов. Но попытки такого рода не всегда были удачны; на территоріях крупных фео-

далов рѣдко удавалось достигнуть успѣха, хотя и в этом отноше-
 нии кое-что удалось достигнуть. Так, в предѣлах Аквитаніи, хотя
 Оверн был леном Аквитанскаго герцога, тѣм не менѣе Людовик
 VII старается осуществить право разсмотрѣнія дѣл Оверна на своем
 судѣ. Этому противодѣйствовал Генрих II Плантагенет, как гер-
 цог Аквитанскій, который упрекал Людовика VII в том, что он за-
 хватил графа Овернскаго и держит его под стражею, хотя граф и
 не прямой вассал короны. В этом случаѣ Генрих продолжал прак-
 тичу своего предшественника Вильгельма IX, который говорил Лю-
 довику VII: „граф Овернскій держит Оверн от меня, как я от вас
 Аквитанію“, т. е. не подсуден королевскому суду. Но короли
 дѣйствовали рѣшительно и высказывались, что всѣ вассалы под-
 чинены королевской власти, выводя этот принцип из права госу-
 дарственного. И эта теорія уже в XII в. имѣла значительный ус-
 пѣх, а в XIII в. легисты провозгласили этот принцип, как принцип
 юридическій и согласный с общею пользою.

Всѣ феодалы обязаны были приносить королю двойную при-
 сягу — *hominium* (*hommage*) и *fidelitas* (*serment de fidelité*) и, с
 другой стороны, должны были нести службу: *servitium curiae* (*le*
service de cour) — обязанность являться ко двору для участія в
 засѣданіях и 2) *servitium militiae* (*le service militaire* — обязанность
 выставлать по требованію короля извѣстное количество конных
 воинов. Что касается исполненія этих обязанностей, то *servitium*
curiae несли только мелкіе вассалы и рѣдко крупные; из числа
 послѣдних при дворѣ короля не бывали графы Тулузскій и Бре-
 танскій. *Servitium militiae*, называясь *auxilium*, выражалась учас-
 тіем феодалов в королевских походах. В исполненіи ея были не
 всѣ одинаково ревностны. Замѣчательно, что до 1066 г. герцог
 Нормандскій в этом отношеніи был главной опорой Капетингов, с
 1066 г. его замѣнил граф Анжуйскій до половины XII в., а с этого
 времени усиленную помощь корона получала от графа Фландрскаго.
 Таким образом, не было времени, чтобы королевская власть не
 имѣла военной поддержки крупных феодалов. Неисполненіе этих
 обязанностей приводило к разрыву феодальных связей, но это об-
 стоятельство для крупных феодалов не имѣло значенія, вслѣд-
 ствіе чего короли и не настаивали на строгом соблюденіи службы.
 Но к разрыву феодальных связей вела идея пробудившагося на-
 ціональнаго чувства. Под ея вліяніем составила теорія, по ко-
 торой француз не может держать лена и присягать иностранцу,
 хотя на практикѣ допускалось и это (Генрих II Плантагенет имѣл
 лены на западѣ и югѣ Франціи). По этому поводу Сугерій вы-
 сказывал Людовику: „совершенно не слыхано и сверхъестественно,

чтобы француз был подчинен англичанину, или англичанин француз“.

Обязанность военной службы теоретически ни кѣм не отрицалась и на практикѣ иногда исполнялась. Жизнь выработала средній путь — опредѣлен был минимум службы: феодал должен был выставить отряд из 10 человекъ. Поэтому могло случиться, и это иногда случалось, что феодал находился в войнѣ с сюзереном и в тоже время посылал в лагерь врага отряд из 10 человекъ. Понятно отсюда, что короли принуждены были восполнять недостаток феодальных отрядов привлеченіем наемных войск. Такая практика замѣчалась при Людовикѣ VII, но особенно наемничество развилось при Людовикѣ IX.

Вторым слоем населенія было духовенство как свѣтское, так и монашествующее. Если феодализм злоупотреблял правом „бенефицій“, то церковь злоупотребляла правом иммунитета. Благодаря дѣйствию иммунитетов, образовались цѣлые округа, изъятые из администраціи королевской, а нѣкоторые и вовсе были изъяты от службы королевской. Но, с другой стороны, короли, в своей дѣятельности, как мы знаем, опираются на духовенство. Это содѣйствіе со стороны церковных сфер объясняется противоположностью церковнаго общества феодальному. Епископы и аббаты должны были искать себѣ союзников, а таким союзником мог быть только король. Поэтому духовенство и обращается к королю и со своей стороны оказывает ему помощь; церковное землевладѣніе было опорой королевскаго могущества и матеріальных средств еще и потому, что король к представителям его пользовался такими правами, которыя были не примѣнимы к феодальному обществу. Прежде всего, за смертію епископа или аббата открывалось вакантное мѣсто, замѣщеніе котораго возможно было только с утвержденія короля. За все же время вакантности всѣ доходы каѳедры поступали в пользу короля; при чем первоначально король располагал правом даже брать все имущество умершаго. Далѣе, самое замѣщеніе вакантной каѳедры являлось доходной статьею для короны, потому что, хотя выборы и основывались на канонических правилах, но в дѣйствительности в капитулах рѣдко было единогласіе, а это давало королю возможность вмѣшиваться в выборы в пользу того, кто был любезен ему; любезность же эта зависѣла всецѣло от даров кандидата.

Вслѣдствіе этого каноническіе выборы и превращаются в формальность, и капитулы иногда прямо обращаются к королю с просьбой назначить замѣстителя (во избѣжаніе лишних расходов). Отсюда — всѣ епископскія и аббатскія мѣста даже внѣ домена коро-

левскаго замѣщаются членами королевской капеллы, людьми известными королю и преданными ему. Крупные феодалы старались оспаривать эти права короля, но претензіи их (за исключеніем, может быть, герцога Нормандскаго) не имѣли успѣха.

Монашествующее духовенство еще болѣе было предано королевской власти, чѣм епископы. По отношенію к монастырям, короли пользовались правом назначать свѣтских аббатов (*abbes laïques*), которые управляли аббатством и получали доходы, а для управленія общиной назначали пробстов (*praepositi*). Впрочем этот обычай назначенія свѣтских лиц с теченіем времени исчезает под вліяніем так называемаго кляуіискаго направленія. Это направленіе дружило обыкновенно с папой, но во Франціи кляуіицы дружили также и с королем, чтобы обезопасить себя от сильных феодалов. Дружба эта была выгодна для обѣих сторон: кляуіицы добились того, что короли перестали назначать свѣтских аббатов (*laïcisation*), короли же приобрѣли себѣ в кляуіицах вездѣ людей преданных, поддерживавших королевскіе интересы.

Вообще, можно сказать, что долго одно только духовенство было опорой короля, но с Людовика VII такою же опорой монархической власти становится народный класс.

Среди ученых, которые занимались вопросом об отношеніи Капетингов к народным классам, одни, как Августин Тьерри, занимались и изслѣдовали коммунальное движеніе, другіе, как Гизо, расширили рамки этого изученія, привлекая к изученію всѣ формы и виды городского движенія. Происхожденіе и развитіе буржуазіи естественно становились важными предметами историческаго обслѣдованія, — когда этот класс населенія со времени французской революціи приобрѣл во Франціи первенствующее политическое значеніе. Но теперь соціально — политическая проблема ставится еще шире: всѣ классы народные имѣют право на вниманіе историков.

Народная масса дѣлилась на людей несвободных. Но между ними было много градацій, которыя незамѣтно сближали их: это была своего рода лѣстница, на самом низу которой находился класс особенно многочисленный — *servi, mainmortablès*. Это названіе прилагалось к ним потому, что они не имѣли права распоряжаться своим имуществом. Второю характерною чертою этого класса было то обстоятельство, что он подлежал обложенію согласно желанію землевладѣльца (*taillables à volonté*).

Между людьми, пользовавшимися большею или меньшею свободою, было нѣсколько категорій: 1) *hospites (les hôtes)* — деревенскіе поселенцы на землях, предназначенных к разработкѣ;

2) жители новых городов (*les habitants des villes neuves*); 3) горожане привилегированных городов и 4) выше всѣх жители коммун, которые становились третьим классом тогдашняго общества. *Servi* с теченіем времени исчезают. Причиною этого явленія было то обстоятельство, что, с установленіем порядка в странѣ, развивается колонизаціонное движеніе, начинают разрабатываться пустопорожня мѣста. В такія мѣста бѣгут *servi*, при чем право их на переселеніе не интересовало землевладѣльцев, для которых были важны только рабочія руки. С другой стороны, землевладѣльцам важно было удержать сервов на своих землях. Чтобы сосѣдніе предприниматели не переманивали этих сервов к себѣ, то по необходимости приходилось улучшать их положеніе. Под вліяніем этого колонизаціоннаго движенія сервы исчезают, а там, гдѣ остаются, их положеніе измѣняется к лучшему: сервы нѣкоторых округов получают привилегіи, как напримѣр, право распоряжаться своим имуществом. Но, с другой стороны, короли капетингскіе, способствуя освобожденію церковных сервов, в то же время своих удерживали в прежнем положеніи. Так, короли издают грамоты, запрещающія землевладѣльцам и городам, под угрозой штрафа, принимать королевских сервов; запрещают принимать их в военную службу, потому что это вело к их освобожденію. Тѣм не менѣе, серваж исчезает под вліяніем колонизаціоннаго движенія, положеніе же оставшихся в рабствѣ улучшается, — они получают право свободно вступать в брак (при чем могуція возникнуть при браках сервов различных синьоров недоразумѣнія устранялись и предусматривались так называемым *contractus conjugium*) и таким образом они приближаются к классу полусвободному. К числу послѣдних относятся *hospites*. Герар полагает, что всѣ *hospites* в общем пользовались свободой, ходили даже на войну, но это не была полная свобода. В этом разрядѣ были люди с различными правами: одни отличались от сервов тѣм, что могли передавать свободно по наслѣдству свое имущество, а другіе имѣли всѣ гражданскія права, т. е. были люди свободные. Бѣдность языка средних вѣков не давала возможности останавливаться на всѣх различіях этого соціального состоянія, которое извѣстно под общим именем *hospites*. *Hospites* платили налоги денежные и натуральные, обязаны были военной службой. Развитіе новых поселков выразилось в том, что Людовик VI мог располагать значительными военными силами, собранными из этих поселеній. С другой стороны эти поселенія, достигая болѣе значительных размѣров и богатства, обращались в города, которые назывались *villes neuves* или *villes Franches*. Особенно успѣшно стали основываться эти города боль-

шими аббатствами, которыя с XI в. начали открывать убѣжища (asilles) и привлекать в них население, давая ему разныя привилегіи; эти азилы и превращались с теченіем времени в новые городскіе центры. Такое происхожденіе городов подтверждается и сохранившимися названіями: *ville neuve-le Roi en seno nais*, *ville neuve près Compiègne*, *ville neuve-d'Etampes près de Montfaucon*.

Это движеніе конца XI и особенно XII в. привело к тому, что народныя массы сблизились с королевскою властію, потому что онѣ старались заручиться привилегіями со стороны королей, которые в данном случаѣ были очень щедры; благодаря этому и возник тѣсный союз короля с народом; и постепенно эти поселенія поступили в непосредственную зависимость от короля.

Завершеніем этого освободительнаго движенія является коммунальное движеніе. Под именем коммун разумѣлись новые, а иногда и старые города, получавшіе право самоуправленія, которое коренилось на союзѣ всѣх жителей и присягѣ; они представляли настоящія синьоріи, организованныя по военному. Но королевская власть XII в. не оказывала содѣйствія их возникновенію: онѣ возникали из экономических причин — развитія торговли, промышленности и были завершеніем освободительнаго движенія. Романская теорія, представителями которой являются Дюбо, Рейнуард и Вотер видѣла корень этих коммун в учрежденіях старинной римской муниципіи и объясняла возникновеніе коммун непрерывной передачей этих муниципальных римских традицій. В настоящее время эта теорія оставлена, потому что в актах, относящихся к великим коммунам (Пикардіи, Иль-де-Франса) мы не видим существованія римских традицій. Еще менѣе может быть принята теорія Семишона (Sémichon), который старается вывести возникновеніе коммун из учрежденія порядка церковнаго — из института мира Божьяго. Но эта теорія основывается на сходствѣ терминов: хроники и грамоты иногда означают эти два института одними и тѣми же названіями: „*ra*, *commune*“, „*racis*“, „*institutio racis*“, но по существу эти учрежденія различны. Оказывается даже, что церковь всегда враждебно относилась к коммунальному движенію; самое слово: коммуна — стало для церкви ненавистным словом. Гегелевская теорія (система Гегеля — сына извѣстнаго философа) выводит коммуны из церковных иммунитетов; основою ея служат изслѣдованія итальянских городов, гдѣ дѣйствительно иммунитеты играли значительную роль в этом отношеніи; но во Франціи было иначе, коммуны основывались не на иммунитетных землях. Наконец, есть еще теорія о германском происхожденіи коммун, представители которой Лео, Рот, отчасти Тьерри выводят их из германских традицій. Но и

эта теорія происхожденія коммун односторонняя, потому что к этому времени старая германская организація пришла в полное забвеніе. В дѣйствительности, главная причина движенія находится в связи с освободительным движеніем и была, как сказано, его заверше- ніем, а равно этому содѣйствовали причины экономическія: разви- тіе торговли и промышленности. Королевская власть не всегда одинаково относилась к коммунальному движенію: на своих землях она старалась подавить его, на церковных же и феодальных помо- гала ему, что было, конечно, в интересах королевской власти. Но Людовик VI движеніе это иногда подавлял и на церковных землях, иногда поддерживал; политика Людовика VII в этом отношеніи была болѣе послѣдовательная; Филипп же Август уже сознательно дѣйствовал в пользу коммун. На землях королевских даны были привилегіи Парижу и Лорису; привилегіи эти были ограниченныя и касались администраціи, торговли и промышленности.

О правах коммун можно судить по королевским грамотам; онѣ различаются между собою по характеру и содержанию. Во всяком случаѣ это не статуты, устанавливающіе организацію той или иной общины; онѣ касаются только нѣкоторых частныхъ. Так, в них говорится о возникновеніи так называемой коммуналь- ной связи, устанавливаются судебныя права городских чиновников, опредѣляются размѣры штрафов, даются гарантіи против внутрен- них и внѣшних врагов.

Нужно еще замѣтить, что для возникновенія коммуны требова- лось согласіе короля, и что круг ея дѣйствія ограничивался городом, а не выходил за его предѣлы. Онѣ могли, впрочем, принимать к себѣ посторонних, и всякій прожившій в коммунѣ год и один день становился свободным (королевских сервов это не касалось). Во- обще онѣ имѣли значительныя права, но эти права были различны для каждой коммуны.

Исторія Германіи в средніе вѣка.

II семестръ
1904 года

Лекція I.

Когда начинается исторія Германіи, как отдѣльнаго государ- ства, — точно указать нельзя, как невозможно вообще точно ука- зать начало того или другого историческаго явленія. Если бы рѣчь шла о германскомъ племени, т. е. о том, когда оно явилось на исторической сценѣ, то дѣло было бы иное. Тогда возможно было бы указаніе точной хронологической даты. Но вопрос о том — когда образовалось или возникло Германское государство, не можетъ имѣть такого точнаго рѣшенія.

Германское государство возникло из распада монархии Карла Великого. Под влиянием разнообразных внутренних и внешних причин монархия Карла Великого постепенно распалась, и из нее выдѣлились Франция, Германия и Италия — крупные этнографические части. Этот процесс выдѣления совершался от половины IX-го и до первых десятилѣтій X вѣка. Необходимо остановиться на этом переходном периодѣ. Источниками для изучения этого времени являются Фульдские анналы (*Fuldenses annales*), собственно их продолженіе (863—901 г.) и хроника Регинона, аббата Прюмского (доведена до 906 г.). Эти источники помѣщены въ 1-м томѣ коллекціи „*Monumenta Germaniae Historica*“. Есть и новое издание Курца (in —8). Из историко-литературных произведеній, имѣющих отношеніе к данному периоду, слѣдует указать на труд Эрнста Дюмлера „*Geschichte des Ostfränkischen Reichs*“ (въ составѣ коллекціи „*Jahrbücher des Deutschen Geschichte*“), два изданія: первое изданіе, въ двух томах, вышло въ 1862—1865 годах, а второе, въ 3 томах, въ 1887—88 г. Сочиненіе это представляет нѣчто переходное от лѣтописи къ историко-литературному труду. Задачею автора было собрать по отношенію къ каждому году исторические тексты и высказанныя учеными мнѣнія, подвергая их критическому обслѣдованію. Таким образом, по характеру самой задачи автору приходилось имѣть дѣло съ обширным историческим матеріалом; потому въ трудѣ Дюмлера можно найти богатые указанія на источники и на литературу. Другой важный труд: Леопольда Ранке „*Weltgeschichte*“, 6 Theil („*Zersetzung des Karolingischen Begründung des Deutschen Reichs*“, 4 изд., 1891).

Источники
и литера-
тура

В половинѣ IX в., послѣ Верденскаго договора, коим началось раздѣленіе монархii Карла Великаго, Франкское государство подвергалось опасности вслѣдствіе нападенія на него, съ одной стороны, норманнов, а съ другой — славян. О норманнах современники говорят (*equis evecit more nostrorum*), что они не только умѣли хорошо ѣздить по морю, но и хорошо сражались на сушѣ. Другая опасность исходила от славян. Земли славян шли съ сѣвера до юга вдоль Эльбы, Заала, Баварскаго лѣса и на югъ по Дунаю. Нападенія норманнов и славян заставляли германцев стремиться къ сплоченію. Это стремленіе не позволяло рѣзко развиваться внутренним процессам разъединенія и сепаратизма. Процессы же разъединенія коренились въ самом социальном строѣ. Среди других классов населенія выдѣлялись аристократы — *optimates et seniores*. Они были крупными землевладѣльцами и капиталистами и прилагали усилія къ ослабленію и порабощенію сельскаго населенія. Аристократія эта сталкивалась какъ съ королевскою властью,

так и с народными силами и вообще представляла элемент разложения.

Администрація Карла Великаго и его преемников — графы и епископы — также не стояли на должной высотѣ. Административныя лица притѣсняли населеніе и стремились к личному обогащенію во вред общественному благу. Эта администрація набирались из аристократіи. Зло ослаблялось бы, если бы аристократія, стоя во главѣ общества, являлась выразительницею высших духовных интересов. Но этого не было. Епископ Рабан Мавр представлял исключеніе. Опасности для государства усиливались еще болѣе оттого, что правители отдѣльных частей дѣйствовали далеко не единодушно. Они вступали друг с другом в соперничество. Правда, были со стороны высшей власти попытки создать единодушіе. Для этого устраивались съѣзды, именуемые сеймами (подобные русским княжеским съѣздам). Послѣ Верденскаго такой съѣзд был устроен в Тіонвиллѣ на Мозелѣ. Сюда съѣхались: Лотарь, владѣтель Италіи и Лотарингіи, Карл Лысый, западный государь, и Людовик, повелитель восточной части Франкской имперіи. Они рѣшили избѣгать всяких столкновеній, не давать убѣжища клеветникам, помогать друг другу в борьбѣ с внѣшними и внутренними врагами. Но это были обязательства чисто теоретическія. Они не предотвратили вооруженных столкновеній.

Людовик
Нѣмецкій.

Среди братьев выдавался своими качествами Людовик Нѣмецкій. Он был средним и самым любимым сыном Людовика Благочестиваго. Официальный титул его был — король Баварскій; иногда он именовался — король восточных франков (rex orientaliū Francorum). Названіе Нѣмецкаго он получил потому, что под его властью жили главным образом нѣмцы. Как правитель Германіи, Людовик Нѣмецкій имѣл пред братьями и преимуществами и неудобства. Преимущества заключались в том, что в восточной части болѣе сохранился патриархальный бытъ. Тут была еще масса свободных людей, тогда как на западѣ число свободных людей значительно уменьшилось. На западѣ феодализм порвал связь между королем и народом. Между ними образовались промежуточная ступень, которую составляли синьоры (seniores). В восточной же части связь между королем и народом еще сохранилась. Но эти преимущества, проистекавшія от болѣе сохранности стариннаго быта, уравновѣшивались затрудненіями, неизбѣжными при данных условіях: приходилось считаться с отсталостью культурной. В восточной части Франкской имперіи слабо была развита торговля и промышленность. Здѣсь было мало городов. Города имѣлись

только по Рейну и Дунаю. С другой стороны, вслѣдствіе господства патріархальных условій, в восточной части сохранилось в полной силѣ племенное начало, что в меньшей степени наблюдалось на западѣ. В предѣлах государства Людовика Нѣмецкаго насчитывалась масса племенных групп: Аллемане, Швабы, Баварцы, Франконцы, Тюринги, Саксонцы. Племенной быт был так силен, что не было даже термина, который объединял бы всѣ эти племена. Правда, существовал термин „teutonicus“, но он относился болѣе к языку, чѣм к населенію. В связи с племенной рознью находится крайнее недоброжелательство южных племен к сѣверным. Основывалось это на культурных соображеніях. Южныя племена — Баварцы, Алемане и др., — по культурѣ превосходили сѣверных — Тюрингцев и Саксонцев. Сѣверныя племена были в глазах южных *barbari, bruti, Orte doloque tamen callentes*. Неудивительно что при таком недоброжелательствѣ южане обвиняли сѣверян и в нравственных недостатках, называли сѣверян коварными, дышащими всяким коварством. Но, под вліяніем давленія со стороны норманов и славян, уже в это время среди германских племен начинает зарождаться идея объединенія. Эта идея имѣет корень не в этнографической области, а в религіозной. Противопологая себя язычникам (славянам и недавно сдѣлавшимся христіанами Датчанам), германскія племена могли придти к сознанию единства. Но идея объединенія только зарождалась; в дѣйствительности же царило разьединеніе. Каждое племя стремилось к обособленію, находя осуществленіе этого в организаціи герцогств. В половинѣ IX в. герцогств была цѣлая масса, их было столько, сколько было племен. Короли щадили герцогскую власть, дабы не произошло еще большаго распаденія. Людовик Нѣмецкій, хотя и имѣл преимущества пред братьями, но в то же время он должен был считаться и с неудобствами — необразованностью и малокультурностью своих подданных, отсутствіем единенія, и т. п. Среди своих братьев он отличался наибольшою даровитостью. По образованію он не уступал наилучше образованным людям того времени, с интересом читал богословскія сочиненія Рабана Мавра, епископа Майнцакаго, и архіепископа Реймссакаго Гинкмара. По убѣжденіям своим он был истый франк. Франком был он по костюму, образу жизни и поведенію. Столицею его был сначала Регенсбург (в Баваріи), а потом Франкфурт (на Майнѣ). Франкфурт в ту пору был не болѣе, как мѣстечко, жители котораго занимались перевозом. По дарованіям Людовика можно было думать, что ему многого удастся достигнуть. Но этого не случилось. Лотарь, правитель Лота-

рингии, стал подбивать Саксонцев отложиться от Людовика и подчиниться ему — Лотарю. Людовик при помощи одного из своих вельмож — Людольфа, сына Экберта, подавил возстаніе Саксов. Сто сорок два Сакса были при этом казнены и двѣнадцать повѣшены. Такая крутая расправа, постигшая преимущественно саксонскую знать, отразилась и на всей послѣдующей исторіи Саксов в смыслѣ удержанія среди них болѣе демократическаго склада жизни. Но если Людовику без особеннаго напряженія удалось подавить возстаніе Саксов, то во ви́шних дѣлах он не был так счастлив. В 845 г. норманскіе пираты напали на сѣверные предѣлы Германіи и пограбили окрестности Гамбурга. Гамбургскій архіепископ Анскарій бѣжал в Бремен и сюда перенес архіепископію. Борьбу с норманами Людовик поручил Людольфу Саксонскому (основателю Саксонской династіи). Людольфу удалось удержать норманцов от дальнѣйших завоеваній, но не удалось обезопасить окрестности Гамбурга. Еще менѣе удачны были отношенія Людовика к Славянам, жившим на востокѣ от Германіи. Вдоль восточныхъ границъ Германіи существовали марки, во главѣ которыхъ стояли маркграфы. Маркграфомъ Тюрингскимъ былъ Такульфъ, который долженъ былъ бороться с Сербами Лужицкими, жившими между Эльбою и ея притокомъ Зааломъ или, по — славянски, Саломъ. Другимъ пограничнымъ маркграфомъ былъ Эрнестъ. Онъ стоялъ во главѣ сѣверной марки (Nordgau в сѣверной Баваріи), и задачею его была борьба противъ Чеховъ и Мораванъ. При Людовикѣ борьба эта успѣха не имѣла. Походы при участіи самого Людовика были неудачны. Успѣхамъ в борьбѣ мѣшали неустановившіяся отношенія между братьями. Правда, в 847 и 852 гг. братья сѣзжаются в Мерсенѣ и даютъ взаимное обѣщаніе поддерживать *fraternitas* — братскія отношенія — и поступать по совѣсти. Но на дѣлѣ этого не было. Эгоистическія соображенія брали верхъ.

В 855 г. умираетъ Лотарь и распоряжается своими землями слѣдующимъ образомъ: старшему сыну Людовику онъ даетъ Италію, нѣкоторыя земли нынѣшней Швейцаріи и титулъ императора; второму сыну Лотарю — земли по Рейну, Мозелю и Маасу, и третьему сыну Карлу-Прованс и бассейну Роны. Раздѣлъ этотъ признанъ былъ дядьями, но они отнюдь не прочь были при удобномъ случаѣ вмѣшаться в отношенія племянниковъ. Раздѣлъ дома Лотаря имѣлъ то дурное послѣдствіе, что вмѣсто трехъ явилось пять правителей; и если трудно было уживаться тремъ, то пяти, конечно, тѣмъ болѣе. Трудно сказать, чтобы кто изъ братьевъ отличался особой завистливостью. Всѣ они при удобномъ случаѣ готовы были завладѣть частью другого. Старшіе сыновья умер-

шаго Лотаря — Людовик и Лотарь — были недовольны участіем в раздѣлѣ отцовскихъ владѣній младшаго своего брата Карла, который предназначался къ церковной карьерѣ. Дяди сначала, как и слѣдовало, защитили младшаго племянника. Скоро и дяди разошлись: в 858 году Людовик Нѣмецкій вторгается в предѣлы Карла Лысаго, который занятъ былъ в то время отраженіемъ норманов. Вторженіе это было совершенно неосновательно. „Настроеніе государей — говоритъ Регинонъ — проникнуто корыстолубіемъ и никогда не можетъ быть разгадано“. В отвѣтъ на нападеніе Людовика Нѣмецкаго Карл Лысый прошелъ с войскомъ до Лана. Однако, столкновенія из-за трусости Карла не произошло. Лотарь, племянникъ их, выступилъ посредникомъ между дядями. На заключеніи мира настаивали и архіепископы, съѣхавшіеся в Мецѣ. В 860 г. в г. Кобленцѣ между братьями (Людовикомъ Нѣм. и Карломъ Лыс.) подписанъ былъ мир. Условія Кобленскаго мира подтверждали Верденскій: братья обязывались довольствоваться своими долями и не посягать на доли племянниковъ. Черезъ пять лѣтъ договоръ этотъ былъ вновь подтвержденъ и расширен: братья обязывались помогать другъ другу не только в борьбѣ с внѣшними, но и с внутренними врагами. Но вотъ Людовикъ Нѣмецкій захворалъ. Не надѣясь на крѣпость заключенныхъ договоровъ, онъ рѣшилъ надѣлать трехъ своихъ сыновей. Старшему Карломану онъ даетъ Баварію, Каринтію и права на восточныхъ Славянъ; второму сыну Людовику Молодому — Тюрингію и третьему Карлу Толстому — Алеманію. Этимъ раздѣломъ Людовикъ Нѣмецкій не только обезпечивалъ дѣтей, но раздѣлъ этотъ шелъ также навстрѣчу стремленію племенъ къ самостоятельности. В это время одинъ изъ племянниковъ — Лотарь умираетъ. Когда вѣсть объ этомъ достигла Парижа, Карл Лысый, забывъ соглашеніе свое с Людовикомъ Нѣмецкимъ — раздѣлить Лотарингію пополамъ, двинулся в предѣлы Лотарингіи и 8 сентября 869 года короновался в Мецѣ. Этотъ захватъ вызвалъ неудовольствіе Людовика Нѣмецкаго. Оправившись отъ болѣзни, онъ двинулся черезъ Рейнъ на Ахенъ. Законными же наследниками Лотарингіи за смертью Лотаря были его братья — Людовикъ Итальянскій и Карлъ Прованскій. Сами Лотарингцы обнаружили полное равнодушіе къ открывшемуся соперничеству. Вельможи лотарингскіе даже считали удобнымъ поддерживать соперничество, дабы больше добиться выгодъ себѣ. Встрѣтивъ противодѣйствіе Людовика Нѣмецкаго, Карлъ вынужденъ былъ пойти на уступки: 9 августа 876 г. в Мерсенѣ былъ заключенъ миръ, по которому Лотарингія была раздѣлена. Людовикъ Нѣмецкій получилъ 2 архіепископства, 3 епископства, 43 аббатства, 31 графство. Карлу Лысому досталось 3 архіепископства, 6 епископствъ,

43 аббатства и 30 графств. 4 графства и Люттих раздѣлены были пополам. Договор этот имѣет громадное значеніе. Это первая попытка рѣшить Эльзас-Лотарингскій вопрос, который и донинѣ остается нерѣшенным. Романизованное населеніе тут вошло в столкновеніе с германцами. Так впервые опредѣляются границы будущей Германіи — по Рейну и Мозелю. Восточная граница далеко еще не опредѣлилась в ту пору. На востокѣ, гдѣ были славяне, против германцев образовалась громадная сила в видѣ Великой Моравской державы. Святополк Моравскій подчинил себѣ Чехію и полабских славян и создал обширное государство. Объединеніе славянских земель Святополк совершил, опираясь отчасти на Карломана, своего свата.

Лекція II.

Мерсенскій раздѣл был основан на равенствѣ двух частей государства. Округа, населенные романским населеніем, отошли к западу, а округа, населенные германским населеніем, отошли к востоку. Это была попытка размежевать среднюю Европу по принципу этнографическому. Но при наличности двух соперничающих государств, при постоянной борьбѣ из-за императорской короны, государи не могли сосредоточить свое вниманія на внутренних дѣлах государств. Споры из-за владѣнія извѣстными территоріями, споры из-за того, кому быть императором, совершенно не давали им времени для устройства и приведенія в порядок внутренних дѣл. Характерно то, что в этой борьбѣ государи упускали из виду даже внутреннія бѣдствія. Извѣстно из современных лѣтописей, что в 874 г. в средней Европѣ, как в Германіи, так и во Франціи, как она стала позднѣе называться, был громадный неурожай, сопровождавшійся страшным голодом. Как велик был голод, видно из замѣчанія анналиста Фульдскаго, который говорит, что тогда погибло около трети всего населенія. Несмотря на эти бѣдствія, государи западной и восточной половин были озабочены единственно вопросом, кому из них достанется императорская корона. Корону в то время носил Людовик II Итальянскій, племянникъ Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго. Так как он был бездѣтен и, кромѣ того, сильно болен, то оба брата, дяди умиравшаго, готовились к борьбѣ из-за короны. Людовик Нѣмецкій вел переговоры с женой умирающаго императора, которая обѣщала ему свое содѣйствіе, а также обѣщала тотчас по смерти супруга переслать ему императорскія регалии. Карл Лысый дѣйствовал иным путем и успѣл склонить в свою пользу папу Іоанна VIII. Едва Людовик II умер, как Карл Лысый появляется с войском в сѣверной Италіи и останавливается в г. Павіи. Здѣсь он был коронован лангобардскою короною; это было, так сказать, под-

готовительное коронованіе. Отсюда он собирается к Риму, чтобы торжественно вѣнчаться там императорским вѣнцом. Но это ему не удается без препятствій. Дѣло в том что, сын Людовика Нѣмецкаго — Карл Толстый проникает с войском до Милана, а сам Людовик с другой частью войска двигается в самую Францію с цѣлью нанести удар наслѣдственным землям соперника. Карл Лысый хотѣл-было обратно воротиться из Италіи отказаться от короны, но папа Іоанн VIII убѣдил его слѣдовать далѣе. Дѣйствительно 17 декабря Карл Лысый прибыл в Рим, и в день Рождества Христова коронован в Римѣ императорским вѣнцом, провозглашен: „*imperator et augustus*“. Между тѣм Людовик Нѣмецкій серьезно заболѣлъ; поход на Францію пріостановился, и король Людовик в том же 876 году во Франкфуртѣ на Майнѣ скончался.

У Людовика Нѣмецкаго осталось нѣсколько сыновей, которые, сойдясь послѣ его смерти в Заальфельдѣ, рѣшили раздѣлить между собой отцовскія владѣнія. По этому раздѣлу Карломан получил Баварію и Каринтію с правами на прилегающіе славянскіе народы, которые считались данниками Франкскаго государства. Людовик получил Саксонію, Франконію и Тюрингію вмѣстѣ с правом на территорію славян лужицких. Младшій Карл получил Аллеманію и Рецію или Гельвецію.

Карл Лысый.

В виду этого раздѣла восточной части бывшаго Франкскаго государства или Германіи, Карл Лысый нашел момент удобным, чтобы предъявить притязанія на всю Лотарингію и сдѣлать рубежом своих владѣній р. Рейн, думая, что братья по смерти отца не будут дѣйствовать единодушно. Он, собрав войско, двинулся в Ахен и Кельн, надѣясь без сопротивленія овладѣть восточной частью Лотарингіи, но обманулся в своих ожиданіях. Людовик Молодой, владѣтель Саксоніи и Франконіи, зашел в тыл и нанес ему тяжелое пораженіе на берегу р. Рейна возлѣ Андернаха, при чем весь обоз достался побѣдителю, и сам Карл Лысый едва спасся бѣгством.

Далѣе дѣла шли еще неудачнѣе для Карла Лысаго. Сдѣлавшись императором, он взялъ, конечно, на себя обязательство охранять спокойствіе Италіи и в особенности Рима, а также права папы. Но это обязательство он был не в силах выполнить должным образом. Италія подвергалась в то время нападеніям со стороны сарацин или арабов. Арабы, владѣвшіе тогда сѣверной Африкой и Сициліей, перенесли свои нападенія и в южную часть Италіи, при чем нападенія эти сопровождались страшными жестокостями. Папа Іоанн VIII писал Карлу Лысому, что ни он, ни монастыри не могут получать

достаточно содержанія, едва могут себя прокормить, и что им необходима помощь. Особенно нападєнія арабов были чувствительны для самого папы, так как его собственныя громадныя владѣнія всѣ почти находились на югѣ Италіи. Разныя мѣстныя владѣльцы предпочитали заключать с сарацинами договоры, руководясь преимущественно торговыми расчетами, ибо всѣ торговые пути находились в руках арабов. Но этим дѣло не ограничилось. Нападєнія арабов постепенно дошли и до Рима. Один современник говорит, что вся Римская областъ была обращена в пустыню, зараженную миазмами цизальпинских болот; под пустыней он, конечно, разумѣет поля, оставшіяся без обработки. Это обстоятельство побудило Карла Лысаго примириться с неудачей и поражєніем и предпринять поход на помощь папѣ. Но отправиться в поход ему было не легко. Тогда во Франціи сильно развились феодальныя начала, и аристократія, чувствуя себя достаточно сильной, несклонна была повиноваться королю. Созванъ был сеймъ в Кьерси на Уазѣ. Здѣсь Карлъ Лысый уговорилъ большинство принять участіе в походѣ, но цѣною большихъ уступокъ. Именно, онъ выдалъ такъ называемый „кьерсійскій капитулярій“ 877 г., гдѣ говорится, что в случаѣ смерти кого-либо изъ феодальныхъ владѣтелей наследники-сыновья его-тотчасъ же вступаютъ во владѣніе своими бенефиціями. Это была очень большая привилегія для аристократіи, потому что прежде на вступленіе в такое владѣніе надо было еще испросить разрѣшеніе, которое король, конечно, могъ и не дать. Какъ бы то ни было, но Карлъ Лысый собираетъ войско и двигается чрезъ Монсеннисъ в сѣверную Италію. Но и тутъ у него явился соперникъ в лицѣ Карломана, который вступилъ в Италію около Тріента с цѣлью загородить ему дорогу. У Карла Лысаго войска было очень мало, и ему не оставалось ничего дѣлать, какъ отступить обратно. Во время отступленія при переходѣ черезъ Альпы Карлъ Лысый внезапно захворалъ и затѣмъ скончался в октябрѣ 877 года.

Карломанъ.

Старшій племянникъ Карла Лысаго-Карломанъ поспѣшилъ короноваться, благодаря поддержкѣ епископа Миланскаго, но вопреки желанію папы Іоанна VIII. Далѣе къ Риму Карломанъ не пошелъ, несмотря на то, что выручкой папы изъ бѣды онъ лучше могъ добиться его расположенія. Причины отступленія Карломана слѣдующія. Войска его, не привычныя къ теплomu климату, а можетъ быть и от обильнаго употребленія вина, стали страдать отъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней. Къ этому присоединилось еще заболѣваніе вьючнаго скота (эпизоотія). Все это и заставило Карломана воротиться в Германію. Вскорѣ по возвращеніи, в 880 г. онъ

скончался. Таким образом, в Германіи из фамилии Каролингов остались на лицо только два брата — Людовик Молодой и Карл Толстый. Они полюбовно подѣлили между собой владѣнія, при чем уступили Каринтію с прилегающей областью, заселенной славянами, в пользу незаконнорожденного сына Карла Лысаго — Арнульфа. Область эта простиралась вплоть до Платенскаго озера и составляла территорию так называемой Восточной Марки, впоследствии Австріи (Österreich).

880-ый и ближайшіе годы ознаменованы быстрым вымиранием представителей фамилии Каролингов. После Карла Лысаго королем Франціи был Людовик Заика. Но он, процарствовав только два года, скончался и оставил в западной части государства двух сыновей, рожденных от первого брака, — Карломана и Людовика, из которых первый получил сѣверную часть Франціи, а второй — южную часть. От другой супруги, уже по его смерти, родился третій сын Карл, впоследствии прозванный Простоватым. Таким образом, в это время было 4 взрослых представителя Каролингской династии — два на западѣ и два на востокѣ.

Постепенное раздробление монархии К. В. и его послѣдствія.

Раздѣленіе монархии Карла Великаго на четыре части повлекло за собой развитіе партикуляризма, развитіе отдѣльных частей ея этнографическаго состава. В виду частых ссор каролингов между собой и упадка их авторитета, как слѣдствія этих ссор, дѣлаются разными частями государства попытки отдѣленія, провозглашенія самостоятельности. Особенно замѣчательна первая подобнаго рода попытка, увѣнчавшаяся успѣхом: попытка выдѣленія Прованса. Он расположен почти по всему теченію Роны. Отказавшись от подчиненія Каролингам, Прованс провозгласил королем вельможу Бозона, который и был коронован в Лионѣ, как самостоятельный государь, при чем при избраніи его было объявлено, что он — король не только в силу избранія со стороны населенія, но и в виду его родства с Каролингами: он был женат на дочери Людовика II Итальянскаго. Успѣх Прованса нашел себѣ соревнователей и подражателей и с другой стороны. Гугон незаконнорожденный сын Лотаря II (от Вальдрады) предъявил свои права на верхнюю Бургундію. Таким образом, в разных частях государства сказывалось стремленіе расчленить монархію Карла Великаго на много частей. Это заставило одуматься четырех Каролингов, и они рѣшили сѣхаться на совѣщаніе в Гондервиллѣ (Лотарингія). На этом сѣздѣ они подтвердили обязательства, данныя их отцами, именно, жить в мирѣ, поддерживать братскія отношенія и бороться против узурпаторов, которых они называли словом „reguli“ — царьки. И это было очень своевременно, потому что, если бы

этот *conventus fraternitatis* не состоялся, то и Бретань, и другія области пошли бы по пути Прованса. Впрочем, против Бозона Каролинги не имѣли успѣха; Гугон же бѣжал в Италию.

Соглашеніе Каролингов повело и к улучшенію борьбы с внѣшними врагами. Людовик III и Карломан, западные государи, вступили в борьбу с норманнами, которые опустошали сѣверные берега Франціи. При Сокуртѣ они нанесли норманнам тяжелое пораженіе, вслѣдствіе чего набѣги послѣдних на Францію нѣсколько лѣтъ не повторялись. Но это отразилось пагубным образом на Германіи, на которой теперь норманны сосредоточили свои удары. Норманскіе морскіе конунги — Сигфрид и Годфрид устроили между Маасом и Рейном, недалеко от Люттиха, укрѣпленія, откуда и дѣлали жестокіе набѣги на окрестности. Пострадал даже Ахен, гдѣ, по словам современников, дворцы были обращены норманнами в конюшни. Не ограничиваясь этим, норманны стали угрожать самому Кельну. В то же время датчане, пользуясь разстройством дѣл в Германіи, перешли рѣку Эйдер и вторглись в Саксонскую область, владѣлец которой Людовик Молодой, вслѣдствіе сильной болѣзни, не мог сам защищаться. Вся тяжесть борьбы пала на Саксонскаго маркграфа Брунона, сына Людольфа Саксонскаго, который был сотрудником Людовика Нѣмецкаго. Но Брунон, до сих пор всегда храбро и удачно совершавшій военныя операціи, на этот раз не имѣл успѣха. В сраженіи с норманнами он сам пал, погибли два епископа, пять графов и почти вся армія. Таким образом, сѣверная Германія находилась в страшной опасности, которая усугублялась еще тѣм, что славяне также стали нападать на сосѣднія нѣмецкія владѣнія. В это время умирает (20 января 882 г.) Людовик Молодой. Остался единственный государь на востокѣ Карл Алеманскій, прозванный Толстым. Он, как единственный владѣтель в Германіи, один только имѣл права на императорскую корону и потому, несмотря на бѣдствія, он отправился в Рим, гдѣ папою Іоанном VIII-м и был коронован. Вскорѣ в 884 г. скончались и западные короли (оба погибли, один — во время поѣздки, другой — во время охоты), и Карл Толстый остался, если не считать четырехлѣтняго Карла Простоватаго, единственным представителем фамиліи Каролингов. Вся монархія Карла Великаго соединилась въ его руках. Вслѣдствіе совершившагося объединенія всей монархіи в руках одного лица, прекратился на нѣкоторое время процес выдѣленія восточной части из состава всей монархіи Карла Великаго.

Карл
Толстый

Если бы величіе государя опредѣлялось количеством его владѣній, то Карл Толстый был бы также велик, как его прадѣд Карл

Великій. В дѣйствительности этого не было. Ни его способности ни сила воли не соответствовали той громадной задачѣ, которая выпала на его долю. Исторія Карла Толстаго выражается словами одного современника, что он „игрушка своей судьбы“. Это подтверждается и событіями его царствованія. Первой его задачей была необходимость обезопасить сѣверныя границы государства от нападений норманнов. Но в этом отношеніи он в первый же год своего царствованія показал свою малоспособность. Против Сигфрида и Годфрида он повел громадное войско, но успѣха не имѣл, если не считать того, что он хитростью заманил вождей в ловушку и умертвил Сигфрида. Также неудачно он вел дѣла и в восточной части государства. Оказывается, что Святополк, князь Великой Моравіи и Чехіи, постоянно опустошал сосѣдніе нѣмецкіе рубежи; с войсками своими он доходит до р. Рааба, до Вѣнскаго лѣса и проникает в центр восточной Марки. Но Карл Толстый не прибѣгает к усиленным мѣрам против врага, а только устраивает свиданіе со Святополком на границѣ, которое ни к чему не повело и дѣлу ни сколько не помогло. Впрочем, он старается уменьшить свои заботы тѣм, что назначает Арнульфа маркграфом в Каринтію, надѣясь, что он один даст отпор Святополку.

Но наиболѣе постыдное дѣло Карла Толстаго связано с осадой Парижа норманнами. В 886 г. Норманны поднялись вверх по Сенѣ и осадили Париж. Парижскій граф Одон с успѣхом от них отбивался. Но осада тянулась нѣсколько мѣсяцев и была слишком тяжелой, так что Одон принужден был неоднократно просить помощи. Наконец, Карл Толстый собрал громадную армію; в іюлѣ 886 г. был в Мецѣ, а отсюда подошел к Парижу. Но вмѣсто того, чтобы дать сраженіе норманнам, он вступил с ними в переговоры окончившіеся тѣм, что норманны обѣщались снять осаду, если император даст им 700 фунтов серебра и пропустит их без задержки вверх по Сенѣ вплоть до Бургундіи. Говорят, что Карл Толстый хотѣл ослабить этим Бозона, надѣясь, что норманны вмѣстѣ с Бургундіей подвергнут грабежам и сосѣдній Прованс. Этот постыдный мир вызвал громадное неудовольствіе, которое усилилось еще тѣм, что Карл Толстый оклеветал и обвинил жену свою Рихарду в связи с епископом и сдѣлал это, желая добиться развода. Рихарда была женщина высокой нравственности; она послѣ на судѣ клятвенно говорила, что хотя она нѣсколько лѣтъ находится в супружествѣ, но и до сих пор дѣвственна и непорочна. Чаша терпѣнія переполнилась. Когда Карл Толстый созвал сейм в Трибурѣ, то князья предворительно собрались в Фортгеймѣ. Насколько положеніе Карла было шатко, видно из того, что многие

совѣтовали ему отречься от престола и отослать императорскія регаліи Арнульфу. На сеймѣ в Трибурѣ князья рѣшили низложить Карла и провозгласить королем Арнульфа. Колебались только Швабы, которые чувствовали большую привязанность к государю. Но архіепископ Майнцкій, бывшій в качествѣ примаса Германской церкви, настоял на том, что Карл Толстый отослал регаліи Арнульфу, а сам удалился в один из монастырей Швабіи, гдѣ через два мѣсяца и скончался. Едва вѣсть о низложеніи Карла Толстаго распространилась, как многія части государства не пожелали признать королем Арнульфа. Западные князья провозгласили королем графа Одона, мужественнаго защитника Парижа. Избранію Одона способствовало и то обстоятельство, что Карл Простоватый, внук Карла Лысаго, был еще очень молод.

Арнульф.

Таким образом, королем Германским стал Арнульф. В оправданіе этого выбора может быть приведено только соображеніе о его личных талантах. На его выборѣ оправдалось выраженіе Тацита: „*duces ex virtute, reges ex nobilitate sumunt*“. Он был очень даровитым человѣком, но факт его неполной законности привел к тому, что его власть в других частях государства не хотѣли признавать. Можно сказать, что на Трибурском сеймѣ вполне закончилось отдѣленіе восточной части бывшей Франской монархіи от западной. В таком же самостоятельном положеніи остался и Бозон Прованскій и его сын Людовик Прованскій. Отдѣлилась и Бретань, гдѣ королем сдѣлался Алан Великій. В Аквитаніи и Гасконіи также появились самостоятельные правители. Таким образом, отчасти вслѣдствіе пресѣченія династіи Каролингов, а отчасти вслѣдствіе разнообразнаго этнографическаго состава бывшей монархіи Карла Великаго, произошло расчлененіе ея на составныя части.

Правленіе Арнульфа ознаменовалось улучшеніем в Германіи общаго положенія дѣл. Но и Арнульф был несвободен от нѣкоторых недостатков. Он, как и его предшественники, не сосредоточивает своего вниманія исключительно на германских дѣлах, но задается такими отдаленными цѣлями, как стремленіе к императорской коронѣ. Первым его дѣлом был поход против норманнов. В битвѣ при Мастриксѣ он нанес им пораженіе. Другое пораженіе он нанес норманнам при Дильских болотах, около Левена, в 891 г. Между прочим, в послѣдней битвѣ обнаружилось, насколько даже на Востокѣ входил в обычайконный строй военной силы. Дѣло в том, что мѣстность была болотистая, на конях сражаться было нельзя, а потому воинам пришлось сражаться пѣшими. Хотя это было им несвойственно и непривычно, но они всетаки одержали побѣду.

Но если на сѣверѣ у Арнульфа дѣла шли успѣшно, то иначе было на востокѣ. Там у него был опасный враг в лицѣ Святополка, князя велико-моравскаго. Против него был задуман поход, в котором принимали участіе маркграф Тюрингскій Попон и епископ г. Вюрцбурга. Но поход был неудачен. Нѣмцы в горах Чехіи были побиты и спаслись в Германію с ничтожными остатками войска. Этот поход, впрочем, был не главный и предпринят только для того, чтобы отвлечь Чехов от оказанія помощи Святополку. Против послѣдняго пошел сам Арнульф. Но мораване придерживались старинной тактики, по которой отступали предъ неприятелем все далѣе и далѣе, завлекали его в глубь страны, и в то же время стѣсняли его во всѣх отношеніях, и главным образом в полученіи продовольственных припасов. Арнульф сообразил, что ему угрожает опасность, и хотѣлъ уже сам отступать, как мораване преградили ему дорогу и истребили почти все его войско. Послѣ этого Арнульф прибѣгъ к римской политикѣ. Дѣло в том, что в концѣ IX в. около Карпат, в придунайской низинѣ, жили Мадыяры, племя финно-тюрскаго состава. Эти мадыяры кочевали в разрывѣ между Карпатами и Дунайскою гирлою. К ним-то и обратился Арнульф, призывая их против мораван. Но при Святополкѣ мадыяры (или иначе: угры, венгры) не имѣли успѣха. Послѣ же его кончины (892 г.), когда велико-моравская держава была раздѣлена между его сыновьями, мадыяры нанесли им смертельный удар, затѣм проникли в Паннонію, любимое мѣсто их сородичей — гуннов и аваров. В 894 г. они опустошили всю Паннонію, гдѣ населеніе было славянское. По словам современнаго лѣтописца, в Панноніи произошло почти полное уничтоженіе населенія.

Сломив своего восточнаго сосѣда и обезопасив временно с этой стороны свое государство, Арнульф рѣшил воспользоваться временем, чтобы предпринять поход в Италію и завладѣть завѣтной императорскою короною. По смерти Карла Толстаго никого не было, кто мог бы претендовать на императорскую корону. Да она и значеніе свое потеряла послѣ того, как ее носили такіа ничтожества, как Карл Лысый и Карл Толстый. Потому-то о достиженіи ея стали мечтать даже и мелкіе итальянскіе владѣтели и, между прочим, герцог Гвидон Сполетскій и граф Бернгард. Они долго соперничали между собой, и в концѣ концов тогдашній папа Формоз вынужден был короновать Гвидона Сполетскаго и сына его Ламберта. Арнульф, смотря на них, как на узурпаторов, и считая только себя единственно законным и полноправным наслѣдником, счел это обстоятельство важным поводом для предпринятія похода. Он подвергнул разграбленію сѣверные итальянскіе города, особенно

же г. Бергам, архіепископ котораго был другом Гвидона Сполетскаго. Это устрашило жителей Ломбардіи; потому в Павіи съверные итальянскіе города и аристократія поспѣшили принести Арнульфу вѣрноподданническую присягу. Здѣсь же он был коронован итальянской короной. Но далѣе он подвинулся только до Плаценціи. Недостаток припасов и разныя болѣзни, как людей, так и скота, побудили его возвратиться обратно за Альпы. Когда он возвращался, то один мелкій граф Иврейскій загородил ему торную дорогу, и Арнульф принужден был отступить чрез Сен-Бернар, тогда мало извѣстный, вслѣдствіе чего потерпѣлъ громадныя потери людей и лошадей. Но это его не охладило, и в 896 г. он рѣшил предпринять другой поход. Ламберт заперся в это время в одном из замков на горных вершинах Аппенин. Несмотря на болѣзни в войскѣ, Арнульф прибыл в Рим, завладѣлъ им и был коронован папою Формозом императорской короной. Его завѣтная цѣль была достигнута.

Людвик
Дитя.

По возвращеніи Арнульф мог заняться уже устройством своих семейных дѣл. У него долго от законной супруги не было дѣтей, а было два незаконнорожденные сына — Свентибольд и Ратольф. Незадолго до его смерти и от законной его супруги родился сын Людвик. Но Арнульф заботился и о судьбѣ других своих сыновей. По этому на сеймѣ в Трибурѣ, гдѣ наслѣдником был провозглашен Людвик, и Свентибольд получил Лотарингію, как самостоятельное королевство. Арнульф умер в 899 г. Это был послѣдній даровитый Каролинг. Людвик, его преемник, был еще дитя; ему было всего 7 лѣтъ. Управление государством находилось в руках его только номинально. Фактическая же власть находилась в руках представителей церкви и свѣтских вельмож. Из них выдѣляются: архіепископ Майнцкій Гаттон, епископ Аугсбургскій Адальберт и епископ Констанцкій Соломон; из свѣтских вельмож: Саксонскій маркграф Оттон Людольфинг, граф Ліутпольд и фамилія Конрадинов, владѣвшая большими землями во Франконіи. Всѣ они вмѣстѣ составляли своего рода регентскій совѣтъ. Этот совѣтъ, как только умер Арнульф, поспѣшил короновать Людвика. Но этим не устранены были смуты, виновником которых явился Свентибольд. Он получил Лотарингію, но тѣм не менѣе считал себя обойденным, имѣющим болѣе прав на престол всей Германіи, чѣм Людвик. Впрочем, он успѣха не имѣлъ и сам погиб в борьбѣ. Если в государствѣ, несмотря на малолѣтство государя и разнохарактерный состав его совѣта, дѣла кое-как велись, то только благодаря вышеупомянутым Оттону и Ліутпольду. Эти два человѣка, первый — на сѣверѣ, второй — на востокѣ, сдерживали нападенія врагов в одно

время. Это тѣм болѣе важно, что внутри происходили сильныя смуты. Виною смут были раздоры между двумя франконскими фамиліями — Бабенбергами и Конрадинами, из которых первые имѣли владѣнія в верхней Франконіи, вторые — в нижней Франконіи. Онѣ были в страшной враждѣ между собою. Но Конрадинам покровительствовал Гаттон, и когда представитель Бабенбергов — граф Адальберт Бамбергскій был вызван на суд сейма в Трибурѣ и не явился, то был захвачен и казнен. Эти смуты дали возможность мадьярам нанести Германіи ряд тяжких ударов. Так как на востокѣ государство защищал один Ліутпольд, то на него перваго и обрушились удары мадьяр. Он пал в битвѣ, и с ним множество войска. Ужас объѣл населеніе, тѣм болѣе, что мадьяры ворвались в самую Германію, опустошили ее и угрожали даже прирейнским странам. Германцы собрали войско и дали мадьярам сраженіе около г. Аугсбурга в 910 г., но потерпѣли тяжкое пораженіе: погибло все войско и лучшіе из вождей. Вскорѣ послѣ этого император Людовик Дитя скончался в 911 г., оставив государство в полнѣйшей разстроенности. В лицѣ его окончательно прекращается фамилія Каролингов в законных и не законных своих вѣтвях. Германіи предстояло пережить смутный період междуцарствія.

Главным содержаніем рассмотреннаго періода было выдѣленіе восточной части из состава монархіи Карла Великаго. Этот процесс выдѣленія совершался в теченіе болѣе 50 лѣтъ (843—911). Лекція III.

Переходя к изученію Саксонскаго періода, укажем источники, относящіеся к изученію этого періода. Они большею частью опубликованы в коллекціи „*Monumenta Germaniae historica*“, которая начала выходить с 1826 г. и до сих пор еще не закончена изданіем. Здѣсь, в отдѣлѣ „*Scriptores*“, в III, IV, XIII и XIV томах и помѣщены нужные нам для изученія Саксонскаго періода источники. Главным источником для времени Генриха I, Оттона Великаго и Оттона II являются „*Regum saxonicarum libri tres*“, — сочиненіе Видукинда, монаха Корвейскаго монастыря, написанное в патріотическом духѣ. Другим писателем является Ліутпранд Кременскій, уроженец сѣверной Италіи. Являясь современником Оттона Великаго, он, как знаток греческаго языка, получал разныя дипломатическія порученія. Из его произведеній важны для даннаго періода: а) „*Antipodosis*“ (отмщеніе). Это сочиненіе имѣет в виду Иврейских маркграфов, которых автор старается унижить в глазах общества, б) *Historia „Ottonis“*, и в) „*Legatio Constantinopolitana*“. (Автор был посылаем в Константинополь для переговоров по брачному вопросу.) — Затѣм сочиненіе Гроссвиты, мона-

Саксонскій період. Источники и литература.

хини Гандерсгеймского монастыря, основанного членами Саксонской фамилии; оно озаглавлено „Carmen de gestis Ottonis.“ Это сочинение, написанное гекзаметром, в поэтической формѣ описывает дѣла Оттона Великаго. — К источникам должны быть отнесены еще житія: а) „Vita Mahthildis reginae“ и б) Рустгера „Vita Brunonis“, — кельскаго архіепископа, брата и сподвижника Оттона Великаго.

Источники для характеристики конца періода слѣдующіе. Сочинение Титмара Мерзебургскаго „Chronicon“. В этом сочинении автор, начав описание и изложение событий с самых отдаленных времен, под конец X вѣка и далѣе излагает исторію Германіи на основаніи собственных наблюдений, кончая 1018-м годом. Это одно из лучших произведений Саксонскаго періода. Титмар был очень хорошо знаком с дѣлами Востока и отношеніями Германцев к Славянам. — Затѣм „Annales“, которые велись в монастырях: Кведлинбургскіе, Гильдесгеймскіе, Ламберта и др. Изслѣдователи находят, что эти анналы являются списками или редакціями каких-то болѣе древних аннал, имѣвших официальное происхождение.

Кромѣ этого, для бытовой и культурной исторіи Саксонскаго періода имѣют важное значеніе: „Vita Bernwardi episcopi“ и „Vita Burchardi episcopi Wormatiensis“. Для первых десятилѣтій періода имѣет значеніе переписка Герберта — „Epistolae Gerberti“, который был архіепископом Реймским, учителем Оттона I и даже папой под именем Сильвестра I. Герберт был также близок и к Гуго Капету и, слѣдовательно, был хорошо освѣдомлен и даже принимал участіе в дѣлах Германіи и Франціи. Поэтому-то его „epistolae“ и важны. Но до послѣдняго времени были большія неудобства в пользованіи этими письмами: во-первых, они не датированы и, во вторых представлялись в видѣ списков с черновиков, гдѣ собственныя имена были обозначаемы лишь начальными буквами. Но теперь эти затрудненія устранены, благодаря работам Аве и Бубнова. Аве и издал эту переписку в 1889 году.

Богатый матеріал для историка даннаго періода представляют, сверх указанных источников, грамоты. Это уже актыые источники. Помѣщены они под заглавіем „Diplomata regum et imperatorum“ в тѣх же „Monumenta Germaniae historica“, в отдѣлѣ „Diplomata“. Издатель их извѣстный Феодор Зиккель. Так как грамоты далеко не всѣ еще и изданы, то приходится в пользованіи ими прибѣгать к так называемым „Regesta“. Regesta были издаваемы в 30-х годах XIX столѣтія Бёмером (Regesta chronologica — diplomatica imperatorum). Но с того времени матеріал значительно увеличился; потребовалась переработка стараго изданія, и в ре-

зультатъ явилось новое издание „Regesta“ Мюльбахера, Фиккера и Губера (вѣнских ученых). Наряду с этим надо поставить издание Штумфа „Die Kaiserurkunden des X, XI und XII Jahrhunderts“. Здѣсь помѣщены грамоты X—XII вв., конечно, не всѣ.

В виду тѣсной связи исторіи Германіи с исторіей Италіи, акты, относящіеся к послѣдней, имѣют значеніе и для первой. Важно в этом отношеніи издание Яффе „Regesta pontificum romanorum“, вышедшее в 50-х годах XIX в., и другое издание этих же регестр Лёвенфельда, Эвальда и Кальтенбруннера. Для болѣе детальных справок при изученіи отдѣльных періодов Германской исторіи можно указать так называемыя справочныя изданія: Дальмана, Вайца и Штейндорфа — „Quellenkunde der deutschen Geschichte“ (Источниковѣденіе по германской исторіи). Здѣсь удобно расположены указанія и работы по исторіи Германіи. Изданіе дѣлится на двѣ части: специальную и общую. Издано в 40-х годах XIX столѣтія; потом переработано Георгом Вайцем и Штейндорфом. Это сочиненіе, — небольшая брошюрка в первом изданіи, — выдержало уже шесть изданій и представляет теперь из себя довольно объемистый том. Для характеристики источников сдѣлано очень немного. Характеристика только лѣтописей, житій и сказаній представлена Ваттенбахом, который разсматривает матеріалы до XIII в.; Лоренц присоединил сюда характеристику источников для дальнѣйшей средневѣковой исторіи Германіи. Это сочиненіе Ваттенбаха выдержало уже шесть изданій (послѣднее в 1894 г.) и начало выходить седьмым.

Общія обзорѣнія по германской исторіи: Леопольд Ранке, „Weltgeschichte“ VI и VIII тт. — Гизебрехт, „Geschichte der deutschen Kaiserzeit“, 6 томов. Издается с 1855 г. Новое изданіе с 1875 г. В этом трудѣ изложеніе событій до 1190 г. доводится самим Гизебрехтом (до смерти Фридриха Барбаруссы), а затѣм продолжено Симсоном, под редакціей котораго и вышел VI том. — Лампрехт — „Deutsche Geschichte.“ Он изслѣдует преимущественно экономическія явленія средневѣковой Германіи. Его „Нѣмецкая исторія“ начала издаваться в 1891 году. Томы по средней исторіи вышли, а по новой доведены еще только до XVII в. Сочиненіе это очень интересно в изложеніи средней исторіи. Лампрехт работал тут самостоятельно. Он объясняет историческія явленія вліяніем исключительно экономических причин. Слабая сторона этого труда заключается в объясненіи реформаціи, которую автор считает также результатом экономических причин. — Брайс (американец), „Священная Римская имперія“. В этом сочиненіи

изображаются отношенія Имперіи и папства. — Монографическія работы по отдѣльнымъ царствованіямъ находятся в Мюнхенской исторической коллекціи под названіемъ „Jahrbücher der deutschen Geschichte“ (лѣтопись или хроника нѣмецкой исторіи). Каждому царствованію здѣсь посвящена особая монографія, обработанная какимъ нибудь извѣстнымъ спеціалистомъ и содержащая в себѣ сводъ, какъ всей литературы о данномъ царствованіи, такъ и свидѣтельствъ источниковъ о томъ же. Работа эта, хотя ведена по механическому плану, не механическая.

Герцогства
и герцогс-
кая власть.

В Германіи еще в половинѣ VIII в., а также в IX и X вв., существовало племенное раздѣленіе. На этой почвѣ долженъ былъ возникнуть нѣмецкій партикуляризмъ, своего рода сепаратизмъ. Такія сепаративныя стремленія сказывались и в переходной періодъ и в теченіе всего средняго и новаго періода исторіи Германіи. Можетъ быть, и теперь в Германіи не совсѣмъ еще забыты эти движенія. Племенной сепаратизмъ в саксонскій періодъ сказывается в формѣ борьбы герцогской и королевской власти. Несомнѣнно, тут уже есть разница между племеннымъ принципомъ и принципомъ герцогской власти: территорія герцогствъ далеко не совпадала с территоріями племенными. Территорія Германіи расширена теперь путемъ завоеванія и колонизаціи на востокъ. На новыхъ мѣстахъ — к югу от Дуная и на востокъ от Эльбы — основались герцогства, хотя особыхъ германскихъ племенъ здѣсь не было. Переходъ от племенного къ территоріальному началу сказывается на исторіи Франконіи, которая была расположена по обѣ стороны Майна и по порубежнымъ мѣстамъ по Рейну. Франконію населяли франки, но не всѣ, а только часть ихъ, тогда какъ другая часть франковъ вошла в составъ Франціи. С другой стороны, в составъ герцогствъ иногда входили и иноплеменники. Баварія, напр., была населена не только баварцами, но и Аллеманами и Тюрингами. Такимъ образомъ, племенная обособленность в качествѣ основы для возникновенія герцогствъ можетъ быть принята лишь с ограниченіемъ.

Возникаетъ вопросъ о возникновеніи герцогствъ и герцогской власти. При Карлѣ Великомъ и его первыхъ преемникахъ герцогская власть была уничтожена; хотя термины „dux“ и „ducatus“ сохранились, но не в томъ смыслѣ, какъ ранѣе. Dux означалъ начальника арміи, а ducatus — военное управленіе. Территорія же терминомъ ducatus не обозначалась. Но уже в переходной періодъ приходится упоминать о герцогахъ. В исторіи Саксонской династіи они играютъ видную роль. Спрашивается, какъ эти герцогства возникли, если старинныя герцогства были упразднены? Ученые изслѣдователи выводили происхожденіе герцогской власти изъ королингскихъ ин-

ститутотъ соотвѣтствующаго содержанія. Одни выводили ее из института государевыхъ посланцевъ (*missi dominici*), которые будто бы узурпировали себѣ власть. Другіе выводили герцогскую власть из института маркграфовъ, которые при Каролингахъ были начальниками марокъ (пограничныхъ округовъ), в которыхъ графская власть была расширена. Но обѣ эти теоріи неудовлетворительны. Можно сказать, что герцогская власть возникаетъ в разныхъ мѣстахъ на разныхъ основахъ сообразно мѣстнымъ условіямъ той или другой части германской территоріи. Внѣшними причинами возникновенія герцогской власти были внѣшнія опасности отъ сосѣднихъ народовъ и упадокъ или ослабленіе королевской власти и авторитета.

Герцогская власть особенно сильна была в Саксоніи и Баваріи, и это можно объяснить тѣмъ, что обѣ эти территоріи были наиболѣе близки къ рубежамъ государства, имъ наиболѣе угрожали иноплеменные враги. В Баваріи герцогская власть возникаетъ при содѣйствіи королевской власти, и в основу ея здѣсь легло привилегированное положеніе маркграфовъ. Первымъ герцогомъ былъ Арнульфъ, незаконнорожденный сынъ Карломана, впослѣдствіи бывший королемъ. Послѣ него герцогомъ былъ родственникъ его Лиутпольдъ, погибшій в 908 г. в бою съ мадьярами, и затѣмъ сынъ Лиутпольда Арнульфъ. То же самое можно сказать и относительно Саксоніи, хотя с ограниченіемъ, такъ какъ в Саксоніи герцогская власть опирается на обширныя земельныя угодья, принадлежащія той фамиліи, за которой утверждается герцогская власть. Здѣсь по богатству особенно выдѣлялся родъ Лиудольфинговъ, владѣнія котораго простирались отъ р. Липпе (притокъ Рейна) до горъ Гарца. Усиленіе этой области вызывалось необходимостью борьбы противъ набѣговъ славянъ и отчасти датчанъ. Предполагаютъ, что родоначальникомъ этого рода былъ Брунонъ, знатный саксъ, который возвысился при Карлѣ Великомъ, будучи однимъ изъ немногочисленныхъ саксовъ, вставшихъ на сторону Карла Великаго и принявшихъ первыми христіанство. Лиудольфъ, отъ котораго фамилія получила названіе, былъ его потомокъ и жилъ при Людовикѣ Нѣмецкомъ. Этотъ Лиудольфъ титулуется в современныхъ источникахъ какъ маркграфъ, слѣдовательно, онъ имѣлъ маркграфскую власть; иногда его называютъ и „dux“. Къ концу жизни онъ получилъ и оффиціальныи титулъ: „dux orientaliū Saxoniū“. За нимъ слѣдовалъ преемникъ его Брунонъ, погибшій в борьбѣ съ датчанами в 880 г. За смертью его власть переходитъ къ брату его Оттону, другому сыну Лиудольфа. Оттонъ при Арнульфѣ титуловался какъ маркграфъ, а при Конрадѣ I называется уже дукъ. Онъ расширилъ территорію своихъ владѣній, присоединивъ къ Саксоніи Тюрингію. В данномъ случаѣ надо имѣть в виду не территорію ста-

ринных тюрингов, а марку тюрингскую, основанную против сербов-лужичан и бывшую под управлением Попона; когда Попон погиб, она и была присоединена к Саксонии. В Саксонии основаниями герцогской власти были разнообразные факторы: маркграфство, большія земельныя угодья маркграфов и благосклонность к ним со стороны королевской власти. Фамилія Людольфингов тѣм болѣе заслуживает вниманія, что из нея потом произошла Саксонская династія. Сын Оттона Генрих и был первым королем этой династіи.

Вопрос относительно происхожденія герцогской власти в сосѣдней Лотарингіи представляется не столь ясным. Лотарингія, как обособленная территорія, впервые упоминается в событіях конца царствованія Арнульфа. Арнульф предоставил ее незаконно-рожденному сыну своему Свентибольду, который управлял ею недолго, так как скоро погиб в борьбѣ с братом своим, королем Людовиком. Тогда в Лотарингіи возвышается граф Регинарт, который называется термином „missus“. Слѣдовательно, здѣсь развитію герцогской власти содѣйствовал институт государевых посланцев. Сын Регинарта Гизельберт носит уже титул герцога (dux).

В сосѣдней с Лотарингіей (но ближе к центру Германіи) Франконіи условія менѣе всего благопріятствовали для образованія герцогской власти. Там были двѣ соперничавшія фамиліи, вліяніе которых основывалось не только на том, что онѣ носили графскіе титулы, но и на их земельных владѣніях; это Бабенберги и Конрадины. При Карлѣ Толстом Бабенберги имѣли перевѣс и один из них носил титул dux. Но при Конрадѣ и Людовикѣ возвышаются Конрадины, благодаря поддержкѣ Майнцаго архіепископа. При Людовикѣ Дитяти Конрадины одолѣли Бабенбергов, но плодами своей побѣды не могли воспользоваться. Несмотря на полученный ими титул dux, они становятся герцогами не всей Франконіи, а только одной ея части. Таким образом, нельзя точно опредѣлить источники, из которых образовалась герцогская власть во Франконіи; большое вліяніе в этом отношеніи, вѣроятно, имѣли богатство Конрадинов, заключавшееся в земельных угодьях, и их союз с церковной властью.

В Швабіи очень рано становится замѣтна борьба между церковной и свѣтской властью. Свѣтская власть в Швабіи в X в. принадлежала Бурхарту, графу Реціи (нынѣ сѣверная Швейцарія). Он в источниках носит разныя названія; называется то маркграфом, то герцогом. Его власть представляла нѣчто переходное от маркграфа к герцогу. Он умер в 911 г., но не передал власти своему потомству. Сыновья его были изгнаны из Швабіи, так

как Бурхарт при жизни сильно вооружил против себя Соломона, епископа Констанцкаго, и послѣдній всѣми силами содѣйствовал тому, чтобы его сыновья не получили власти. Но Соломон не устранил этим стремленія свѣтской власти упрочиться в Швабіи. Представителями этих стремленій явились два брата — Эркангер и Бартольд из рода Алагольфингеров, которые захватили в свои руки власть. Но они в источниках не носят титула *duces*, а называются *palatū comites*, т. е. пфальцграфами. В этом видно указаніе на третій каролингскій институт, послужившій для образованія герцогской власти. Оба эти брата также вынуждены были бороться против Соломона, и борьба эта была не особенно успѣшна.

Конрад.

Таковы главныя герцогства, какія можно опредѣлить по отношенію к Саксонскому періоду Германской исторіи. Зная условія образованія герцогской власти, можно видѣть затрудненія, с которыми приходилось считаться представителям новой династіи. За смертью Людовика Дитяти, в лицѣ котораго сошла в могилу восточная вѣтвь Каролингов, открылся вакантный престол. При замѣщеніи его могли быть приняты во вниманіе разныя обстоятельства. Прежде всего могли имѣть в виду родовое право на престол; но так как Людовик Дитя не оставил потомства, а на западѣ был Карл Простоватый, который и там с трудом держался, то о родовом правѣ и рѣчи быть не могло. О нем могла быть рѣчь постольку, поскольку придавали значеніе происхожденію из Франконіи, откуда происходили основатели государства. Наболѣе выдающіеся из тогдашних франконцев и должны были наслѣдовать престол. Таким образом, вопрос переходит на племенную почву. Что этот принцип имѣл вліяніе, видно из того, что Людовик Нѣмецкій и другіе короли титуловали себя — „*rex Francorum orientaliū*“. В виду этого рѣшили избрать франконца. Между тѣм один из фамиліи Конрадинов — Конрад был в родствѣ с угасшей династіей по женской линіи, именно, с Арнульфом и Людовиком Дитятей. Этим обстоятельством его кандидатура выдвигалась. — Кромѣ того, при замѣщеніи престола мог имѣть значеніе принцип народнаго избранія. Но тогда, вслѣдствіе страшнаго опустошенія Германіи мадьярами, трудно было созвать сейм. Сверх того, на избирательном сеймѣ первый голос всегда принадлежал епископу Майнцкому, при чем играло роль, конечно, его отношеніе к тому или другому кандидату. Конрадины же находились в дружбѣ с Майнцким архіеписком, и это шло в их пользу. Все это вмѣстѣ подготовило кандидатуру Конрада. В 911 г. был созван сейм в Фортгеймѣ, и Конрад был избран королем. Но не всѣ в этом избраніи приняли участіе. На сеймѣ не было представителей Ло-

тарингіи. Сомнительно было, что и Саксонцы благожелательно отнеслись к избранію Конрада. Сохранился рассказ, будто нѣкоторые германскіе князья предлагали корону Оттону Саксонскому, но он, ссылаясь на старость, отклонил это предложеніе. Главную опору новаго государя составляли представители духовенства. Гаттон, архіепископ Майнцкій, был особенно дѣятельным сотрудником короля. Соломон, Констанцкій епископ, получил титул канцлера короля.

Первым дѣлом новаго короля был поход в Лотарингію, представители которой не приняли участія в его избраніи. Первые два похода не имѣли успѣха и только третій поход 913 года привел к присоединенію южной части Лотарингіи — Эльзаса. Это был первый эпизод послѣдовавшей борьбы с герцогами, которая наполняла все царствованіе Конрада. Борьба эта открыто началась прежде всего столкновением с саксонцами. Когда в 913 г. умер Оттон, то Конрад, хотя и дал его сыну Генриху титул дукъ, но вмѣстѣ с тѣм вознамѣрился отнять у него и нѣкоторыя имѣнія, как давно принадлежащія коронѣ. В отвѣтъ на это намѣреніе Генрих прибѣгает к конфискаціи имѣній архіепископа Майнцаго, находившихся в Саксоніи. В 914 г. Конрад посылает против Генриха брата своего Эбергарда с франконцами и ополченіями духовных князей. Но герцог Генрих разбил Эбергарда при Крейцбургѣ и отстоял свою независимость. Результатом этого было то, что Конрад перестал настойчиво укрѣплять свой авторитет в Саксоніи отказавшись от попыток утвердить свою власть по отношенію к Генриху, тѣм болѣе, что это было и необходимо, так как тогда уже начались столкновенія с южными герцогами.

Виновниками столкновенія с южными герцогами были духовные прелаты. Епископ Соломон ссорился с братьями — Эрхангером и Бартольдом, и враги попеременно грабили владѣнія друга друга. Тогда под вліяніем епископа Соломона король предпринял поход в Швабію. Братья были изгнаны из Швабіи. Но едва король увел войско, как в Швабіи появляется Бурхард, сын бывшаго Швабскаго герцога также Бурхарда, с намѣреніем укрѣпиться тут, как в своей наслѣдственной землѣ. На достиженіе этой цѣли он мог надѣяться, так как Эрхангер возвратившись вошел с ним в соглашеніе, и они рѣшили подѣлить Швабію и взаимно дѣйствовать против Соломона. Конраду трудно было справиться со Швабскими князьями, так как к ним присоединился еще и Арнульф, герцог Баварскій, племянник Эрхангера и Бартольда. Это привело к тому, что вся южная Германія рѣшилась дѣйствовать против Конрада. Считаая болѣе опасным врагом Арнульфа, Конрад в 914 г.

отправляется в Баварію. Поход его был удачен. Арнульф, побѣжденный, бѣжал из Германіи к мадьярам. Но он вскорѣ возвратился, приведя с собой мадьярское ополченіе. Король снова отправляется в поход в 915 г. и берет Регенбург, гдѣ заперся Арнульф. Но эти успѣхи Конрада были весьма сомнительны. Саксонія была не умиротворена, и Генрих держал себя совершенно независимо; в Швабіи спокойствіе не было восстановлено; в Баваріи, хотя и была одержана побѣда, но мадьяры не переставали беспокоить Германію. Они и ранѣе дѣлали набѣги на Германію (в 911, 912 и 913 гг.); но во время борьбы короля с герцогами в 915 г. эти набѣги мадьяр усиливаются: они прошли всю Германію до самаго Бремена. Конрад не в силах был установить своим вліяніем порядок в Германіи. Борьба против герцогов была ему не по силам. Под вліяніем совѣтников, он рѣшился прибѣгнуть к содѣйствію церковной власти. Он обратился к папѣ с просьбой прислать легата для разбора препирательств между герцогами. Папа Іоанн X исполнил его просьбу и прислал легата, епископа г. Орто, Петра. Собор созван был в Гогенальтгеймѣ. Тут собрались всѣ церковные прелаты и, наоборот, свѣтскіе князья почти всѣ отсутствовали. На этом Синодѣ разсматривалось дѣло Эрхангера и Бартольда, по обвиненію Соломона и короля. Братья были осуждены, как измѣнники королю, и явившійся лично Эрхангер был схвачен и казнен. Та же участь постигла и Бартольда. Однако в Швабіи дѣло от этого не улучшилось. По смерти братьев в Швабіи еще сильнѣе укрѣпляется Бурхард. Он титулует себя герцогом. Не лучше было и в Баваріи. Арнульф возвращается сюда и в отместку правительственной партіи конфискует монастырскія земли. Таким образом, Гогенальтгеймскій собор не способствовал установленію порядка в странѣ. В то же время мадьяры в 918 г. дѣлают новый набѣг; они проникают в глубь Лотарингіи, переходят через Рейн, опустошают берега Мозеля и Мааса и уводят с собой массу плѣнных в Паннонію (Венгрію). 23 декабря 819 г. Конрад скончался и похоронен был в Фульдском монастырѣ. Возникает вопрос о замѣщеніи престола. Сыновей у Конрада не было, а был только брат Эбергард. Но если Конраду не удалось водворить спокойствіе в странѣ, то тѣм менѣе мог это сдѣлать его брат; он был не лучше покойнаго короля. Умирающій король сам сознал неспособность брата к государственной роли в Германіи и пред смертью десигнировал Генриха Саксонскаго, распорядившись отослать ему королевскія регаліи.

Монографія, посвященная исторіи короля Генриха I, составлена Георгом Вайцем и была первоначально помѣщена в коллекціи

Генрих I.

„Jahrbücher des deutschen Reichs“. Эта коллекція возникла в стѣнах исторической семинаріи проф. Леопольда Ранке. Впослѣдствіи эта монографія Вайца в 3-м изданіи (1885 г.), с дополненіями и в переработкѣ, вошла в состав коллекціи Мюнхенской исторической комиссіи, озаглавленной „Jahrbücher der deutschen Geschichte“.

Лекція IV.

Таким образом, Генрих I был обязан престолом двум обстоятельствам: с одной стороны, десигнаціи или ясно выраженной волѣ предшествовавшего государя; с другой — поддержкѣ 2-х племен — саксонцев и франконцев. Генрих I вступил на престол в 919 году. Родился он в 876 г., так что во время вступленія своего на престол имѣл около 43 лѣт. Таким образом, болѣе чѣм кто-либо из его предшественников он мог приняться за государственныя дѣла, тѣм болѣе, что мог разчитывать на поддержку саксов, как герцог Саксонскій. В исторіи его иногда называют „Птицеловом“; но это названіе приурочивают ему неправильно. Первое указаніе на такое наименованіе находим в источникѣ XII вѣка (у саксонскаго анналиста), который писал на основаніи народных преданій и не имѣл достаточных данных для X вѣка. Одним из первых шагов самостоятельнаго правленія Генриха I-го был разрыв его с церковной партіей, которая была поддержкой его предшественникам: Людовику Дитяти и Конраду I. Этот разрыв сказался в том, что Генрих I считал необходимым прибѣгать к церковной церемоніи: он не был ни миропомазан, ни коронован. Духовенство предлагало ему исполнить эти церемоніи, но он отказался. Помимо разрыва с церковной партіей, другой особенностью его дѣятельности явилось рѣзкое измѣненіе отношеній к герцогам, обусловленное безуспѣшностью борьбы с ними короля Конрада I. Генрих иначе поставил дѣло: он предполагал не повелѣвать герцогами, а быть среди них первым. Это была своего рода гегемонія над ними. Такое измѣненіе в политикѣ отразилось и на внутренних дѣлах: с Эбергардом Франконским у него были столь добрыя отношенія, что можно было думать, что на них основывается мир в странѣ. При такой политикѣ прежніе непокорные герцоги изъявляли покорность и склонялись войти с ним в соглашеніе. Бурхард Швабскій изъявил согласіе принести присягу в вѣрности королю и взаменъ того получил права на церковныя имущества, из за которых происходили в Швабіи споры. Когда Бурхард скончался, Генрих не вмѣшивался во внутреннія дѣла Швабіи, и ему спокойно наслѣдовал сын его Герман; таким образом, постепенно устанавливался принцип наслѣдованія герцогской власти. Такія же отношенія были у него и с Арнульфом Баварским, с которым он в 921 г. заключил договор. По этому договору

Баварія получила Сѣверную Марку, Нордгау, часть Франконіи и Каринтію, соприкасающуюся с восточными славянами. Расширив територію Баварскаго герцогства, король предоставил Арнульфу значительную власть. Послѣдній получил право замѣщать вакантныя епископскія мѣста по своему усмотрѣнію, что до того времени было исключительно прерогативой королевской власти. Далѣе, самостоятельность Арнульфа во внутренних дѣлах проявлялась в том, что он датировал свои грамоты по годам собственнаго правленія, а не по годам царствованія Генриха. Затѣм, на монетах чеканилось имя герцога, а не короля. Но этого мало, Арнульф получил расширение власти и во внѣшней политикѣ. Ему предоставлено было право войны, но только по отношенію к восточным сосѣдям — славянам. Таким образом, можно сказать, что благодаря ряду уступок, сдѣланных Генрихом, положеніе герцогов в разных частях Германіи становится независимым. Единственным обязательством с их стороны было: являться с военным контингентом и на засѣданія сейма по требованію короля. Таким образом, Генрих являлся первым среди равных.

Сдѣлав ряд благоразумных уступок, Генрих достиг успѣха в рѣшеніи Эльзас-Лотарингскаго вопроса, в котором были заинтересованы Германія и Франція. Во Франціи в ту пору был королем законный Каролинг, сын Людовика Заики, Карл Простоватый или Простой. Сравнительно с Генрихом I, Карл имѣл за собой традиціонныя права на области, входившія в состав прежней Каролингской монархіи. Уже это обстоятельство заставляло Генриха быть в отношеніи к Франціи особенно чувствительным. Он не мог равнодушно относиться к тому, что права принадлежат не ему. Этот Каролинг стремился осуществить свои теоретическія права практически. Карл Простой, претендуя на владѣніе Лотарингіей, вторгся в Эльзас с войском. Это первое столкновеніе скоро завершилось перемиріем в Боннѣ на Рейнѣ (921). Генрих признал за Франціей права на Лотарингію, а для себя достиг узаконенія власти со стороны Карла, который признал его законным королем восточной половины бывшей Франкской монархіи. Со времени этого столкновенія обнаруживаются обстоятельства, благопріятныя для Генриха, и Германія получает скоро перевѣс. В самой Франціи происходят смуты вслѣдствіе соперничества Каролингов и Робертингов, извѣстных впослѣдствіи под именем Капетингов. Дѣло в том, что предшественник Карла Простого, Роберт Одон имѣл брата Роберта, который, наслѣдовавъ только Парижское графство, предъявлялъ притязанія на корону. С того времени происходит борьба двух партій — Робертингов и Каролингов. Роберт,

поднявши возстаніе против Карла, сверг его в 922 году и короновался короной. В этих дѣлах принялъ участіе герцог Лотарингіи Гизельберт, который стал на сторону Роберта. Но Роберт не долго занимал престол; в сраженіи при Суасонѣ он пал. Но и это не помогло Каролингам, потому что недовольные графы и вельможи, в числѣ которыхъ былъ графъ Вермандуа Герберт, захватили Карла. Послѣдніе склонялись к избранію Рауля Бургундскаго — зятя Роберта. Вступленіе Рауля (в 923 г.) повлекло измѣненіе политики Гизельберта, который не призналъ его королемъ и призвалъ Генриха I. Поэтому Генрихъ в 923 г. осенью перешелъ Рейнъ, являясь защитникомъ Лотарингскаго герцога. Но Рауль не былъ склоненъ доводить дѣло до войны. Поэтому между ними произошло соглашеніе: Генрихъ отказался отъ западной Лотарингіи, а получилъ восточную половину (Кельнское и Трирское архіепископства). Такимъ образомъ, его владѣнія на западѣ расширились. Вскорѣ Гизельбертъ разочаровался в своихъ расчетахъ на Генриха и перешелъ теперь на сторону Рауля. Тогда Генрихъ вторгается в Лотарингію (в 925 г.) с цѣлью усмирить Гизельберта. Этотъ послѣдній долженъ былъ признать верховенство Генриха и, подчинившись ему, упрочилъ отношенія брачнымъ союзомъ (928 г.) с дочерью Генриха Гербертой. Такимъ образомъ, вся Лотарингія была присоединена къ Германіи.

Первые шесть лѣтъ мудрой политики Генриха привели къ хорошимъ послѣдствіямъ на западѣ; но успѣхи не такъ легко давались при рѣшеніи восточныхъ дѣлъ, вытекающихъ изъ отношеній Германіи къ славянамъ и мадьярамъ. В данномъ случаѣ Генрихъ дѣйствуетъ не столько какъ король Германіи, а какъ герцогъ Саксонскій. Мадьяры неоднократно опустошали западную Европу. В 924 г. они громадною массою (100,000) совершили опустошительный набѣгъ. Проникнувъ въ сѣверную Италію, опустошили Ломбардію: чрезъ Альпы проникли во Францію, разграбили Провансъ и Бургундію; по Майну попали во Франконію, а затѣмъ в Саксонію, и возвратились чрезъ нее въ свои владѣнія. Они повергли западную Европу въ ужасъ. Генрихъ не чувствовалъ себя въ силѣ остановить этотъ потокъ. Онъ заперся въ Верлѣ и выдержалъ осаду. Мадьяры, незнакомые съ искусствомъ осаждать крѣпости, склонились къ перемирію, которое было заключено на 9 лѣтъ. Согласно этому перемирію Мадьяры обѣщали не нападать на Саксонію и Тюрингію. Этотъ договоръ не касался всей Германіи, что и было доказано ближайшими событіями. В 926 г. Мадьяры опустошили южную Германію и Франконію. Чувствуя безсиліе противъ врага, Генрихъ долженъ былъ предпринять рядъ мѣръ, которыя могли бы вывести Германію изъ тяжелаго положенія. Прежде всего онъ рѣшился заняться укрѣпленіемъ

неогороженных мѣст. Саксы и Тюринги не имѣли городов; монастыри также не были обнесены стѣнами. Генрих распорядился о постройкѣ бургов — укрѣпленных пунктов. В этом дѣлѣ он может быть слѣдовал англо-саксам. Англо-саксонскій король Эдварс приходился ему сватом, а англо-саксы против нападенія Питтов и Скоттов пользовались системой бургов и валов. По этой системѣ были построены города Кведлинбург, Нордгаузен и др. Но нужно было принять мѣры, чтобы под защитою стѣн этих укрѣпленій поселились жители; поэтому Генрих приказывает, „чтобы отнынѣ всякаго рода собранія происходили не в селах, а под защитой городов“. . . и „чтобы всякій девятый человек из министеріалов проживал по очереди в городѣ, гдѣ должны быть построены дома на случай появленія кочевников“. Так как не во всѣх мѣстах охотно поселялись, то король распорядился заселить города насильственно. В Мерзебургѣ поселены были разбойники и воры, выпущенные из тюрм. Но Генрих этим не ограничился. Он задумал также противопоставить военной системѣ Мадьяр соотвѣтствующее средство: на западѣ конный военный строй возобладал над пѣшим. Большинство вассалов несло конную службу, но в Германіи феодализм не пустил еще ростков. Саксонцы и Тюрингенцы сражались пѣшими. Между тѣм, главная сила Мадьяр заключалась в конницѣ. Генрих должен был противопоставить такую же конницу. Он приказал министеріалам и вассалам нести службу на конѣ. Надобно было создать конницу: с этою цѣлью в теченіе года устроилось нѣсколько собраній, на которых происходили конныя упражненія. Когда Генрих подготовил ряд мѣр, он рѣшил испытать силу новой системы на восточных сосѣдях. За Лабой и Салой проживали прибалтійскіе славяне. Эти славяне оставались язычниками в X в. и жили в условіях племеннаго быта. Каждое племя управлялось своим старостою, и, в случаѣ войны, эти племена не всегда соединялись вмѣстѣ. Пользуясь этим, Генрих начинает ряд предприятий, которыя тянулись непрерывно в теченіе долгаго времени. Первый поход был против Гаволян (в 928 г.), у которых главный город был Бранибор или Бранденбург. Этот поход окончился успѣшно, и Гаволяне были подчинены. Затѣм, предпринявши поход против Далеминцев и, покоривши их, Генрих основал на р. Заалѣ Мейссенскую или Мишенскую Марку. За этими походами слѣдует поход против Чехов (929 г.). В ту пору Чехія образовала самостоятельное государство; князем ея был св. Вацлав. Будучи кротким человеком, Вацлав подчинился власти Генриха и принес ему присягу, как вассал. В том же году Генрих совершил поход в области, расположенныя ниже по теченію Эльбы, на Ратарей и

Бодричей, живших недалеко от впадения Эльбы на правом ее берегу. Поход окончился успешно: при Ленценѣ славяне были разбиты. Их насчитывают до 200000. Позднѣе, в 923 г., Генрих идет вдоль берега Балтійскаго моря на Лютчей (Вильцы в латинских актах). Послѣдніе смирились. Тоже постигло Украин. Таким образом, благодаря ряду походов расширилась власть Генриха над славянскими народами между рѣкой Лабой (Эльбой) и Одером.

В 933 г. окончилось перемиріе с мадьярами. В виду того, что Генрих отказался уплатить дань и подверг послов униженію, мадьяры обрушились на западную Европу, желая отомстить Генриху. На этот раз силы мадьяр были разъединены: один отряд пошел на Италію, другой во Францію и Бургундію и третій на Саксонію. Главное сраженіе произошло 15-го марта 933 г. и окончилось побѣдою Генриха. Гдѣ произошло сраженіе, мнѣнія современников разногласны. По Лиутпранду, мѣстом сраженія был Мерзбург; по Видукинду оно произошло при Радѣ на среднем теченіи Унштрута. В прежнее время этой побѣдѣ придавалось преувеличенное значеніе, находя возможным возводить ее на роль всемірно-историческаго факта и усматривая в исходѣ этого сраженія освобожденіе Германіи от опаснаго сосѣда. Но это не согласно с дѣйствительностью; побѣда Генриха имѣла ограниченное значеніе. Нѣкоторую перемѣну к лучшему эта побѣда цринесла Тюрингіи и Саксоніи. Но этого нельзя сказать об остальной Германіи. Так в 934 и 935 гг. мадьяры продолжают опустошать ее, да и в самой Саксоніи мадьяры появляются через 5 лѣт. Важнѣе было то, что в связи с этой борьбой король должен был внести два важныя преобразованія во внутреннем управленіи, именно: укрѣпленіе городов и образованіе конницы. Пользуясь мирным временем, Генрих предпринимает поход против датскаго короля Гардеканута (934 г.). Подводом к этому послужил спор из-за Эйдерской Марки. Война сопровождалась успѣхом для Генриха и окончилась укрѣпленіем Датской Марки между Эйдером и Шлее (Шлезвиг).

Ведя непрерывный ряд военных предпріятій, Генрих не упускал общаго руководства германскими дѣлами. Оно выражалось в рядѣ совѣщаній с герцогами; ежегодно по два раза Генрих созывал сеймы, на которых присутствовали князья. Конец царствованія Генриха ознаменовался одним поворотом в политикѣ. В началѣ своего правленія он находился в разрывѣ с церковью; поэтому не мог думать об императорской коронѣ. Но под конец царствованія у Генриха замѣчается стремленіе сблизиться с цер-

ковной партией; он созывает синоды церковные, сам лично присутствует на них и высказывается против симоніи. С другой стороны, он дѣлает уступки епископам. До того времени епископы пользовались правами иммунитета (введеніе судов и примѣненіе власти только в своей области); Генрих же I предоставляет епископу города Туля права графа, государственнаго администратора. В связи с этим Генрих замышлял добиваться императорской короны: он думал отправиться в Италію. Этот поход оправдывался тѣм, что благодаря разумной политикѣ Генриха внутреннія дѣла Германіи были блестящи. Но это намѣреніе не осуществилось. 2-го іюля 936 г. Генрих скончался в Мемлебенѣ и похоронен в Кведлинбургѣ.

Со смертью Генриха наслѣдовал престол Оттон. Ему суждено было продолжать политику отца в том направленіи, которое сказалось в концѣ царствованія Генриха. Если бы Генрих примирился с церковью, чѣм отказался от перваго принципа своей политики, то послѣдовало бы, вѣроятно, измѣненіе его отношеній к герцогской власти. Осуществителем этой новой политики явился Оттон (936—973). Лучшая монографія о царствованіи Оттона помѣщается в исторической коллекціи: „Jahrbücher des deutschen Reichs“. В этой коллекціи монографія об Оттонѣ принадлежит труду двух ученых Кёпке и Дённигесу, которые издали ее в 1838 году. Второе изданіе ея вышло в Мюнхенѣ и помѣщено в исторической коллекціи: „Jahrbücher der deutschen Geschichte“ под редакціей Кёпке и Дюммлера. Написана эта работа по плану всѣх подобных монографій этой же коллекціи. Тут собраны по годам историческіе тексты и мнѣнія ученых, и все подвергнуто критическому обозрѣнію.

По смерти Генриха осталось три сына: старшій Танкмар родился от незаконнаго брака Генриха, вторым сыном был Оттон, родившійся в 912 году, когда Генрих был саксонским герцогом, и третій сын Генрих родился уже в пору королевства. Два послѣдніе сына были признаны законными. Но и Танкмар претендовал на первенство, потому что в Германіи еще не было тогда строгаго различія в правах рожденных от законнаго и незаконнаго брака. (Примѣръ этого мы видим в лицѣ Арнульфа, рожденнаго внѣ брака.)

Еще при своей жизни Генрих принимал мѣры, чтобы наслѣдником был признан Оттон; так, на первом сеймѣ он рекомендовал Оттона и заручился согласіем со стороны герцогов. Но на ряду с притязаніями Танкмара говорится и о притязаніях Генриха. Если за Танкмара стояла традиція, то за Генриха новая идея. Он считался порфирородным отроком, потому что родился во время ко-

Оттон.

ролевства отца. Эта идея византийскаго происхожденія. Но в отношеніи к данному вопросу это не имѣло значенія, ибо византийскія традиции не проникли в Германію. Разказы анналистов XI в. о том, будто бы мать Матильда желала доставить престол меньшему сыну, измышлены. В сущности прав Оттона никто не оспаривал. Оттон не получил достаточнаго образованія. К книжному ученію он был мало склонен. Обладая от природы большим умом, он не чувствовал склонности к наукѣ. Еще при жизни своего отца он женился на дочери англо-саксонскаго короля — Юдитѣ. У Оттона было полное равновѣсіе духовных и физических сил, поэтому едва-ли кто лучше его мог быть призван для осуществленія задач намѣченных в концѣ царствованія Генриха I. Вступленіе на престол Оттона сопровождалось рядом церемоній. В это время не могло быть рѣчи о конфликтѣ между церковью и свѣтскою властью. Торжество произошло на съѣздѣ в Ахенѣ (936 г.). Избраніе Ахена подчеркивает принадлежность Лотарингіи Германіи и желаніе Оттона возстановить традиции Карла Великаго. Хотя на торжество собрались всѣ князья, и это как бы было признаніем его законных прав на престолонаслѣдіе, но Оттон принял мѣры подчиненія духовных и свѣтских князей. Торжество его коронованія послужило прототипом для коронованія слѣдующих германских императоров. Церемонія коронованія началась во дворцѣ, гдѣ с громом рукоплесканій князей Оттон был посажен на мраморный трон. За этой интронизаціей послѣдовал торжественный выход из дворца в Ахенскій собор, гдѣ король был встрѣчен Гильдебергом, Майнцским архіепископом. Послѣдній подвел его к гробницѣ Карла Великаго и, обратившись к народу, сказал: „вот Оттон, котораго Господь избрал вам в короли, на котораго король Генрих указал, как на желательнаго ему преемника, котораго всѣ князья уже провозгласили королем. Если этот выбор вам угоден, то поднимите правыя руки“. . . Эта рѣчь указывает основы, на которых покоилось признаніе королевской власти, а именно: избраніе князей, дессигнація предшественника и признаніе короля со стороны народа. Послѣ этого Оттон был подведен к алтарю, гдѣ лежали королевскія инсигніи. Вручая инсигніи, он говорил соотвѣтственныя значенію этих инсигній формулы. Так, вручая меч, Гильдеберг произнес: „прими этот меч и рази им всѣх врагов Господних, еретиков и язычников“; подавая скипетр, он убѣждал отечески относиться к подчиненным: „пусть у тебя никогда не истощается елей милосердія, будь милостив к священнослужителям, помогай вдовам и сиротам“. Послѣ этого на него была возложена корона, и он был отведен на особое мѣсто, около алтаря.

В этой церковной церемонии проглядывает союз с церковью, и коронованию придается акт первостепенного значения. Король принимает коронование как знак того, что наступило время сближения церкви со светской властью. За этой церемонией следовал другой ряд светских церемоний. Во дворец устроен был пир, во время которого те или другие должности были возложены на князей. Так, герцог Лотарингский играл роль камергера, Баварский — роль маршала, Франконский — стольника и швабский — чашника. Этим привлечением князей к придворными должностями Оттон подчеркивает зависимое их положение от короля, как государя всей Германии. Проникновение этими воззрениями выразилось в распоряжении относительно Саксонии и Тюрингии. Оттон не находит возможным самолично управлять последними и поручает их Герману Биллингу, который принадлежал к богатой фамилии, связанной родственными узами с Людольфингами. На обязанности Германа лежало заведывание саксонскими марками, которых он должен был оберегать от славян. В первый же год царствования Оттону пришлось считаться с Чехами. В 935 г. чешский князь Вацлав был убит братом Болеславом. Это обычное заурядство сопровождалось некоторою реакцией в стране. Вацлав был истинным христианином, истинным насадителем христианства. Но языческие традиции в Чехии были прочны: Болеслав до некоторой степени является представителем языческой реакции. С этим не мог помириться Оттон. С другой стороны, в убийстве Вацлава заключалась и политическая опасность. Местные патриоты не одобряли политики Вацлава, его подчинения гегемонии Германии. Таким образом, началась борьба Болеслава Чешского с Германией, продолжавшаяся 10 лет.

К этим затруднениям присоединяются и другие. В 937 г. Магьяры опустошили Германию, Саксонию, Франконию, Швабию и Италию. В 938 г. было произведено новое нашествие на Саксонию; но виновники нашествия — Магьяры были побиты Германом Биллингом. Затруднения в Чехии вызвали десятилетнюю борьбу. Причина, почему Оттон не мог сосредоточить своих сил на врагов, находится в связи с борьбой против герцогов. Эта борьба была естественна и неизбежна в виду изменения политики Оттона и его взглядов на значение королевской власти.

Борьба с герцогами началась в 938 г. и тянулась во все царствование этого короля. Первый период этой борьбы падает на промежуток времени с 938 г. по 948 г. Уже со времени вступления на престол замечается стремление Оттона изменить прежние отношения к герцогской власти. Первое столкновение произошло с

Лекция V.
Борьба Оттона I-го с герцогами.

Баваріей. Когда умер герцог Баварскій — Арнульф, то старшій сын Эбергард отказался принести королю ленную присягу. Это, конечно, не могло не вызвать противодѣйствія со стороны Оттона. Он занял своими войсками в 938 г. Баварію, изгнал Эбергарда, а герцогом Баварским назначил дядю его — Бертольда (брата Арнульфа). Желая на будущее время предотвратить возможность подобных столкновений, Оттон рѣшил обрѣзать территорію Баваріи. Так, от герцога было отнято право назначенія епископов в Баварію, и учреждено было пфальцграфство, а пфальцграфом для управленія королевскими доменами и с правом придворнаго суда назначен племянник герцога Бертольда Арнульф. Пфальцграф (*comes palatii*) был представителем короля в верховном судѣ, завѣдывал королевскими замками, имѣніями, ленами и собирал королевскіе доходы. Отнятіе права у герцога — чеканить монету, сносятся с иностранными государями служило к довершенію тѣх ограниченій, которыя выпали на долю Баварскаго герцога.

Усмиреніе Баварскаго герцога однако не освободило Оттона от необходимости считаться с другими герцогами. Борьба с Франконским герцогом Эбергардом, закончившаяся между первым и вторым походом Оттона в Баварію, произошла на почвѣ мѣстных отношеній. Эделинг Брунинг, саксонец родом, имѣвшій нѣкоторые франконскіе лены, отказался принести присягу Франконскому герцогу, считая себя подсудным Саксонскому герцогу. Эбергард напал на Брунинга и разрушил его замок; Брунинг пожаловался Оттону; послѣдній оправдал владѣтеля замка, а герцога присудил к позорному наказанію: люди Эбергарда должны были нести на плечах своих дохлую собаку. Вскорѣ послѣдовало вторичное столкновение Эбергарда с Брунингом, и Оттон потребовал герцога на суд, но тот не явился. Между тѣм, настроеніе и самой Германіи не совсѣм было благопріятно для Оттона: жаловались, что он оказывает предпочтеніе Саксонцам. Положеніе Оттона становилось опасным особенно в виду того, что недовольство было даже в наслѣдственной его землѣ — Саксоніи. Здѣсь явилось два недовольных лица. Танкмар, брат короля, побочный сын Генриха, и граф Вихман. Первый, как старшій по рожденію, считал себя обойденным в том, что не он был избран королем (по германской традиціи церковный брак не давал преимуществ в правах наслѣдованія престола); к тому же Танкмар надѣялся получить наслѣдство по смерти его родственника по матери, графа Мерзбургскаго, но Оттон отдал графство Герону, маркграфу Тюрнигенскому, извѣстному своею борьбою с прибалтійскими славянами. Вихман же был недоволен предпочтеніем, оказанными Оттоном его млад-

шему брату Герману Биллингу, которому было ввѣрено управленіе Саксоніей. Эти недовольные — Эбергард, Танкмар и Вихман составили союз против Оттона. Танкмар захватил младшаго брата Оттона Генриха и передал Эбергарду, а затѣмъ взялъ Кресбург, гдѣ и засѣлъ. Но союзники не имѣли успѣха, такъ какъ между ними не было единодушія: Вихман отстал отъ союза, примирившись съ королемъ, а положеніе союзниковъ Вихмана оказалось крайне затруднительнымъ: Танкмар могъ рассчитывать только на преданныхъ немногихъ Саксонцевъ, а Эбергард, хотя и представлялъ изъ себя достаточную силу, но былъ ослабленъ внутренней неурядицей, появившейся во Франконіи на почвѣ мѣстнаго партикуляризма. Такъ, Франконскіе графы, Удон и Конрад, не поддержали своего герцога, став на сторону Оттона. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ возстаніе кончилось неудачей: Кресбургъ былъ взятъ королемъ, самъ Танкмар погибъ въ сраженіи, а Эбергард, не рассчитывая на успѣхъ, искалъ примиренія съ королемъ, получилъ прощеніе (благодаря заступничеству брата короля — Генриха и усиленному ходатайству архіепископа Майнцскаго), и ему предоставлено было опять Франконское герцогство.

Едва закончилось движеніе 938 года, какъ вспыхнуло въ 939 году новое гораздо большее возстаніе. Виновникомъ его былъ братъ короля — честолюбивый Генрихъ, который составилъ планъ свергнуть короля съ престола и захватить власть въ свои руки; къ этому плану его побуждало и то, что онъ не получилъ никакихъ земель въ управленіе. Генрихъ склонилъ на свою сторону многихъ саксовъ и Лотарингскаго герцога лукаваго политика Гизельберта. Но предпріятіе его не имѣло успѣха: Гизельбертъ былъ разбитъ при Биртенѣ, а Генрихъ бѣжалъ въ Саксонію и засѣлъ въ Мерзебургѣ. Оттонъ осадилъ Мерзебургъ и такъ какъ не могъ взять его, то выпустилъ брата. Генрихъ ушелъ изъ Саксоніи къ Гизельберту въ Лотарингію, которая становится теперь центромъ коалиціи противъ Оттона. Она составила изъ указанныхъ уже Генриха, Гизельберта, короля Французскаго — Людовика IV (Заморскаго), сына Карла Простоватаго, и Эбергарда Франконскаго, желавшаго возстановить свое прежнее положеніе. Въ этомъ дѣлѣ важно было — чью сторону приметъ епископатъ? Послѣ нѣкоторыхъ колебаній вопросъ былъ рѣшенъ не въ пользу короля. Причиной тому было слѣдующее обстоятельство: Оттонъ поручилъ Майнцскому архіепископу Фридриху вести переговоры съ Генрихомъ и Эбергардомъ. Хотя эти переговоры привели къ соглашенію, но король не утвердилъ ихъ, послѣ чего Майнцскій архіепископъ перешелъ на сторону возставшихъ. Но и у Оттона были союзники: графы Франконскіе Удон и Конрадъ, издавна враждовавшіе съ своимъ герцогомъ, и герцогъ Шваб-

скій Герман, наслѣдовавшій от своих преемников политику враждебную к церковной партіи. Раз епископатъ принялъ сторону враждебную королю, естественно, что герцогъ Швабскій долженъ былъ стать на сторону враждебную епископату. Были союзники у короля и в самой Лотарингіи: здѣсь его сторону держалъ графъ Иммо. Гизельбертъ, переправившись черезъ Рейнъ, соединился съ Эбергардомъ, но при Андернахѣ на нихъ напали графы Удонъ и Конрадъ; произошла битва; Эбергардъ былъ убитъ, а Гизельбертъ, пытавшійся на конѣ переправиться черезъ Рейнъ, утонулъ. Такимъ образомъ, Оттонъ покончилъ съ двумя противниками; изъ двоихъ оставшихся — архіепископъ Майнцскій Фридрихъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, но благодушный Оттонъ скоро его выпустилъ; Генрихъ, потерявъ всѣхъ союзниковъ, бѣжалъ къ королю Французскому Людовику IV. Черезъ нѣсколько времени, благодаря матери Матильдѣ и благодушію Оттона, онъ получилъ прощеніе отъ брата, который только короткое время содержалъ его подъ строгимъ надзоромъ, а потомъ назначилъ его герцогомъ Лотарингскимъ. Во Франконіи же по смерти Эбергарда король уничтожилъ герцогскую власть, никого не назначивъ преемникомъ погибшаго Эбергарда.

Не довольствуясь титуломъ герцога Лотарингіи (гдѣ власть герцога была незначительна), Генрихъ рѣшилъ добиться короны. Подбиваемый многочисленными врагами Оттона и не рассчитывая на успѣхъ открытаго возстанія, онъ составилъ заговоръ на жизнь короля в 941 году. Заговорщики, въ числѣ которыхъ былъ и архіепископъ Майнцскій Фридрихъ, рѣшили привести въ исполненіе свой замыселъ во время пасхи. Но заговоръ былъ открытъ, большинство заговорщиковъ казнено, архіепископъ Фридрихъ опять посаженъ въ тюрьму, а Генрихъ снова бѣжалъ во Францію. Казалось примиреніе братьевъ было уже невозможно, — и однако, когда Оттонъ во время Рождества Христова находился во Франкфуртѣ на Майнѣ, совершенно неожиданно явился Генрихъ, палъ къ ногамъ брата и, благодаря слѣзной просьбѣ королевы-матери, и на этотъ разъ получилъ прощеніе, но уже отъ дѣла правленія былъ совершенно устраненъ: Оттонъ, не смотря на свое любвеобильное сердце, не могъ забыть прежняго вѣроломства брата! Что же касается Лотарингіи, гдѣ теперь было свободно мѣсто герцога, то герцогомъ ея король назначилъ графа Оттона, одного изъ своихъ близкихъ боевыхъ товарищей, а по смерти его (944) отдалъ ее лучшему изъ своихъ полководцевъ Франконскому графу Конраду Красному, племяннику (сыну сестры) короля Конрада I. Вскорѣ Конрадъ женился на дочери Оттона — Ліутгардѣ. Великодушіе короля сильно тронуло Генриха; онъ искренно раскаялся и сталъ такъ усердно служить брату, что тотъ на-

значил его герцогом Баваріи, гдѣ тогда (947) скончался Бертольд. Генрих должен был жениться на Юдитѣ, дочери Арнульфа Баварскаго. Этот брак был необходим, чтобы замѣщенію герцогства Генрихом придать силу законности (в данном случаѣ являлось наслѣдованіе по женской линіи). Затѣм, когда в 949 году умер Швабскій герцог Герман, Оттон отдал Швабію своему сыну Ліудольфу, женив его на дочери покойнаго герцога — Идѣ.

Возстанія герцогов против Оттона только содѣйствовали Ограниченіе
власти гер-
цогов. усилению королевской власти. Оттон окончательно утвердил за собой право назначать герцогов по своему усмотрѣнію. Во Франконіи герцогская власть была вовсе уничтожена, а в других герцогствах сильно ограничена. Мало того, убѣдившись, что герцогская власть представляет силу, с которой надобно считаться, Оттон впослѣдствіи старался замѣщать герцогства своими родственниками. Так в 947 г. был назначен в Баварію герцогом брат короля — Генрих, в 949 году в Швабію сын — Ліудольф, а дочь свою Ліутгарду король выдал в то же время за герцога Лотарингскаго Конрада. Власть герцогов значительно была подорвана учрежденіем в каждом герцогствѣ пфальцграфств. На этот пост король назначал своих особенно довѣренных людей — пфальцграфов (*comes palatii*). Сломив герцогскую власть и размѣстив на герцогских столах своих родственников, Оттон постарался закрѣпить за своим домом королевскую власть. Уже на сеймѣ 946 г. он добился признанія законным наслѣдником престола старшаго сына своего Ліудольфа Швабскаго.

Внѣшняя политика Оттона 1-го была чрезвычайно сложна и разнообразна в виду необходимости принимать во вниманіе политическое положеніе Европы и на востокѣ, и на западѣ. На востокѣ веденіе политики предоставлено было графу Саксонскому Герману Биллингу и маркграфу Тюрингенскому Герману. Оба они имѣли ряд частичных успѣхов в борьбѣ с прибалтійскими славянами, чему способствовало дробленіе славян на мелкія племена. Отсутствіем государственнаго единства в средѣ славян в значительной степени объясняются их постоянныя нападенія и грабежи герцогских земель; князь каждаго племени руководился собственным усмотрѣніем в достиженіи своих мелочных интересов. Герону приходилось с врагами вести постоянную войну, которая носила характер преимущественно партизанскій. Утомленный борьбой, Герон рѣшился на вѣроломный поступок: он пригласил к себѣ на пир 30 славянских князьков, напоил их пьяными до безчувствія и приказал всѣх их перебить. Этот поступок вызвал опасное движеніе среди славян. Покончив с внутренними неурядицами, Оттон при-

Внѣшняя
политика
Оттона Ве-
ликаго.

нял личное участие в борьбѣ. Очень скоро всѣ славяне за Лабю (Эльба) были приведены к повиновенію, их город Бранибор (впослѣдствіи Бранденбургъ) был взят; всѣ покоренныя племена были обложены данью. Завоеванныя земли были розданы воинам-саксам на ленныхъ условіяхъ. Туземцы были обязаны исполнять разныя работы на короля и его вассалов. На ряду с колонизаціей умиротворенію страны много содѣйствовали христіанскіе миссіонеры. Вмѣстѣ с тѣмъ вводились церковныя установленія (десятина епископамъ и духовенству). Такимъ образомъ, на славянъ легло тяжелое бремя: платить правительству, колонистамъ и церкви. Помимо упорства самихъ славянъ (что было естественно в ихъ положеніи), дѣлу распространенія христіанства не мало противодействовали саксы изъ чисто-экономическихъ соображеній (язычники вѣдь не платили десятины духовенству). С цѣлью пресѣченія возстанія славянъ, по всей пограничной области были построены укрѣпленные города-бурги, подъ покровомъ которыхъ находили себѣ убѣжище нѣмецкіе колонисты. В каждомъ бургѣ былъ гарнизонъ с бургграфомъ во главѣ. В административномъ отношеніи всѣ завоеванныя земли были подчинены — сѣверныя — Герману Биллингу, южныя — Герону. Такъ положено было начало нѣмецкой колонизаціи в земляхъ прибалтійскихъ славянъ и вмѣстѣ с тѣмъ онѣмеченію ихъ. Но только къ концу 40-хъ годовъ X-го столѣтія Оттонъ рѣшилъ добиться упроченія христіанства в славянскихъ земляхъ, несмотря на противодействіе Саксонской аристократіи. Средствомъ къ этому было учрежденіе ряда епископскихъ кафедр: в Бранденбургѣ и Габельбургѣ с подчиненіемъ митрополиту Майнцскому, епископства Рижское, Аарское и Шлезвигское с подчиненіемъ архіепископу Бременскому.

Вскорѣ и чешское самостоятельное государство должно было признать зависимость свою отъ сосѣдней Германіи. В 935 г. в Чехіи былъ убитъ Вацлавъ Святой по приказу брата — Болеслава, который захватилъ в свои руки власть и стремился сдѣлать страну независимой отъ нѣмцевъ. Начавшаяся борьба, которая можетъ быть названа борьбою славянства-язычества с германизмомъ и христіанствомъ, была продолжительна и окончилась походомъ Оттона в 950 году на Болеслава, послѣ чего послѣдній призналъ себя пленникомъ германскаго короля и обязался платить дань в размѣрѣ 300 марокъ.

В борьбѣ герцоговъ с королевскою властью дѣятельное участие принималъ король западныхъ Франковъ — Людовикъ IV. Нужно припомнить, что по смерти Рауля Бургундскаго произошла Каролингская реставрація. Родственникъ Рауля, Гуго Великій, не считая удобнымъ предъявить свои права на корону, возстановилъ Каролингскую династію в лицѣ Людовика IV, родившагося в Англіи.

Давно уже западно-франкское (нынѣшняя Франція) и восточно-франкское государства оспаривали одно у другого Лотарингское герцогство. Генрих 1-ый завоевал эту область для Германіи, а Людовик IV, воспользовавшись внутренними неурядицами в Германіи, задумал отвоевать её обратно: Людовик дважды вторгнулся в Эльзас в 938 и 939 гг. В 942 г. Оттон и Людовик заключили мир, по которому французскій король отказался от притязаній на Лотарингію. Этому миру способствовало то обстоятельство, что Гуго Парижскій (владѣнія его были на Сенѣ и Луарѣ) не забывал, что предки его в лицѣ Одона и Роберта были королями, а потому явился главою партіи, враждебной Каролингам. Оба соперника рассчитывали на помощь Оттона Германскаго, на сестрах котораго они были женаты: Гуго на Ядвигѣ, Людовик на Гербертѣ, вдовѣ Гизельберта. Но Оттон не желал перевѣса ни одной сторонѣ, чтоб устранить опасность для Германіи. Как только равновѣсіе нарушалось, он принимал энергичныя мѣры к возстановленію его. Так, когда Людовик, захваченный Норманами, был выдан Гуго, который потребовал отдачи города Лана (Laon) и других Каролингских наслѣдственных земель, — то Оттон вступился за французскаго короля и потребовал его выдачи, чего и добился на соборѣ в Ингельгеймѣ (948). Таким образом, Оттон утвердил свое вліяніе во Франціи.

В тѣсной связи с французскими (нейстрійскими) отношеніями стояли дѣла Бургундскія. Бургундія была расположена по среднему теченію Роны и западным странам Альп, это была самая цвѣтушая страна западной Европы; здѣсь пролегали торговыя дороги на сѣвер, она была покрыта сѣтью цвѣтущих городов, — но в политическом отношеніи представляла полнѣйшее ничтожество. Это зависѣло от крайняго развитія в ней феодализма и отсутствія единства. Она дѣлилась на двѣ части: верхнюю и нижнюю. В каждой была собственная владѣтельная династія. Герцоги обѣих Бургундій находились в постоянной враждѣ между собою. В нижней (Провансѣ) отдѣленіе от Каролингов произошло еще в концѣ IX вѣка — здѣсь первым королем не из Каролингов был герцог Бозон. Сын его Людовик Слѣпой (ослѣпленный во время похода в Италію) стремился добыть корону в Италіи, гдѣ трон был игрушкой владѣтельных герцогов. Послѣ его смерти, мѣстный граф Гуго Вьенскій, двоюродный брат Людовика, ставшій владѣтелем нижней Бургундіи, продолжал попытки овладѣть Италіей, но встрѣтил противодѣйствіе со стороны Рудольфа Верхне-Бургундскаго (и этот имѣл в виду возложить на себя корону Италіи). Соперничество окончилось договором 933 г., по которому

объ Бургундіи соединились под властью одного Рудольфа, отказавшагося от притязаній на Италію, а Гуго Вьенскому было предоставлено право искать короны Италиі. Рудольф опирался на Оттона и даже отдал на его попеченіе сына своего Конрада. Когда же в 937 г. Рудольф умер, и ему должен был наслѣдовать сын его Конрад, то Гуго Вьенскій, воспользовавшись тѣм, что покровитель его — Оттон — был занят борьбою с герцогами, захватил Бургундію. Желая ее упрочить за собою, он женился на вдовѣ Рудольфа — Бергѣ Бургундской, а сына своего Лотаря женил на Адельгейдѣ, сестрѣ законнаго наслѣдника. Оттону необходимо было вступить за права питомца Конрада, а с другой стороны, его самого интересовал и итальянскій вопрос.

Положеніе Италиі в началѣ X вѣка было очень плачевно: она была терзаема внѣшними врагами и внутренними неурядицами. Так, в 880 г. Сарацины захватили берега Гварильяно, теперь же угрожали и самому Риму; к тому же здѣсь появились Мадыяры, пришедшіе из Панноніи в Италію и оттуда через альпійскіе проходы в Прованс и производившіе опустошеніе Италиі. Мѣстные владѣтели не могли отказать сопротивленія. Не менѣе печально было и внутреннее состояніе Италиі, так как здѣсь господствовали полнѣйшій упадок нравов духовенства, насильственный захват должностей, замѣщеніе их по волѣ сильных сеньеров; распоряженіе тіарой римскаго первосвященника находилось в руках римской аристократіи. Положеніе ухудшалось еще тѣм, что на церковныя дѣла имѣли немаловажное значеніе такія развратныя женщины, как Мароція с ея дочерьми — Θεодорой и Мароціей, которыя доставляли папскій престол или своим любовникам, или незаконным дѣтям. Их ставленники были вполне ничтожныя личности. Однажды только онѣ сдѣлали, можно сказать, ошибку, даровавъ тіару Іоанну X, человѣку энергичному, который съумѣлъ поправить дѣла Италиі, самолично разбил Сарацин на Гварильяно и даже стал вмѣшиваться в дѣла Германій при Конрадѣ I. Тѣм не менѣе, он должен был короновать императорскою короною, такую ничтожную личность, как Беренгар Иврейскій. Этот фактъ давал основательный повод домогаться короны Рудольфу и Гуго. Рудольф, впрочем, как мы уже упоминали, скоро отказался от этих честолюбивых притязаній. Гуго, женившись на Мароціи, достиг того, что папа в 932 г. короновал его императорскою короною. Но незаконный сын Мароціи — Альберикъ в тот же день выгнал из Рима и стал властвовать, избирая пап по своему произволу. Подобныя безпорядки не могли не привлекать вниманія Оттона, но обстоятельства сложились так, что он должен был

отложить на время свой поход на Рим, — пока не подворил в своем государствѣ порядка.

В Римѣ наступило тиранническое правленіе Альберика. Та- Лекція VI.
ково же было правленіе Гуго в остальной Италіи, так как он по характеру своему принадлежит к числу наиболѣе тираннически настроенных и безнравственных людей своего вѣка. Итальянцы относились к нему, как к узурпатору, помня его Бургундское происхожденіе и считали его чужаком. Управление и положеніе Гуго в Италіи затруднялось еще тѣм, что у него появился соперник в лицѣ внука короля Беренгара I — Беренгара Иврейскаго, который и восторжествовал в 947 году послѣ нѣскольких лѣтъ упорной борьбы из-за владѣнія Италіей. Беренгар находил сочувствіе и поддержку у германских князей Баварскаго и Швабскаго, владѣнія которых соприкасались с сѣверной Италіей. Он даже жил одно время при дворѣ Оттона I. Одолѣвъ Гуго, Беренгар стал именовать себя императором и мечтал упрочить власть и за своими потомками. С этой цѣлью он добивался возможности женить сына своего на вдовѣ Лотаря, сына Гуго, Адельгейдѣ (Адельгейда — дочь Рудольфа Верхне-Бургундскаго и сестра Конрада Бургундскаго, который находился под опекой Оттона Великаго). За смертію Лотаря она представляла выгодную партію для сына Беренгара, с его точки зрѣнія. Но его исканіе руки Адельгейды для сына своего Адельберта успѣха не имѣло. Позднѣйшіе источники говорят опредѣленно об этом искательствѣ, но в современных нѣтъ никаких указаній: однако, подобное искательство является крайне правдоподобным, так как тогда обыкновенно политика претендентов закрѣплялась политическим браком. Современные источники говорят, что Адельгейда была в руках Беренгара, он ее держал сурово сначала в Комо, а потом в Гардѣ. Адельгейда, как сестра Конрада, который находился под опекою Оттона, обратилась за помощью к опекуну брата. Это было достаточным поводом для вмѣшательства со стороны Оттона в дѣла Италіи; притом же, плачевное положеніе Италіи и римскаго престола (порнократія папская) давно уже привлекала вниманіе Германскаго короля. Кромѣ того, он вполне справедливо мог считать болѣе достойным кандидатом на императорскую корону, чѣм послѣдніе бургундскіе и итальянскіе тиранны. Все это было причиной того, что Оттон, устроивши внутреннія дѣла в Германіи, замѣстивши здѣсь почти всѣ герцогскія мѣста своими родственниками, рѣшил предпринять поход в Италію. Отношенія между Беренгаром и сосѣдними князьями — Швабским и Баварским — стали уже крайне натянутыми. Баварскій герцог Генрих в 949 году вступил с войском в восточную

часть Италіи, овладѣлъ Аквилейской областью, но на этом и остановился. Швабскій герцог Людольф, сын Оттона в 951 г. сдѣлал попытку ворваться через Альпы в Ломбардію, но успѣха не имѣл. Болѣе имѣл значенія поход самого Оттона в том же 951 году. Когда он с князьями-родственниками вступил в Италію, Беренгар скрывался в своих замках на склонах Альп и на высоких мѣстах Аппенин, не осмѣливаясь оказать открытое сопротивленіе. Овладѣвъ Ломбардіей, Оттон короновал себя короною Итальянскаго королевства. Этим коронованіем он желал показать, что он разсматривает Итальянское королевство болѣе принадлежностью Германіи, чѣм титулом соединенным с понятіем императорской короны. В том же году он женился на Адельгейдѣ, которая успѣла от притѣсненій Беренгара укрыться в Реджіо на югѣ Италіи. С этих пор Оттон открывает переговоры с папой Агапетом о коронованіи императорской короной. Так как этот папа находился в зависимости от римскаго тиранна Альберика, а этот послѣдній продолжал управлять Римом, как независимый государь, то эти переговоры успѣха не имѣли. В виду отказа папы Оттон рѣшил удовлетвориться на этот раз пріобрѣтеніем Ломбардіи и, оставив в Италіи уполномоченнымъ Конрада Лотарингскаго, сам удалился обратно в Германію. Конрад с успѣхом продолжал дѣло в Италіи и в концѣ концов успѣл добиться от Беренгара ряда уступокъ. Тот, между прочим, отказался от императорской короны и призналъ свою ленную зависимость от Оттона. Мало того, он вмѣстѣ с Конрадом явился в Германію, принес присягу на имя Оттона и обязался уплатить извѣстную дань за владѣнія в Италіи. В то же время Истрія, Аквилейская область, Триест и Верона были отдѣлены от сѣверной Италіи и присоединены к Баварскому герцогству. Но в то время, как в Италіи дѣла Оттона шли удачно и общали ему успѣх, в самой Германіи неожиданно возникло осложненіе, которое должно было убѣдить Оттона, что его система внутренняго управленія, основанная на узах родства, несостоятельна. Германскіе князья руководились не принципіальными соображеніями, а личными побужденіями. Это открылось из послѣдующаго возстанія. Душею этого возстанія был Конрад Лотарингскій. К участию в возстаніи его, может быть, побудили отношенія в самой Лотарингіи, но внѣшним поводом послужило то, что Оттон не утвердил договоров, которые Конрад заключил с Беренгаром Иврейским. Сын Оттона, Людольф Швабскій, тоже присоединился к возстанію, будучи недоволен вторым браком отца, так как усматривал большое вліяніе на отца со стороны Адельгейды. Присоединился еще к возставшим примас Германской церкви Фридрих, ар-

хіепископ Майнцскій. Для этого послѣдняго побужденіем было слѣдующее. Ранѣе примасы считались канцлерами не только Германіи, но и Италіи. Теперь же канцлерство не было предоставлено Фридриху. Это возстаніе извѣстно в исторіи под названіем Людольфингскаго возстанія, по имени сына Оттона Людольфа Швабскаго. Сначала возставшіе имѣли значительный успѣх. Затигнутый врагами врасплох, окруженный ими в Майнцѣ Оттон принужден был в 953 г. согласиться на всѣ условія, которыя ему были предъявлены. Какія это были условія, можно говорить только предположительно: повидимому, дѣло шло о соправительствѣ сына его и наслѣдника Людольфа Швабскаго. Оттон попытался было сойтись с противниками и помириться с ними, ограничиваясь требованіем выдачи виновников раздора, но попытка его успѣха не имѣла, потому что главари возстанія не полагались на его добродушіе. Князья, сочувствующіе болѣе Оттону, чѣм его политическим противникам, собрались на сеймѣ в Фрицларѣ. Здѣсь сын Людольф и зять Оттона Конрад были осуждены и лишены герцогств. Началась борьба еще болѣе ожесточенная, сначала в Лотарингіи, гдѣ были владѣнія Конрада, но там обнаружился мѣстный сепаратизм, столь же опасный для герцога, как опасно было для короля сепаратистическое движеніе герцогов; часть Лотарингских князей готова была бороться против герцога за Оттона: в числѣ их был особенно опасен для Конрада Регинар, граф Геннегау. Тоже было и в других землях. В Швабіи, гдѣ до того времени был Людольф, потомки бывшей Швабской фамиліи не забывали своих старых прав. Представителем их интереса был Бурхарт, родственник бывшего герцога Бурхарта. Таким образом, и здѣсь было раздвоеніе. В виду этого, король опираясь на поддержку князей и пользуясь шатким положеніем врагов, приступил к военным дѣйствіям. Началась осада города Майнца, но она успѣха не имѣла: Оттон не мог взять крѣпкаго города. Эта неудача Оттона ободрила возставших. К ним скоро примкнули новые элементы: племянники Германа Биллинга, сыновья Вихмана: Экберт и Вихман. Они не забыли претензій отца и хотѣли добиться первенствующаго положенія в Саксоніи и устраненія дяди Германа Биллинга. Тоже было и в Баваріи. Здѣсь герцогом был брат Оттона Генрих; он устранил собою старую баварскую герцогскую фамилію: Арнульф, сын герцога Арнульфа, нашел удобным возстановить теперь свою власть. Таким образом, недовольные проявляли свою дѣятельность в разных частях Германіи. Не полагаясь на свои силы, возставшіе рѣшили опереться на помощь Мадьяр. Мадьяры, заключив союз с недовольными князьями, проникли в

Баварію и Лотарингію, гдѣ были приняты Конрадом дружественно и гостепріимно. Но эта связь возставших с иноплеменниками послужила к урону их дѣл.

Общественное имѣніе в Германіи было возмущено этою дружбаю с заклятыми врагами Германіи, какими были Мадьяры. Этот поворот общественнаго мнѣнія не замедлил ко благу Оттона отразиться в видѣ упадка дѣл возставших. В Германіи увидали, что востаніе приведет Германію в то положеніе, в каком она была при Конрадѣ I. Тогда всѣ лучшіе элементы перешли на сторону Оттона. В Лотарингіи дѣятельным помощником Оттона явился Брунон, Кельнскій архіепископ, брат Оттона Великаго. Он дѣйствовал в интересах своего брата с энергіей и предприимчивостью. Отличаясь образованіем, административными талантами, энергіей, он скоро поставил Конрада в такое положеніе, что тому ничего не оставалось дѣлать, как искать сближенія с Оттоном. И послѣдній — Конрад — вмѣстѣ с Фридрихом, архіепископом Майнцским, явился с повинной на сейм в Лянгенценнѣ и просил прощенія. Но Людольф Швабскій и Арнульф Баварскій продолжали бороться, не смотря на то, что их шансы на успѣх уменьшились. Когда, таким образом, прирейнскія области были замирены, Оттон мог уже сосредоточить вниманіе и силы на югѣ Германіи. Теперь он сосредоточил военныя дѣйствія около Регенсбурга и осадил город. Мадьяры не оказали помощи Арнульфу, и он сам пал во время этой осады. Людольф, оставшись без союзников, рѣшил просить у отца мира и прощенія. Явившись на сейм во Фрицларѣ, он принес покаянный акт и просил оставить за ним владѣніе Швабіей. Окончательное рѣшеніе по этому дѣлу послѣдовало на сеймѣ 954 г. в Арнштадтѣ. Здѣсь было постановлено: Людольфа Швабскаго и Конрада Лотарингскаго лишить герцогств за востаніе против законной власти; Фридрих архіепископ Майнцскій избѣжал той же участи только потому, что в предыдущем году умер; его престол был предложен побочному сыну Оттона Вильгельму. Что касается выморочных лен, то в этом отношеніи в Швабіи возвратились к старому порядку вещей. На мѣсто Людольфа был назначен Бурхарт, родственник бывшаго Швабскаго герцога Бурхарта. Чтобы прочнѣе закрѣпить связь с королем, Бурхарт поспѣшил жениться на Ядвигѣ, дочери Генриха Баварскаго, племянницѣ Оттона Великаго. Что касается управленія Лотарингіей, то здѣсь послѣдовали значительныя перемѣны: герцогская власть отмѣнена, и управленіе ею было передано Кельнскому архіепископу Брунону. Так окончилось возстаніе Людольфа, которое заставило Оттона в теченіи 953—954 гг. отказаться от продолженія италіанской политики.

Теперь, когда с этими дѣлами было покончено, казалось бы, что Оттон мог бы возобновить италянскій поход, но на этот раз ему помѣшало возобновленіе военных дѣйствій против Мадьяр, находившееся в связи с возстаніем Людольфа. Пользуясь борьбою в Германіи, Мадьяры рѣшили возобновить свой поход против нея; и когда возстаніе Людольфа было усмирено 954 г., большое мадьярское войско (по нѣкоторым источникам, численностью до 100,000) ворвалось в Баварію и осадило Аугсбург, рѣшив окончательно завладѣть южной частью германской территоріи. Город был мужественно защищаем епископом Удальрихом. Оттон поспѣшил на помощь. Он собрал 8 полков или корпусов (по предположенію — в каждом по 1000 тяжеловооруженных ратников) и выступил против Мадьяр. Состав его войска был разнообразный. Так как опасность угрожала югу, то большая часть была и из южной Германіи: 3 полка Баварских, 2 Швабских, 1 Саксонскій, 1 Лотарингскій. В качествѣ союзника пришел Болеслав Чешскій с ратью. Битва произошла 10 августа 955 г. недалеко от Аугсбурга, на рѣкѣ Лехѣ, впадающей в Дунай. Послѣ упорнаго сопротивленія Мадьяры были побѣждены и, оставив добычу свою и большую часть обоза, искали спасенія в бѣгствѣ. Эта побѣда имѣет большое историческое значеніе. Ее нельзя сравнивать с побѣдой Генриха над Мадьярами около Мерзебурга (933 г.). Побѣда Генриха обезопасила от Мадьяр одну Саксонію, теперь же обезопасена была вся Германія. С этих пор Мадьяры не возобновляли своих больших походов не только против Германіи, но и против других средне-европейских стран и, занявши одну Паннонію, постепенно перешли к осѣдлому быту. Этому измѣненію быта не мало способствовало то, что к ним стало проникать христіанство. Мадьяры стали постепенно терять свои дикія финскія черты и входить в состав европейских культурных народов.

Благодаря счастливому разрѣшенію вопроса о сосѣдних отношеніях с Мадьярами, Оттон мог разрѣшить вопрос и относительно Баварскаго герцогства. Вскорѣ послѣ побѣды над Мадьярами скончался Генрих Баварскій, брат Оттона. Послѣ него остался его четырехлѣтній сын Генрих. Его нельзя было бы назначить герцогом, еслибы восточныя границы не были прочно обезпечены. Теперь же препятствій для этого не было, и поэтому Оттон утвердил его. Регентшей осталось его мать умная и мужественная Юдита.

Первоначальная политика Оттона в разрѣшеніи вопроса о герцогствах окончилась неудачно, так как родственники не менѣе подрывали королевскій авторитет, руководясь своими мелкими эгоистическими побужденіями, чѣм представители старых герцог-

ских фамилий. Поэтому Оттон изменяет свою внутреннюю политику. Отчасти он восстанавливает герцогов старых фамилий, но, главным образом, опирается на союз с церковью. Союз этот, между прочим, выразился в том, что Оттон нашел поддержку со стороны Брунона Кельнского и Вильгельма Майнцакого. Но кромѣ этого, добрыя отношенія отразились на всем духовенствѣ. Оттон щедро выдавал епископам привилегіи и грамоты на права и преимущества в отношеніи управленія землями, которыя им принадлежали. Грамоты эти иммунитетнаго содержанія и извѣстны под названіем „Оттоновых привилегій“. Он сблизился и с реформаціонным направленіем, которое сказывалось в нѣдрах западной церкви. В Бургундском монастырѣ Ключни образовался Ключнійскій орден, имѣвшій в виду оздоровленіе церковной среды и упорядоченіе в замѣщеніи папскаго престола. Усиленіе Ключнійскаго ордена обусловливается тѣм, что Оттон состоял опекуном Конрада, короля обѣих Бургундіи; женившись на Бургундской принцессѣ Адельгейдѣ, он еще болѣе вошел в круг интересов, очагом которых была Бургундія. Эта связь с Бургундіей имѣла и другія послѣдствія. Так как Бургундія была передовой страной по образованію и культурѣ, то ключнійское образованіе вызвало подъем культуры и умственнаго движенія в самой Германіи. Этому содѣйствовал и сам Оттон, учреждая монастыри и при них школы. Из таких монастырских центров заслуживает особеннаго вниманія Кведлинбург.

Необходимость изменить внутреннюю политику выдвигала вопрос, над которым пришлось позадуматься. Если нельзя было рассчитывать на поддержку свѣтскаго общества, если нельзя было опереться на преданность князей и если нужно было поэтому искать опоры в представителях Церкви, то необходимо было установить прочныя отношенія к главѣ Церкви, к папскому престолу, надо было упорядочить дѣла в центрѣ Церкви. Это побудило Оттона предпринять новый поход в Италію, чтобы достигнуть императорской короны и подчинить папскій престол авторитету императорской власти. Подобное возстановленіе Каролингских традицій неизбѣжно привело бы к упроченію королевской власти в Германіи, искавшей поддержки в представителях Церкви. Таким образом, второй поход Оттона логически вытекал из ряда предыдущих событий. Но в Римѣ властвовал Альберик, как полновластный государь, не обращая вниманія ни на Оттона, ни на Беренгара Иврейскаго. Когда он в 954 г. скончался, то сын его и преемник Октавіан унаслѣдовал его свѣтскую власть и управлял Римом, как свѣтскій государь. По смерти же папы Агапета II Октавіан, считая лишним назначать кого-либо на папскій престол, устроил так,

что сам был избран в папы под именем Иоанна XII и соединил в своих руках свѣтскую и церковную власть. Но на этом не остановились честолюбивые замыслы Октавіана. Он задумал расширить свои свѣтскія владѣнія. Припомнив старинный договор Пипина, он старается захватить Равенскій экзархат и Петрополис. В данном случаѣ он встрѣтил противодѣйствіе со стороны Беренгара II, который властвуя в Италіи, не хотѣлъ допустить в средней Италіи никакой другой власти. Столкновение Иоанна XII с Беренгаром II, политическія соображенія Оттона, призыв к нему со стороны Клунийцев, — все это побудило Оттона в 956 г. возобновить поход против Италіи. Он послал туда сначала сына Людольфа, но этот поход успѣха не имѣлъ, тѣм болѣе, что Людольф в слѣдующем году умер. В то же время и Беренгар стремится завладѣть Римом, но римляне и папа, чувствуя свое безсиліе, рѣшились призвать в Рим Оттона. Теперь, слѣдовательно, обстоятельства изменились.

На сеймѣ, созванном в 961 г. в Вормсѣ по вопросу о походѣ в Италію, надо было подумать и об обезпеченіи престолонаслѣдія в самой Германіи. Здѣсь Оттон склонил князей к тому, чтобы они признали наслѣдником его семилѣтняго сына, рожденнаго от брака с Адельгейдой (впослѣдствіи Оттона II). Тут же был рѣшен вопрос и о регентствѣ. Оно было поручено ближайшим родственникам: дядѣ наслѣдника Брунону, архіепископу Кельнскому и его сводному брату Вильгельму. Теперь Оттон мог уже безпрепятственно приступить и к походу в Италію. Войдя в Италію, он не встрѣтил сопротивленія, потому что Беренгар искалъ убѣжища в своих крѣпких замках. Оттон скоро прошел сѣверную Италію и явился под стѣнами Рима. Благодаря соглашенію с папой, он без сопротивленія вошел в Рим и короновался императорской короной 2-го февраля 962 г. Папа Иоанн XII принес ему присягу на вѣрность. В связи с этим находится изданіе „Оттоновой привилегіи“, данной Римской Церкви. В этой грамотѣ Оттон устанавливает отношенія между императором и Римскою церковью. Критическое изданіе и изученіе привилегіи есть заслуга Э. Зихкеля, который посвятилъ этому вопросу свой замѣчательный труд: *Das Privilegium Ottos I. für römische Kirche*, 1883 г. Нѣкоторыя части этой грамоты болѣе древняго происхожденія. По мнѣнію Зихкеля, в основу этой грамоты легла грамота „*Ratum Hludovici p̄p̄mi*“ 817 г. Из нея взят перечень владѣній Римской Церкви и подтвержденіе прав на эти владѣнія, поскольку они опредѣлялись Каролингскими традиціями. Но есть в „Оттоновой привилегіи“ и разница сравнительно с грамотою 817 года. Кое-что при-

бавлено, а кое-что опущено. Другая часть грамоты заново определяет отношенія папы и императорской власти. Император принимает участіе в выборѣ пап. Выбор пап собственно определялся каноническими обычаями; но предусматривалось и то, что „рара electus“ может не получить одобренія императорской властью а потому до получения санкціи со стороны императора не должен приступать к посвященію. Перед посвященіем избранный в папы должен принести присягу на имя императора. Кромѣ того, император имѣл право высшаго контроля над администраціей папскихъ владѣній. Это право — возвращеніе к старымъ традиціямъ Карла Великаго. Императору предоставлена власть контролировать дѣйствія административныхъ и судебныхъ чиновниковъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ, эта привиллегія должна была установить отношенія между папскою и императорскою властью. Теперь Оттонъ мог дѣятельно приступить къ борьбѣ противъ Беренгара II. Оттонъ осадил и взял замокъ Св. Льва около Мерино, но вскорѣ долженъ былъ снова идти на Римъ, потому что измѣнилась политика и планы папы Іоанна XII, который задумалъ вести борьбу противъ императора, не оправдавшаго его надеждъ. Папа находилъ, что грамота 962 года ограничиваетъ слишкомъ его власть. Онъ завязалъ сношенія съ Беренгаромъ II и впустилъ Римъ его сына Адельберта. Не ограничиваясь этимъ, онъ вступилъ въ сношенія съ Византіей, съ Уграми и даже съ такими врагами христіанства, какъ Сарацины. Словомъ, онъ сталъ центромъ заговора противъ императора. Но римляне, которымъ наскучило тиранническое правленіе Іоанна XII, несклонны были поддерживать папу и впустили въ Римъ императора. Папа и его союзникъ Адельбертъ бѣжали изъ Рима. Занявъ Римъ, Оттонъ потребовалъ отъ населенія возобновленія присяги на вѣрность и подтвержденія обязательства не приступать впередъ къ выборамъ пап до полученія на то разрѣшенія со стороны императора. Вслѣдъ за тѣмъ былъ созванъ соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора для разсмотрѣнія вопроса о дѣятельности папы Іоанна XII. Два раза приглашали на соборъ папу, но онъ (по причинамъ очень понятнымъ) не явился. Соборъ постановилъ его низложить, и по указанію Оттона папою избранъ былъ Лев VIII. Упорядочивъ такимъ образомъ дѣла въ Римѣ, Оттонъ могъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Беренгара. Беренгаръ былъ захваченъ въ плѣнъ и отправленъ въ глубь Германіи для заточенія въ тюрьму въ г. Бамбергѣ, гдѣ и умеръ въ 966 г. Іоаннъ же XII продолжалъ доставлять затрудненія императору, мстилъ ему, составлялъ противъ него коалиціи, пока не умеръ въ 963 г. За смертію Іоанна XII, его партія и римское населеніе, недовольное папою Львомъ VIII, выбрали, вопреки присягѣ и обя-

зательству, папу Бенедикта V, а Лев VIII покинул город Рим. Император силою взял Рим и возстановил Льва VIII. Бенедикт V, попавши в руки Оттона, смирился и был отправлен в заточение в Гамбург. Таким образом, за время от 954 г. до 966 г. Оттон покончил с италянскими дѣлами и достиг значительнаго успѣха.

В связи с этим успѣхом находится борьба Германіи на востокѣ. Восточные сосѣди Германіи по Эльбѣ, мелкія славянскія племена организовались в два союза: Бодрицкій и Лютицкій. Еще при предшественникѣ Оттона Генрихѣ, равно как и при нем самом земли за Лабой (Эльбой) находились под господством Германіи. Но это господство не отличалось прочностью. Христіанская миссія встрѣчала здѣсь противодѣйствіе не только со стороны славян, преданных язычеству, но и со стороны саксов. Притом же славяне склонны были к неожиданным возстаніям и движеніям. Укажем из них на возстаніе 954 г., когда нѣсколько племен из обоих союзов возстали против угнетеній нѣмецких колонистов. Славяне не привыкли платить подати и налоги и выжидали только удобнаго момента, чтобы свергнуть ненавистное для них иноплеменное иго. Это возстаніе было подавлено усиліями Германа Биллинга и маркграфа Тюрингскаго Герона. Но не прошло и года, как (954 г.) возобновилось новое движеніе среди славян. Всѣ славяне от Эльбы до Одера поднялись, как один человек. Много надо было усилій, чтобы усмирить это возстаніе. Герон на этот раз окончательно подчинил всѣ области от Эльбы до Одера (960 г.) В связи с этими успѣхами послѣдовало расширение могущества Германіи на славянском Востокѣ: христіанскіе славянскіе народы, достигшіе организаціи государственнаго быта, чехи и поляки, вынуждены были признать зависимость от Германіи. Этот успѣх на востокѣ объясняется дѣятельностью Герона. Когда Герон умер (966), то германское правительство не сочло нужным сохранять единство управленія восточной и западной частями и раздѣлило его область на 5 марок: Сѣверная, Восточная, Мишенская или Мейссенская, Мерзебургская, и Тюрингская. В связи с этими успѣхами на Востокѣ и подчиненіем папы разрѣшается церковный вопрос о необходимости дать прочную церковную организацію епархіям, основанным в славянских странах. Для созданія такого церковнаго центра выбор императора Оттона остановился на г. Магдебургѣ. Этот город был также любезен для Оттона, как для Карла Великаго Ахен. Оттон сдѣлал нѣсколько шагов для поднятія его: еще в 937 году он основал монастырь в честь Петра и Маврикія и учредил при нем собор или Дом, при котором обос-

Лекція VII.

новалась Магдебургская Домская школа, долго игравшая на Востокъ роль разсадника просвѣщенія на славянском Востокѣ. —

Тогда же император думал и об основаніи архіепископіи (первоначально, впрочем, в. г. Гальберштадѣ, который предположено было выдѣлить из состава Майнцской архіепископіи) в Магдебургѣ. Но эти планы Оттона шли в разрѣз с интересами Майнцскаго архіепископа. Основанію новой архіепископской кафедрѣ не сочувствовала также папская курія.

Но когда Оттон I достиг императорской короны, то на римском соборѣ 962 г. принципиально рѣшено было учредить Магдебургскую митрополию, но окончательное рѣшеніе послѣдовало на Равеннском соборѣ 967 года. В состав этой митрополиі входили епископства Гавельбергское, Бранденбургское, Цейцкое, Мерзебургское и Мишенское. Первым Магдебургским архіепископом, по желанію самого императора был поставлен Адальберт, аббат Вейсенбургскаго монастыря. При Адальбертѣ и кафедра в Магдебургѣ и Домская школа при ней настолько сдѣлались извѣстны, что сюда пріѣзжали обучаться дѣти многих знатных славянских князей.

Итак, казалось, что благодаря указанным мѣрам, принятым Оттоном I по отношенію к славянским землям, эти послѣднія сживутся с христіанством запада и его культурой. Но ожиданія эти не оправдались. Ближайшим образом это объясняется тѣм, что скоро вниманіе Оттона I отвлечено было италійскими дѣлами. Хотя Оттон I и достиг в 962 г. императорской короны, однако волненія в Италіи не прекращались. Сын Беренгара Адельберт возвратился в сѣверную Италію и снова начал враждебную германскому императору политику. Оттон I послал сначала против Адельберта герцога Швабскаго Бурхарта, а затѣм вскорѣ и сам предпринял 3-й поход в Италію, побуждаемый еще к тому смутами в Римѣ. Дѣло в том, что по смерти папы Льва VIII римляне обратились к Оттону I с просьбой назначить им папу. Оттон назначил Іоанна XIII. Но папа Іоанн XIII скоро возбудил неудовольствіе в Римѣ, особенно среди аристократіи; послѣдняя подняла возстаніе, и папа был захвачен. Для поддержки своего ставленника Оттон рѣшил предпринять поход в Италію. Управление же государством, в виду малолѣтства сына своего Оттона II, он поручил Вильгельму, архіепископу Майнцскому (своему побочному сыну). В 966 г. Адельберт был усмирен. Возстановлен был и папа Іоанн XIII; причем между папой и императором послѣдовало слѣдующее соглашеніе: папа утвердил основаніе Магдебургской архіепископіи и короновал наслѣдника престола Оттона II, император же отдал папѣ Равеннскую область, отнятую у Адельберта.

К этому же времени относится начало сношений Оттона I с Константинопольским двором. В 967 г. Оттон отправил посольство во главѣ с Лиутпрандом, архіепископом Кремонским, в Константинополь с порученіем просить Романа II — номинальнаго византійскаго императора — выдать его дочь Анну за сына Оттона I наслѣдника престола — Оттона II. Посольство успѣха не имѣло, потому что Никифор Фока требовал отказа от Рима за честь избранія византійской принцессы в невѣсты для молодого Оттона. Недовольный таким исходом, Оттон I открыл военныя дѣйствія, против Византіи: он предпринял поход на юг Италіи, гдѣ находились византійскія владѣнія. Но Оттону I удалось достигнуть лишь небольших успѣхов (побѣда при Асколи). Между тѣм в Константинополѣ произошел переворот: Никифор Фока был свергнут Иоанном Цимисхіем. Тогда для веденія переговоров был послан Герон, архіепископ Кельнскій. Был заключен мир, по условіям котораго Капуя и Беневент признаны германской имперіи владѣніями, а Калабрія и Апулія византійскими. Мир был скрѣплен браком Оттона II и Теофано, племянницы Иоанна Цимисхіа. Это домогательство Оттона I породнитья с византійским императорским домом характерно в том отношеніи, что Оттон I, хотя и носил корону, однако истинным императором считал императора Византіи и чрез родство с ним хотѣл придать своей династіи блеск и узаконеніе. В 972 г. Оттон I возвратился в Германію и вскорѣ скончался (7 мая 973 г.). Похоронен в Магдебургѣ. По смерти Оттона I на престол вступил сын его Оттон II. (Лучшій монографическій труд по эпохѣ царствованія Оттона II принадлежит Гизебрехту).

Оттон II вступил на престол 18 лѣтъ. Но недостаток зрѣлаго опыта восполнялся прекрасным образованіем Оттона II. Его учителями были знаменитые ученые того времени; между ними особенно выдѣлялся Герберт, архіепископ Реймсскаго, знакомый не только с западною литературою, но и с восточною — арабскою, которая стояла выше европейской. Вступленіе на престол Оттона II Краснощекаго, как его называли, не встрѣтило особенных препятствій со стороны германских князей, исключая развѣ князей Лотарингіи, гдѣ однако недовольство Оттоном II скоро было подавлено, и он был там признан законным императором. К первым же годам царствованія Оттона II относится его столкновение с Баварским герцогом Генрихом Сварливым. Оттон I отдал Баварію родному брату Генриху, который прежде был с ним во враждѣ, но по полученіи Баваріи, сдѣлался его надежной опорой. По смерти Генриха законным наслѣдником был признан сын Генриха — Генрих Сварливый. Однако за малолѣтством Генриха Свар-

Оттон II.
973—983.

ливаго дѣлами Баварскаго герцогства завѣдывала умная и энергичная мать его Юдита, съумѣвшая настолько твердо и хорошо править герцогством, что при ней замѣчается даже нѣкоторое усиленіе герцогской власти. Она, на примѣр, свободно распоряжается епископскими мѣстами в Баваріи. С цѣлью же упрочить герцогскую власть в Баваріи она выдала свою дочь Ядвигу за Бурхарта — герцога Швабскаго. В 973 г. Бурхарт скончался, и Оттон II в видах ослабленія союза двух южных герцогств отдал герцогство своему племяннику Оттону, сыну Лиудольфа — виновника нѣкогда бывшаго возстанія. Это назначеніе отчасти имѣло объективное оправданіе: Лиудольф, старшій брат короля Оттона II, нѣкогда был герцогом Швабским. Подобное распоряженіе не понравилось Генриху Сварливому, тѣм болѣе, что Оттон II отдал и Восточную марку, гдѣ правителями были обыкновенно родственники баварскаго дома, — Лиутпольду Бабенбергу, который явился основателем новой династіи и новой политической единицы — Австріи. (Династія Бабенбергов прекратилась со смертію Фридриха в 1246 г.) Недовольный предпочтеніем, оказанным Оттону, сыну Лиудольфа, и Бабенбергскому дому, Генрих Сварливый поднял против императора возстаніе в союзѣ с Абрагамом, епископом Фрейзингенским, чешским князем Болеславом II и польским — Мечиславом. Привлеченіе послѣдних к коалиціи объясняется взаимностью их интересов. Славянскіе князья считались вассалами германскаго императора, платили дань, должны были являться иногда и на сеймы германских князей; но в то-же время они мечтали о полной независимости своих государств. Отсюда, понятно их участіе в возстаніи против германскаго императора. Но заговор был открыт прежде, чѣм союзники обнаружили активную дѣятельность. Генрих Сварливый с епископом Абрагамом был схвачен и отдан на суд германских князей; послѣдніе признали их виновными и заключили в тюрьму. С славянскими князьями начата была война, впрочем, неуспѣшная, так как отряд германских войск, посланный против Болеслава, потерпѣл от него пораженіе.

Генрих Сварливый, бѣжав из заключенія, снова поднял возстаніе в Баваріи против императора. Возстаніе вскорѣ распространилось и на сосѣдную Швабію, гдѣ было нѣкоторое недовольство герцогом Оттоном. Но, благодаря энергіи послѣднаго, возстаніе, скоро было подавлено. Генрих бѣжал в Чехію, а Баварія была отдана Оттону Швабскому в награду за усмиреніе возстанія. Для ослабленія герцогской власти в Баваріи Оттон II предпринял цѣлый ряд мѣр: 1) всѣ епископскія каѳедры Баваріи объявлены были зависимыми от самаго императора; 2) было возстановлено

Баварское пфальцграфство, т. е. была признана независимость нѣкоторых ленных земель Баварскаго герцогства, подчиненных прежде Баварскому герцогу; 3) нѣкоторые мѣстные духовные князья получили различныя привилегіи и пожертвованія; 4) Восточная марка, которая считалась в вассальной зависимости от Баваріи, теперь признается зависимою от самаго императора; 5) Сѣверная марка, на сѣвер от Дуная, отдана была Бертольду Бабенбергу, брату Лиутпольда Австрійскаго; 6) из земель, расположенных на юг от Баваріи (Каринтія, Штирія, Веронская область, часть области Венеціи), было образовано самостоятельное герцогство и отдано Генриху Младшему, сыну бывшаго герцога Баварскаго Бертольда.

До нѣкоторой степени в связи с волненіями в Баваріи находились дѣла в Лотарингіи. Мы упомянули, что Оттону II, при вступленіи на императорскій престол, пришлось считаться с нѣкоторым недовольством в Лотарингіи, которая тоже, как нынѣ Баварія, была расчленена по мысли и плану Брунона Кельнскаго. Сыновья Регинара, графа Геннегау, сначала безуспѣшно домогались отцовскаго наслѣдія, но теперь получили их обратно от Оттона II, а нижняя Лотарингія была отдана Карлу, одному из Каролингов, брату французскаго короля Лотаря IV.

Но и в Баваріи недолго царило спокойствіе. Не смотря на ея расчлененіе, законный наслѣдник Баваріи Генрих Сварливый не отказался от мысли возстановить свою власть в наслѣдственной странѣ и с этою цѣлью подготавливал возстаніе. На сторонѣ Генриха Сварливаго оказались нѣкоторые из Баварских князей и епископов. Сверх всякаго ожиданія, сторону Генриха Сварливаго принимает и Генрих, правитель Штирії и Каринтіи. Но это возстаніе было подавлено благодаря усиленной дѣятельности Оттона, герцога Баварскаго и Швабскаго; результатом было то, что Каринтія была отдана Оттону Франконцу, сыну Конрада Краснаго, бывшаго герцога Лотарингскаго. Таким образом, дѣти участников возстанія 955 года в лицѣ Оттона Баварскаго и Швабскаго и Оттона Каринтійскаго снова достигли власти. Это знаменовало собою разрыв с политикою отца и объяснялось вліяніем на императора его жены Теофано.

Слабохарактерный Оттон II находился между двумя вліяніями — с одной стороны под вліяніем матери Адельгейды, с другой — жены своей Теофано, причѣм подпадал под вліяніе то одной, то другой. В началѣ его царствованія, повидимому, перевѣс имѣла мать его Адельгейда; но потом вліяніе ея пошатнулось: питая расположеніе к Генриху Сварливому, она во время его возстанія оказалась как-бы на его сторонѣ. И вот на этой почвѣ произошло охлажденіе в отношеніях между сыном и матерью,

кончившееся тѣм, что Адельгейда удалилась в родную ей Бургундію. С этого времени начинает пріобрѣтать вліяніе при дворѣ честолюбивая и умная жена Оттона II, Теофано. Она до нѣкоторой степени была виновницей неудачной политики в Италіи. Дѣло в том, что италіанскія дѣла не были приведены в порядок при Оттонѣ I, да и при Оттонѣ II они еще находились в той же неблагоустроенности; вслѣдствіе чего время от времени там вспыхивали волненія и возстанія. В 972 г. умер папа Іоанн XIII; на его мѣсто еще Оттон I назначил Бенедикта VI. Но мѣстная римская аристократія была недовольна таким назначеніем и подняла движеніе. Герцог Кресценцій, сын папы Іоанна X, захватил Бенедикта VI и заключил его в тюрьму, а на освободившійся таким образом папскій престол посадил Бонифація VII. Но и этот выбор оказался неудачным; новый папа не оправдал надежд ни Римлян, ни самого Кресценція. Дѣло в том, что Бонифацій VII рѣшил держать себя самостоятельно по отношенію к патронам; но в результатѣ получилось то, что Бонифацій VII, потерявъ почву под ногами, и не надѣясь на покровительство императора, должен был бѣжать в Константинополь. При таких обстоятельствах папскій трон снова оказался вакантным, так как Бенедикт VI уже умер в ту пору, а Бонифацій VII находился в отсутствіи. Тогда на папскій престол был избран Бенедикт VII; но и он не мог удержаться в Римѣ и, по совѣту Теофано, жены Оттона II, сочувствующей ему, принужден был удалиться в сѣверную Италію, в надеждѣ на помощь со стороны императора. Узнавъ об этом, Оттон II отправился в 980 г. в Италію вмѣстѣ с Оттоном, герцогом Швабским и Баварским. Проникнув безпрепятственно в сѣверную Италію, Оттон II остановился в г. Павіи; здѣсь он встрѣтился с Адельгейдой и, при участіи аббата Ключійскаго Майола, состоялось примиреніе между матерью и сыном. Из Павіи же император двинулся на Рим; папа Бенедикт VII был возстановлен, а враг его Кресценцій был заключен в монастырь.

Казалось, что цѣль похода была достигнута; но не так смотрѣла на это Теофано — она принуждала мужа выступить на защиту христіан, тѣснимых арабами; послѣдніе, владѣя Сициліей, под начальством Абуль-Казема, дѣлали попытки укрѣпиться и на южной Италіи. В Византіи в эту пору скончался Іоанн Цимисхій, а преемники его были заняты преимущественно дѣлами Балканскаго полуострова. Борьба против арабов была начата Оттоном II, при содѣйствіи герцога Капуанскаго Пандульфа и была ведена им с большим успѣхом. Во время этой войны взяты были города: Бари, Тарент. Но за исход этого предпріятія боялись византійцы

— они могли лишиться всѣх своих владѣній в Италіи, почему они оказались, если не явными, то тайными союзниками арабов. Счастье благоприятствовало императору: в битвѣ при Колоннѣ пал Абуль-Казем. Но на этом и закончились успѣхи Оттона II. Увлеченный пылкостью характера, он был разбит арабами 13 июля 983 года; при бѣгствѣ попал на греческое судно. Греки хотѣли привезти его в Византію, как плѣнника, но благодаря счастливой случайности ему удалось обмануть стражу, броситься в море, вплавь достигнуть берега и таким образом избѣжать плѣна. Тѣм не менѣе неудача эта отразилась очень печально на ходѣ дѣл. Апулія и Калабрія были потеряны. Возстановить потерянное стало невозможным: душа предпріятія Теофано осыпала мужа упреками, а главная его опора герцог Швабскій и Баварскій Оттон скончался во время похода. Тогда Оттон II рѣшил обратиться с просьбой о помощи к германским князьям. В 983 г. в Веронѣ состоялся сейм, на котором единодушно было рѣшено поддерживать императора. Вмѣстѣ с тѣм трехлѣтняго сына его Оттона III всѣ признали наслѣдником престола и короновали его. Оттон же II с своей стороны сдѣлал ряд уступок князьям: он произвел, так называемую, реституцію, т. е. отказался от своей прежней политики. Со смертью герцога Оттона оказались вакантными два герцогства — Швабское и Баварское. Данная Оттоном II реституція состояла в том, что Генриху, сыну Бертольда, возвращены были Баварія и Каринтія, а Франконец Оттон, который был доселѣ герцогом Каринтійским, должен был отказаться. Швабія же была отдана Конраду, одному из представителей франконскаго дома. Благодаря этой реституціи, Оттон II мог бы возобновить свою политику и достигнуть завоеванія всей Италіи, еслибы ему не встрѣтились затрудненія на сѣверо-востокѣ. Оказалось, что Венеція, помощь которой на морѣ была необходима, отказалась принимать участіе в военных дѣлах по соображеніям торговым, не желая разрыва с Византіей, бывшей тогда центром торговли на Средиземном морѣ. Начались военныя дѣйствія против Венеціи; но осада Венеціи, в силу ея исключительнаго положенія при морѣ, была неудачна. Эти неудачи окончательно сломили Оттона II; он умер в 983 г. в Римѣ, в возрастѣ 28 лѣт, и был похоронен в базиликѣ св. Петра

Оттон III
(983—1002 г.)

Со смертью Оттона II, за малолѣтством его наслѣдника, управленіе дѣлами перешло в руки Теофано, которая, хотя и отличалась природным умом, но как иностранка, не пользовалась расположеніем со стороны нѣмцев. Вслѣдствіе этого первые ея годы регентства ознаменовались смутами. Виновником этих смут и волнений был тот-же Баварскій герцог — Генрих Сварливый, двоюрод-

ный брат покойнаго императора Оттона II, находившійся в заточеніи в г. Утрехтѣ. При вѣсти о смерти Оттона II епископ Утрехтскій выпустил Генриха на свободу. Получив свободу, Генрих поспѣшно отправился в Кельн, захватив наслѣдника престола и королевскія регаліи. По прибытіи в Кельн он короновал Оттона III, а себя провозгласил регентом. Подобный поступок со стороны Генриха Сварливаго, объясняемый общим недовольством Теофано, как регентшей, породил продолжительныя волненія. На сторону Генриха стали архіепископы Кельнскій, Трирскій, Магдебургскій и епископ Мецкій Теодорих.

Сторону Теофано приняли люди, которые, хотя и раздѣляли общее недовольство против нея, но, по своим личным побужденіям, считали необходимым противодѣйствовать начинаніям Генриха. К этой партіи принадлежали: Готфрид, герцог верхней Лотарингіи, и Адальберт, архіепископ Реймсскаій.

На востокѣ в это время произошло тоже раздѣленіе: сторону Генриха приняли славяне (чехи, поляки, бодричи) и даже саксонцы, а сторонниками Теофано выступили Генрих, герцог Баварскій, Конрад Швабскій и архіепископ Майнцскій Виллизис. Итак, в Германіи возник опасный раздор, угрожавшій борьбою сѣвера и юга Германіи, — на сѣверѣ были союзники Генриха, на югѣ сторонники Теофано. Но дѣло не дошло до открытой борьбы благодаря Виллизису, предложившему передать всѣ дѣла на разсмотрѣніе сейма в Рарѣ (около Мейнингена). Прежде всего необходимо были вырвать из рук Генриха короля Оттона III и регаліи, так как ходили слухи, что Генрих мечтает о коронѣ, и эти слухи имѣли нѣкоторую реальную почву в честолюбивом характерѣ Генриха. Поэтому неудивительно, что даже и сторонники Генриха на этом сеймѣ стали добиваться возвращенія малолѣтняго императора в руки матери, которая успѣла примириться с свекровью (Адельгейдой) и прибыла из Италіи в Германію. В результатѣ совѣщаній был заключен договор, по которому Генрих Сварливый получил Баварію, но с своей стороны должен был отказаться от званія регента. Генрих же младшій, бывшій до того Баварским герцогом, сохранил в своих руках герцогство Каринтійское и Веронскую область. Таким образом, началось регентство Теофано, которая обнаружила природный свой ум и таланты: она умѣла поддерживать мир внутри страны и устранять попытки к его нарушенію как со стороны внѣшних врагов, так и внутренних. Ея опорой и помощником был Виллизис Майнцскій.

Лекція VIII.

Энергичная регентша не ограничилась Германіей, но простерла свою власть и на Италію, гдѣ была правительницею мать умер-

шаго императора Оттона II, Адельгейда. Явившись в 989 году в Италию, Теофано стала действовать здесь вполне самостоятельно и даже не совсем согласно с прежней политикой императоров. С 985 года в Риме главенствовал местный аристократ, Кресценций, сын Кресценция, бывшего противником Оттона II. Папа был в полной зависимости от него. Вместо того, чтобы прогнать Кресценция и восстановить значение папского престола, Теофано, осторожно, признала за Кресценцием титул римского патриция и утвердила его политическую власть над городом. Такие же владетельные права она признала за Капуанским герцогом Пандульфом и за другими южно-италийскими князьями; словом, признала установившийся к этому времени порядок в Италии, оставив мечты своего мужа о возвращении Апулии и Калабрии, которыми владели византийцы, и о вытеснении из Италии Сарацын. Эти последние после смерти их предприимчивого вождя (Абуль-Казема) перестали быть опасны для Италии тем более, что среди них начались раздоры. Рядом уступок Теофано без больших трудов восстановила порядок в Италии. Примирившись с Кресценцием, Теофано таким образом сделала папу Иоанна XV послушным орудием германской политики, что вскоре обнаружилось при вмешательстве германского правительства во французские дела.

Во Франции по смерти Лотаря († 986 г.) королем сделался Людовик V, сын Эммы, дочери Адельгейды, а следовательно, родственник императора. Тогда возвращен был Германии захваченный Верден. По смерти Людовика (986 г.) по желанию французской аристократии и Реймского архиепископа был избран Гуго Капет (987 г.). С перемьной династии перемьнилась и политика обоих государств. При Людовике V оба государства жили в добром согласии, что видно из того, что дядя Людовика Карл получил в лен от Германии герцогство Нижне-Лотарингское. Со вступлением же Гуго Капета на французский престол возник так называемый Реймский вопрос.

В 988 году умер Реймский архиепископ Адальберон. Новый король Франции поставил архиепископом побочного сына Лотаря Арнульфа вместо Герберта, секретаря умершего архиепископа, как следовало бы поставить в интересах Франции и новой династии. Ошибка Гуго Капета вскоре обнаружилась. Новый архиепископ Арнульф задумал восстановить Каролингов и вступил в союз с Карлом Нижне-Лотарингским, своим дядей, которого впустил в Реймс. Ланский епископ коварно захватил их обоих (и дядю и племянника) и выдал их Гуго Капету. Тогда созван был Сенбальский собор, на котором Арнульф был обвинен в измене и низложен,

а на его мѣсто был избран Герберт. Правительница Теофано вступилась за вассала Германіи и низложеннаго архіепископа Арнульфа, опираясь на авторитет папы Іоанна XV, который тотчас послал во Францію своего легата, чтобы он созвал новый собор и возстановил Арнульфа. Французское духовенство, однако, не явилось на собор. Произошел разрыв между папой и Капетингами. Вопрос о правильности замѣщенія Реймской каедры создавал затрудненія для Франціи, раздѣляя духовенство на двѣ партіи. Таким образом, политика Теофано должна быть признана вполнѣ удачной и правильной.

Еще болѣе успѣшной была ея политика на востокѣ. Здѣсь ревностными помощниками Теофано были Гизельберт, архіепископ Магдебургскій, и Эккарт, маркграф Мейссенскій. С их помощью она возстановила порядок и спокойствіе на сѣверо-востокѣ. Борьба с славянскими племенами (с Бодрицким союзом), жившими по нижнему теченію Эльбы, облегчалась тѣм, что в это время враждовали между собою два могущественных князя: Болеслав чешскій и Мечислав польскій, а слѣдовательно ни тот, ни другой не могли оказать помощи Бодричам. Теофано приняла сторону послѣдняго и заставила Болеслава чешскаго признать зависимость от Германіи. Смерть прервала благотворную для Германіи дѣятельность Теофано (991 г.). Регентство перешло к бабушкѣ еще несовершеннолѣтняго императора, Адельгейдѣ, которая и поспѣшила из Італіи в Германію. Адельгейда, хотя была умная и образованная женщина, но не обладала политическими талантами Теофано. Поэтому она играла самую незначительную роль в управленіи государством. Все вѣдали могущественные церковные и свѣтскіе князья, между которыми выдѣлялись Виллизис Майнцскій, Бернгард Саксонскій, Конрад Швабскій, Генрих Баварскій. Согласія между князьями не было, а Адельгейда не была в силах помирить их. Управление государством стало приходить в разстройство. Этим воспользовались внѣшніе враги. Славяне, жившіе по Эльбѣ, Одери и Гавелю (бодричи, лютичи и др.), объединившись открыли враждебныя дѣйствія; Бранденбург стал переходить из рук в руки. В 994 году произошло поголовное возстаніе славян. Положеніе было трудное. Правительству кой-как удалось заключить не совсѣм выгодный мир. Пользуясь этими же обстоятельствами, Датчане вмѣстѣ с Норманами стали опустошать берега Нѣмецкаго моря. Фризія (населенная Фризами) теряет свою связь с германской имперіей и приобрѣтает самостоятельность. Слабость правительства обнаружилась еще в дѣлѣ о Баварском наслѣдствѣ. Когда в 995 г. умер Генрих Сварливый, то баварцы избрали его сына

Генриха своим герцогом, и Адельгейда признала этот факт, хотя подобный поступок баварцев являлся нарушением установившихся прав императорской власти.

В 996 году император Оттон III вступил в управление государством. Он не обладал необходимой для правителя твердостью характера и не успел возстановить пошатнувшийся общественный порядок, хотя был талантливый и умный человек. Воспитателями его были самые знаменитые своею ученостью люди того времени: грек Иоанн Нонантула и француз Герберт. Много, конечно, дала ему и его умная и образованная мать, гречанка Теофано. Все эти иностранцы, дав Оттону III хорошее воспитание, не внушили ему любви к своему народу. Отчужденность, отсутствие симпатии к немцам — отличительная черта характера и поведения Оттона III. Без любви к своим подданным, при всех своих хороших качествах, император не мог принести большой пользы своей родине. Был близок к императору только один умный и образованный немец Бернвард Гильдесгеймский, герой борьбы со славянами, но он мог мало достигнуть среди стольких иностранцев, смотревших на немцев, как на варваров, и внушавших своему воспитаннику такие же взгляды. Первым шагом молодого императора на государственном поприще был поход в Италию, предпринятый с целью короноваться в Риме императорской короной. Войско Оттона состояло преимущественно из ополчений церковных князей. Этот знаменательный факт свидетельствует о выдающейся роли церковных владетелей в государственной жизни. В Павии Ломбардцы принесли императору присягу на верность. Здесь Оттон короновался италийской короной. Сюда же прибыло посольство от римлян с просьбой о назначении нового папы в виду кончины Иоанна XV. Выбор императора остановился на Бруноне, сыне герцога Каринтийского и его родственнике, молодом человеке 24 лет от роду. Брунон вступил на папский престол с именем Григория V. 21 мая 996 года Оттон короновался императорской короной и, так как цель похода была достигнута, то никаких особых препятствий не встречалось к возвращению (римляне папу приняли, а Кресценций был изгнан). Во время этого похода молодой император успел познакомиться с различными религиозно-политическими направлениями, которые в то время господствовали в церковной среде. Так как эти направления оказывали сильное влияние на императора и много содействовали умственному возбуждению современного общества, а также сыграли важную роль в истории Западной Европы, то необходимо познакомиться с этими церковными направлениями, влиявшими на политическую жизнь, хотя в общих чертах. Суще-

ствовало три направленія: государственное, реформаторское и аскетическое.

Государственное или политическое возникло в Германіи и Италіи в связи с политикою Оттона Великаго, сдѣлавшаго в силу пожалованія иммунитетных грамот епископскія каѳедры центрами политических, торговых и экономических интересов даннаго округа. Располагая судом, администраціей и военной силой, епископы сдѣлались могущественными владѣтелями. Своими имѣніями епископы управляли при помощи министеріалов, возвысившихся из числа зависимых людей, проживавших на их землях. Получив в свои руки права государственной власти (иммунитет), епископы стали этим министеріалам ввѣрять отдѣльныя отрасли управленія. Постепенно возвышаясь, министеріалы образовывали постоянный правительственный совѣтъ епископов и вліяли на их выборы. Обязанные конной военной службой, министеріалы епископских округов составляли значительные военные контингенты, составлявшіе материальную опору германских государей. Управление епископскими имѣніями по большей части было поставлено гораздо лучше, чѣм управление коронными имѣніями. Вполнѣ естественно поэтому, что епископскія каѳедры сдѣлались центрами экономического предпріятія: около них возникали рынки, торговые поселки и поселенія ремесленников. Располагая средствами, епископы всегда могли оказывать содѣйствіе государям при их финансовых затрудненіях. Вмѣстѣ с тѣм епископскія каѳедры сдѣлались центрами умственной жизни. Такое значеніе особенно имѣли каѳедры Магдебургская и Майнцская, а также монастыри Гандерсгеймскій, Кведлинбургскій, Сен-Галленскій, Рейхенау и др. Епископы и аббаты богатых монастырей являлись князьями имперіи, дѣятелями не только церкви, но и государства. Можно даже сказать, что интересы государственные им были ближе и важнѣе, чѣм интересы церкви. Эти духовные князья были столпами и опорой государственной системы, созданной политикою Оттона Великаго. Такое же значеніе пріобрѣли еще ранѣе епископы в Италіи. Завладѣвъ доменами как государственными землями, они поставили в зависимость свѣтскую знать, раздавая представителям ея земли на феодальных условіях.

На ряду с этим направленіем и в противовѣс ему, возникло другое, которое проникнуто было совершенно противоположными стремленіями и задачами. Церковь не должна вмѣшиваться в мірскія дѣла, должна стоять особо, преслѣдовать свои собственные интересы: возвеличеніе церкви путем возрожденія упавшей нравственности. Направленіе это возникло сначала в Бургундіи, в Ключнійском монастырѣ. Это преобразовательное или реформаціонное

направленіе стремилось удалить церковь от всего мірскаго, освободить ее от зависимости по отношенію к государству, поставить ее особо, т. е. преобразовать коренным образом существующій строй церковной жизни, сложившіяся вѣками. В Германіи этому направленію сначала не сочувствовали, хотя постепенно и сюда проникало это Ключійское направленіе: одним из сторонников был Брунон, поставленный в папы императором Оттоном III под именем Григорія V.

Третье направленіе аскетическое. Возникло оно и распространилось главным образом в Италіи, в пору наиболѣе глубокаго паденія нравов в средѣ духовенства. Идеал этого направленія — самоочищеніе, удаленіе от всего мірскаго, от всего того, что может препятствовать личному самоусовершенствованію. В сѣверной Италіи представителем этого направленія был св. Ромуальд, а в южной преподобный Нил. Учеником Нила был Войтѣх — Адальберт, епископ Пражскій, который однако не жил в своей епископії, так как не сошелся ни с князем, ни с чешским народом. Он был в Римѣ, когда сюда прибыл император Оттон III. Адальберт скоро сошелся с императором и оказал на него сильное вліяніе, тѣм болѣе, что послѣдній в это время увлекался мистицизмом и аскетизмом: строго соблюдал посты, ходил на поклоненіе мощам, являлся в разные монастыри и, между прочим, посѣтил преподобнаго Нила, представителя аскетизма. Между тѣм, Адальберт — Войтѣх должен был, по приказанію папы Григорія V, возвратиться к своей покинутой паствѣ. В Чехіи встрѣтили его болѣе, чѣм холодно. Не рѣшаясь послушаться папы, Войтѣх, согласно приказанію польскаго князя Болеслава Храбраго, отправился проповѣдывать христіанство среди Пруссав, живших по нижнему теченію Вислы, гдѣ вскорѣ нашел мученичскій вѣнец (998 г.). Болеслав выкупил тѣло его дорогою цѣной, заплатив яко бы столько золота, сколько вѣсило тѣло его, отправилъ его в Гнѣздо и положил в соборѣ. Сдѣлал все это Болеслав, в надеждѣ получить от Оттона III большую благодарность, так как хорошо знал о той дружбѣ, которая соединяла этих двух людей; и он не ошибся: император впослѣдствіи щедро отблагодарил его.

Эти направленія в значительной степени опредѣляли политику императора. До своего избранія папа Григорій V принадлежал к Ключійскому направленію и пытался возобновить универсальную политику папской куріи, пришедшую в забвеніе в эпоху порнокраціи. С этою цѣлью он старался провести в жизнь Лжеисидоровскія декреталіи, возносившія папскій авторитет на необыкновенную высоту. Как ключіец, папа Григорій V болѣе покрови-

тельствовав монашеству, чѣм епископату, а потому благопріятствовал освобожденію монастырей от епископской юрисдикціи. В виду такого настроенія папы неудивительно, что он рѣшительно вмѣшался в разрѣшеніе Реймсскаго вопроса и рѣшил сломить сопротивление французскаго духовенства: Герберт был вынужден покинуть архіепископскую кафедру которую снова занял Арнульф. В связи с этим, брак короля Роберта II с Бертою был объявлен незаконным на соборѣ в Павіи, и король французскій был принужден подчиниться этому постановленію собора. Далеко не столь благопріятным было положеніе папы в самой Италіи. Вождь римской знати Кресценцій изгнал папу из Рима и посадил на папскій престол бывшаго учителя Оттона Іоанна Нонантулу, епископа Піаченцы, под именем Іоанна XVI. Для возстановленія Григорія V потребовался новый поход императора в Италію (997 г.) На время отсутствія из Германіи управленіе государством поручено было теткѣ Оттона III Матильдѣ. Как только император подошел к Риму, населеніе поспѣшило изъявить покорность и выдать антипапу. Кресценцій заперся в замкѣ св. Ангела, но замок был взят приступом. Іоанн XVI был осужден на соборѣ, ослѣплен и посажен в тюрьму, а Кресценцій казнен. Возстановив порядок в Римѣ и папу на престол, Оттон ушел в Ломбардію и занялся устройством дѣл Равеннской архіепископіи, которую предоставил своему другу Герберту, к тому времени примирившася с папою Григоріем V. На соборѣ в Павіи (998) были приняты важныя мѣры, направленныя к усиленію епископов, вынужденных в сѣверной Италіи бороться с могущественными ленниками, стремившимися к проведенію в жизнь принципа наследственности ленов. По этому поводу было постановлено, что феодальные договоры имѣют силу только в теченіи жизни того епископа или аббата, который предоставил кому либо лен. Проведеніе этого принципа, укрѣпившаго авторитет епископов сѣверной Италіи, выпало на долю преемника папы Григорія V († 999), которым был назначен по волѣ императора Герберт, вступившій на папскій престол под именем Сильвестра II. Ему пришлось вступить в борьбу с Ардуином Иврейским, который расширял свои владѣнія, захватывая церковныя земли, а особенно земли епископа города Верцелли, и возбуждая епископских ленников против их феодальных господ. Папа отлучил Ардуина от церкви, а император конфисковал его владѣнія. Сильвестр II энергично продолжал политику своего предшественника, подтвердив права Арнульфа, своего бывшаго соперника, на Реймскую кафедру.

Покончив дѣла в сѣверной Италіи, папа возвратился в Рим;

с ним прибыл и император, который рѣшилсѣ сдѣлать Рим своей столицей. Теперь Оттон принялся за осуществленіе своей мечты о возстановленіи идеальнаго античнаго государства. Император мечтал возстановить античный мір во всей его полнотѣ, со включеніем всѣх стран и народов, во главѣ с императором, объединяющим неограниченную властью. Все в древнем мірѣ он считал идеальным. Римское право — это верх совершенства; сравнительно с ним, нѣмецкое право является ничтожным и варварским. При своем дворѣ Оттон рѣшил ввести римско-византійскій церемоніал. Уже в 998 году на его печати стояла надпись: *restitutio imperii*. На ряду с идеальным государством должна, по мысли Оттона III, стоять идеальная церковь. Их соединенныя усилія осуществляют царство Божіе на землѣ. Во главѣ Рима были поставлены 7 судей из числа духовных, принимавших участіе в выборѣ папы и коронованіи императора. Для наблюденія за порядком и тишиною в городѣ был поставлен патрицій, а для управления областью-префект. Императорская и папская власть были объединены: чиновники должны быть органами императорской и папской власти; законы должны быть издаваемы с общаго согласія императора и папы. Сам Оттон называл себя императором императоров, а в минуты самоуничиженія рабом апостолов, в чем выразилось его преклоненіе пред античным міром и пред аскетически-христіанским идеалом. Конечно, реституція имперіи была неосуществимой мечтой, родившейся в головѣ мечтателя, каким был Оттон III, одержимый маніей величія. Отсутствие императора, проникнутаго презрѣніем к нѣмецкому городу, было благоприятно для Германіи. Матильда оказалась умной и энергичной женщиной. Она с успѣхом вела борьбу с полабскими славянами и достигла значительных результатов. Как только император возвратился в Германію (999 г), дѣла приняли другой оборот. Оттон допустил цѣлый ряд ошибок, которыя причинили большой вред Германіи. В 1000 году император отправился в Гнѣздо на поклоненіе мощам Войтѣха-Адалберта. В Гнѣздо Болеслав польскій встрѣтил его с большим почетом. Оттон согласился установить здѣсь Гнѣзденскую архіепископію, в состав которой вошли Вратиславская (Бреслау), Краковская и Кальбердская епархіи. Основаніе славянской архіепископіи было большой ошибкой со стороны императора, ибо церковная независимость польскихъ земель являлась первым шагом на пути к полной политической и культурной независимости Польши. вмѣстѣ с тѣм, император отказался от польской дани. С этого времени Болеслав стал титуловаться королем Польши, и Оттон признал за ним этот титул. Таким образом, Польша превратилась

в самостоятельное государство, независимое от Германіи ни в церковном, ни в государственном отношеніях. То же самое наблюдается и в сосѣдней Мадьяріи. Со времени Оттона Великаго Мадьяры или Венгры прекратили свои набѣги на Германію. Из сосѣдних епископій Зальцбургской и Пассауской мало по малу стало проникать к Мадьярам христіанство. Мадьярія стала превращаться в христіанское государство. Окончательно это произошло при Оттонѣ III, когда мадьярскій князь Ванк принял христіанство и назвался Стефаном. Узнавъ об этом папа Сильвестр II, с согласія императора, прислал Стефану королевскую корону (1001 г.). В Гранѣ была учреждена самостоятельная мадьярская архіепископія. Таким образом, и здѣсь образовалось самостоятельное христіанское государство, способное остановить натиск германизма на придунайскія страны. Оттон III, склонный по своей мечтательности считать себя главою міра, императором императоров, на государей сосѣдних стран смотрѣлъ, как на свои созвѣздія, а потому в возвеличій их естественно видѣлъ свое собственное возвышеніе: новые короли прибавляли пышности и блеска его императорской коронѣ. В погонѣ за этой призрачностью император упускалъ из виду реальныя выгоды и цѣли Германіи, создавая для своих преемников серьезныя затрудненія. Из Польши император отправился в Ахен на поклоненіе праху Карла Великаго, а оттуда в Италію, гдѣ его ожидал ряд разочарованій: в сѣверной Италіи царило среди мѣстных владѣтелей явное неудовольствіе; италіанскіе епископы не одобряли аскетических наклонностей Оттона.

В самом Римѣ власть ускользала из рук императора. Войска было мало. В Римѣ готовилось возстаніе, вслѣдствіе чего императоръ и папа (1001 г.) ушли в Равенну. Не смотря на такое опасное положеніе дѣлъ, император был далек от сознанія всей опасности. В эту пору он мечтал о бракѣ на византійской принцессѣ и завоеваніи южной Италіи. Ему удалось привлечь на свою сторону Венецію, располагавшую флотом, необходимым для завоеванія южной Италіи. Оттону удалось взять Беневент, но этим ограничились всѣ успѣхи. Недовольные универсальной политикой императора, германскіе князья во главѣ с архіепископом Маинцским Виллизисом, обиженные рѣшеніем так называемаго Гандерсгеймскаго вопроса, не прислали императору достаточных подкрѣпленій. Ломбардія волновалась, а жители Рима не впустили Оттона в город. Отовсюду подымался протестъ противъ мечтательной и универсальной политики императора, который еще наканунѣ кончины строил планы наказанія неблагодарныхъ римлян. Оттон III скончался 24 января 1002 г., 22 лѣтъ отъ роду. Со смертію его началась полная анархія,

так что с большим трудом удалось провезти тѣло его в Ахен для погребенія. Порядок отчасти поддерживал папа Сильвестр, измѣнившій нѣсколько курс своей политики подобно тому, как он и ранѣе это неоднократно дѣлал: папа помирился с римлянами и возвратился в Рим, гдѣ вскорѣ и скончался в 1003 году. Выдающіеся почитатели античнаго міра и ея традицій, ученик и учитель, которых судьба поставила во главѣ людей конца X вѣка, сошли в могилу, не достигнув и малой доли осуществленія своих планов и мечтаній, оставшись для своих современников загадкой. Европа X вѣка не могла их понять и оцѣнить, ибо не настало еще время для торжества античнаго возрожденія.

В теченіи X вѣка (время Оттонов) обнаруживается ряд собы-
тій во внѣшней исторіи, тѣсно связанных с событіями внутренней исторіи. Главными фактами этого героическаго вѣка германской исторіи являются походы императоров в Италію. С внѣшней стороны эти походы предпринимались для приобрѣтенія императорской короны. На самом же дѣлѣ причины этих походов были болѣе глубоки, вытекавшія из внутренней жизни Германіи. Для императоров не столько важен был блеск короны, сколько установленіе твердых отношеній между свѣтской властью и церковной, представителем которой был папа. Необходимость установленія подобных отношеній вытекала из политической жизни Германіи. При обнаружившемся в имперіи сепаратизмѣ, императоры, не исключая даже Оттона I, должны были искать опоры в представителях церковной власти — епископах и аббатах. Без этой опоры невозможно было поддерживать единство Германіи, а между тѣм распоряжаться силами церковных князей можно было только при союзѣ с папой. Отсюда возникает необходимость походов в Италію, походов отдаленных, дорого стоивших и губительных для народа. По вопросу об этих походах в наукѣ существуетъ два противоположных воззрѣнія. По мнѣнію одних, къ числу которых принадлежит между прочим Зибель, походы эти были в высшей степени губительны для германских интересов. Кромѣ огромных матеріальных потерь, эти походы ничего не принесли Германіи и не давали возможности нѣмцам заниматься мирной и военной колонизаціей на славянском Востокѣ. Благодаря отвлеченію германских сил в Италію, на Востокѣ в теченіи X и XI вв., не было достигнуто значительных успѣхов. Представители противоположнаго мнѣнія (среди них в особенности — Фиккер) восхваляют и оправдывают походы германских императоров в Италію. Помимо необходимости, вытекающей из внутренней политической жизни Германіи, необходимо принимать во вниманіе и то обстоятельство,

Лекція IX.
Причины и
значеніе им-
ператор-
ских похо-
дов в Ита-
лію.

что благодаря этим походам, предпринимаемым периодически каждым императором по нѣсколько раз, германцы, стоявшіе еще на низкой ступени развитія, познакомились с утонченной италіанской культурой, усвоили обычаи, нравы и порядки общежитія, начала наук и искусств, — вообще познакомились с той необходимой цивилизаціей, которая дала им возможность начать колонизаціонную политику на славянском Востокѣ. Таким образом, эти мнѣнія являются противоположными. Несомнѣнно, что с обѣих сторон высказано много справедливаго. Но трудно произнести окончательный приговор, так как в обоих этих мнѣніях есть свои положительные и свои отрицательныя стороны.

Однако, переходя к оцѣнкѣ этих походов, надо признать, что, благодаря отвлеченію вниманія Германіи и крупным расходам, связанным с походами в Италію, в X и XI вѣках вокруг Германіи на Востокѣ начали формироваться политическія единицы, которыя в значительной степени лишали германцев распространять свою колонизацію на Востокѣ среди славянских народов. К этим политическим единицам должно отнести Польшу, Чехію и Мадьярское государство на среднем теченіи Дуная. Не слѣдует забывать, что сформированіе этих государств может быть связано не с X-м вѣком, а со временем Оттона III, который в дѣлѣ развитія италіанской политики пошел гораздо дальше своих предшественников, вслѣдствіе своей склонности к идеализаціи и отсутствія практическаго смысла. Таким образом, отрицательныя стороны походов должны быть связаны главным образом с ложной политикой Оттона III.

Вопрос о престолонаслѣдствіи в Германіи и Генрих Баварскій.

По смерти Оттона III († 1002 г.) возникаетъ в Германіи вопрос о престолонаслѣдствіи. Оттон III не оставил потомков, и в лицѣ его прекратилась прямая линия саксонскаго дома. По праву боковаго наслѣдованія выступили слѣдующія лица: князья Генрих и Оттон. Генрих был внуком того Генриха, который от своего брата Оттона I получил в управленіе Баварію. Другой претендент — Оттон был внуком Оттона I по женской линіи, что в сущности тогда не различалось. Он был сын Конрада Лотарингскаго, который был женат на дочери Оттона I (Лиутгардѣ). Оттон, по своей склонности не принимать на себя трудных задач, отказался от престола в пользу Генриха Баварскаго, под условіем, что тот отдаст ему герцогство Каринтійское. Таким образом, законным наслѣдником Оттона III явился один только Генрих Баварскій, который и завладѣл тѣми инсигніями, владѣніе которыми предукзывало кандидата для замѣщенія вакантнаго трона. Но окончательного дѣла о престолонаслѣдствіи не было еще рѣшено. В Германіи

в это время шла борьба между принципом наследственным и принципом избирательным. Наследственное право надо было оформить избраніем. Это и случилось на сеймѣ в Майнцѣ, гдѣ большинство церковных князей, а главным образом архіепископ Майнцскій Виллизис поддержали кандидатуру Генриха. Но тѣм не менѣе, не смотря на право наследства и на избраніе в Майнцѣ, у Генриха Баварскаго явились соперники, которые не склонны были уступить ему корону без борьбы. К числу их относился герцог Герман Швабскій, котораго поддерживал Кельнскій архіепископ Гериберт и свѣтскіе князья; другим же соперником был Эккард Мейссенскій, выдвинутый представителями саксонскаго партикуляризма. Но их притязанія не грозили Генриху Баварскому большой опасностью, ибо его сторону держали Баварія и Франконія. Кромѣ того, среди саксонцев не было единодушія и нѣкоторые из них склонны были признать Генриха императором. Тѣм не менѣе послѣ сейма Генрих принужден был предпринять поход против своих соперников. Сначала он опустошил Швабію, не нанеся, впрочем, Герману серьезнаго удара, а потом двинулся в Саксонію и Тюрингію. Здѣсь он увеличил число своих сторонников уступками: жителям Тюрингіи обѣщал уменьшить платежи и разрѣшил им пасти скот в королевских лѣсах без уплаты королевской десятины, а саксонцам подтвердил их права и преимущества. Эккард Мейссенскій, покинутый почти всѣми, погиб от руки убиинц.

Вѣсть об успѣхах Генриха II привела к установленію единодушія в Германіи. Лотарингцы, ранѣе колебавшіеся, принесли Генриху ленную присягу в Ахенѣ. Герман Швабскій, видя свое безсиліе, покорился и сохранил свое герцогство. Можно сказать, что Генрих Баварскій своим избраніем был обязан главным образом церковным князьям. Все его царствованіе носило клерикальный характер, и он был извѣстен под именем Благочестиваго.

Вступив на престол, Генрих II тотчас же принужден был вступить в борьбу с тѣми опасными для Германіи объединительными стремленіями на славянском Востокѣ, которыя проявились в дѣятельности польскаго короля Болеслава Храбраго. Болеслав Храбрый, еще при Оттонѣ III получившій нѣкоторыя уступки (свобода от дани и основаніе Гнѣздненской архіепископии), теперь во время смуты, еще болѣе усилил свое могущество. Он завладѣл Чехіей и частью Моравіи, воспользовавшись неспособностью чешскаго князя Болеслава III, который своею жестокостью возбудил против себя своих подданных. Во время же споров в Германіи из-за престолонаслѣдія Болеслав Храбрый захватил Лужицу и землю Мильчан. Когда Генрих II был признан в Германіи королем, Бо-

Борьба
Генриха II
с Болесла-
вом Храб-
рым коро-
лем поль-
ским.

Болеслав Храбрый изъявил склонность принести ленную присягу под условием оставления в его руках захваченной им недавно Лужицы. Но так как Генрих II не мог согласиться на это, то началась война, прерываемая краткими перемириями, официально называемыми мирными договорами. Борьба началась из-за того, что сыновья последнего самостоятельного чешского короля Болеслава II, Яромир и Ульрих (Ольдрих), братья неспособного Болеслава III, обратились за поддержкой к Генриху II, который и обещал им содействовать восстановлению их на отеческом престоле. Но если у Генриха II были союзники между славянами, то и у Болеслава II были союзники между немецкими князьями. Сторону Болеслава Храброго приняли недовольные новым королем, а именно: Генрих, маркграф Сѣверной марки, недовольный тѣм, что Генрих не дал ему в управление обещанной Баварии; Эрнест, маркграф Восточной марки (Австрии), недовольный тѣм, что Каринтия была отдана Отгону, и брат самого короля Генриха II Брунон. С этой внутренней оппозицией Генрих II справился скоро. Маркграф Генрих был заключен в тюрьму, а Эрнест и Брунон бѣжали в Польшу. Таким образом, Болеслав Храбрый, начиная борьбу с Генрихом, мог рассчитывать на некоторую поддержку в самой Германии. Борьба, завязавшаяся из-за Лужицы и области Мильчан, любопытна тѣм, что к немцам присоединились лютичи, славянское племя, оставшееся вѣрным язычеству.

Лютичи в походѣ перед войсками носили своих идолов, что давало повод Болеславу Храброму упрекать благочестиваго Генриха в потворствѣ язычникам. Подобный противоестественный союз славян с немцами может быть объяснен боязнью лютичей потерять свою независимость. Болеслав Храбрый не только владѣл Чехіей, Моравіей, Лужицей и областью Мильчан, но завладѣл и Поморьем (земли от р. Вислы до Одера), гдѣ жили славяне. Владѣя балтійским побережьем, Болеслав Храбрый хотѣл присоединить и земли лютичей (теперешній Мекленбург). Лютичи, желая отстоять свою независимость, примкнули к немцам. Борьба началась в 1004 году тѣм, что Генрих с войсками, в сопровожденіи двух чешских князей — Яромира и Ульриха (Ольдриха), вошел внутрь Чехіи. Так как возвращеніе отечественных князей являлось освобожденіем от ига поляков, то Прага была взята без особых усилій. Взяв Прагу, Генрих II посадил на чешскій престол Яромира, принесшаго ему ленную присягу. Из Чехіи Генрих II отправился в Лужицу, гдѣ послѣ продолжительной осады взял город Будишин. Не так успѣшен был для Генриха II слѣдующій 1005 год. Он перешел рѣку Одер, чтобы вторгнуться в Польшу, но Болеслав Храбрый завлек врага

вовнутрь страны и стѣснилъ его в подвозѣ провіанта и фуража, вслѣдствіе чего Генрих II стал терять много людей и скота и при отступленіи потерпѣлъ даже пораженіе. Результатом этого был Будишинскій мир, по которому Болеслав сохранилъ всѣ пріобрѣтенія, но отказался от притязаній на Чехію, гдѣ восстановлена была власть Премысловичей. Мир 1005 года был непродолжителен. Поляки с лютичами часто ссорились, и эти ссоры привели в 1007 году к новой борьбѣ. Сначала вся тяжесть войны лежала на саксонцах, но они вели ее вяло и нерѣшительно. Болеслав тоже не обнаружил надлежащей энергіи в этой войнѣ, но все же при своих нападєніях проник до Мерзебурга. Наконец, в 1010 году сам Генрих перешел Эльбу и вступил в Лужицу, но удержать ее не мог: болѣзнь заставила его возвратиться в Германію. Послѣ этого война велась с перемѣнным характером в теченіи 3 лѣтъ, и в 1013 году был заключен вторичный мир между королем и Болеславом Храбрым. Послѣдній удерживал в своих руках захваченныя германскія земли, но согласился Генриху II принести ленную присягу, как владѣтель этих земель. На эту уступку Болеслав, как извѣстно, согласился еще в самом началѣ царствованія Генриха II. Заключение этого мира свидѣтельствует о явной слабости короля и о силѣ Болеслава Храбраго. Мир был заключен не вслѣдствіе утомленія и слабости борцов, а по слѣдующим политическим обстоятельствам: вниманіе Генриха II привлекала Италія, а Болеслава — политическія дѣла на Руси. В это время он завел сношенія с Туровским князем Святополком, своим зятем, и мечтал о созданіи обширнаго славянскаго государства, в состав котораго должна была войти и Русь.

С другой стороны, положеніе италіанских дѣлъ давно уже привлекало вниманіе Генриха II и требовало его личного вмѣшательства. В Италіи в это время шла политическая и экономическая борьба. В сѣверной Италіи, за смертію Оттона III, Ардуин, маркграф Иврейскій, пользуясь смутами в Германіи подчинил себѣ владѣтелей средней и сѣверной Италіи. В 1002 году он даже рѣшил принять титулъ италіанскаго короля. Успѣхи его объясняются тѣм, что он находился в прекрасных отношеніях с италіанскими епископами, которые нуждались в сильной поддержкѣ для борьбы со своими вассалами и искали помощи у Ардуина, так как ни Оттон III, ни Генрих не могли оказать им помощи. Но хорошія отношенія между Ардуином и италіанскими епископами продолжались недолго. Сдѣлавшись королем, Ардуин начал проявлять деспотическую власть по отношенію к епископам. Они разочаровались в Ардуинѣ и составили оппозицію, во главѣ с архіепископом Миланским Арнуль-

Вмѣшательство
Генриха I
в италіанскія
дѣла. I

фом и епископом Львом Верцелльским. Оппозиція обратилась за помощью к Генриху II, который послал в 1002 году небольшой отряд, под начальством Эрнеста Бабенберга Австрійскаго и Оттона Каринтійскаго. Но в долину рѣки Brenty этот отряд был разбит на голову. В 1004 году Генрих II сам отправляется в Италію для оказанія помощи епископской партіи. С большими силами Генрих не пошел альпійскими проходами (клузы), которые были заняты войсками Ардуина, а обошел их и появился в тылу Ардуина, вслѣдствіе чего тот поспѣшил отступить в свои замки. Генрих дошел до Павіи, гдѣ на собраніи преимущественно духовных лиц был избран королем Италіи и коронован ломбардской короной. Это со стороны Генриха являлось уступкой мѣстным условіям, ибо этим косвенно признавалась самостоятельность италіанскаго королевства. Сторону Генриха II держали епископы, а сторону Ардуина — населеніе и феодальная аристократія. Неудивительно поэтому, что в Павіи в день коронаціи вспыхнула возстаніе, которое было жестоко подавлено: город был сожжен. Однако, Генрих далѣе похода не продолжал, а возвратился в Германію, куда призывали его осложненія в борьбѣ с Болеславом Храбрым. Для продолженія борьбы с Ардуином была оставлена часть войска. Таким образом, италіанскій вопрос не был разрѣшен окончательно. Борьба с Болеславом Храбрым отвлекла Генриха II от Италіи. Только послѣ Мерзебургскаго мира 1013 года можно было думать о возобновленіи похода в Италію. Перейдя на этот раз Альпы с большим войском, Генрих занял Ломбардію, а Ардуин укрылся в гористой Ивреѣ. Из сѣверной Ломбардіи Генрих перешел в среднюю, гдѣ в Равеннѣ созвал сейм и синод, на котором было рѣшено возвратить епископам всѣ земли, захваченныя в теченіи 15 лѣтъ, без их согласія, мѣстной аристократіей. Этим Генрих еще болѣе вооружил против себя италіанскую аристократію. Отсюда он отправился въ Рим, гдѣ и должно было совершиться коронованіе. Папство в это время находилось в состояніи упадка. В Римѣ господствовал сын назненнаго Кресценція — Иоанн, который по своему усмотрѣнію распоряжался папской тиарой. Фамилія Кресценціев имѣла многочисленных врагов и завистников в средѣ римской знати. Главными соперниками их были графы Тускулума. В 1012 году не задолго до прихода Генриха II в Италію, воспользовавшись смертію Иоанна, им удалось выгнать из города папу Григорія VI, который бѣжал в Германію под защиту Генриха II. Являясь господами положенія, графы Тускулума из своей фамиліи назначают папой Бенедикта VIII. Он, чтобы упрочить свое положеніе, вступил в сношенія с Генрихом II и обѣщал ему короновать его императорской короной. Когда Генрих II достиг Рима, то папа с епи-

скопами вышел ему на встрѣчу, а 14 февраля 1014 года Генрих торжественно был коронован рукою Бенедикта VIII. В благодарность за эту услугу, Генрих II наградил родственников папы подарками и признал законными всѣ захваты, сдѣланные ими в церковной области. Не ограничиваясь этим, Генрих II учредил в Тосканѣ маркграфство и возвел графов Тускулума в положеніе маркграфов и герцогов Тосканских. Не смотря на дружескія отношенія с папой, Генрих II все же не мог долго оставаться в Италіи, так как италіанцы были враждебно настроены по отношенію к нѣмцам, и между ними часто происходили стычки с кровопролитіями. Пылкость италіанцев могла привести к большому осложненіям. Соображая все это, Генрих II поспѣшил возвратиться в Германію, не достигнув в сущности упорядоченія италіанских дѣл. Единственным положительным послѣдствіем похода было приобрѣтеніе императорской короны.

В Германію призывали осложнившіяся отношенія с Польшей. Послѣ Мерзебургскаго мира Болеслав Храбрый предпринимал нѣсколько раз походы на Русь. Любопытно замѣтить, что в состав его войска входил вспомогательный отряд германцев, так как по Мерзебургскому договору бывшіе враги обязались помогать друг другу во внѣшних предпріятіях. Генрих II исполнил это условіе, а Болеслав Храбрый не оказал никакой поддержки Генриху в его италіанском походѣ. Это нарушеніе договора не повлекло бы за собой возобновленія войны, если бы не политическіе замыслы Болеслава Храбраго, сильно смущавшіе Генриха II. Дѣло в том, что Болеслав Храбрый подружился с чешским князем Ольдрихом, вступившим на престол послѣ ослѣпленія старшаго брата (Яромира). Болеслав подбивал Ольдриха к борьбѣ против Генриха II. Однако, чешскій князь выдал в руки нѣмцев уполномоченнаго Болеслава Храбраго, его сына Мечислава. Зная об этом замыслѣ Болеслава Храбраго, император поспѣшил из Италіи в Германію и в 1015 г. снова начал борьбу с Болеславом Храбрым. Генрих II перешел Эльбу, но в предѣлах Лужицы потерпѣлъ большое пораженіе и принужден был отступить. Послѣ этой неудачи он рѣшил дѣйствовать с большей ссмотрительностью. Он завязал дипломатическія сношенія с сосѣдями Болеслава Храбраго: Ярославом Русским, склоняя его к союзу с Германіей, и с королем Мадьярским Стефаном, своим родственником, который был женат на родной сестрѣ императора. Ярослава легко было склонить к этому союзу, так как в это время на Руси, за смертью Владиміра Святаго, шел спор по поводу того, кому достанется Кіев, Ярославу ли Новгородскому или Святополку Туровскому. Мадьяр склонить к союзу

Продолженіе борьбы с Польшей.

легко было, так как Моравія, которую они считали своею, подчинена была Болеславу Храброму. Обезпечив себя союзами с врагами Болеслава Храбраго, Генрих II был увѣрен в счастливом окончаніи войны. Но поход 1017 г. не отличался особенными успѣхами. Генрих II безуспѣшно осаждал укрѣпленный город в Лужицѣ Немц, а Болеслав Храбрый в это время опустошал Чехію, как союзницу своего противника. Однако, опасаясь коалиціи (Ярослав осаждал город Брест), Болеслав Храбрый счел необходимым открыть переговоры о мирѣ, так как саксы на которых падала вся тяжесть войны, настаивали на скорѣйшем заключеніи мира, то в 1018 г. был заключен Будишинскій мир, подтвердившій всѣ условія Мерзебургскаго мира.

Результат
мира-движе-
ніе среди
славян

Таким образом, для Генриха эта борьба окончилась полной неудачею. Но, с другой стороны и Болеслав, вслѣдствіе сопротивленія со стороны Генриха II, не мог достигнуть осуществленія замысла об основаніи обширнаго и единаго славянскаго государства на востокѣ. Эта цѣль была разрушена не столько войной, сколько дипломатическою ловкостью Генриха II. Если саксы и были довольны миром, то не были им довольны лютичи, которые считали этот мир выдачей их, если не Болеславу, то саксам. Поэтому среди лютичей появилась в 1019 г. языческая реакція, охватившая и их сосѣдей бодричей. Между этими племенами была та разница, что бодричи были почти всѣ христіане, а лютичи еще оставались язычниками. Но реакція коснулась и бодричей. Князь бодричей Мстислав, христіанин, был изгнан; христіанскія церкви были разрушены; епископы Гавельбергскій и Бранденбургскій принуждены были бѣжать во внутрь Германіи. Антихристіанское движеніе захватывает, таким образом, и земли, которыя находились под властью германскаго императора. Только, благодаря усиліям герцога Бернгарда Саксонскаго и архіепископа Бременскаго, было оставлено развитіе не только языческаго движенія, но и движеніе всѣх покоренных славянских народов. Бодричи были усмирены, а Мстислав возстановлен на престолѣ. Что касается лютичей, то по отношенію к ним пришлось ограничиться признаніем установившагося порядка и языческаго культа. Таким образом, политика Генриха II является даже не вполнѣ христіанскою.

Лекція X.

Уже неоднократно была указываема тѣсная связь между дѣлами италіанскими и отношеніями к Польшѣ в ходѣ политики Генриха II: отвлекаемый италіанскими дѣлами император не мог всецѣло сосредоточить свое вниманіе на польских дѣлах и наоборот. Послѣ удаленія Генриха из Италіи в Германію (1014 г.) противник его Ардуин, опираясь на крупных феодалов сѣверной Италіи, воз-

становил свое положеніе и изгнал многих епископов с их кафедр. Но послѣ этого послѣдовала реакція в Италіи, которая и отразилась на настроеніи Ардуина: он добровольно удалился в один италіанскій монастырь, гдѣ и умер в 1015 году. Положеніе императорской партіи в сѣверной Италіи настолько послѣ этого улучшилось и упрочилось, что Генрих, опираясь на преданных ему епископов, управлял через своих *missi*, т. е. особаго рода уполномоченных, осуществлявших его политику. Такой поворот в положеніи дѣл объясняется борьбою, которая происходила между сѣверно-италіанскими городами и феодалами. Эта борьба давала возможность иноземной власти упрочиться без всякаго труда. Менѣе благоприятно шли дѣла в средней Италіи, что в значительной степени объясняется націоналистической политикой папы Бенедикта VIII. Он задавался цѣлью удалить византійцев из южной Италіи, опираясь отчасти на содѣйствіе самаго императора, отчасти на мѣстную римскую знать. В этих видах папа Бенедикт VIII должен был сдѣлать уступки враждебной партіи: он возвратил Кресценціям их земли и замки. Для обезпеченія успѣха папа заключил союзы с Генуей и Пизой, располагавшими морскими силами, необходимыми для успѣшной борьбы с Византіей, обладавшей большим флотом. Замыслам папы благоприятствовали движенія, разыгравшіяся в южной Италіи. Тамошнее населеніе греческое имѣло полное основаніе питать неудовольствіе против своего правительства, не желавшаго вести энергической борьбы против сарацин, постоянно угрожавших южной Италіи. Поэтому неудивительно, что в Апуліи вспыхнуло возстаніе, под предводительством Даттуса и Мелуса, но оно скоро было подавлено правительственным катапаном Василием в 1010 г.. Мелус бѣжал в Рим и склонял папу к скорѣйшему осуществленію его планов, обѣщая ему поддержку греческаго населенія. Осуществленіе того, к чему стремился папа Бенедикт VIII, чего не могли достигнуть византійцы, выпало впослѣдствіи на долю норманнов, выходцев далекаго Сѣвера. Любопытно отмѣтить, что впервые они проявляют свою дѣятельность здѣсь в самом началѣ XI вѣка. Появленіе их обусловливалось не их воинственным духом, но находится в связи с усиливавшимся в Европѣ стремленіем отправляться в Палестину на поклоненіе святым мѣстам. Это паломническое движеніе проникло и в далекую Скандинавію, откуда выходили толпы норманнов, влекомыя религіозным чувством и жаждой странствованія. Так, в 1016 г. 40 норманских рыцарей по дорогѣ из Іерусалима остановились в южной Италіи и оказали помощь Ваймару Салернскому в борьбѣ с арабами. Оцѣнив их предпримчивость и услуги, этот князь просил их остаться, но так

как они отказались, то он прибѣгнул к их посредничеству для вызова их соотечественников. Вскорѣ прибыли в южную Италію 250 рыцарей, под начальством пяти братьев. Прибытіем их воспользовался Мелус для возобновленія борьбы против Византіи. Сначала он имѣл успѣх, но в 1018 году был разбит и бѣжал в Германію к Генриху II. Император давно уже озабочен был ходом дѣл в Италіи, но различныя дѣла удерживали его в Германіи. Мелус здѣсь скончался, не дождавшись похода императора. В 1020 г. в город Бамберг прибыл самолично папа Бенедикт VIII просить как подтвержденія грамоты Оттона Великаго, так и защиты от сарацин. Император подтвердил Оттонову грамсту 962 года и даже присоединил новыя пожалованія землями, прибавивши к старым владѣніям папскаго престола область, расположенную между Нарни, Терампой и Сполето. В 1021 г. Генрих в третій раз пошел в Италію. Поход ознаменовался нѣкоторым успѣхом: он взял Тройю, а архіепископ Кельнскій Пильгрим овладѣл городами Капуей, Салерно, Неаполем и Амальфи. План императора Оттона II, казалось, был близок к осуществленію. Однако, Генрих II был слишком осторожный политик, а потому ограничился принятіем кое-каких мѣр, клонившихся к упроченію вліянія германскаго на югѣ Италіи: князя Ваймара Сполетскаго он оставил правителем, как своего вассала, а князя Пандульфа Капуанскаго, в вѣрности котораго сомнѣвался, увез с собою в Германію плѣнником. В 1022 г. император был уже в Германіи.

Папа Бенедикт VIII, все время ладившій с императором, скончался в 1024. Его преемником был избран его брат Роман, свѣтскій человек, прошедшій всѣ клировыя должности в один день и называвшійся Іоанном XIX. Уступая своему брату талантами, он не умѣл продолжать его національной политики. Если Бенедикт VIII дорожил своими добрыми отношеніями к императору по соображеніям, вытекавшим из его національной политики, то и у императора были также свои виды, заставлявшіе его цѣнить дружбу с папою. Союз с Бенедиктом VIII был необходим для Генриха, задававшагося церковными планами, для осуществленія которых нужно было согласіе папы. Одним из таких планов было созданіе епископской каѳедры в Бамбергѣ, любимой резиденціи Генриха II. Осуществленію этого плана благопріятствовали слѣдующія обстоятельства: 1) вокруг Бамберга были коронныя имѣнія, из состава которых можно было сдѣлать необходимую для новой каѳедры донацію или пожалованіе земельных угодій; 2) территория Бамберга была в значительной степени заселена славянскими поселенцами, остававшимися отчасти во тьмѣ язычества. Для учрежденія ка-

едрь император должен был считаться с согласіем епископов Вюрцбургскаго и Ейхштётскаго, в состав епархій которых входили Бамбергскія земли. Согласіе епископа Вюрцбургскаго было достигнуто щедрыми пожертвованіями и обѣщаніем содѣйствовать возведенію его каедрь в ранг архіепископских. В городѣ Майнцѣ (на соборѣ 1007 года) епископы дали согласіе, подтвержденное Бенедиктом VIII, пріѣхавшим в Бамберг уговориться с императором относительно италіанских дѣл. Так как вмѣстѣ с тѣм выяснилась невозможность создать в Вюрцбургѣ архіепископскую каедру, то епископы Вюрцбургскій и Ейхштётскій продолжали оказывать противодѣйствія. Тогда Генрих приказал поставить Бамбергским епископом своего канцлера и родственника Эбергарда. С момента открытія Бамбергской каедры при ней основаны были богатая библіотека и школа. В этой школѣ воспитанники знакомились не только с богословскими науками, но и с памятниками античной древности, и возрожденіе обязано этой бамбергской библіотекѣ, в которой сохранились лучшіе кодексы древних авторов. Основаніе Бамбергскаго епископства составляет важную главу в церковно-государственной политикѣ Генриха II. Для пониманія этой политики необходимо имѣть в виду, что Генрих II принадлежал к числу тѣх людей своего вѣка, которые сочувственно относились к реформѣ римской церкви. Другими словами, он был послѣдователем Ключійскаго направленія, сыгравшаго большую роль в дѣлѣ очищенія нравов и создавшаго в нѣдрах церкви такую политическую силу, которая впослѣдствіи смѣло противодѣйствовала императорской политикѣ и вызвала борьбу за инвеституру.

Ключійскій монастырь (Cluniacum), сдѣлавшійся центром реформы церковной; был основан в 910 году в Бургундіи герцогом Аквитанским Вильгельмом. В нем и подчиненных ему монастырях был введен устав Бенедиктинскій, измѣненный в нѣкоторых отношеніях. Главною отличительною особенностью Ключійских монастырей было введеніе тѣсной между ними связи, неизвѣстной монастырям Бенедиктинскаго устава: ежегодно в Ключьи собирались аббаты и пріоры монастырей на генеральный капитул для обсужденія общих дѣл, под предсѣдательством аббата Ключійскаго монастыря, называемаго архиаббатом. Первыми аббатами были Бернон, Одон и Майол. Особеннаго блеска и вліянія достиг Ключійскій монастырь при аббатѣ Одилонѣ (994—1048), а в первой половинѣ XII вѣка Ключійскому монастырю было подчинено около 313 монастырей, так что на засѣданія генеральнаго капитула съѣзжалось болѣе 2000 человекъ со всѣх сторон западной Европы. Ключійскіе монастыри были всѣ освобождены от подчиненія или юрис-

Ключійское
направленіе

дикці мѣстныхъ епископов и стояли в непосредственной связи со своим главнымъ монастырем, подчиненным папскому престолу. Отсюда проистекала заинтересованность Ключійцев в возвышеніи власти и авторитета пап. Так как упадок папскаго авторитета стоял в зависимости от упадка нравственности в церковной средѣ X и XI вѣка, то в лицѣ Ключійцев выступили сторонники нравственнаго возрожденія и реформы церкви в этом направленіи. Организациа Ключійскихъ монастырей содѣйствовала успѣху дѣла. Первое требованіе Ключійскаго устава: всѣ монастыри повинуются Ключійскому аббату, а управление послѣдняго подлежит ревизіи генеральнаго капитула или съѣзда. Каждый монастырь в затруднительных случаях обращается к тому, который является его метрополіей, а тот к своей по іерархическим ступеням. Так, получилась лѣстница апелляцій. От проведенія этого принципа легко было перейти к параллельному: епископ, как глава духовенства в своей области, свободен от подчиненія свѣтской власти, но безусловно повинуется архіепископу, а тот в свою очередь папѣ, главѣ церкви. Эти идеи прививались в разныхъ европейских странах. Появился кадр церковныхъ дѣятелей, которые ратовали за свободу церкви и всѣми силами боролись противъ симоніи и прочихъ пут и связей, которыя могли ставить представителей церкви в зависимость от свѣтской власти. Ключійскому направленію покровительствовалъ Генрихъ II, не предвидѣвшій опасныхъ послѣдствій для императорской политики, обнаружившихся значительно позднѣе. Современникъ же его, папа Бенедиктъ VIII, оказался болѣе прозорливымъ. Он сразу оцѣнилъ все значеніе Ключійскаго направленія и по мѣрѣ сил содѣйствовалъ успѣху задуманныхъ Ключійцами реформ. Этимъ объясняются мѣры, предпринятыя на соборахъ в Италіи и особенно на соборѣ 1018 года в городѣ Павіи, под предсѣдательствомъ папы Бенедикта VIII. Так как многіе члены италіанскаго духовенства были женаты, а дворы епископа переполнены женщинами, то на этомъ соборѣ предписано было епископамъ воздерживаться от общенія с женщинами. Также не должны были вступать в брак и священники, чтобы быть независимыми от давленія свѣтскаго общества. Эти постановленія, конечно, слышкомъ расходились с установившимися обычаями и не так скоро привились к жизни; по крайнѣй мѣрѣ, низшее духовенство еще долго оставалось женатымъ. Чтобы затруднить для церковниковъ брак, была проведена на соборѣ в Павіи юридическая мѣра: дѣти священниковъ и другихъ клириковъ, рожденныя даже в бракѣ со свободною женщиною, не имѣютъ права на свободное состояніе, а должны считаться зависимыми людьми церкви. Всѣ эти постановленія были проведены Генрихомъ II на соборѣ в Госларѣ

1019 года, так как император, оцѣнивая их нравственную сторону, не предвидѣлъ тѣх опасныя послѣдствій, которыя из них вытекали для его преемников. Увлечение Генриха Ключійским направлением объясняется еще и тѣм, что это направление представляло нѣкоторую матеріальную выгоду.

Дѣло в том, что Ключійцы, во главѣ с Одилоном, справедливо усматривали в скопленіи богатств в руках епископов одну из причин распушенности нравственной духовенства. Эта сторона и привлекала Генриха II, так как, не смотря на свое благочестіе, он не прочь был наложить свою руку на имущество церкви. Сношенія с Ключійцами отразились и на внутренней политикѣ Генриха II. Во Франціи и затѣм в Бургундіи, с которой постоянно поддерживались дѣятельныя сношенія, в началѣ XI вѣка возник институт Божьяго мира (*paix Dei*) под вліяніем церкви и особенно нравственнаго оздоровленія общества: в теченіе главных праздников и еженедѣльно с вечера среды (иногда четверга) и до утра понедѣльника воспрещены были феодальныя войны и пападенія на больших дорогах. В связи с этим институтом Божьяго мира в Германіи возник так называемый земскій мир (*landfriede*). Зародыши этого послѣдняго института могут быть отнесены ко времени Генриха II, который издавал строгія предписанія о соблюденіи мира и предписывал населенію отдѣльных округов приносить клятвенное обѣщаніе в соблюденіи мира. Хотя Генрих и опирался на духовенство в своей внутренней политикѣ, но он не обладал таким могуществом, как его предшественники. Император принужден был сдѣлать уступки феодалам: в его время окончательно вошел в силу обычай наслѣдственности феодалов, распространенный не только на крупных, но и на мелких феодалов или ленников. Всякое отступленіе от этого обычая разсматривалось общественным мнѣніем, как несправедливость и правонарушеніе. Генрих II умер 13 іюля 1024 года в Гронѣ 52 лѣтъ от роду, и похоронен, согласно завѣщанію, в своей любимой резиденціи — Бамбергѣ, гдѣ основал епископскую кафедру. Со смертію его прекратилась Саксонская династія как в главной линіи, так и в боковой (Оттона и Генриха). В Германіи возникает вопрос о замѣщеніи германскаго престола.

Для изученія послѣдующаго столѣтняго періода, когда царствовала в Германіи так называемая Франконская или Салическая династія, перечисленныя выше источники и пособія необходимо дополнить указаніем новых. Этот період полон глубокаго историческаго значенія. Первая половина этого періода обнимает царствованія Конрада II и Генриха III, а вторая царствованія Генриха IV и Генриха V.

Источники
и ли-
тера-
тура.

Первый період — подготовка той великой борьбы между императорами и папами, которая разыгралась при Генрихѣ IV и Генрихѣ V. Подготовка шла в двух направленіях: 1) постепенно истощались матеріальныя средства короля, 2) усиливалась в такой степени идея о независимости церкви, что зародилась даже мысль об универсальной теократіи т. е. господствѣ церкви над государством и обществом.

Одним из главнѣйших источников для царствованія Конрада II является сочиненіе Випона (Vipo): *Gesta Chuonradi II imperatoris* (Monum. Germ. Script. t. XI, 243—275). Випон, уроженец Бургундіи, священник и капеллан Конрада II, близко знал его и его сына Генриха III, а потому мог описать жизнь и главнѣйшія событія царствованія Конрада II, попутно собирав кое-какіе факты, относящіеся ко времени и Генриха III. Эта біографія, написанная простым языком, отличается естественностью изложенія и проникнута живым сочувствіем к дѣятельности императора. Будучи болѣзненным человѣком, Випон не всегда мог оправдывать Конрада и часто проживал вдали от двора, а потому ни обо всем одинаково хорошо был освѣдомлен, но в общем он писал с полным знаніем дѣла и заслуживает полного довѣрія.

В том же XI томѣ *Monum. Germ. Script.*, гдѣ помѣщено сочиненіе Випона, напечатаны житія нѣкоторых епископов, игравших в то время болѣе или менѣе видную роль.

Хроника Германа из Рейхенау (*Chronicon* см. *Monum. German. Ss.* t. V, 67—133) начинает изложеніе событій от Р. Хр. и доводит до 1054 года. Значительная часть хроники компилятивна (одним из источников были погибшіе Швабскіе анналы, которыми пользовался и Випон), но с 1040 года хроника становится самостоятельной. Герман, сын знатных родителей, монах знаменитаго монастыря Рейхенау, славился своею ученостью. Его изложеніе с 1040 года заслуживает полного довѣрія тѣм болѣе, что он старался всегда быть объективным.

Annales Altahenses majores (*Mon. Germ. Script.* XX, 772—824) долго оставались извѣстны по выдержкам или цитатам из позднѣйших истовников. Гизебрехт в 1841 году постарался возстановить этот важный источник, пользуясь упомянутыми цитатами. Когда же в 1867 году этот источник был открыт, то оказалось, что возстановительная работа, к чести критическаго метода и славы нѣмецкаго ученаго, была произведена вполне удачно. До 1032 года Алтанхскія лѣтописи не представляют ничего самостоятельнаго, заимствуя свѣдѣнія из разных аннал (Герсфельдских, Гильдейсгеймских и др.), но ко времени Конрада относятся нѣкоторыя самостоятельныя и собственныя извѣстія, а правленіе Генриха III изложено еще с боль-

шей самостоятельностью и подробностью. Вполнѣ самостоятельны эти анналы становятся в изложеніи событій времени Генриха IV, от 1054 года до 1077 г.; являясь особенно важным источником в силу объективности составителя, пришедшей в забвеніе в эпоху борьбы императоров и пап.

„Исторія“ Рауля Глябера, монаха Ключійскаго, доведенная до 1044 г. (смотри выше, стр. 90—91), хотя изображает жизнь Бургундіи и Франціи, но сообщает много данных и для исторіи Германіи XI вѣка.

Кромѣ указанных выше общих исторій Германій важным пособіем для времени франконской династіи остается сочиненіе Штенцеля: „Geschichte Deutschlands unter d. Fränkischen Kaiser“ (2 Bd. Lpz. 1827—1828), хотя необходимо прибавить, что оно в значительной степени уже устарѣло и потеряло прежнее свое значеніе, главным образом благодаря появленію монографій, посвященных отдѣльным царствованіям. Из числа таковых особенно замѣчательны монографіи, издаваемые Мюнхенской исторической комиссіей, под общим названіем *Jahrbücher des Deutschen Reichs*: для времени Конрада II монографія Бреслау (два тома, Lpz. 1879—84), а для времени Генриха III — Штейндорфа (два тома, Lpz. 1874—1881).

Со смертью Генриха II (1024 г.) пресѣклась мужская линия Саксонской династіи. Хотя в Германіи престол считался избирательным, но принималась во вниманіе и идея наследственности. Таким образом, выдвигались права лиц, состоявших в родствѣ с Саксонской династіей по женской линіи. Теперь такими претендентами на вакантный престол являлись Конрад Старшій и Конрад Младшій, двоюродные братья, внуки того Оттона, который отказался от притязаній на престол в пользу Генриха II и получил тогда Каринтійское герцогство. Этот Оттон Каринтійскій, сын Конрада Лотарингскаго и дочери Оттона Великаго — имѣл четырех сыновей: старшаго Генриха, Брунона (папа Григорій V), Конрада и Вильгельма, епископа Страссбургскаго. Сыновья старшаго Генриха и третьяго Оттонова сына Конрада назывались Конрадами и являлись соперниками на вакантный престол. Конрад Младшій был сторонником Ключійскаго направленія и вполнѣ склонен был продолжать политику Генриха II. Он имѣл многочисленныя родовыя имѣнія во Франконіи. Конрад Старшій, родившійся около 990 года, напротив был равнодушен к Ключійскому направленію и тѣм идеям, которыми руководился скончавшійся император. Поэтому нельзя принимать на вѣру извѣстіе, что Генрих II перед смертью высказался в пользу Конрада Старшаго (десигнація). Конрад Старшій был менѣе богат, чѣм его двоюродный брат, но из-

вѣстен, какъ человѣкъ опытный и твердый. Германскіе епископы, недовольные церковною политикою Генриха II, приняли сторону Конрада Старшаго. Избирательный сеймъ состоялся 24 сентября 1004 года в городѣ Камбѣ (Camba), недалеко от Оппенгейма, но значеніе этого сейма было фиктивное, так какъ Конрадъ Младшій вошелъ в соглашеніе со своимъ родственникомъ и отказался в его пользу от своихъ притязаній. Когда архіепископъ Майнцскій провозгласилъ избраннымъ Конрада Старшаго, то остальное собраніе примкнуло къ голосу примаса. На этомъ сеймѣ было ограниченное число избирателей. Прежде всего не явились князья верхней Лотарингіи; было мало князей изъ южной Лотарингіи, так какъ тамъ сочувствовали Конраду Младшему; совершенно отсутствовали саксонскіе князья. Послѣдніе рѣшили выжидать исходъ избирательнаго собранія, желая присоединить свои голоса в пользу избраннаго. Главнымъ образомъ, на этомъ собраніи присутствовали князья изъ Баваріи, Швабіи, вообще изъ южной Германіи. Вскорѣ, однако, Конрадъ Старшій былъ признанъ во всей Германіи. Саксонцы принесли присягу в городѣ Минденѣ, выговоривъ себѣ нѣкоторыя льготы. Еще ранѣе власть Конрада Старшаго была признана в Лотарингіи, чему способствовалъ архіепископъ Кельнскій Пильгримъ, воспользовавшись неудовольствіемъ короля на Майнцаго архіепископа. Майнцскимъ архіепископомъ былъ тогда Арибонъ. Если онъ поддерживалъ избраніе Конрада Старшаго, то руководился не своимъ личнымъ расположеніемъ, но тѣмъ, что большая часть епископовъ была на сторонѣ Конрада Старшаго. Между Арибономъ и Конрадомъ Старшимъ были натянутыя отношенія: архіепископъ не признавалъ брака Конрада и отказался короновать его супругу. Этимъ воспользовался Пильгримъ, чтобы ослабить вліяніе Арибона. Онъ поспѣшилъ короновать королеву в Ахенѣ. С той поры совершенно упало на нѣкоторое время значеніе Майнцаго архіепископа. Когда в 1031 году Арибонъ скончался, то преемникомъ его сталъ Бардонъ, совершенно ничтожный человѣкъ.

Не смотря на признаніе власти Конрада в Германіи, ему вскорѣ пришлось считаться с оппозиціей. Послѣдняя образовалась изъ Фридриха верхне-Лотарингскаго и Гоцела нижне-Лотарингскаго. Къ оппозиціи примкнулъ Конрадъ Младшій и пасынокъ короля Эрнстъ, который былъ назначенъ герцогомъ Швабіи. Они были недовольны рѣшеніемъ вопроса о Бургундскомъ наслѣдствѣ. Бургундскій король Рудольфъ III, не имѣя дѣтей, завѣщалъ Бургундію Генриху II, если послѣдній переживетъ его. Но Рудольфъ III пережилъ Генриха II. Такъ какъ договоръ имѣлъ личный характеръ, то можно было разсматривать его, какъ погашенный вслѣдствіе смерти Генриха II. Конрадъ же

имѣл другой взгляд на значеніе и силу договора, полагая, что ему перешли всѣ права предшественника. Между тѣм, Конрад Младшій и Эрнст Швабскій претендовали на Бургундское наслѣдство, ибо их матери были племянницы Рудольфа. Вмѣстѣ с тѣм вслѣдствіе родства по женской линіи на Бургундское наслѣдство претендовал французскій князь, Одон Шампанскій. Таким образом, сразу оказалось на это наслѣдство четыре претендента. Рудольф III колебался в выборѣ наслѣдника. Притязанія короля на Бургундское наслѣдство побудили Конрада Младшаго и Эрнста примкнуть к лотарингцам. Конрад II, опираясь на баварцев, отчасти на саксонцев в 1025 году достиг успѣха: Лотарингскіе князья смирились и принесли вторично ленную присягу. Конрад младшій и Эрнст, тоже должны были отказаться от своих притязаній. Конрад Младшій был лишен ленов и заключен в тюрьму, Эрнст также попал в тюрьму, гдѣ просидѣл 7 мѣсяцев. Потом оба были прощены. Но Эрнст принадлежал к числу энергичных людей. Он составил новый заговор на жизнь Конрада II. Эрнст склонял к дѣйствіям против короля своих Швабских вассалов, но тѣ отказались, заявив, что они повинуются своему герцогу настолько, насколько нужды и требованія герцога совпадают с желаніями его сюзерена — короля. Эрнст вторично потерпѣл неудачу. В 1027 году он был вторично посажен в тюрьму. Мать исходатайствовала опять ему свободу, но Эрнст не успокоился. Имѣя тѣсныя дружескія отношенія с графом Вернером, который сформировал в его отсутствіи отряды, Эрнст вмѣстѣ с ним стал заниматься чуть не форменным грабежем. Эрнст и Вернер были схвачены, осужены и казнены. Судьба их послужила темой для эпических народных сказаній, в которых личность Эрнста смѣшивается с личностью другого Швабскаго герцога, Ліудольфа, сына Оттона Великаго, по чертам нѣкотораго сходства в их судьбѣ.

С первых лѣтъ вступленія на престол, вниманіе Конрада II Лекція XI. привлекали италіанскія дѣла, потому что он, как и его предшественники, был озабочен вопросом о коронованіи императорской короной. В зависимости от отсутствія в Италіи твердой власти и от духа времени, там образовались фамиліи могущественных землевладѣльцев, обладавших правами государственной власти. Эти так называемые династы разсматривали себя, как князей, и носили титулы маркграфов. Среди этих династов выдвигаются Алдраниды, Обертины и маркграфы Туринскіе, Каносскіе и Тосканскіе. Всѣ эти фамиліи находились во враждебных отношеніях и между собою и по отношенію к другим элементам населенія, но особенно же враждебно они относились к епископам, обязанным своими каеѣд-

рами германскому правительству и поэтому всецѣло преданных интересам этого правительства. Однако враждебныя отношенія между ними обострились не до такой степени, как между епископами и населеніем. Здѣсь дѣло доходило до открытых столкновений. Причиной этого было то, что в Италіи епископы держали в своих руках как мѣстную крупную аристократію, отчасти династов, так и мелкую — феодалов. Как на характерное явленіе италіанскаго феодализма нужно указать на то, что феодалы строят свои замки и живут в самих городах. Городское населеніе уже давно волновалось, не сочувствуя зависимости Италіи от Германіи, так как уничтоженіе этой зависимости должно было привести к ослабленію епископской власти. Как только скончался Генрих II, опиравшійся на поддержку италіанских епископов, в сѣверной Италіи началось народное движеніе, явно враждебное Германіи. Так, между прочим, в Павіи был разрушен императорскій дворец. Правда, населеніе скоро спохватилось и, желая предотвратить гнѣвъ Конрада II, отправило особое посольство к королю с извиненіем и оправданіем совершившагося, но король отнесся к этому болѣе, чѣм холодно. Тогда италіанскіе династы предложили италіанскую корону Роберту II, французскому королю, а когда он отклонил предложеніе, то герцогу Аквитанскому — Вильгельму V. Послѣдній предложил ломбардцам своего сына Вильгельма. Хотя Роберт и отказался от лестнаго предложенія, но в сущности и он сам и Вильгельм V и Одон Шампанскій, всѣ они рѣшили дѣйствовать единодушно, чтобы не дать возможности Конраду усилиться. На сѣздѣ в городѣ Турѣ было рѣшено, что Роберт предпримет поход в Германію, Одон захватит Бургундію, а молодой Аквитанскій принц будет дѣйствовать в Италіи. Однако, ожиданія союзников не оправдались: Роберт был удержан от похода мѣстными дѣлами, Одон Шампанскій успѣха не имѣл, а положеніе Вильгельма в Италіи оказалось крайне затруднительным. Хотя по прибытіи в Италію, он был коронован, но епископы сохранили вѣрность Конраду II. Вильгельму при этом условіи очень трудно было упрочиться в Италіи тѣм болѣе, что он был человекъ весьма осторожный. Его сторонники требовали, чтобы он низложил всѣх сѣвероиталіанских епископов, обязанных саном предыдущему императору. Вильгельм не мог рѣшиться на такую крутую мѣру и удалился из Италіи. Хотя замыслы врагов не увѣнчались успѣхом, но положеніе дѣл в Италіи оставалось тревожным и требовало присутствія Конрада II. Поход в Италію был рѣшен и предпринят в 1026 г. По прибытіи в Милан, Конрад II короновался италіанскою короною, наказал жителей города Павіи опустошеніем его окрестностей и

предпринял ряд побочных походов, приведших к подчиненію династос сѣверной Италіи. В слѣдующем году Конрад II двинулся в Рим, гдѣ папа Іоанн XIX короновал его императорскою короною. Самый акт коронованія отличался необычайною торжественностью и пышностью. При коронованіи императора присутствовали король Канут Датскій, прибывшій на поклоненіе святыням, и Рудольф III Бургундскій. Это обстоятельство послужило к сближенію государей и заключенію дружеских договоров. С Канутом Датским было условлено о женитьбѣ сына Конрада II на дочери Канута, а также окончательно был рѣшен вопрос о Бургундском наслѣдствѣ. Рудольф III Бургундскій, колебавшійся доселѣ, теперь, сойдясь с Конрадом II, подтвердил договор, заключенный с Генрихом II. Устроивши дѣла в Римѣ, Конрад II обратил вниманіе на положеніе дѣл в южной Италіи. Там Византія обнаруживала необычайную энергію: Византійцы завоевали всю Апулію, а тогдашній император византійскій Василій II мог уже предпринять поход в Сицилію, прерванный его смертью в 1025 году. Все-таки Византійцы угрожали завладѣть Капуей, куда возвратился из Германіи Пандульф IV. Конрад оказал содѣйствіе Пандульфу и принял от него ленную присягу. Кромѣ этого, он разрѣшил норманнам поселяться в пограничных с византійскими владѣніями мѣстностях. Поход 1026—1027 гг., если и не сопровождался особенно крупными успѣхами, то все же упрочил в Италіи германское вліяніе и закрѣпил порядок, утвердившійся там со времени Оттона Великаго. В 1028 году Конрад II был уже в Германіи. В это время дѣла на Востокѣ осложнялись, что собственно и было причиной возвращенія короля в Германію.

В 1025 году умер польскій король Болеслав Храбрый и началась междоусобная борьба между его сыновьями Мечиславом и Безпримом. Первый из них одержал над братом верх и принудил его бѣжать в Кіев к князю Ярославу.

Установив снова в Польшѣ единовластіе, Мечислав обнаружил склонности продолжать политику отца: в 1028 году он опустошил Саксонію и притѣснялъ лютичей, союзников нѣмцев. Это наступленіе со стороны поляков повело к образованію союза из Чехіи, Руси и лютичей против Польши. Конрад II привлек на свою сторону чешскаго князя Ольдриха (Ульриха), мечтавшаго отобрать от поляков захваченную ими Моравію. Сын чешскаго князя Брючислав немедленно принялся отнимать у поляков моравскіе города. Ярослав, князь Кіевскій, примкнулъ к союзу, так как желал отнять Червенскіе города, захваченные еще Болеславом Храбрым. К ним присоединились и лютичи, боявшіеся за свою независимость, который, по их мнѣнію, угрожала опасность со стороны Польши. Таким об-

разом, сложился довольно разнообразный по своему составу союз. В 1029 Конрад двинулся через Лужицу в Силезию, но особенного успѣха не имѣл: все ограничилось неудачной осадой Будишина. Мечислав обнаружил не меньшія стратегическія способности, чѣм его отец: он уклонился от рѣшительнаго сраженія, заманил Конрада в глубь страны и старался стѣснить доставку продовольствія для арміи. Стѣсненный таким образом, Конрад II рѣшил возвратиться, ничего не достигнув. Может быть, он продолжал бы борьбу с Польшей со своею обычною настойчивостью, но ему помѣшали осложненныя отношенія к Мадыаріи. Виновником разрыва до нѣкоторой степени был Мечислав, искавшій в Мадыарах союзников для борьбы против многочисленных врагов. Дѣло в том, что тѣ моравскіе города, которые чехи отобрали от поляков, были большою приманкою для Мадыар. Если чехи состояли в союзѣ в Германіей, то естественно было Мадыарам склониться к союзу с Польшей. Кромѣ того, были и другія обстоятельства, которыя раздражали короля Стефана и вооружили его против нѣмцев. Границей между Мадыаріей и Германіей была небольшая рѣчка Фиш, не представлявшая надежной пограничной черты, вслѣдствіе чего приходили постоянныя нарушенія этой границы, как с той, так и с другой стороны. Главной виновницей пограничных столкновеній была баварская знать, представительница тогдашняго колонизаціоннаго піонерскаго движенія. Баварскіе землевладѣльцы вызывали колонистов из Германіи и заселяли ими земли до рѣки Фиша и за этою рѣкою. Наконец король Стефан имѣл повод негодовать на Конрада II почисто личнымъ обстоятельствомъ. Он был женат на сестрѣ Генриха II — Гизелѣ и считал справедливымъ предъявить права на наслѣдованіе Баваріи, домогаясь передачи этого герцогства его сыну, племяннику Генриха II. Конрад II не находил возможнымъ уважить эти требованія мадыарскаго короля. Все это привело к открытію военныхъ дѣйствій. Конрад II с тѣмъ же войскомъ, с которымъ ходил на Мечислава, двинулся в 1030 году к Раабу. Мадыары держались тактики поляков: они отступали внутрь страны, стараясь завлечь войско Конрада подальше и отрѣзать доставку съѣстныхъ припасовъ. Императору пришлось повернуть обратно и при отступленіи понести большой урон. Перешедшіе в свою очередь в наступленіе Мадыары взяли Вѣну. Не имѣя возможности лично продолжать начатое дѣло, император передал продолженіе войны своему сыну Генриху, а этотъ в 1031 году заключилъ миръ с Мадыарами, по которому спорная область, расположенная между рѣками Фишей, Лейтою и Дунаемъ, уступлена Мадыарамъ. В томъ же 1031 году Конрад II предпринялъ второй походъ противъ Мечислава. На этотъ разъ

он дѣйствовал болѣе успѣшно: захватил нѣсколько городов в верхней Лужицѣ и стѣснил Мечислава. Поляков тогда тѣснили со всѣх сторон: Ярослав Кіевскій тѣснил их с востока, а с запада чехи и лютичи. Положеніе Мечислава было поколеблено еще тѣм, что у его брата Безприма явились сторонники в самой Польшѣ. Предпринятый на этот раз поход увѣнчался для Конрада II полным успѣхом: Мечислав отказался от Лужицы и области Мильчан. Верхняя Лужица была присоединена к Тюрингіи, а нижняя Лужица соединена с саксонской Восточной маркой. Таким образом, германская имперія на востокъ была опять возстановлена в своих прежних границах. Партія Безприма одержала верх, и Мечислав был изгнан, а в Польшѣ сдѣлался князем Безприм, принесшій Конраду II ленную присягу. Вскорѣ, однако, Безприм погиб жертвою заговора, и в Польшѣ снова вокняжился Мечислав, вынужденный теперь признать себя вассалом германскаго императора, с обѣщаніем уплачивать большую дань, чѣм та, которую уплачивал его дѣд Мечислав при Оттонѣ Великом. Когда Мечислав в 1034 году скончался, то власть перешла к его малолѣтнему сыну Казимиру, все правленіе котораго протекло в смутах, внутренних раздорах и бесполезных войнах с сосѣдями. Польша окончательно потеряла свое значеніе в славянском мірѣ и не могла служить надежным оплотом на западѣ против нагиска со стороны германизма. Только при внукѣ Казимира Болеславѣ III Кривоустом (1102—1139) на короткое время было возстановлено политическое значеніе Польши, и возобновлены традиціи Болеслава Храбраго.

Подобныя же смуты, бывшія причиною упадка Польши, происходили и в Чехіи. Здѣсь князем был Ольдрих, союзник Конрада II в борьбѣ против Мечислава. Страх перед опасностью со стороны Польши в 1031 году исчез, а неудачи императора в борьбѣ с Мадьяріей и волненія в Бургундіи, требовавшія личнаго вмѣшательства Конрада II, внушали князю Ольдриху увѣренность в возможности достигнуть полной независимости. На Пасху 1032 года он не прибыл на сейм в Мерзебург и перестал уплачивать дань. Побѣдоносный поход сына Конрада II Генриха принудил Ольдриха к покорности. Успѣху похода содѣйствовали внутреннія смуты: соперничество Ольдриха и его брата Яромира. Ольдрих был объявлен по приговору германских князей низложенным и посажен в тюрьму, а управление Чехіей было предоставлено его брату Яромиру и сыну Брячиславу. Вскорѣ император помиловал наказаннаго князя и позволил ему возвратиться на родину, гдѣ ему была возвращена только половина Чехіи. Энергичный и суровый Ольдрих захватил своего брата Яромира и посадил его в тюрьму, предварительно при-

казав ослѣпить его. Даже собственнаго сына Брячислава он выгнал из Чехіи и стал готовиться к новой войнѣ с Германіей. Неожиданная смерть в 1034 году предотвратила открытіе военных дѣйствій. Признанный князем слѣпой Яромир отказался от власти в пользу своего племянника Брячислава, который поспѣшил признать себя вассалом имперіи и принужден был дать заложников.

С паденіем политическаго значенія Польши и ослабленіем Чехіи рѣзко измѣнилось положеніе лютичей. Союзом с ними император дорожил до тѣх пор, пока их помощью пользовался против поляков. Теперь же положеніе вещей совершенно измѣнилось. Союда лютичей саксы давно имѣли с ними мѣстные счеты, причиною которых были обоюдные пограничные набѣги. Раньше, германское правительство проходило эти споры молчаніем, не желая раздражать союзников; теперь же оно предприняло против лютичей поход. Он состоялся в 1036 году и привел к безусловному политическому подчиненію лютичей германской имперіи. Князья лютичскіе отчасти погибли, а отчасти признали свою зависимость. Успѣху борьбы с лютичами много содѣйствовали прекрасныя отношенія Конрада II с Канутом Датским. Тѣсный их союз ознаменовался брачным договором, по которому сын Конрада Генрих женился на дочери Канута Гутильдѣ, а с другой стороны, уступкой Даніи Сѣверной марки, расположенной между Эйдером и рѣкой Шлеей (Шлезвиг). Устройство восточных дѣл содѣйствовало разрѣшенію Бургундскаго вопроса. В 1032 году умер Рудольф III Бургундскій. Конрад не замедлил предпринять самыя рѣшительныя мѣры для того, чтобы завладѣть Бургундіей, на которую претендовал Одон Шампанскій. По смерти Рудольфа, Одон сейчас же поспѣшил в Бургундію, гдѣ на его сторону стали романскія области (и доселѣ в Швейцаріи рядом с германскими находятся романскіе кантоны). Конрад II тоже явился сюда и в 1033 году короновался в Цюрихѣ Бургундскою короной, был признан императором германскими округами, а отчасти и нѣкоторыми романскими. Такой успѣх Конрада II объясняется тѣм, что кандидатурѣ Одона не сочувствовал Роберт II и его преемник король Генрих I. Капетинги менѣе всего были склонны допустить, чтобы их вассал сдѣлался владѣтелем Бургундіи. Этим и объясняется союз Генриха с Конрадом II, давшій послѣднему возможность окончательно закрѣпить за собою Бургундію.

Приобрѣтеніе Бургундіи значительно усилило политическое могущество германских королей. Политика Роберта II и Генриха, правильная с точки зрѣнія династической, оказалась ошибочною с точки зрѣнія національных интересов. Для Германіи от присое-

диненія Бургундіи проистекали и другія послѣдствія. С присоединеніем Бургундіи, Ключійское направленіе с бѣльшей силой, чѣм прежде, стало распространяться в Германіи, что особенно сильно сказалось при Генрихѣ III.

Пользуясь различными политическими комбинаціями, Конрад прекрасно вел внѣшнюю политику. Не менѣе также и умѣнія он обнаружил в устройствѣ внутренних отношеній. Довольно часто высказывается мнѣніе, что Конрад II стремился к единодержавію и торжеству наслѣдственной монархіи. Оправдываемое нѣкоторыми фактами, это сужденіе о стремленіях императора является нѣсколько преувеличенным. Утверждая наслѣдственные права других князей (напр. Лотарингских), он стремился упрочить и положеніе своей фамиліи и обезпечить престол своему сыну. Так, спустя год по вступленіи на престол он в 1026 году на сеймѣ в Аусбургѣ добился того, что князья признали Генриха будущим королем, а в 1028 году короновал его в Ахенѣ. Кромѣ того, Конрад II не упускал возможности доставлять сыну выморочные лены. Так, в 1027 году он предоставил Генриху герцогство Баварское, оставшееся вакантным, но это пожалованіе было обставлено избраніем со стороны баварской знати. Когда же скончался герцог Швабскій Герман, не оставив дѣтей, то герцогство Швабское было отдано императором сыну Генриху. Однако не всегда император пользовался выморочными ленами для увеличенія владѣній своего дома, напр. по смерти Фридриха, герцога верхней Лотарингіи, он передал эту область Гоцелу, герцогу нижней Лотарингіи. Руководимый чувством личной неприязни, император лишил Адальберона, назначеннаго его предшественником герцогом Каринтіи, владѣній, обвиняя его в измѣнѣ, а герцогство Каринтійское отдал своему двоюродному брату, Конраду Младшему, имѣвшему на это герцогство наслѣдственные права, ибо отец его был также герцогом Каринтійским. Проникнутый соображеніями о пользѣ государственной, Конрад II весьма холодно относился к вопросу о церковной реформѣ: с одной стороны, он был совершенно чужд Ключійскаго направленія, а с другой — ради церковных соображеній не склонен был поступаться своими правами и доходами. Свое королевское право по отношенію к церковным должностям он разсматривал, как источник доходов для короны. Дѣйствительно, он совершенно безконтрольно распоряжался замѣщеніем епископских кафедр, вопреки каноническому праву, требовавшему непремѣннаго участія капитулов. В данном случаѣ Конрад обходил каноническое право, руководясь чисто матеріальными соображеніями: он проводил в епископы и аббаты лиц, которыя могут уплатить бѣльшую сумму

денег. Современники справедливо обвиняли императора в симоніи — торговлѣ церковными мѣстами. На ряду с этим, он не обнаруживал той щедрости по отношенію к церковным учреждениям, какую проявили его предшественники. Болѣе того, он придумал мѣры к возстановленію доменных земель, расхищенных свѣтскими и церковными князьями.

Защищая права королевской власти и государственные интересы крайне рѣшительно и твердо от каких бы то ни было покушений со стороны князей, Конрад II в своей внутренней политикѣ намѣчает пути сближенія королевской власти с другими классами населенія: здѣсь замѣчается стремленіе сблизиться с народной массой. Эта, до нѣкоторой степени, демократическая идея очень характерна для правленія Конрада II. Прежде всего император обнаруживает покровительство подвассалам. Он старается доставить им по возможности всѣ права, какими пользовались крупные вассалы, по отношенію к которым практика жизни установила уже право наследственности ленов. Крупные же вассалы не допускали этого права по отношенію к своим вассалам (королевским подвассалам). Теперь Конрад II старательно проводит принцип наследственности ленов и для подвассалов. Этим нововведеніем и объясняется несочувствіе Швабской феодальной среды к проискам Эрнста, герцога Швабскаго, выразившееся в том, что вассалы отказались помогать ему против короля. Кромѣ того, Конрад II обнаружил особое благорасположеніе к населенію городов. К этому времени, т. е. ко второй четверти XI вѣка нужно отнести первые зачатки городского движенія, и император идет на встрѣчу развитію германских городов. Он предоставляет им право рынка, монетной регалии и т. д. Мнѣнія историков, склонных видѣть в Конрадѣ государя, стремящагося к водворенію в Германіи монархическаго принципа, имѣют нѣкоторыя основанія: во всѣх странах монархическая власть всегда искала опоры и находила в сближеніи с народными массами, и в этом отношеніи правленіе Конрада II, дѣйствительно, строго монархическое.

Такая же политика, только в болѣе рѣзкой формѣ обнаруживалась в дѣлах Италіи. Там давно уже замѣчалось столкновеніе между разными слоями населенія. В средѣ командующаго класса первое мѣсто принадлежало епископам, которые обладали почти княжеской властью. Но в свою очередь епископам приходилось считаться с высшей феодальной аристократіей, состоящей из двух классов: высшій ея класс „*capitanei*“ — крупные землевладѣльцы, находившіеся в непосредственной ленной зависимости от итальянских епископов; в свою очередь „*capitanei*“ имѣли своих васса-

лов, называвшихся „*valvassores*“, которые составляли второй слой феодальной знати и соответствовали подвассалам Германии и Франции. Между этими двумя слоями феодального общества шла глухая, затаенная борьба на той, отчасти, почве, что и в Германии. „*Capitanei*“, путем усиленной борьбы с епископами, добились признания прав наследственности феодалов, причем не только за сыновьями, но даже за племенниками, „*valvassores*“ же таким правом не пользовались. Такая явная несправедливость была причиной постоянных столкновений и возстаний „*valvassores*“ против того или другого из „*capitanei*“. Так как вместе с тем в Италии происходила еще борьба епископов с городами, то поэтому здесь неизбежны были постоянные волнения и смуты. Во всяком случае, епископы, как опора государственной власти, оказывались не в силах поддерживать порядок и уважение к власти. Конраду II нужно было озаботиться доставлением императорской власти более прочного фундамента. Как дальновидный политик, он решил, воспользовавшись борьбой социальных элементов, найти среди них новых союзников. Это было тем более необходимо, что Миланский архиепископ Ариберт, один из главнейших церковных князей северной Италии, хотел распространить свою власть над всею Ломбардией, а кафедрой свою сделать патриархатом. Такие планы Ариберта заставили Конрада II предпринять поход против „*capitanei*“, как союзников архиепископа. В 1036 году он вступил в поход и в следующем был уже в Милане, но вынужден был покинуть его вследствие возстания и беспорядков в городе. Вслед за тем император созвал в Павии сейм, на котором против Ариберта были высказаны жалобы и обвинения в притеснении вальвассоров и захвате коронных имений. Ариберт не пожелал удовлетворить жалобщиков или отказаться от каких-либо владений. По приказу императора, он был посажен в тюрьму, но бжал в Милан, население которого стало на его сторону. Тогда Конрад II 28 Мая 1037 года издал закон (*constitutio de Feudis*), по которому вальвассоры получили право наследственной передачи ленов своим сыновьям, племянникам и внукам. В случае юридических столкновений между „*valvassores*“ и „*capitanei*“, дело передается на суд перов, сотоварищей „*valvassores*“ по социальному положению. Если же какая-нибудь сторона недовольна тем или иным решением, то предоставляется право апелляции к императору. Этот закон был одинаково направлен против епископов и династов, так как связь „*valvassores*“ с „*capitanei*“ чрез это делалась совершенно прозрачной. Кроме того, вальвассоры должны были приносить присягу верности на имя императора. Благодаря этим постановлениям

изданнаго новаго закона, германское вліяніе в сѣверной Италіи значительно упрочилось; заключен был тѣсный союз между императорскою властью и вальвассорами. Политическая ошибка Конрада II, помѣшавшая окончательному рѣшенію италіанскаго вопроса, состояла в том, что он упустил из виду необходимость привлечь также населеніе италіанскихъ городов, — возраставшую здѣсь впервые европейскую буржуазію. Он ничего не предпринял в этомъ направленіи и тѣмъ приуготовилъ послѣдующія затрудненія. Что касается архіепископа Ариберта, то за свое сопротивление он, с согласія папы Бенедикта IX, был низложен; а вмѣстѣ с тѣмъ пострадали еще три ломбардскихъ епископа, посланныхъ в изгнаніе в предѣлы Германіи.

Дѣла в южной Италіи требовали также нѣкотораго вмѣшательства со стороны императора. Пандульфъ IV Капуанскій проявлялъ стремленія къ достиженію самостоятельности и находился в тайныхъ сношеніяхъ с византійскимъ правительствомъ. Конрадъ II с войскомъ двинулся на Капую, но Пандульфъ послѣ непродолжительной борьбы бѣжалъ в Константинополь под защиту тамошняго императора. Капуя была отдана Ваймару Салернскому, который объединилъ в своихъ рукахъ почти всю южную Италію, кромѣ Неаполя и Беневента. Любопытно отмѣтить, что императоръ не усматривалъ никакой опасности в приливѣ нормандскихъ выходцевъ в южную Италію. Повидимому, он даже покровительствовалъ этому осѣданію норманновъ: норманнъ Райнульфъ получилъ в управленіе область Аверсы, расположенную къ сѣверу от Неаполя, в качествѣ вассала Ваймара. Несомнѣнно, что этимъ императоръ совершилъ крупную ошибку, подготовивъ созданіе в южной Италіи норманно-неаполитанскаго королевства.

По возвращеніи в 1038 году в Германію, Конрадъ II озабочился упроченіемъ положенія своего сына Генриха. Не довольствуясь предоставленіемъ сыну Баварскаго и Швабскаго герцогствъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: на сеймѣ в Бургундіи добился того, что тамошніе феодалы, еще при его жизни, избрали Генриха своимъ королемъ. Такимъ образомъ, в рукахъ Генриха, еще при жизни отца, сосредоточивалось управленіе полосой земель от рѣки Дуная до береговъ Роны. 4 Іюня 1039 года Конрадъ II скончался в городѣ Утрехтѣ и былъ погребенъ в Шпеерѣ. В лицѣ Конрада II сошелъ в могилу наиболѣе талантливый представитель франконской династіи. Онъ удачно разрѣшилъ или предусмотрительно намѣтилъ много политическихъ вопросовъ, имѣвшихъ важный смыслъ для виѣшней и внутренней жизни имперіи и обезпечилъ за своимъ потомствомъ обладаніе императорскою короною.

Сын и преемник его, Генрих (1039—1056) далеко уступал ^{Генрих III (1039—1056).} своему отцу по силѣ характера. Его правленіе, однако, может быть названо эпохой процвѣтанія государства. Время это, по сравненію с временем его отца и его сына Генриха IV, которому пришлось вступить в борьбу с папством, есть эпоха отдыха, развитія торговли и промышленности и укрѣпленія благосостоянія страны. Это обстоятельство и склоняло многих историков к мысли, что никогда в XI вѣкѣ императорская власть в Германіи не стояла так высоко, как при Генрихѣ III. Но мнѣніе это одностороннее и даже ошибочное. В сущности, Генрих III постепенно расшатывал всѣ тѣ основы политическаго могущества имперіи, которыя отчасти создал, отчасти заложил его отец, и передал своему наслѣднику дѣла далеко не в блестящем положеніи. В этом коренилась причина злоключеній Генриха IV. Такой ход царствованія Генриха III объясняется тѣм, что он был воспитан под вліяніем Ключійскаго направленія и явился на престол „корованным Ключійцем“. Понятно, что дѣятели и сторонники реформы церкви возлагали на него большія надежды. На престол Генрих III вступилъ в зрѣлом возрастѣ, 22 лѣтъ от роду (родил. в 1017 г.), и притомъ с обширным политическим опытом, который он пріобрѣлъ еще при жизни отца, будучи герцогом Баваріи и Швабіи. Никто в Германіи ранѣе не вступал на престол, обладая такими громадными матеріальными средствами, как он: в его руках сосредоточивалось непосредственное владѣніе обширными землями. Первым политическим вопросомъ, на котором могла сказаться политическая подготовленность Генриха, было столкновение с Чехіей. Брячислав, сын Ольдриха, завоеватель моравскихъ городовъ, со смертью отца и с отреченіем дяди Яромира, явился единоличным представителем власти в Чехіи. Он был человѣкъ энергичный и мечтал, подобно Святополку Велико-Моравскому и Болеславу Польскому, мечтал о созданіи великаго славянскаго государства. Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали Брячиславу. Выше мы упоминали о том, что при Казимірѣ польскія дѣла пришли в полнѣйшее разстройство. Пользуясь этим, Брячислав задумал завоевать Польшу. Предпріятіе это было проведено успѣшно: в теченіи короткаго времени он завоевал почти всю Польшу. Завладѣвши городом Гнѣздном, он приказал перенести мощи епископа Адальберта (Войцѣха) в Прагу, Успѣхи чешскаго князя в Польшѣ вызвали тревогу германскаго императора. Так как папа находился в зависимости отъ германскаго императора, то Брячислав, по настоянію Генриха, обвинен был в самовольном похищеніи святыни и отлученъ от церкви. Кромѣ того, тогда же Генрих III стал собираться на

Брячислава в поход. В 1040 году король с войском двинулся на Брячислава, но поход этот окончился плачевно. Один из германских отрядов потерпѣлъ полнѣйшее поражение, при самом вступленіи в Чехію, причем император едва спасся бѣгством. Другой, сѣверный отряд, пытавшійся проникнуть чрез Саксонскія горы, был тоже разбит. Таким образом, Брячислав в 1040 году стоялъ на высотѣ своего политическаго могущества, владѣя двумя государствами и торжествуя побѣду над нѣмцами. Но отлученіе Брячислава от церкви возымѣло вліяніе: в Польшѣ началось возстаніе. Пользуясь этим, Генрих в 1041 году собрал огромное войско и осадил Прагу. Брячислав призналъ себя побѣжденным, принес вассальную присягу, отказался от Польши и ограничился владѣніем Чехіи, Моравіи и нѣкоторою частью Силезіи.

Таким образом, если планы Брячислава создать могущественное великое славянское государство окончились неудачей, то все же соединеніем под его властью трех земель — (Чехіи, Моравіи и Силезіи) была положена основа для послѣдующаго могущества Чешскаго государства.

— Est.
A-13 173

15022

